

Министерство природных ресурсов и экологии РФ
Делегация Европейского Союза в РФ
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2016

«Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности»

Сборник материалов
VIII Международной научно-практической конференции

Архангельск
2017

УДК 502.17(470.11)(82)+72(470.11)(082)
ББК 28.088л64(2Рос-4Арх)я431+85.113(2Рос-4Арх)я431
К35

Ответственный редактор – *Е.Ф. Шатковская*
Составитель – *М.Н. Мелютина*
Печатается по решению научно-методического совета
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»»

К35 Кенозерские чтения – 2016: «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности»: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции / сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»». – Архангельск, 2017. – 460 с.: ил.
ISBN 978-5-903625-27-7

В сборнике материалов VIII Международной научно-практической конференции «Кенозерские чтения», состоявшейся 18–23 августа 2016 года, опубликованы статьи исследователей из ведущих университетов, музеев-заповедников, национальных парков, научных центров России, Словакии, Эстонии, Италии, Норвегии, представителей российских органов государственной власти, общественных организаций, посвященные вопросам сохранения целостности исторического облика сельских поселений в условиях современности. Наряду с исследованиями представлены и прикладные материалы, отражающие проблемы правового характера, касающиеся создания достопримечательного места, проектирования зон охраны территорий и пр. В издание также вошли публикации, посвященные культурным ландшафтам Кенозерского национального парка.

Издание предназначено для сотрудников заповедников, национальных парков, музеев и музеев-заповедников, специалистов, изучающих вопросы сохранения архитектурных памятников в традиционном культурном ландшафте.

УДК 502.17(470.11)(82)+72(470.11)(082)
ББК 28.088л64(2Рос-4Арх)я431+85.113(2Рос-4Арх)я431

ISBN 978-5-903625-27-7

© Мелютина М.Н., составление, 2017
© ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», 2017
© ООО «Партнер НП», 2017

Кенозерский национальный парк: спасти, сохранить, показать, вовлечь, передать

25 лет назад был создан Кенозерский национальный парк. Для ученых же Кенозерье «открылось» еще в середине XIX века. Представители многих областей знаний в разные годы нашли здесь благодатную почву для исследований. Александр Федорович Гильфердинг («Онежские былины»), Иван Степанович Поляков («Три путешествия по Олонецкой губернии»), Карп Андреевич Докучаев-Басков («Подвижники и монастыри Крайнего Севера»), Михаил Андреевич Ильин («Крестьянская изба Кенозера»), Петр Иванович Кеппен («Озера и лиманы Российской империи»), Александр Александрович Иностранцев, изучавший геологию Кенозерья, – лишь неполный список тех, кто раскрыл удивительно глубокий мир народных обычаев и традиций, архитектурных особенностей, былин и преданий, сделал первые шаги в описании социальных и естественно-географических условий территории.

Невозможно переоценить значимость результатов исследований, которые почти через столетие, безусловно, стали мощным стимулом к заповедованию этой территории.

Но, как у нас принято, потребовалось несколько десятилетий напряженных усилий ученых, архитекторов, географов, искусствоведов, историков, общественных деятелей, рекомендаций Министерства культуры РСФСР, поручений Совмина РСФСР, чтобы, наконец, были приняты меры по сохранению природного и культурного наследия Кенозерья. В ходе экспедиций ведущих музеев Архангельской области и Архангельского педагогического института в 1980-х годах проведено детальное обследование территории планируемого национального парка. Результатом стал подробный отчет в четырех томах, включающий в себя физико-географическую, социально-экономическую и демографическую характеристики, этнографическую, археологическую, историко-культурную проблематику. Он стал базой для подготовки обосновывающих создание национального парка материалов.

Только в декабре 1991 года вышло Постановление Правительства РФ № 84 «О создании государственного природного национального парка «Кенозерский». Но это был всего лишь документ, предстояла огромная работа по его реализации.

Мы получили территорию с незавершенными границами, а потому незащищенную от техногенного влияния, прежде всего лесозаготовок за границами парка, на его экосистемы. Все крупные болотные массивы, питающие озера и реки Парка, а также сохранившиеся участки коренных среднетаежных

лесов оказались за его пределами. Достаточно сказать, что только 6% водосборного бассейна Кенозера приходится на территорию Парка. За границами Парка осталась и уникальная водораздельная территория Лёкшмох, имеющая чрезвычайное значение для экологического равновесия экосистем Парка и водосборных бассейнов рек Онеги, Кены, озер Лача, Лекшмозеро и Кенозеро. И если бы не был создан Кенозерский национальный парк, то в его каргопольской части уже к 2001 году лес, переданный подразделениям Министерства обороны, был бы уже полностью вырублен. А как живут бывшие лесозаготовительные поселки, когда лес кончился и работы нет, хорошо известно. К сожалению, наши неоднократные попытки расширить территорию Парка либо создать на прилегающих территориях ландшафтные заказники, пока не увенчались успехом.

1990-е – тяжелые годы: кризис, и не только в экономике, массовая безработица, крушение представлений о совсем еще недавно понятном будущем. Кажется, что нет никаких перспектив развития. Ни у нас, ни у органов местного самоуправления, ни у местных жителей не было никакого опыта работы в новых условиях. Сохранение наследия уже мало кого волновало, потому что важнее всех других стала проблема выживания. Стратегию нашего развития в эти годы определяли вызовы нового времени.

Но оказалось, то, что мы делали в 1990-х годах еще до появления первых стратегических планов, менеджмент-планов, программ развития, мы делали в нужном направлении. И с самого начала ориентация на местных жителей была в основе всех наших действий (ил. 1).

Мы взяли на свой баланс все памятники архитектуры и стали безо всякой поддержки заниматься их реставрацией, несмотря на то, что это было совсем не типично для природоохранного учреждения. Вопреки всему мы спасали то, что находилось практически на грани исчезновения, не осознавая еще, что этот вид нашей деятельности исходит из общей мировой тенденции единства природного и культурного наследия. Кроме этого, памятники являются очень значимым элементом духовной жизни местного населения (ил. 2).

В 1994 году по просьбе местных жителей мы создали в структуре Парка сельскохозяйственное предприятие с 570 головами крупного рогатого скота для того, чтобы избежать массовой безработицы в Каргопольском секторе. В то время мы еще не знали, что именно сельскохозяйственная деятельность спасает главный компонент культурных ландшафтов – открытые пространства. Тогда про культурные ландшафты в стране еще никто не говорил. При этом все земельные паи люди передали Парку, что в дальнейшем позволило не допустить их приватизации. Да, на каком-то этапе мы прекратили эту деятельность, захлебнувшись в жуткой нехватке финансовых средств и других проблемах; но сегодня сохранение сельского хозяйства на территории – наша важная задача. Только методы уже другие (ил. 3).

Мы выкупали старинные крестьянские дома в разных деревушках, не имея никаких средств на их реставрацию, но, очевидно, уже тогда догадывались о том, что когда-то они станут самым привлекательным элементом инфраструктуры гостеприимства, а, кроме этого, что тем самым сможем сохранить исторический облик деревень.

Мы создавали Общественные советы, рабочие места, всячески помогали местным жителям, пытаясь сделать их союзниками и помощниками тогда, когда еще не было даже понятия «устойчивое жизнеобеспечение местного населения».

Можно и дальше продолжить этот перечень. Мы не только выстояли в эти годы практически без адекватной поддержки государства, но и исхитрились вытаскать за собой умиравшие деревни. К сожалению, не все. И первым объектом, который Парк построил на своей территории, стал не офис, не гостевой дом, а школа в деревне Усть-Поче с полным инженерным обустройством. По сей день содействие развитию социально-бытовой и инженерной инфраструктуры является важнейшим аспектом нашей деятельности.

В отношении самых разных направлений работы нашего Парка можно сказать «впервые» и «единственный». Получилось, что мы работали на опережение, сами этого не осознавая. И еще всей нашей команде помогал неиссякаемый дух оптимизма и отчаянная вера в то, что у нас все получится, несмотря на то, что для такой уверенности не было никаких объективных предпосылок. Мы прошли очень непростой путь, чтобы сформулировать сегодняшние наши основные управленческие приоритеты, отвечающие вызовам нового жесткого рационального времени. Это не значит, что в дальнейшем они не будут меняться: будут другие вызовы времени – будут другие решения.

Специфика нашего Парка – *обеспечение сохранности и полноценного развития всех видов наследия* (ил. 4). Масштабная деятельность по сохранению культурного наследия, и материального, и нематериального, – особенность нашего Парка. Работы по реставрации, консервации и ремонту объектов культурного наследия не прекращались ни на один год. Нам потребовалось ровно 10 лет с момента создания, чтобы привлечь внимание Министерства культуры России к проблеме сохранения культурного наследия Кенозерья. За это время полностью отреставрирован 21 памятник архитектуры, на 18 проведены противоаварийные и консервационные работы.

Неоценимую помощь в спасении многих памятников архитектуры Кенозерья оказало Правительство Норвегии. В конце 1990-х – начале 2000-х годов были полностью восстановлены пять часовен. В 2014–2015 годах в рамках проекта «Деревянная архитектура в культурном ландшафте Кенозерья. Мониторинг и поддержание» проведены консервационные и противоаварийные работы на трех деревянных церквях Кенозерья, находящихся в аварийном состоянии. Очень важно, что все они были выполнены местными плотниками (ил. 5).

Одним из самых интересных и сложных объектов стала Гужовская мельница на Левусозере, также восстановленная в рамках российско-норвежского сотрудничества. Не было никаких архивных материалов, не у кого было учиться, и только благодаря сохраненной памяти местных старожилов специалисты смогли восстановить мельничный механизм. Реставрация объекта началась в 2002 году, а в 2006-м на месте руин был торжественно с соблюдением всех традиций и обрядов открыт мельничный комплекс. Гужовская мельница – первая на Северо-Западе России восстановленная действующая водяная мельница XIX века.

Прорывом в реставрации памятников деревянного зодчества стало принятие федеральной и областной программы «Культура Русского Севера» (2006–2011 гг.). Огромная заслуга в этом принадлежит Т.М. Гудиме, которая, будучи советником министра культуры Российской Федерации, сумела объединить вокруг себя единомышленников, пройти все стадии согласования, поднять тему деревянного зодчества России на высокий государственный уровень.

Главным подарком на наше 25-летие стало открытие Порженского погоста (XVIII в.) после реставрации. Пожалуй, впервые в России за последние годы реставрация памятника деревянного зодчества такого масштаба была не только начата, но и завершена. При этом надо учесть, что работы проводились в условиях бездорожья, а до ближайшего населенного пункта, где есть электричество, – 14 километров (ил. 6).

Но уникальность этого события не только в этом. Финансирование реставрационных работ осуществляло Министерство природы по прямому распоряжению президента Российской Федерации В.В. Путина. Деньги получал Парк, он выступал заказчиком этих работ, а Министерство природы не требовало немедленного освоения этих средств. И это означало, что мы могли выверять каждый свой шаг. Когда потребовалось уточнение некоторых проектных решений, работы были остановлены на год, чтобы провести дополнительные исследования. Вместо трех отведенных лет реставрация продолжалась 4,5 года. Уже примерно 100 лет обезлюдевшая деревня Порженское не видела такого количества гостей, как на открытии и освящении Георгиевской церкви. Многочасовой трудный путь прошли три сотни человек, чтобы увидеть свою возрожденную святыню. На торжественном мероприятии присутствовал министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации С.Е. Донской и губернатор Архангельской области И.А. Орлов. Водосвятный молебен совершил митрополит Архангельский и Холмогорский Даниил. Впервые на практике была реализована концепция единства природного и культурного наследия и преодолена ведомственная разобщенность (ил. 7, 8).

Работы на другом памятнике федерального значения – уникальном ансамбле-«тройнике» Почезерского храмового комплекса XVIII века будут завершены

в 2017 году. Здесь в 2002 году впервые в нашей стране российские и норвежские плотники-реставраторы осуществили уникальную операцию по подъему 200-тонной летней шатровой церкви 1700 года постройки с помощью технологии лифтинга и замены венцов в теле памятника, не прибегая к его раскатке. В колокольне и трапезной разместится экспозиция «Почезерский погост: история, архитектура, приход» (ил. 9).

Важный вопрос – текущее поддержание памятников архитектуры регионального значения, а у нас их большинство. Имея довольно ограниченные человеческие и материальные ресурсы для решения этой задачи, мы ищем различные возможности и пути их решения. Один из них – привлечение международных волонтерских десантов. За три года выполнен ремонт 13 памятников архитектуры (ил. 10).

Не менее важная задача – сохранение движимых памятников. Наш Парк единственный в заповедной системе, в структуре которого создан музейный фонд, насчитывающий свыше 10 тыс. предметов. Особое место в нем занимают знаменитые кенозерские «небеса» – образцы монументальной живописи в деревянных храмах, аналогов которым нет в мире. У нас расположена одна из самых уникальных и больших коллекций «небес» в России – 17 комплексов.

Однако есть еще нематериальное наследие. И чтобы не получилось так, что мы в архивах будем изучать исчезнувшие традиции, необходимо сохранять эти традиции и поддерживать тех коренных жителей, которые владеют редкими на сегодняшний день знаниями, навыками, умениями. Ради этого Парк на протяжении многих лет ведет работу по сохранению и возрождению традиционных промыслов и ремесел, фольклорных традиций, обрядов и праздников.

Конечно, сохранять памятники архитектуры важно, но вряд ли они будут интересны посетителям, если их будут окружать дома коттеджного типа. На наших глазах красота может бесследно исчезнуть, если наши деревни, воспетые великими отечественными учеными, превратятся в безликие дачные поселки. И это то, что нас волнует и тревожит в настоящее время больше всего. Ключевой вопрос – останется ли деревня деревней, сможем ли мы сохранить дух места, образ живой территории? Без архитектурной среды не сможем. Приспособливать ландшафт под застройку – это еще и экономическая ошибка (ил. 11).

Проблема сохранения традиционной застройки есть и в Европе, особенно Восточной. Там ее пытаются решать разными способами: финансовой поддержкой, разъяснительной работой, организацией курсов, демонстрацией отрицательных примеров, калечащих ландшафт, помощью в реставрации и т.д. Нам тоже надо идти по этому пути. В конце концов, можно понять людей, использующих сайдинг и пластиковые окна, – они дешевле. Наверное, нам стоит подумать о частичном возмещении затрат на использование традиционных материалов.

Сохранение архитектуры является ресурсом развития любой территории. Опыт многих зарубежных стран показал, что лучший способ сберечь деревянную архитектуру – включить старые здания в городскую и сельскую жизнь. В них живут люди, находятся музеи, рестораны, офисы, мастерские, досуговые учреждения. Да, такие здания содержать трудно, но они повышают престиж городов и сел. Для этого необходимо понимание властями ценности исторической среды, поиск пути ее сохранения, просвещение населения и бизнеса.

Несмотря на то, что в Кенозерском национальном парке многие жители проявляют уважение к местным архитектурным традициям, к сожалению, постройки, разрушающие исторический облик и планировочную структуру деревень, появляются и здесь. Высокие или изломанные крыши, слишком яркие цвета кровли или внешней обшивки дома, сплошные заборы... Один такой элемент способен значительно исказить общий облик деревни, свести на «нет» архитектурную ценность соседних домов, старания и вкус их обладателей.

Чтобы остановить этот процесс, сотрудники Парка с привлечением высококвалифицированных специалистов и работников муниципальных образований при финансовой поддержке Евросоюза разработали Правила землепользования и застройки (ПЗЗ), которые стали реально работающим правовым механизмом, способным защитить заповедную территорию. В России это первый подобный опыт.

Эта работа имела свои особенности и этапы. Специалистами МГУ им. М.В. Ломоносова проведен подробный визуальный анализ населенных пунктов с выявлением видов застройки, типов ландшафтов и режимов ухода за ними. Результаты исследований представлены в виде слоев геоинформационной системы. Одновременно специалисты фонда «Поддержка памятников деревянного зодчества» (Москва) выполнили графический анализ визуальной структуры ландшафтов и планировки поселений. Прделанная работа позволила приступить ко второму этапу. Была разработана карта градостроительного зонирования с разделением населенных пунктов на территориальные зоны (ил. 12). Помимо типовых зон включены зоны объектов отдыха и туризма, природного ландшафта, объектов религиозного и культурного значения и т.д. И, наконец, на третьем этапе разработаны градостроительные регламенты (основа ПЗЗ), где подробно прописаны планировочные, объемно-пространственные ограничения, требования к объектам строительства с указанием возможных строительных материалов, типов строений, крыш, цветовых решений фасадов, ограждений и т.д. Важным приложением к ПЗЗ стал набор эскизных проектов традиционных жилых и хозяйственных построек, рекомендованных к возведению на территории Парка. И, конечно, ведется постоянная разъяснительная работа с местными жителями.

Культурное и природное наследие связывают *культурные ландшафты*. Их сохранение – еще один наш управленческий приоритет. Неслучайно в 2014 году

культурный ландшафт «Заповеданное Кенозерье» включен в Предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Еще каких-то 25 лет назад Кенозерье было известно лишь узкому кругу ученых и специалистов, а сегодня перед нами стоит, не побоюсь этого слова, историческая задача – войти в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (ил. 13).

Всего этого могло бы не быть, и мы бы, возможно, наблюдали естественный ход природных процессов, когда лес отвоевывает все новые рубежи, если бы не встреча, а потом уже дружба и партнерство с Ю.А. Ведениным, основателем Российского НИИ культурного и природного наследия, и его сотрудниками. В результате многолетней совместной работы, опять же впервые в России, разработана типология и классификация культурных ландшафтов Кенозерского национального парка, выполнена привязка к местности, дана характеристика культурного ландшафта как объекта наследия в различных аспектах, разработана принципиально новая система организации территории Парка, при которой культурные ландшафты являются комплексным объектом управления.

Понимая, что для сохранения культурного ландшафта в полном объеме нет уже демографических и экономических возможностей, мы совместно с учеными из России и Норвегии приступили к разработке планов управления приоритетными культурно-ландшафтными комплексами. В них определяется перечень и периодичность выполнения работ по поддержанию ландшафтов, учитываются лесотехнический и эстетический аспекты, сохранение биоразнообразия. Уже два года подряд сотрудники Парка восстанавливают открытые пространства Масельгско-Гужовского культурно-ландшафтного комплекса, а в этом году в поддержании культурных ландшафтов деревни Зехнова впервые участвовали волонтеры. И эта практика будет продолжена.

В пересмотренной нами концепции поддержания и использования культурных ландшафтов акцент ставится не столько на получение сельскохозяйственной продукции, сколько на предоставление ландшафта с использованием старинных методов природопользования и бытового уклада в качестве турпродукта. Например, большие надежды мы связываем с реализацией проекта «Модельное сельское подворье», в рамках которого заканчивается обустройство старинных домов в двух деревнях. Семьи, которые будут в них проживать, смогут оказывать целый комплекс туристических услуг, содержать домашний скот, что самым благоприятным образом скажется на состоянии ландшафта.

Деревня в России практически повсеместно теряет людей, происходит отток самой грамотной и молодой части населения. Как, если не преодолеть в полной мере, то хотя бы приостановить этот процесс? Только через *сохранение коренного населения* – это и есть вектор развития нашего Парка, потому что именно местное население – главный носитель культурных ценностей и историче-

ской памяти. Все эти годы у нас не было более важной задачи, чем сохранение жизни в деревне (ил. 14).

Мы пытаемся выстраивать диалог с местными жителями через разные формы работы: от попытки решать за них все их проблемы в 1990-х до понимания того, что нужно заинтересовать население в развитии местной экономики, вовлечь в управление территорией на условиях равноправного партнерства.

В какой-то момент мы поняли, что наши инициативы не находят у людей поддержки. Территориальное общественное самоуправление (ТОС) перестало играть заметную роль в жизни деревень. Реально работающими остались два ТОС, с одним из которых – «Искорки надежды» в Каргопольском секторе Парка – мы активно взаимодействуем, в том числе и в совместном использовании экотропы «Тропа раздумий». Что-то пошло не так. Скорее всего, стало слишком много «инициативы сверху», все решения предлагал Парк. Понятно, что задача социально-экономического развития осталась, но дело в том, что понадобились другие инструменты решения.

Одним из таких инструментов стал семинар «10 шагов к успешному проекту», который состоялся в Парке в январе 2016 года. Три дня жители Кенозерья при поддержке экспертов в области проектирования и развития сельских территорий, а также активных участников ТОС из 13 районов Архангельской области работали над своими проектами, учились ставить цели и задачи, формулировать проблемы, планировать расходы. Итогом семинара стали пять проектов для четырех деревень на территории Парка, два из которых получили финансирование Парка, один поддержан в рамках другого конкурса. Неожиданным итогом семинара стало создание первого ТОС «Летучий корабль» в Вершинино – административном центре Плесецкого сектора.

Местные жители – неперенные участники всех наших проектов. Пожалуй, одним из самых успешных и устойчивых можно считать проект «Использование недревесных ресурсов леса как альтернативный источник доходов населения в сельской местности». Для местных жителей проводятся обучающие семинары, стажировки, мастер-классы лучших российских и зарубежных специалистов. Новое направление – выделение мини-грантов на поддержку разработанных жителями проектов (ил. 15).

Ключевым вызовом для любой территории является отток молодежи. Безусловно, наличие работы – очень важный фактор, но не менее значимыми являются культура, образование, здравоохранение. Хочется отметить, что в отношении обеспеченности культурными мероприятиями нашим жителям может позавидовать большинство горожан. Выступления ведущих театров Архангельска, лучших музыкальных коллективов – все это совершенно бесплатно и регулярно предлагается жителям Кенозерья.

В 2014 году мы начали новый долгосрочный проект «Заповедное Кенозерье – территория здоровья». Почти 1300 местных жителей за два года бесплатно прошли

обследование у лучших медиков Архангельска. Социальное значение этого проекта оказалось просто неизмеримым, а реакция жителей – самой положительной.

Чем мы действительно можем гордиться, так это созданием и, несмотря на проверки и суды, все-таки успешным функционированием фонда микрозаймов для местного населения. На 1 августа 2016 года выдано 269 займов на общую сумму 15 245 000 рублей.

Совершенно очевидно, что сегодня местные жители от полного непринятия идеи национального парка в начале 1990-х постепенно приходят к пониманию выгоды сохранения наследия. В подтверждение приведу один показательный пример. Жители Кенозерья, обеспокоенные перспективой скупки сельскохозяйственных паев и появлением дач наших небедных сограждан, предложили безвозмездно передать Парку свои земельные паи. При этом мы отказались от безвозмездной передачи, инициировали процедуру выкупа и межевания сельскохозяйственных земель, представляющих интерес для Парка, у 52 пайщиков. Это дорогого стоит, такая вера в Парк и есть один из итогов нашей многолетней работы с населением.

К сожалению, нормотворческая деятельность наших очень далеких от реальной жизни законодателей, ущемляющая права местных жителей, создает поле для конфликтов. В частности, они лишены приоритетного права на традиционные виды природопользования, которые на протяжении столетий определяли их жизненный уклад, ставший одной из причин заповедования территории (ил. 16).

Ужесточение законодательства может закончиться вытеснением коренного населения, исчезновением традиций, утратой ценности наследия и подлинности исторических территорий. Это будут места для массового туризма и отдыха, производство симулякров места, истории, памяти.

Охрана наследия эффективна тогда, когда она становится престижным делом, понятным и экономически выгодным для местных жителей. Конечно, Парк не может обеспечить рабочими местами всех. Для устойчивого функционирования территории необходимы различные способы и методы поддержки населения. Одним из самых эффективных экономических механизмов поддержки населения и сохранения наследия является туризм.

В современном мире на смену «экономике услуг» приходит «экономика впечатлений», потому что у современного человека велика потребность прикоснуться к своим корням. Здесь важно все: инфраструктура гостеприимства, социальная среда, образ жизни людей. Самое главное – не утратить подлинность, которая значительно повышает ценность наследия.

На сегодняшний день система размещения туристов включает гостиницы и гостевые дома, лесные приюты, туристические стоянки с единовременной вместимостью 1365 человек. Мы стараемся создать в интерьерах атмосферу домашнего деревенского уюта, используя воспроизведенные или подлинные предметы крестьянского быта (ил. 17).

С участием местных жителей возрождаются праздники народного календаря на основе локальных традиций и тщательного изучения этнографических материалов. Например, прежде чем масштабный Фестиваль традиционных знаний и традиционная Успенская ярмарка стали брендами Парка, была проделана большая научная и организационная работа. Очень важно, что это – не просто концертно-ярмарочные площадки, но глубокие по содержанию и разнообразные по формам проведения образовательные мероприятия, в первую очередь для сельских жителей.

Украшением туристического предложения Парка являются интерактивные этнографические программы и мастер-классы, разработанные совместно с местными жителями. Они, как никакие другие формы работы с посетителями, сочетают в себе два важных компонента – обучение и развлечение (ил. 18).

О своем наследии мы рассказываем в музеях, информационных и визит-центрах. Очень важно то, что в экспозициях мы представляем не просто наследие территории, а прежде всего людей, и потому посетители Парка постигают еще и человеческую ценность территории, а местные жители начинают ею гордиться. Всего у нас 15 музеев, экспозиций, этно-ландшафтных театров.

Пространством памяти и диалога между поколениями стал единственный в России музей эпического наследия «В Начале было Слово», который будет открыт в рамках конференции «Кенозерские чтения – 2016». Четыре года мы напряженно работали над его созданием. Задача – показать то, что пели и говорили устно, – была очень сложной. За это время проделана колоссальная работа: выявлены целые династии сказителей, открыты новые имена ученых-исследователей, оцифрованы сотни метров старых пленок 1950–1970-х годов с записями сказителей из фонограммархивов Пушкинского Дома, Петрозаводской консерватории, Института мировой литературы РАН, лаборатории фольклора МГУ. Были сняты специальные постановочные сюжеты, мы получили уникальные документы, книги, фотографии и от частных владельцев, институтов РАН, музеев, и, конечно, от местных жителей. Их помощь была бесценной. В нашей новой экспозиции мы активно применяем современные мультимедийные технологии, которые помогают погрузить посетителей в атмосферу события, заставляют переживать (ил. 19).

Продолжением музейных экспозиций являются экологические тропы, именно на них происходит погружение в среду. При их обустройстве мы активно используем сочетание традиционных приемов с этнографическими реконструкциями. Например, «Тропа предков» протяженностью 15 километров стала этноландшафтной экспозицией под открытым небом, на которой демонстрируются элементы традиционного природопользования местного населения. В 2015 году на ней появился информационный центр «Лесное отходничество». Сегодня в Парке семь экотроп и семь экскурсионных маршрутов общей протяженностью 283 километра (ил. 20).

Безусловно, развитие туризма на основе традиционной народной культуры должно приносить *и материальную и моральную выгоду коренному населению* – это один из главных экономических приоритетов Парка. Уже сегодня жители имеют дополнительный доход от реализации сельскохозяйственной, сувенирной продукции, проведения мастер-классов и этнографических программ. 93 вида сувенирной продукции под фирменной маркой «Дары Кенозерья» успешно реализуются в сувенирных лавках Парка, на различных ярмарках. В туристическую деятельность вовлечены не только взрослые жители Кенозерья, но и дети – участники двух Школ юного экскурсовода Парка. В 2015 году наши юные экскурсоводы провели 75 экскурсий для более чем 1280 человек (ил. 21).

Надо отметить, что работе с детьми Парк уделяет огромное значение. Наша задача – воспитать, по определению М.Б. Пиотровского, сложного человека, который понимает красоту и полезность различного. Один из инструментов решения такой задачи – проведение детских экологических лагерей, юношеских Ломоносовских чтений, юношеских плотницких курсов, работа Школ юного экскурсовода и др.

И, конечно, мы стараемся помогать тем, кто слабее и незащищеннее нас. Важным мы считаем развитие социального туризма. В Парке реализуются такие социальные проекты, как «Кенозерское Детство» для воспитанников детских домов, «Кенозерское ДеДство» для одиноких людей из домов престарелых и инвалидов, «Друзья для Друзей» для молодежи с ограниченными возможностями здоровья (ил. 22).

Наши инициативы вышли далеко за рамки и территориальные границы Парка. Парк стал центром притяжения и площадкой взаимного обмена для самой широкой российской и зарубежной аудитории: профессиональных сообществ, органов власти и управления всех уровней, гражданского общества. Состоявшийся в июне 2016 года визит в Кенозерский национальный парк г-на Хан Чунли, руководителя Отдела экологии и наук о земле, секретаря Программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ), имел важное значение для всех российских биосферных резерватов ЮНЕСКО. Гостя впечатлил масштаб работы Кенозерского биосферного резервата не только в деле охраны природы, экопросвещении и развитии туризма, но и в сохранении культурного наследия, особенно нематериального. Он отметил, что *внимание, уделяемое работе с местным населением, достойно лучших биосферных резерватов мира* (ил. 23).

За 25 лет нам в значительной степени удалось внедрить принцип территориальной охраны наследия, о чем научная общественность страны мечтала еще в 1970–1980-х годах. И, по моему глубокому убеждению, именно национальные парки являются оптимальной формой организации территории, потому что охватывают сами объекты наследия, среду, в которой они существуют, духовную культуру исторических мест, человека как носителя наследия.

А впереди нас ждет уже другая история. Приказом министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 22 июня 2016 года к Национальному парку «Кенозерский» путем реорганизации присоединен Национальный парк «Онежское Поморье». Огромная территория площадью 201 тыс. гектар на побережье Белого моря требует приложения больших усилий для сохранения остатков живой поморской культуры.

Наша задача – приблизиться к созданию модели разумного сосуществования человека и окружающей среды, в которой будут гармонично взаимодействовать традиции и новые технологии, историческая память и современные знания, изучение, сохранение и бережное использование природного и культурного наследия Русского Севера (ил. 24).

*Е.Ф. Шатковская,
директор Кенозерского национального парка*

**Сохранение традиционной архитектуры
и исторической застройки:
правовые аспекты и современные решения**

*И.С. Агафонова
(г. Нижний Новгород)*

**Культурно-ландшафтный комплекс
«Озеро Светлояр и село Владимирское».
Предмет охраны достопримечательного места
и градостроительный регламент**

Культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр и село Владимирское» получил статус объекта культурного наследия – достопримечательного места в начале 2015 года (Постановление Правительства Нижегородской области № 17 от 20.01.2015 г.). Таким образом, была юридически закреплена значимость этой уникальной территории ассоциативного ландшафта, связанного с представлениями о невидимом граде Китеже, для культурного пространства России.

Основанием для нормативного правового акта послужили исследования по выявлению историко-культурной, ландшафтно-исторической и ландшафтно-экологической ценности территории, проведенные в основном в 2012–2013 годах специалистами научно-исследовательского предприятия «Этнос» под руководством архитектора И.С. Агафоновой и историка А.И. Давыдова. При этом были разработаны критерии оценки достопримечательного места, определены его границы, описаны части и элементы, подлежащие охране и сохранению.

Утвержденный приказом по Управлению государственной охраны объектов культурного наследия предмет охраны достопримечательного места – это описанные сухим, четким языком параметры объекта культурного наследия, которые в совокупности своей определяют образ территории и «дух места». Именно они должны быть сохранены при любой возможной здесь хозяйственной и строительной деятельности.

Определение предмета охраны – важная составляющая, предшествующая разработке документа, регулирующего характер использования различных участков территории и устанавливающего ограничения и требования к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству, – градостроительного регламента.

Поскольку культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр и село Владимирское» состоит из двух основных частей – находящихся в черте села и за ее пределами, то предмет охраны имеет свои особенности для каждой из этих частей (ил. 1).

© Агафонова И.С., 2017

Для природно-ландшафтной зоны к предмету охраны отнесены основные композиционные элементы ландшафта (озеро Светлояр с его береговыми склонами и памятными холмами; березовая аллея, ведущая к озеру; ручей-ключ Кибелек с Георгиевской купальней; лесные массивы; луговые пространства и земли сельхозназначения); планировочная и объемно-пространственная структура местности, включающая основные композиционно-планировочные узлы и оси (направления дорог, «тропы паломников», особенности рельефа местности и старый Семеновский тракт); пейзажи (конкретные виды и панорамы), открывающиеся с главных точек восприятия природного и культурного ландшафта и определяющие выразительность архитектурно-художественных образов. К предмету охраны относятся и знаковые материальные объекты культурного ландшафта, причем не только и не столько конкретные объекты (камень-следовик, углубление в котором почитается, по народному поверью как след, оставленный Пресвятой Богородицей), сколько параметры объектов: местоположение, основные габариты, строительный материал (дерево, сруб) Казанской церкви, возведенной в 2001 году на основании распоряжения губернатора Нижегородской области от 1996 года и отмечающей место бывшей здесь в XIX – начале XX века часовни. Аналогично трактуется и способ охраны и сохранения поклонных (православных и православных старообрядческих) крестов вокруг озера, крестов, отмечающих могилы Трех Святых Старцев: местоположение объектов, материал изготовления – дерево, основные габариты крестов (в пределах существующих), тип крестов (восьмиконечные).

К сожалению, за пределами утвержденного предмета охраны остались два пункта, первоначально нами обозначенные, но вызвавшие некоторое непонимание в связи со сложностями их юридического толкования и необходимостью дополнительных подробных разъяснений:

- звуковая палитра культурного ландшафта: естественные звуки живой природы, преобладающие звуки тишины, имеющие особое значение в связи с преданием о колокольных звонах, доносящихся со дна озера Светлояр;

- традиционные способы поддержания сакрального смысла культурного ландшафта: религиозные праздники и обряды, крестные ходы вокруг озера, устройство деревянных поклонных крестов.

К предмету охраны территории в пределах поселковой черты села Владимирского (ил. 2) отнесены следующие объекты и параметры:

- планировочная структура села, включая трассировку и линии застройки улиц Советской, Первомайской, Пролетарской, Октябрьской, Школьной, Культуры; местоположение общественно значимых участков планировочной структуры и пространственных доминант, их градостроительное и функциональное назначение (дамба и определяемая ее местоположением поперечная улица, пересечение ее с улицей Советской – «Кресты»); территория объекта культурного наследия – Владимирской церкви; историческая территория Ни-

кольской церкви; зона общественно-культурного назначения между улицами Советской и Октябрьской со сквером, Домом культуры, многофункциональным общественно-культурным центром; зона культурно-образовательного назначения с историко-художественным музеем «Китеж», детским центром творчества «Китеж» с выставочным залом, посвященным керамике); усадебная структура жилой застройки (индивидуальные жилые дома с приусадебными участками); масштаб застройки; тип организации уличного фронта: постановка домов по красным линиям улиц либо с отступом от них и организацией палисадников;

– объемно-пространственная структура села, включая ее элементы – масштабные и силуэтные характеристики исторической застройки; система высотных доминант (Никольская и Владимирская церкви, пожарная каланча с водонапорными баками), составляющая пространственно-видовой каркас села;

– местоположение, историческая (проектная) объемно-пространственная структура, архитектурное решение фасадов, подлинные архитектурные детали фасадов исторически ценного градоформирующего объекта – Никольской церкви (ул. Советская, 5);

– местоположение, существующая и/или историческая объемно-пространственная структура (с возможностью реконструкции с возведением пристроев в дворовой части), общий исторический архитектурный облик, подлинные ценные архитектурные детали фасадов, историческая форма крыши и традиционные кровельные материалы, историческая система покраски и цветовое решение исторически ценных градоформирующих объектов (далее следует перечисление ценных по своим архитектурно-художественным, историческим и другим параметрам конкретных объектов историко-градостроительной среды);

– образные, типологические и стилистические характеристики исторической застройки – типологические характеристики уличных фасадов исторической жилой застройки, выходящих на красные линии улиц, являющихся основными композиционными осями (Советская, Первомайская, Пролетарская, Октябрьская, Школьная), хозяйственных и бытовых построек; в первую очередь – историческая структура, масштаб, пропорции уличных фасадов домов; характер и пропорции архитектурных деталей фасадов; типы традиционно используемых элементов малых архитектурных форм – деревянные (не глухие) ограждения участков и др.;

– исторически сложившееся функциональное зонирование (следует отметить, что перечисленные ниже функциональные зоны имеют все основания для их закрепления и сохранения): преимущественное размещение жилых домов на основной территории села; действующие православные храмы; развитый общественно-культурный центр; активно работающий культурно-

образовательный центр; торгово-обслуживающая и туристическо-культурная функция в районе улицы Советской; рекреационная функция в зоне правого берега речки Люнда;

– элементы природного и антропогенного ландшафта – речки Теплуха и Люнда; особенности рельефа местности; запруды-дамбы на речках; зеленые участки общего пользования с прудами;

– виды и панорамы, открывающиеся с основных точек восприятия сельского ландшафта.

Говоря о предмете охраны села Владимирского в целом, следует отметить главный принцип, по которому отбирались параметры предмета охраны достопримечательного места: сохранению подлежит выразительность архитектурно-художественного образа села, а соответственно не только и не столько сами ценные объекты исторической застройки, сколько те их параметры, от которых этот образ зависит.

«Правила землепользования и застройки (градостроительные регламенты)» для села Владимирского были разработаны в составе генерального плана села еще в 2005 году. Документация эта уже тогда не учитывала тонкости нового на тот период законодательства (2002 г.) об объектах культурного наследия, а к настоящему времени она в ряде своих разделов значительно устарела.

Сегодня особенно важно установить актуальные «правила игры» для уникальной территории культурного ландшафта, в особенности для ее наименее защищенной части – исторического села Владимирского. При поддержке Европейского Союза научно-исследовательским предприятием «Этнос» под руководством И.С. Агафоновой были разработаны «Требования к осуществлению деятельности в границах территории достопримечательного места, требования к градостроительному регламенту в границах территории достопримечательного места» (терминология Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73-ФЗ от 25.06.2002 г. в его действующей редакции).

«Требования» структурированы таким образом, чтобы было понятно, какие именно параметры объекта культурного наследия должны с их помощью сохраняться. Так, например, для обеспечения сохранения планировочной структуры села необходимо: сохранить и закрепить исторические линии застройки и тип организации уличного фронта (дома поставлены по красным линиям улиц либо с отступом и организацией палисадников) улиц Советской, Первомайской, Пролетарской, Школьной, Октябрьской, Культуры (ил. 3, 4); провести реконструкцию общественно значимых участков планировочной структуры и пространственных доминант (дамба и определяемая ее местоположением поперечная улица, пересечение ее с улицей Советской – «Кресты», территория объекта культурного наследия – Владимирской церкви, историческая территория

Никольской церкви, зона общественно-культурного назначения между улицами Советской и Октябрьской со сквером, Домом культуры, многофункциональным общественно-культурным центром) в соответствии с их функциональным и градостроительным значением; сохранить усадьбную структуру жилой застройки и учитывать при формировании земельных участков исторические принципы парцелляции, а увеличение жилплощади (в случае необходимости) обеспечивать за счет пристроенных объемов в дворовой части с допустимым увеличением площади застройки в пределах 50 %; сохранить в незастроенном виде элементы природного ландшафта (речки Теплуха и Люнда с системами прудов, зелеными массивами и поймами вдоль речек; зеленые участки общего пользования с прудами), где допускается размещение временных объектов, связанных с рекреационной функцией (пляжные объекты, в том числе деревянные мостки, скамейки и т.п.).

Для сохранения объемно-пространственной структуры села в «Требования» добавляются вертикальные и силуэтные параметры: одно-двухэтажные индивидуальные жилые дома с двухскатными или вальмовыми крышами, возможность применения мезонинов; сохранение рельефа местности; реставрация и реконструкция существующей системы высотных доминант (Никольская и Владимирская церкви, пожарная каланча, водонапорные башни), составляющих пространственно-видовой каркас села; восстановление столбовых часовен в районе «Крестов», в районе пересечения улиц Школьной и Новой.

Для обеспечения сохранности на своем историческом местоположении исторически ценных градоформирующих объектов – зданий и сооружений (всего 37 объектов), составляющих историческую застройку и объединенных в том числе масштабом, объемом, структурой, стилем, конструктивными материалами, цветовым решением и декоративными элементами, предусмотрены ограничения, необходимые при их реконструкции (сохранение исторических высотных параметров, сохранение исторического общего архитектурного облика, просматриваемого с основных видовых точек (точки определяются проектом), сохранение исторических форм и размеров архитектурных деталей фасадов, сохранение подлинных ценных элементов фасадного декора, восстановление (воссоздание) утраченных исторических параметров, в том числе ценных деталей и элементов декора). В случае ремонта фасадов предусматривается их обшивка досками шириной не менее 15 см (при сохранении общего исторического облика фасадов и подлинных ценных элементов фасадного декора). Запрещающие меры касаются перемещения объектов и изменения общего исторического облика главных (уличных) фасадов и их параметров, в том числе изменения размеров и пропорций исторических оконных проемов, обшивка фасадов панелями типа «сайдинг» и другими искусственными совре-

менными материалами. В «Требованиях» даны и рекомендации в отношении указанных объектов: сохранение (в основном) исторической объемно-пространственной структуры, исторической формы крыш и традиционных кровельных материалов, исторической системы отделки, исторической системы покраски фасадов, их цветового решения.

По отношению к рядовым объектам историко-градостроительной среды требования аналогичны, но существенно смягчены и носят в основном рекомендательный характер. Что касается объектов советской и постсоветской застройки, то их реконструкция должна проходить без увеличения высотных параметров по специальным проектам, которые могут предусматривать, в том числе, изменение внешнего архитектурного облика с ограничениями, подробно описанными в регламенте, либо с приведением внешнего облика к облику исторической застройки.

Чрезвычайно важна расшифровка пункта, касающегося сохранения образных, типологических и стилистических характеристик застройки при новом строительстве и реконструкции застройки. Понятно, что использование методов компенсационного строительства здесь предпочтительно, но в случае, когда эти методы не могут быть применены, следует учитывать при проектировании новых объектов типологические, плотностные, планировочные, композиционные, масштабные, высотные и силуэтные параметры исторической застройки села Владимирского и окрестностей, традиции использования строительных материалов. Габариты новой застройки должны обеспечивать масштабное соответствие окружающей исторической среде на основе наиболее устойчивых пространственно-планировочных признаков и приемов, характерных для жилой застройки региона, а также исключать создание фона, неблагоприятного для восприятия памятников и других исторически ценных градоформирующих объектов.

Ниже приводятся параметры объектов разрешенного нового капитального строительства и реконструкции, указанные в «Требованиях»:

«– предельные параметры в плане принимаются в соответствии с градостроительными нормативами и общим проектным решением территорий. Протяженность главных фасадов основных (жилых) объемов зданий, расположенных по линиям застройки улиц – не более 15 м. *Рекомендуемые размеры (протяженность) главных фасадов* основных (жилых) объемов зданий, расположенных по линиям застройки улиц: трехконный фасад с сенями – 7–8 м; пятистенок – 10–11 м; пятистенок с сенями, шестистенок – до 15 м;

– предельные параметры по высоте принимаются в пределах двух этажей (максимальная высота не более 7,5 м от основной (средней) по уличному фасаду отметки земли до венчающего карниза, или 11 м до конька скатной кровли); *реко-*

мендуемые параметры по высоте для одноэтажного дома: высота до карниза – до 4,5 м; высота до конька – 8–8,5 м;

– *силуэтность объектов* – нейтральная, крыши – скатные (двухскатные, двухскатные с вальмой, вальмовые, возможность применения мезонинов), традиционных форм и уклонов (35–42 градуса); запрещается применение формы крыш мансардного типа (с переломом);

– *масштабность объектов, характер членений фасадов, типология и стилистика* должны соответствовать исторической среде, характерной для села Владимирского и сельской архитектуры Воскресенского Поветлужья до рубежа XIX и XX веков;

– *строительные и отделочные материалы и приемы*. Разрешается применение только традиционных для данной местности строительных и отделочных материалов:

- дома деревянные, рубленые из бревен, фасады не обшиты;
- дома деревянные, фасады обшиты досками (шириной не менее 15 см);
- дома полукаменные – первый (цокольный) этаж кирпичный с отделкой фасадов с помощью обмазки и побелки (либо без них – открытая лицевая кладка из красного керамического кирпича), второй этаж деревянный, фасады обшиты досками (шириной не менее 15 см) или деревянный рубленый из бревен, фасады не обшиты;
- допустимость (в отдельных случаях) применения кирпича в качестве основного строительного материала – с отделкой фасадов с помощью штукатурки (обмазки, побелки) либо без отделки – открытая лицевая кладка из красного керамического кирпича;
- отделка и декор фасадов деревянных частей – наличники и другие детали декора – деревянная резьба;

– *цветовое решение фасадов* – естественный (как правило) цвет древесины основных деревянных частей с выделением яркими цветами наличников и других деталей декора фасадов; белый цвет (побелка), а также естественный цвет лицевой краснокирпичной кладки кирпичных частей фасадов полукаменных домов».

Наглядной иллюстрацией возможных архитектурных решений служат таблицы с рекомендуемыми к применению архитектурно-композиционными приемами построения объемов и фасадов жилых домов – приложение к настоящему регламенту.

Важными для сохранения образа исторического поселения служат и ограничения в отношении хозяйственных и бытовых построек, традиционно используемых элементов малых архитектурных форм. Основным является требование к внешнему виду ограждений участков: разрешение устройства неглухих дощатых заборов-штaketников, высотой в пределах 1,5 м и запрещение глухих, в том числе металлических (профнастил) заборов, покраска ограждений в нехарактерные для сельской архитектуры яркие цвета.

Благоустройство территорий общего пользования должно быть направлено на сохранение, использование и популяризацию достопримечательного места. Элементы благоустройства должны иметь облик, соответствующий характеру объекта культурного наследия, и исторические архитектурные формы. Речь идет о скамьях, урнах, цветочницах, светильниках, колодцах, временных торговых павильонах (киоски). Подробно описаны ограничения в отношении средств наружной рекламы и информации для того, чтобы не допустить негативное влияние на восприятие историко-градостроительной среды села.

Направленность развития села как части достопримечательного места подкрепляет пункт «Требований», говорящий о необходимости закрепления исторически сложившихся функций и функциональных подзон, имеющих перспективу устойчивого развития.

Ряд положений в «Требованиях» касается установления ограничений на проезд автотранспорта в летнее время, создания условий для запрещения транзитного транспортного движения по улицам Советской и Школьной (таким образом мы обратили внимание на необходимость строительства объездной дороги), запрещения устройства автопарковок и автостоянок, за исключением парковок для гостевых и туристических автомашин и автобусов на площадках при культурных объектах, при объектах социальной инфраструктуры (многофункциональный культурный центр по улице Советской, историко-художественный музей «Китеж» и др.); при въезде на территорию села с транзитной автотрассы предлагается организовать автостоянку. Принятие этих мер будет способствовать нормализации обычной жизни села, испытывающего сейчас большую перегрузку в летний период.

В «Требованиях» уделяется внимание необходимости капитального ремонта и реконструкции объектов инженерной и транспортной инфраструктуры, в том числе реконструкции запруд-дамб на речках Теплуха и Люнда (с учетом оптимизации водного режима речек), разрешается в случае необходимости строительство аналогичных объектов. Запрещается прокладка инженерных коммуникаций (теплотрасса, газопровод, электрокабель) вдоль красных линий улиц (Советская, Первомайская, Пролетарская, Октябрьская, Школьная, Культуры) надземным способом.

Отдельные пункты «Требований» касаются двух храмов села. Из них действующая деревянная Владимирская церковь (1766 г.) имеет статус объекта культурного наследия (ил. 5) и, соответственно, защищена действующим законодательством от неумелых реконструкций («Требования» лишь напоминают об этом). Что же касается краснокирпичной Никольской церкви, недостроенной в 1908–1914 годах и лишенной пятиглавия в советский период, то она не имеет сегодня официального статуса памятника и нуждается в грамотной реставрации. Именно это требование «научной реставрации храма с восстановлением

изначальной проектной объемно-пространственной структуры (пятиглавие, колокольня над западным входом), приспособлением для современного использования при сохранении подлинных архитектурных деталей фасадов» закреплено в документе, касающемся достопримечательного места.

«Требования к осуществлению деятельности в границах территории достопримечательного места, требования к градостроительному регламенту в границах территории достопримечательного места» составлены в полном соответствии духу и букве Федерального закона № 73-ФЗ: «...на территории достопримечательного места разрешаются работы по сохранению памятников и ансамблей, находящихся в границах территории достопримечательного места, работы, направленные на обеспечение сохранности особенностей достопримечательного места, являющихся основаниями для включения его в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и подлежащих обязательному сохранению; строительство объектов капитального строительства в целях воссоздания утраченной градостроительной среды; осуществление ограниченного строительства, капитального ремонта и реконструкции объектов капитального строительства при условии сохранения особенностей достопримечательного места, являющихся основаниями для включения его в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и подлежащих обязательному сохранению» (пп. 2 п. 1 ст. 5.1).

Разработанный документ прошел предварительное обсуждение в органах районной администрации, получил согласие Управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области, однако дальнейшая судьба его не однозначна. Проведенные в конце марта 2016 года публичные слушания показали, что часть людей не готова принять предложенные ограничения, понимая их как ущемление прав и возврат к «застою XIX века». Очевидно, что на сегодняшний день преждевременно было бы настаивать на принятии документа в полном объеме. К тому же недостаточная проработанность ряда пунктов действующего законодательства об объектах культурного наследия, имеющиеся нестыковки с градостроительным законодательством в сочетании с реальным уровнем жизни подавляющего большинства сельских жителей действительно могут стать серьезным препятствием для нормальной жизни в селе Владимирском. И в первую очередь это может затронуть тех, кто живет в самых красивых и старых домах, которые, как правило, требуют ремонта, а подчас и серьезной реконструкции.

Таким образом, предстоит большая работа – прежде всего с местными жителями. Необходимо, чтобы именно они поняли, что заложено в идею сохранения историчности Владимирского, какие преимущества даст сохранение традиций

строительства и градостроительства, сохранение старых наличников, крыш, а тем самым – исторического образа села.

Сегодня важно также юридически закрепить (в Генеральном плане, в Правилах землепользования и застройки села) те бесспорные положения «Требований к осуществлению деятельности в границах территории достопримечательного места, требований к градостроительному регламенту в границах территории достопримечательного места», которые пройдут определенные законодательством процедуры согласований.

Деревянный дом как место жительства души

Название своего доклада я позаимствовала из статьи Татьяны Владимировой, опубликованной в «Литературной газете» за 1–7 июля 2015 года. Родина, как справедливо утверждает автор, это место, где живет твоя душа. Должен быть у человека кусок родной земли, родной дом.

Дерево – основной строительный материал в русской деревне. Из него возводились храмы и часовни невиданной красоты, строились на века добротные, защищающие даже в самые лютые морозы дома, сооружались мельницы и разнообразнейшие хозяйственные постройки. Об устройстве деревянного дома, особенностях его архитектуры, его удивительной «вписанности», гармоничном слиянии с природным ландшафтом, о назначении отдельных частей дома много сказано и написано¹.

В 2011 году, который был признан Международным годом леса, вопросы роли и значения дерева в жизни общества в сохранении планеты обсуждались на многих международных и российских конференциях, съездах, симпозиумах. Обсуждались глубоко и всесторонне. Особо хочу сказать о научно-практической конференции, прошедшей в Ростове Великом Ярославской области. Ее отличало большое участие иностранных гостей из многих стран, в их докладах рассказывалось об интересном и полезном зарубежном опыте².

Я же постараюсь представить несколько иной подход к данной проблеме, о котором написано значительно меньше, а тема актуальна и ждет своего исследователя. Хочу проанализировать, как в деревянном доме отразились мысли, чувства, состояние души человека, попытаюсь разгадать, почему в деревянном доме большинство людей чувствуют себя комфортно, уютно, лучше, чем в каменном. Говорят, воздух другой – полезный для здоровья. Безусловно, это так, но, думаю, что дело не только в этом.

Деревянный дом для русского человека – дом одухотворенный. Об этом удивительно точно и эмоционально писали многие поэты и писатели, слагали песни композиторы, это отношение зафиксировали пословицы и поговорки. В подтверждение этого приведу отрывок из стихотворения Николая Рубцова:

*...Привет, Россия – родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.*

*За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивою под оконцем.
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!
Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..³*

Жизнь в деревянном доме, чаще всего крестьянском, строилась на духовных основаниях, заложенных культурой. Прагматичность (ничего лишнего, все имеет четкое функциональное предназначение) сочеталась с неистребимым желанием украсить жизнь, сделать ее более нарядной, праздничной. Об этом свидетельствуют росписи на стенах и дверях, резные и разрисованные прялки и санки для детей, кружевные подзоры и лоскутные одеяла, красивая посуда, которая использовалась по праздникам, а в будние дни украшала дом. Особой заботой членов семьи были праздничные наряды, чаще всего рукодельные. Труд мастериц по золотому шитью, по бисеру и жемчугу, по вышиванию и кружевоплетению высоко ценился, и относились к ним с уважением. В доме утверждались и передавались от поколения к поколению свои правила жизни, свои обычаи. Они и формировали тот духовный климат, который сберегала эмоциональная память человека, который был дорог и служил надежной опорой в трудных ситуациях. Потому и поют жители больших городов: «Сам себя считаю городским теперь я. / Здесь моя работа, здесь мои друзья, / Но все чаще ночью снится мне деревня. / Отпустить меня не хочет родина моя».

Что характеризовало жизнь в деревянном доме, что делает ее особо привлекательной, душевно комфортной? Во-первых, свойственное большинству деревянных домов единство, гармония с окружающей природой. Будучи творением рук человека, деревянный дом как бы улавливает ритмы природы, особенности окружающего рельефа и освещения, расположение окружающих строений, а потому оставляет впечатление естественности, необходимости своего бытия именно в этом месте. Здесь так приятно выйти на крылечко, посидеть на лавочке у дома и полюбоваться окрестностями.

В доме особое место занимала русская печь с лежанкой и другими важными для жизни приспособлениями. Печь служила не только для обогрева дома, изготовления вкусных пирогов, рыбников, шанег (благодаря русской печи возникло особое кулинарное искусство), она создавала особую атмосферу в доме.

Еще раз обращаюсь к поэзии Николая Рубцова, процитирую строки из его стихотворения «Русский огонек»:

*Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу (последняя надежда!),*

*И услышал, отряхивая снег:
– Вот печь для вас и теплая одежда...
Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде
Жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...
Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных фотографий:
Огнем, враждой земля полным-полна, –
И близких всех душа не позабудет!..
– Скажи, родимый, будет ли война? –
И я сказал:
– Наверное, не будет.
– Дай Бог, дай Бог...
Ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет... –
И вдруг опять:
– Не будет, говоришь?
– Нет, – говорю, – наверное не будет.
– Дай Бог, дай Бог...
И долго на меня
Она смотрела, как глухонемая,
И, головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.
Что снилось ей?
Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то мгновенье?..
Но я глухим брэнчанием монет
Прервал ее старинные виденья...
– Господь с тобой! Мы денег не берем!
– Что ж, – говорю, – желаю вам здоровья!
За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...
Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,*

*Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле – и нет тебе покоя...⁴*

Об этом же знакомые с детства строчки И.З. Сурикова: «Ветхую шубенку скинешь с плеч долой, / Заберешься на печь к бабушке седой <...> / И начну у бабки сказку я просить, / И начнет мне бабка сказку говорить».

В доме, как правило, жила большая семья, почитались семейные традиции. В левом углу самой большой комнаты был «красный угол», где хранились икона, украшенная вышивкой с символическими рисунками, особо ценные для семьи документы (в северных деревнях чаще всего мне доводилось встречаться с фронтowymi письмами).

Ксения Петровна Гемп в своей книге «Сказ о Беломорье» приводит текст Поморского наказа, который хранился во многих домах и передавался от поколения к поколению: «Затепли свечу воску ярого, вспомни жизнь земную покинувших, след-завет нам оставивших, то завет прародительский, мудрость вековечная, изначальная – послужи Родине трудом ратным, потрудись на путях ее, на Земле, озари ее светом разума, возвеличь ее сердцем добрым, оставь ей потомков рачительных, воспой ее словом верным. Принесешь ей радость мира и созидания, это Родине – благодарность твоя, счастье твое. Награда тебе»⁵.

О Ксении Петровне Гемп надо сказать особо, потому что вклад ее в исследование и сохранение культуры огромен. Биолог, географ, филолог, историк – человек энциклопедических знаний, она собирала свой словарь поморских речений в многолетних экспедициях по всему Северу. И это не только прекрасный, яркий и образный язык, это подлинный источник духовной истории народа, их ценностей, которыми жили и руководствовались в своих действиях люди. Еще раз процитирую эту замечательную книгу: «Доброта – самое важное в человеке, это как красота природы. Доброта платы не просит, сама плату приносит. Не ищи за невестой добра и красоты, ищи доброты. Приветный человек всем светит. Поприветь человека и сам доволен. Зависть со злобой в дружбе живут. Человек злой – всем чужой. Зло без ответа не живет, за зло ответ неожиданно придет». И еще на очень обсуждаемую сегодня тему: «Руготня – ругательство, грязная брань. Женка слезой, а мужик руготней сердце успокаивает. Руготня ни к чему, доброе слово к делу. Руготней беды не обойдешь. Сама погана руготня – матерщинная. Стыд она кладет и на ругателя»⁶.

Ксения Петровна была близко знакома с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, Федором Александровичем Абрамовым, знаменитыми полярными капитанами, учеными и исследователями. Многие из них оставили о ней, ее самоотверженной жизни и делах добрые воспоминания. Ксения Петровна ушла из жизни в 1998-м, когда ей было 103 года. В день 100-летия, выступая по архангельскому радио, она сказала: «Я бы пожелала всей России, прежде всего, успокоится, пре-

кратить распри... Нужно трудиться по-настоящему, не для себя, а для Родины, как трудится помор... Я верю в Россию, очень верю, потому что Россия, прежде всего, доброжелательна...»⁷.

Многие традиции, сложившиеся в деревянных домах, продолжают жить сегодня в разных видах жилищ, в селах и городах. Это, например, семейные фотографии в общих рамках, объединяющие представителей разных поколений одного рода, хранящие память об ушедших и соединяющих их с живыми. Это традиции большого семейного стола с особой ролью в нем отца – главного кормильца. Семья начинала трапезу, когда свое место во главе стола занимал отец. С уважением, бережно относились к хлебу, его хранили в чистом полотенце, выбросить хлеб считалось большим грехом. Все дети с малых лет имели свои обязанности по дому, старшие воспитывали младших. Самая светлая, «радостная» комната в доме именовалась девичьей, и не только потому, что девушки активно занимались рукоделием, а и потому что высоко ценилась девичья красота, чистота, скромность. В такой обстановке вырастали прекрасные жены и матери, все умеющие, преодолевающие любые невзгоды, дарящие окружающим любовь и доброту.

В этих домах любили петь и за работой, и на праздниках. Свидетелем такого события недавно стал известный писатель Александр Проханов и написал об этом эмоциональную, убедительную статью. Прочитую небольшой отрывок из нее: «...в избу с венцами, с беленой русской печкой собираются 10–12 певцов. Пожилые женщины и совсем еще девочки, есть и мужчины. Все они в белоснежных домотканых одеждах, не сшитых на заказ в современных мастерских, а найденных, вынутых из сундуков. Алые вышивки, головные уборы, кики, усыпанные старыми жемчугами. Вот певцы садятся перед тобой и собираются петь. Они сосредоточены, почти угрюмы, каждый погружен в себя. И ты ждешь первого звука, первого всплеска песни. Вот он раздается. Поет пожилая женщина, и голос ее звучит слабо, как бы надтреснутый и печальный. Он поднимается высоко и как бы готов упасть. Но его подхватывает другой голос, более молодой и сильный. Они сплетаются, как две лозы, и тянутся ввысь, к потолку. И опять ослабевают и готовы упасть. Но на помощь им приходит весь хор, все многоголосье, все сильное, красочное, сочное звучание, и начинается песня – долгая, без конца.

С какой-то минуты что-то меняется в доме, меняется в избе, начинают светлеть темные венцы, светиться погасшие было лица, сиять глаза. Свет ярче, сильнее. И на каком-то переливе вдруг кажется, что вся изба заполнена сверкающим светом. Бревна становятся золотыми, потолок раздвигается, и ты летишь в эту лазурь вместе с песней.

И испытываешь такую сладость, радость, такое упование, в тебя вливаются такие могучие силы, будто песня проточила коридоры в глубокую древность – туда, где мы все зарождались как народ, где были нетоптанные луга, огромные звезды, где люди изъяснялись друг с другом длинными, наполненными гласными звуками словами»⁸.

Почему так важно знать об особенностях жизни в деревянном доме? Во-первых, потому что люди жили в этих домах веками, ими накоплен огромный духовный опыт устройства жизни, отношений между людьми, семейного уклада, воспитания детей. К мудрости наших предков полезно обращаться. По нашему глубокому убеждению, этот опыт востребован уже сегодня и интерес к нему будет возрастать.

Во-вторых, есть надежда, что тревога, озабоченность общества нравственным, духовным состоянием человека – не дань моде и не кратковременная кампания, а осознанное и выстраданное понимание всей глубины и опасности этой проблемы. Ее решение возможно потому, что большинство людей хотят быть счастливыми, жить и растить детей в обстановке мира, взаимопонимания, созидательного труда и благополучия.

Примечания

¹ Спегальский Ю.П. Жилище северо-западной Руси IX–XIII веков. Л., 1972; Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество, М., 1986; Мильчик М.И. Общий взгляд на домовые росписи Поважья // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Северодвинск, 2012; Чижикова Л.Н. Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1970. С. 52–54.

² Культура дерева – дерево в культуре: тезисы международной научно-практической конференции / отв. ред., сост. О.Г. Севан. М.; Ростов Великий, 2010.

³ Рубцов Н. Тихая моя Родина. М.: ЭКСМО, 2006. С. 270.

⁴ Там же. С. 138–139.

⁵ Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. 2-е изд. М.; Архангельск, 2004. С. 275.

⁶ Там же. С. 479.

⁷ URL: <http://rusnord.ru/dayly/37773-proekt-gudima-levkovicha-o-teh-kogo-ya-pomnyu-i-lyublyu-kseniya-petrovna-gemp-etalon-istinnoy-intelligentnosti.html>

⁸ Проханов А. Певцы // Завтра. 2016. № 26.

Духовные основания жизни русской деревни

В последние десятилетия заметной тенденцией в развитии общества стало возрастание интереса к сельскому образу жизни, к деревне.

На это есть несколько серьезных причин. Одна из них – уровень урбанизации в развитых странах, когда закономерный и необходимый этап цивилизации, видимо, достиг предела. Одно из самых убедительных доказательств этого – состояние природной среды.

В далекие 60-е годы прошлого века прозвучало первое серьезное предупреждение в знаменитом докладе Римского клуба «Пределы роста», подготовленного известными учеными разных стран. Негативные процессы в природе, связанные с активной деятельностью человека, продолжают развиваться. Не случайно по инициативе Организации Объединенных Наций в 2015 году в Париже состоялась международная научная конференция с участием глав государств, посвященная проблемам, связанным с изменением климата на планете. Эти процессы продолжают развиваться.

Выводы, основанные на научном анализе взаимодействия человека, общества и природной среды, делаются принципиальные: человечество должно изменить парадигму своего развития. Одно из таких изменений состоит в выстраивании новых, гармоничных отношений с природой, что означает переход во всех сферах производства на новые ресурсосберегающие, безотходные технологии, значительное увеличение вложений в восстановление природы и многие другие активные действия. Решать эту проблему необходимо усилиями всего человечества. При этом две трети государств планеты находятся на этапе развития, требующего индустриализации и увеличения промышленного производства. Значит, вторжение в природу будет увеличиваться, стимулироваться идеалами потребительского общества.

Технократическая цивилизация внесла в жизнь человека много доброго и ценного, обогатив и облегчив его труд и каждодневные заботы. Трудно представить жизнь без современной бытовой техники. Мегаполис расширил возможности для общения с культурой, для всестороннего образования. Стремление уехать из деревни в город долгие годы было понятным и оправданным стремлением: город давал большие возможности. Сегодня эта тенденция сохраняется. К причинам миграции сельского населения прибавилось еще и отсутствие в деревнях и поселках работы, возможности обеспечить себя и семью, сокращение образовательной и культурной сфер.

И все-таки люди чаще стремятся выехать за город, в дачный поселок, в деревню (летом в деревнях население увеличивается в два-три раза). Жизнь в деревне отличается от жизни в дачном поселке целым рядом особенностей. Горожане стараются перенести на дачу жизнь, к которой привыкли в городе. Так, в деревне люди никогда не огораживали свой дом высокими заборами (как поется в известной песне: «От людей на деревне не спрятаться, нет секретов в деревне у нас..»), на дачах высокий забор – отличительный признак: люди заботятся о неприкосновенности частной жизни.

По нашему мнению, желание людей жить в деревне будет возрастать. Деревенский образ жизни имеет целый ряд преимуществ.

Во-первых, в деревне более органичные, естественные отношения человека и природы. Человек видит восход и закат солнца, ощущает природный ритм, наблюдает и переживает многочисленные природные явления. Здесь доступно все многообразие запахов и цветов природы.

Во-вторых, в деревне отношения людей более тесные, открытые. Люди знают друг друга в лицо, по роду и племени, не забудут в болезни, разделят радость праздника. В деревне нет беспризорных детей, естественна и действенна сила общественного мнения – людского суда. Именно деревня сохраняет и передает от поколения к поколению духовные ценности, то, что делает человека человеком, формирует личность.

В последнее время внимание к теме духовных ценностей явно возросло. Данный термин вошел в ряд государственных документов, прежде всего в Концепцию «Основы государственной культурной политики», подписанную президентом России В.В. Путиным 24 декабря 2014 года. По поручению президента разработана и утверждена в марте 2016 года распоряжением главы правительства В.А. Медведевым «Стратегия государственной культурной политики». На базе этих документов разрабатывается и новый федеральный закон «О культуре».

Внимание к проблеме духовных и нравственных ценностей – это обращение к содержательной характеристике общественного сознания и культуры. Это осознание интеллектуальной частью общества и властью того неоспоримого факта, что лозунг деидеологизации системы образования и культуры, два десятилетия реализуемый на практике, был маскировкой, ширмой для протаскивания иной идеологии, во многом противоположной традиционным ценностям народов России. Задача была поставлена коварная: ослабить нравственный иммунитет человека, переломить духовное основание народного характера. В этих условиях обращение к проблеме духовных ценностей представляется крайне актуальным, является составной частью укрепления национальной безопасности.

Определимся с понятиями. Что мы понимаем под духовностью, духовными ценностями? С нашей точки зрения, духовность не равна религиозности, высокая духовность может характеризовать и человека невоцерковленного. Вместе с

тем, религиозное чувство – составная часть духовного мира человека. Религии принадлежит особое место в формировании духовности.

Значительная часть моей жизни и исследований связана с Русским Севером. Особый край нашей Отчизны, никогда не знавший крепостного права, не подвергавшийся иноземным завоеваниям (исключением является кратковременное вторжение англо-американских интервентов в 1918–1919 гг., когда захватчики успели создать два лагеря смерти – на побережье Белого моря (Иоканьга) и на острове Мудьюг). Север сохранил русскую культуру во всем ее богатстве и многообразии. Об этом очень точно писал академик Д.С. Лихачев: «...самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, – это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский, – он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только спасал Россию в самые тяжкие времена русской истории – эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию – песенную, словесную, русские трудовые традиции – крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие <...>

Книг о Русском Севере не так много. Есть книги о деревянной архитектуре Севера, о северных ремеслах, о северном фольклоре, но о Севере как таковом, о мужественных и простых северных людях, никогда не испытывавших на себе гнетущей унизости крепостного права и сохранивших во всей своей манере держаться, работать, уважать друг друга, общаться друг с другом достоинство Человека – таких книг почти нет»¹.

Не случайно, все, кто изучает русскую культуру, ее духовные, нравственные основания, обращаются к Русскому Северу (Архангельская, Вологодская, Мурманская, Кировская области, республики Карелия и Коми, некоторые другие территории).

На Севере была непростая история становления православия. В XVII веке столкновение идей протопопа Аввакума с нововведениями, насаждавшимися патриархом Никоном при поддержке престола, проходило болезненно и не бескровно. Аввакум почитаем на Севере, его учение достаточно известно. Место мученической смерти Аввакума в Пустозерске (Ненецкий округ) активно посещается и сегодня. Одно из фундаментальных и талантливых произведений, глубоко исследующих эту проблему, – многостраничный роман Владимира Личутина «Раскол», удостоенный Государственной премии.

Для изучения духовных ценностей есть два наиболее авторитетных источника: научные исследования (философские, культурологические, психологические, исторические, социологические, лингвистические и др.) и художественные произведения (литература, музыка, изобразительное искусство, хореография, кинематограф и др.).

Духовность, с нашей точки зрения, проявляется в способности человека выйти за пределы своекорыстного существования, чувствовать другого человека, ощущать чужое горе, как собственное. Духовность – это устремленность человека к высоким целям, таким как служение Отечеству, Родине, добру. Эти ценности утверждались самой жизнью, передавались от поколения к поколению. Люди, их олицетворяющие, становятся кумирами, героями, учителями.

Что принято общественным сознанием как духовные ценности в менталитете, в культуре нашего народа? Любовь к Родине, в том числе к малой родине, – месту, где человек родился, где прошло его детство, где живет память о его предках. Огромное количество поэтических строк свидетельствуют об этом.

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

(А.С. Пушкин)

*Но я люблю... За что? Не знаю сам,
Ее полей холодное молчание,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям.*

(М.Ю. Лермонтов)

*Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.*

*Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.*

*Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.*

(К.М. Симонов)

Ценностью является почитание старших, особенно отца и матери, бережное отношение к традициям семьи, родного дома. Как точно сказано в популярной

песне: «Поклонись до земли своей матери, и отцу до земли поклонись, мы с тобою в долгу неоплаченном, свято помни об этом всю жизнь».

В этом году мне довелось выступить на международной конференции в Кенозерском национальном парке с докладом на тему «Деревянный дом как местожительство души» и в связи с этим не только много прочитать по этой теме, но и посмотреть много старинных, родовых домов в русских деревнях. Хозяева всегда были очень гостеприимны.

Устройство этих домов, порядок жизни при всех современных нововведениях (есть телевизоры, холодильники, стиральные машины, иногда и компьютеры) сохраняют то, что дорого душе человека: красный угол, где хранится вместе с иконой все самое ценное, общая фотография членов семьи, родных и близких в единой, красиво украшенной рамке, девичья комната, как правило, самая светлая и нарядная, бабий угол, гостеприимная большая скамья и стол в красном углу. Со столом и русской печкой, которую стараются сохранить, связаны многие правила жизни семьи в деревне. За столом собиралась вся семья, но трапеза начиналась тогда, когда ложку брал главный кормилец – отец семейства. С особым почетом относились к хлебу.

Во многих деревнях я встречала людей, проявляющих большой интерес к истории своей деревни, своего рода, судьбам близких и далеких родственников. В Устьянском районе Архангельской области, например, каждый год краеведческий музей проводит научные конференции, где докладываются о результатах проведенных исследований. Материалы конференций публикуются. Главные участники и инициаторы этой работы – местные жители. В деревне Верколе, что на Пинежье, проходит парад династий: каждый дом оформляет выставку, рассказывающую о жизни разных поколений своей семьи, об успехах и сложностях жизненного пути близких и дальних родственников. В этой деревне родился, учился и жил долгие годы великий русский советский писатель Федор Александрович Абрамов. Здесь на высоком берегу реки Печоры его могила. В этой деревне, которая в романе называется Пекашино, разворачиваются события его тетралогии «Пряслины». В здании сельской школы, где учился Федя Абрамов, есть музей Абрамова, а по сути музеем является все село: многие дома, поля, тропинки, лиственница над угором, а главное – люди хранят память о великом земляке. «Будить, всеми силами будить в человеке Человека», – так определял Абрамов смысл и главную задачу своего творчества.

С огромным уважением в деревне относились к труду, мастерству и таланту человека. Н.А. Некрасов, значительную часть своего творчества посвятивший жизни крестьян, их труду, быту, характерам, вместе с описанием невыносимой тяжести труда показывает и отношение крестьянки к труду:

*В ней ясно и крепко сознание,
Что все их спасенье – в труде,*

*Что труд им несет воздаянье,
Семейство не бьется в нужде.*

И еще:

*Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять,
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.*

Сложный и широко обсуждаемый в обществе вопрос – отношение крестьян к частной собственности. Опираясь на многочисленные источники, утверждаю, что отношение это самое здоровое и что оно тесно связано с трудом, производно от труда. Собственность, созданная честным нелегким трудом, признавалась и уважалась, несправедливо нажитое подвергалось осуждению. Зажиточного человека называли справным хозяином, к нему шли за советом, обращались за помощью. Он, как правило, по наказу крестьян деревни защищал их интересы перед властью.

Вместе с тем, крестьяне не признавали частной собственности на землю. Земля – божья, принадлежать должна тем, кто ее обрабатывает, кто трудится на земле и обихаживает ее. Общинно-коллективистский принцип землепользования был близок крестьянскому сознанию.

В духовном мире русского крестьянина глубоко укоренилось чувство красоты, гармонии. Это наглядно подтверждает деревянная архитектура: церкви, часовни, дома, удивительным образом вписанные в природные ландшафты. В деревнях сохранились и активно развиваются народные художественные промыслы: холмогорская резьба по кости, вологодское кружевоплетение, каргопольская глиняная игрушка, берестяные изделия, лоскутное шитье, палехская миниатюра, ростовская финифть и др.

Деревня сформировала русский национальный характер. Исследователи отмечают в нем такие особенности, как согласованность ритма и характера трудовой деятельности с непредсказуемостью и капризами природы. Проявлялось это в умении работать предельно напряженно, самоотверженно в короткое время и отсутствии привычки к размеренному труду. Характерной чертой русского человека является социоцентричность – ориентация на коллектив, а не на личность, соборность и терпимость к иноверцам, другим народам. На формирование русского национального характера огромное влияние оказало православие, внушавшее презрение к земным благам, мессианизм. Все, кто исследовали душу русского человека (Н.О. Лосский, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Некрасов, А.М. Горький и др.) отмечали ее противоречивость: в ней соединялись рабская покорность и готовность к бунту, фанатичная вера в бога и безбожие, всемирная отзывчивость и изоляционизм.

Нам представляется убедительным вывод, сделанный Н.А. Бердяевым в книге «Истоки и смысл русского коммунизма»: «Русский коммунизм – с одной сто-

роны, есть явление мировое, интернациональное, с другой стороны – явление русское и национальное»². Бердяев утверждает, что коммунизм детерминирован русской историей, он – неотъемлемая судьба России, внутренний момент в судьбе русского народа. «В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии <...> Народ в прошлом чувствовал неправду социального строя, основанного на угнетении и эксплуатации трудящихся, но он кротко и смиренно нес свою страдальческую долю. Но наступил час, когда он не пожелал больше терпеть и весь строй души народа перевернулся <...> Коммунизм же оказался в России наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям и русским исканиям универсальной социальной правды»³.

Воспитание будущих поколений на лучших традициях прошлого – тезис бесспорный. Человек без прошлого – это и индивид без будущего. Восточная пословица «Ударишь в прошлое из пистолета – будущее выстрелит по тебе из пушки» многократно подтверждена жизненной практикой.

Вместе с тем, традиции бывают разные, часть из них содержит в себе разрушительные, антигуманные смыслы. Например, обязательность физического наказания ребенка за провинность, оправдание жестокости мужа по отношению к жене («бьет значит любит»), поощрение легкой жизни («работа дураков любит») и др.

Изучение традиций – это и выявление их смыслов, поддержка позитивного содержания, того, что поможет человеку жить лучше и стать счастливее.

Традиции живут и умирают, это естественный процесс смены поколений, изменения условий и тенденций в развитии цивилизации. Воспитание на традициях будет успешным и результативным тогда, когда они востребованы, когда их содержание обогащает сегодняшнюю жизнь и способствует развитию. Актуализация традиций – это не только сохранение исторической памяти, но и использование богатого опыта прошлого в решении современных проблем. Примеры такого использования традиций многообразны и дают убедительные результаты. Духовные основания деревенской жизни, глубоко человеческие в своем содержании, способны обогатить нашу действительность, а потому их важно изучать, особенно молодым людям, решающим «делать бы жизнь с кого».

Примечания

¹ Лихачев Д.С. Русский Север // Гемп К.П. Сказ о Беломорье. М.; Архангельск, 2004. С. 4.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 7.

³ Там же. С. 93.

Деревянная архитектура Терского берега Белого моря в социально-бытовом и фольклорном контекстах*

Влияние географических и хозяйственно-бытовых условий на общий вид, планировку, способы возведения жилых и культовых строений на Терском берегу Белого моря, а также на особенности их расположения довольно значительно¹.

Прежде всего нуждается в корректировке ставшее расхожим в околонушной литературе представление о русской северной (в том числе поморской) избе как о впечатляющем своими размерами сооружении, объединяющем под одной крышей жилые и хозяйственные помещения (просторную поветь с непременным взвозом для лошадей и пр.).

Между тем, такая картина отнюдь не универсальна. «В местах, изобилующих строевым лесом, крестьянские избы довольно высоки, с подпольями и амбарами и прочими службами, а в местах безлесных – малые и низкие», – констатировал в середине XIX века внимательный наблюдатель, описывая Мезенский уезд Архангельской губернии².

И хотя поморы Терского берега преуспевали в стремлении сделать свое жилье красивым и добротным, деревни восточной части побережья, расположенной в зоне лесотундры, страдали от недостатка качественного строительного материала. Существенную роль играл, по-видимому, и напряженный ритм жизненно важного промысла, почти не оставляя в весенне-летне-осенний период свободного времени для каких-либо иных дел.

«В конце XIII ст[олетия] великий князь Андрей, в договоре с новгородцами, выговорил себе исключительное право посылать три ватаги на Терскую сторону, – отмечается в исследовании 1874 года, – главным продуктом Терской стороны, то есть Терского Берега Белого моря, в настоящее время – как, вероятно, и в те времена – была семга»³. Семга – «главный и, можно сказать, единственный источник существования подавляющего большинства местного населения и в первой четверти XX века, ибо других постоянных, также для всех доступных промыслов здесь на месте нет, а к отхожим промыслам (мурманскому промыслу и работе на лесопильных заводах в с. Умбе и Ковде) население обращается с большой неохотой, лишь когда становится нечего есть»⁴.

© Власова М.Н., 2017

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 16-04-00315а.

Еще один (хотя и менее значимый) источник существования на Терском Берегу – торос, «промысел тюленей (гренландских. – *М. В.*) в период их скопления на льду»⁵, то прерывавшийся, то возобновлявшийся⁶.

Промысловый календарь деревень Терского Берега варьировался, но оставался очень насыщенным, прежде всего в восточных, «низовских»⁷ поселениях, где один вид промысла следовал за другим почти безостановочно. В Чапаме и Пялице весной (до Николина дня – 22 мая⁸) крестьяне занимались озерным ловом; часть мужского населения отправлялась на февраль-март в Поной. В мае и апреле промысляли зверя вблизи селения. С начала июня до конца ноября вели лов семги. Осенью около двух десятков жителей (мужчины-корщики и женщины-гребцы) уходили на своих карбасах в Поной на семужий промысел. Крестьяне Чаванги и Тетрино со Сретенья (15 февраля) отбывали на торос в Поной. Возвратившись в начале апреля, в мае-июне они шли на своих или арендованных карбасах на мурманский тресковый промысел⁹, а с конца августа до конца ноября занимались ловом семги. Летнюю же семгу в отсутствии мужчин промысляли либо «одни женщины», либо женщины, старики и подростки¹⁰.

«Находясь большую часть года на промыслах», при «затруднительном» пользовании лесом терские поморы «не чуждались» сравнительно небольших по размерам жилищ с маленькими «вследствие суровости климата» окошками¹¹.

Дрова для восточных деревень «плавили» морем за 10–40 верст, бревна для строительства – за 200–300 верст¹². «Лес был тяжелый – плавить да пилить» (АС¹³, В.Я. Устинов, 1906 г.р., д. Чапама, 1983 г.).

Во второй половине XX века «в “низовских” (восточных) деревнях – от Чаванги до Пялицы – для строительства лес, выкинутый после шторма, собирали на берегу. Этого плавника было очень много, его до сих пор собирают (“поднимают”) на дрова» (АС, С.Н. Клещева, 1962 г.р., д. Чаванга, 2015 г.). Согласно уточнению старожилки деревни Чаванги А.С. Клещевой (1911 г.р.), лес-плавник появился в большом количестве (его «закинало») в 1920-х годах (АС, 1982 г.).

Такой лес, именуемый «морским», использовали для строительства (несмотря на его худшее по сравнению со специально заготовленным лесом качество) и в «верховских» (западных), расположенных в лесистых местностях деревнях.

По воспоминаниям А.П. Подымниковой, лес для собственного дома в д. Умбе (ил. 1) они с мужем начали собирать («плавить») сразу после свадьбы, когда Александра Павловна уже ждала первого ребенка.

«И лес на дом мы с ним (мужем. – *М. В.*) вдвоем собирали на море... Тогда у нас лесозаготовка была, а лесозаготовка была около моря. В Лёв-губе была заготовка, потом на Мосееве, в Кузрееке. Оттуда лес сплавляли кошелями. Ну, такой вот оплётник из бревен, а в него вот лес набивают... И затем тянут... как бы небольшой такой буксир. А ведь всяко бывает, погода поднимется, его болтает, этот кошель, выбрасывает из него лес, а потом на берег бросит. И его мы собирали, этот лес, плавили. Муж шлаговал, а я на веслах. А что делать,

как? Надо строить-то. Жить-то надо где-то было. [*Соб.: Наверное, мужу на веслах сидеть надо было?*] Ну, а я как буду?! Шлаговать-то! Надо бревно с берега скатить, другое к нему подкатить, их связать хорошенько – это зашлаговать. И потом снова также. Несколько плиток наберет на берегу – и потихонечку возле бережка поплыли. Я на носовых веслах, а он на корме, мне помогает. Ну, насобираем, с места на место надо переехать, ближе к дому. Вначале поближе к реке (Умбе. – М. В.) лес был. Потом тут все особирали – дальше, дальше и дальше <...> Последний лес уж далеко плавил, километров, может, пятнадцать. Тоже другой раз поплывем-поплывем, да ветер поднимется, все раскидает у нас...

В 50-м году мы все лето собирали, потом в 51-м еще собирали. Было трудновато, конечно, живот (беременность. – М. В.)... Конечно, настолько уж напрягалась, что делается как каменный, болит вроде там все. Гребу, гребу, гребу... “Не могу больше”, – говорю. А он говорит: “Ну, сейчас пристанем на бережок, согреем чаёк, разведем костер”. Чай попьём, тут палатку разберем, раскинем, отдохнем. После отдыха – снова.

Потом у меня сын родился. Мы насобирали на дом уже. В колхозе дали лошадь и с реки на лошади вывозили вот сюда на берег. И нанял он плотников, сруб срубили плотники, а остальное потом... Рамы заказали. Косяки и все он сам делал, обшивал все сам, потолки, полы – все сам» (АС, А.П. Подымникова, 1931 г.р., д. Умба, 2011 г.).

В отличие от построек более раннего времени, когда изба могла возводиться для двух и более семей¹⁴, в послевоенные годы дом чаще предназначали одной семье, в особенности, если эта семья – как у Подымниковых – только складывалась. Однако в любом случае это было «родовое гнездо»: память о датах и перипетиях строительства не угасала, нередко за домами закреплялись имена их первых хозяев: «Михайловской, Егорьевской, Сергеевской» (АС, В.П. Стрелков, 1924 г.р., д. Стрельна, 1984 г.).

Дом строили зачастую «на две половины» или «на две избы», т.е. с двумя жилыми, разделенными сенями, помещениями. «Зимняя» («морская») изба окнами была развернута к морю либо к реке, «летняя» – в проулок за домом. Хозяйственные постройки располагались между избами под крышей дома (вход в них вел через сени). Они включали: кладовку, подсенье (подсённик) – помещение под сенями; двор (крытое пространство перед хлевом) и хлев со стáйкой («небольшой хлев для мелкого скота»)¹⁵. Над двором и хлевом находилось повётъе (поветь), куда складывали просушенное сено, веники, сухой мох в тáшках¹⁶; грабли, вилы, косы.

«Было это, значит, как бы сказать... две избышки, – вспоминает о своем старом доме А.П. Подымникова. – Одна избышка на реку́ фасадом, а другая – на гору. И они обе маленькие, соединялись коридорчиком, и под одной крышей. Так эта, которая была на запад, настолько она уже в землю ушла, что курица в окошко заглядывала» (АС, д. Умба, 2011 г.).

Двор традиционно был небольшим: весной и осенью здесь держали овец. На зиму овец запускали в хлев, где содержалась корова, а также (в небольшой загородке, стайке) недавно родившиеся телята и ягнята.

В подсенье стояли кадушки и емкости с сыпучими продуктами и мукой; туда можно было пройти со двора. Размеры подсенья и поветья различались: иногда там можно было ходить в полный рост, иногда – пригнувшись.

В терских деревнях получил распространение и другой тип избы, включающей, наряду с хозяйственными постройками, лишь одно жилое помещение. В этом случае крытый двор, примыкающий к сеням, как бы «вбирал в себя» кладовку (клеть¹⁷).

Очевидно, что вышеописанные избы – модификации типичного для восточных славян трехкамерного жилища: «дом со входом, устраиваемым посреди длинной стороны, с двумя жилыми помещениями или одним жилым и одним хозяйственным помещением по обеим сторонам средней части постройки – сеней»¹⁸.

Не останавливаясь на детальном описании терской избы, поднятой благодаря просторному подполу высоко над уровнем земли и венчаемой вышкой – жилым чердачным помещением¹⁹ (ил. 2), отметим существенные характеристики хозяйственных (дворовых) построек: сравнительно небольшие размеры, компактность, отсутствие взвоза (въезда на верхнюю часть двора).

Ввиду особенностей климата (более сурового, нежели во многих других районах Беломорья) и сосредоточенности на промысле хозяйство терчан едва ли сложилось в процессе сколь бы то ни было длительного «изживания земледельческого комплекса»²⁰ – промысловая деятельность доминировала изначально. «Для большинства жителей кормилицей-нивой являлось море. Среди населения бытовала поговорка: “Была бы рыба, а хлеб будет”»²¹. «Земледелие здешнее ничего не значит», – констатировал в начале XIX века Антон фон Пошман; «земледелие огородное» заключалось «в сажении и сеянии капусты, редьки и репы»²². На Терском Берегу «сеют одну репу в Кузоменской и Умбской волостях. В первой – 90, во второй – 100 мер, т.е. четвериков» (конец XIX в.)²³.

Коров, овец, оленей держали для себя, обеспечивая семьи молоком, мясом, шерстью и пр. Согласно статистическим данным начала XX столетия (приводимым не по всем деревням и, возможно, не вполне точно), в Умбской волости и в Варзуге один двор в среднем имел одну корову и от двух до четырех овец; в Тетринской волости²⁴ – одну-две коровы и три-четыре овцы (реальное распределение было, конечно, не столь равномерным)²⁵. По словам Ф.П. Самохваловой, уроженки д. Пялицы, когда она в возрасте одиннадцати лет в 1917 году «приняла хозяйство» от ослепшей матери, на ее попечении оказались корова, нетель, десять овец и тридцать оленей (АС, д. Тетрино, 1983).

Заготовка сена для единоличных хозяйств требовала больших усилий и усердия. Сено возили с морских островов, с дальних покосов. Пастбищные и сено-

косные угодья терских деревень были разного качества: от небольших участков близ моря, на островах, в лесу (лесотундре) до прибрежных и приречных лугов, а также до специально расчищенных «полей» вблизи поселений. В начале XX века на Александровский уезд приходилось минимальное по сравнению с прочими уездами Архангельской губернии количество сенокосных угодий на душу населения (811 квадратных сажений)²⁶.

Нередко сено дополнял ягель (яголь)²⁷. «При недостатке в сене, соломе и другом гуменном корму, жители запасают белый мох, – констатировал Антон фон Пошман, – а сверх того приобучили скот есть сушеные и вареные рыбы кости и потрохи»²⁸. «Ходишь за яголем по болотам, пяты в бахилах все сотрешь» (АС, А.А. Кузнецова (возраст не зафиксирован), д. Тетрино, 1983 г.).

Сложности с заготовкой кормов приводили среди прочих последствий²⁹ к ограничению численности домашнего поголовья. Преимущественно содержали неприхотливых в отношении прокорма овец; лошади, в особенности при наличии в хозяйстве оленей³⁰, оказывались и вовсе лишними. В начале XX века лошадей в Умбской волости было тринадцать; в Тетринской волости – две³¹.

Таким образом, отсутствие взвоза и обширной повети, как и небольшой, компактный двор, – характерные для Терского берега особенности – обусловлены спецификой местного хозяйственно-бытового уклада³².

Все вышесказанное не дает оснований (по крайней мере, без существенных оговорок) отнести жилище терского помора к типу «северно-русского двухъярусного дома-двора»³³, причем универсального, по мнению некоторых бытописателей:

«Вот большая прекрасная изба, а рядом с ней жалкая, похожая на кучу дров, избушка с полуразрушенной крышей. Общего между этими избами только их бросающаяся в глаза оригинальная северная архитектура. Под одной кровлей здесь укрыты и жилище человека, и все хозяйственные дворы. Но прежде всего бросается в глаза, что даже самая маленькая изба построена в два яруса, причем в нижнем ярусе не живут, а он служит только для тепла, для хранения хозяйственных вещей. Останавливает внимание также мостовой деревянный въезд (на телегах) на верхний ярус к той части, где помещается верхний деревянный двор. Тут на этом дворе хранится хлеб, сено, солома, а внизу помещается скот»³⁴.

К сожалению, это описание, распространяющееся в Интернете без научных комментариев и учета региональных особенностей, может безоговорочно приниматься на веру. На Терском берегу оно тиражируется, в частности, экскурсоводами туристических групп, вызывая оправданное недоумение коренных жителей.

Отличительная черта не отличающегося большими размерами жилища терского помора – чистота и опрятность. Обычай избомытья – ежегодной генеральной уборкой избы – сохранялся на протяжении всего XX столетия. Готовясь к

избомытью поэтапно, вначале обихаживали печи – пахали (обметали. – М. В.) сажу, выгребали золу, обмазывали трещины изнутри и снаружи, белили.

Само избомытье традиционно происходило незадолго до Пасхи (но не в Чистый четверг Страстной недели – многосложная уборка не укладывалась в рамки одного дня). Его старались «подгадать» под хороший солнечный денек. Приступая к избомытью, выносили и выбивали перины, подушки, одеяла; снимали занавески. Мыли избу «с верхов», т.е. начиная с потолка. Затем вытирали пыль со стен, шкафов, полок; протирали оконные рамы; вынимали из буфета и мыли посуду. В последнюю очередь мыли полы и застилали их чистыми половиками; развешивали шторы и занавески – посветлее и понарядней.

Уборка дома предшествовала каждому празднику. Ср.: «Бабушка любила чистоту. В коридоре она не разрешала крашенные полы – были некрашенные, желтые. Перед праздником полы намоет, нашьет половиков из мешков, откипятит – раньше кипятили в глиняных кубах, в печке. Этими половиками пол застелет. А уж в праздник снимаешь – значит, пол чистый, высох уже. В канун праздника топили баню, мыли, чистили самовары» (АС, К.Г. Заборщикова, 1906 г.р., д. Кузомень, 1983 г.).

«Народ был чистоплотный, хоть бедный. Бедны люди, бедны были, но полы нашоркают, мосточки нашоркают³⁵. И шоркали до белой пены, пока пена не пойдет. В каждую неделю (в субботу)» (АС, Е.М. Долгих, 1919 г.р., д. Умба, 2008 г.).

Вплоть до последней четверти XX века терчане старшего поколения соблюдали обычаи, оберегающие пространство избы от вторжения недобрых сил и губительных влияний. «Благословить посуду и с молитвой оставить. И чтобы была закрыта с молитвой. А то леший утащит и будет пользоваться» (АС, Н.В. Немчинова, 1926 г.р., д. Чапама, 1983 г.). «Как уходить надолго из дома – метелку в порог поставь и скажи: “Господи благослови!”» (АС, А.А. Кузнецова, д. Тетрино, 1983 г.).

Особые действия сопровождали переход в новопостроенное жилье.

«Когда идешь в новый дом, нужно сказать: “Хозяин, иди со мной!” (пригласить в новый дом). И взять с собой кошку или полено дров» (АС, А.И. Елисеева, 1923 г.р., д. Тетрино, 1982 г.). «В новый дом переходили и хозяина с хозяйюшкой приветствовали: во все углы по пятьдесят копеек бросили – серебряные. Во все углы бросили, и в подполье, и в подпечье» (АС, А.Н. Абросимова, 1919 г.р., д. Кузомень, 1984 г.).

Вера в существование домовых («хозяев») – сверхъестественных обитателей и покровителей избы – бытовала повсеместно, обогащаясь новыми чертами, «осовремениваясь», но оставаясь при этом довольно устойчивой³⁶.

«Говорили про домового тоже. Хозяин дома, говорили. Теперь дак ангел-хранитель, а раньше говорили – хозяин. В новый дом переходили – из старого дома хозяина звали: “Хозяин с хозяйюшкой, с малыыми деточками – к нам в новый дом! Живи с нами!”

Тут одна женщина рассказывала: “Новый дом построили. Я из старого дома пошла. А научили меня люди: пошла – в старом доме говорю...” (Ну, позвала их, хозяйина с хозяйюшкой).

Вот она поговорила. А сумка на столе была поставлена. Сумку взяла и пошла в новый дом.

“Сумку раскрываю – там два котеночка. Хозяин с хозяйюшкой! Я принесла их домой!”» (АС, А.А. Абросимова, 1925 г.р., д. Умба, 2011 г.).

Исходя из сведений, предоставленных картографами, а также из сообщения С.В. Максимова³⁷, в середине XIX века на Терском берегу насчитывалось двенадцать деревень, расположившихся друг за другом вдоль побережья. Сейчас из этих поселений осталось девять: исчезли Пулоньга, Сальница, Порья Губа; а Пялица и Стрельна обитаемы только летом.

Сопоставляя данные, приводимые в различных источниках, можно сделать вывод о том, что расцвет терских деревень, как и региона в целом, характеризуемый увеличением числа домовладений и более или менее успешной хозяйственной деятельностью, пришелся на период с последней четверти XX столетия до 1930-х годов³⁸.

Церкви и часовни к концу XIX века были возведены в каждой деревне Терского берега, а в некоторых – по две и более. В Умбе в церкви – три престола: во имя Воскресения Христова, Петра и Павла, Знамения (1894 г.)³⁹. В Кузреке – церковь во имя Сретения Господня (1885 г.). В Оленице – во имя Рождества Иоанна Предтечи (1894 г.)⁴⁰. В Кашкаранцах – во имя Тихвинской иконы Божией Матери (1895 г.)⁴¹. В Кузомени – церковь во имя Великомученика Димитрия Солунского с приделами во имя Всемилоственного Спаса и Благоверного Князя Александра Невского (1887 г.)⁴², Сретенская церковь (1863 г.), Покровская церковь (1861 г.). В Варзуге – Никольская церковь (1705 г.), Успенская церковь (1674 г.), церковь во имя Апостолов Петра и Павла (1864 г.)⁴³, церкви во имя Преподобных Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев и Святого Афанасия Александрийского (1882–1883 гг.)⁴⁴. В Чаванье – церковь во имя Архистратига Михаила (1863 г.). В Тетрино – церкви во имя Пресвятой Троицы (1844 г.) и во имя Святителю Василия Великого (1883 г.)⁴⁵. В Стрельне – церковь во имя Преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев (1889 г.). В Чапаме – во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы (1873 г.). В Пялице – Никольская церковь (1871 г.).

Особое место заняли церкви, часовни во имя Николая Чудотворца, Спасителя на водах. Они располагались по всему побережью, обрамляя его. Никола вешний – престольный праздник первой из западных («верховских») деревень – Порьей Губы. Николу зимнего и вешнего (22 мая и 19 декабря соответственно) справляли в одном из последних восточных («низовских») поселений – Пялице. Никольскую церковь возвели в многолюдной, преуспевающей Варзуге.

В Умбе, выезжая на промысел, посещали часовню Николая на устье, выстроенную на левом берегу реки. «А еще часовня на том берегу реки – Никола Угод-

ника <...> Когда уезжали в море на рыбалку – всегда заходили в часовню, помолятся – и уезжают дальше» (АС, Е.М. Долгих, д. Умба, 2008 г.).

Помимо уже упомянутых дней Николы зимнего и вешнего, престольными праздниками, о которых помнили местные жители старшего возраста в последней четверти XX века были: Петров день, Троица (в Умбе); Сретенье (в Кузреке); Иванов день (в Оленице); «летняя Тихвинская»⁴⁶ (в Кашкаранцах); Покров, Сретенье, «память Александра Невского»⁴⁷ (в Кузомени); Петров, Ильин дни, Успение⁴⁸ (в Варзуге); Михайлов день⁴⁹ (в Чаваньге); Троица, Васильев день⁵⁰ (в Тетрино); Виденье⁵¹ (в Чапаме).

На Терском берегу, как и в других регионах Русского Севера, локальная структура праздничного года сформировалась путем «предпочтительного отбора» основных дат православного календаря, которые отмечали в форме праздников-престолов, соотнесенных с «именными названиями» местных часовен и церквей⁵².

Ряд «престолов» Терского берега входит в число больших годовых («двунадесятих») праздников. Выбор других обусловлен, по всей вероятности, особенностями местного климата и ведения хозяйства. Значительная их часть соотносится с периодами «походов» (лова) семги; Михайлов день знаменует время осенне-зимнего завершения семужьего промысла, Сретенье – время отправления на торосовый промысел, Никола вешний и зимний, как и Покров, – начало и окончание хозяйственно-промыслового года.

Некоторые «престолы» в поселениях, упоминающихся с XV–XVI веков (Умба, Кашкаранцы, Варзуга)⁵³, обязаны своим появлением деятельности монастырей, особенно Соловецкого, о чем, помимо других исторических данных⁵⁴, свидетельствует последовательное возведение церквей во имя Зосимы и Савватия, Соловецких Чудотворцев (1683, 1882, 1889 гг.).

Местный праздничный календарь, размеченный чередой престольных праздников, – результат длительного взаимодействия канонического церковного календаря и календаря «церковно-народного», поскольку приходы Терского берега сложились в окончательном виде только к концу XIX столетия (1890–1894 гг.)⁵⁵.

Одной из последних была выстроена Зосимо-Савватиевская церковь в Стрельне.

«В 1911 году начали строить, а после война пала, колокольню не достроили. Колокольня так и осталась. Плотники строили не местные, а лес здесь рубили.

Было пять или шесть колоколов. Один большой, остальные поменьше, а последний – с заварочный чайник. Маленькие все привязаны к одной веревочке. Они все вместе звенят, а поют разное <...>

Три купола было – на алтаре, на церкви и на колокольне. Купола шикарные, зеленой краской крашены.

Хулиганства же не было в церкви: изнутри снимаешь шапки. У нас долго старики религиозны ходили, служили. Народ слушал.

Купола спилили молодежь, комсомольцы. Иконостас был золото, с Архангельска привезено. Снесли в амбарушко плохой, все золото оперхло, переносило снегом. Когда церковь стали разорять, война началась. Она так и стояла, а после все увезли (иконостас прел ведь) <...>

Клуб-то сделали в церкви, а плясать некому – всех на войне поубивали» (АС, М.Н. Сурядов, 1908 г.р., д. Стрельна, 1984 г.).

На протяжении 1930-х годов все церкви и часовни Терского берега закрыли, превратив по большей части в клубы либо склады. При этом уничтожали колокольни и купола, сбрасывали колокола, но остов здания оставался, как правило, нетронутым, хотя отдельные церкви сгорели. Рассказы о разрушении церквей и клишированные повествования о наказаниях святотатцев многочисленны в традиции XX века, бытуют они на Терском берегу и сейчас.

«Александра Невского новая была церковь. Когда колокола с нее снимали, – один скатился, другой наполовину в землю ушел. Полколокола в землю ушло. Попа ликвидировали (выслали старика). Искривленье како-то было» (АС, К.Г. Заборщикова, д. Кузомень, 1983 г.).

«От Малой Кумжевой (тоня. – М. В.) церковь пялицкая была видна – как бела чайка, а купмолы светлы, придает вид такой красивый. Было видно за двадцать пять километров, как в Пялице церковь горела. Горела разноцветным пламенем. Кто разрушал церкви – кто топился, кто стрелялся» (АС, М.К. Абросимов, 1914 г.р., д. Пялица, 1982 г.).

«Мы с войны пришли – куполов у церкви уже нет. Не своей смертью умер, кто разрушал» (АС, Н.Г. Котлов, 1913 г.р., д. Тетрино, 1983 г.). «Мужа заставили кумполы снимать и колокольню. Так он десять лет проболел – дрожжевитый паралич» (АС, М.К. Плотникова, 1914 г.р., д. Кузомень, 1984 г.).

В Кузомени после закрытия церкви Александра Невского сложилось повествование о появлении этого святого «во всем белом» со словами: «Разорили меня – разорят Россию!», что предвестило начало Великой Отечественной войны (АС, А.Н. Абросимова, д. Кузомень, 1984 г.).

Судить о художественных достоинствах терских церквей на основе малочисленных фотографий и фрагментарных рассказов трудно. Единственной жемчужиной среди них, по-видимому, была и остается варзугская Успенская церковь – признанный памятник архитектуры (ил. 3, 4).

В настоящее время деревянная архитектура Терского берега производит сложное, двойственное впечатление. Восстановление утраченных храмов, которое ведется весьма энергично (ил. 5), происходит без надлежащего надзора специалистов-архитекторов и реставраторов. Зачастую (в деревнях Кузомени, Чаванге, Умбе) оно осуществляется без учета прежнего облика церквей и их местоположения, по некоему типовому проекту (шатровая деревянная церковь с избыточной резьбой).

Деревни Терского берега превращаются постепенно в дачные поселки. В Умбе, к примеру, коренным жителям (по данным 2008 г.) принадлежало 39 домов из 65.

Новые хозяева активно перестраивают выкупленные под дачи избы. Этот процесс, никем не контролируемый, вызывает серьезную обеспокоенность, поскольку растущее количество дачных новоделов, выстроенных в стиле финских коттеджей, непоправимо разрушает традиционный облик северно-русской деревни.

Примечания

¹ Автор благодарит Светлану Николаевну Клещеву (Мудреченко), уроженку д. Чаваньги, знатока повседневного быта деревень Терского берега, за помощь в написании статьи. В ее основу легли фольклорно-этнографические материалы, собранные автором во время экспедиций 1981–1988 и 2008–2014 гг.

² Поромов И. Описание Мезенского уезда. Архангельск, 1958. С. 3.

³ Ефименко А.Я. Артели в Архангельской губернии. II. Артели для лова рыбы // Сборник материалов об артелях в России. СПб., 1874. Вып. 2. С. 22.

⁴ Попов А. Терский Берег // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (здесь и далее ИАОИРС). 1914. № 1. С. 1–2.

⁵ Меркурьев И.С. Живая речь Кольских поморов. Мурманск, 1979. С. 161.

⁶ Бернштам Т.А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 93. Успешность тороса была обусловлена чередованием «промысловых и не промысловых годов». Ср.: «Жители д. Умбы говорили мне, что они на зверя совсем не ходят, а прежде, до 1887 г., ловили его сетками в октябре и ноябре, а на торосовый промысел, начинающийся с 1 (14. – М. В.) февраля, вблизи с. Поноя, вот уже 7 лет как не выезжают. “Ходили, ходили, хлеба на льду съели много, а ничего не приобретали и перестали промышлять”. Начиная с д. Оленицы крестьяне продолжают ходить на торосовый промысел... <...> Затем все жители дальнейших к Поною деревень подтверждают упадок промысла». «Плохими» стали и 1890–1892 гг. (см.: М-ов Н. Терский берег, его население и промыслы // Сборник «Нивы». Ежемесячное приложение к журналу «Нива». СПб., 1892. Т. II, № 5. С. 439, 457). «Промысловыми» были 1910–1913 гг.

⁷ Восточное («низовское») и западное («верховское») положение терских деревень по отношению друг к другу местные жители обозначают обобщенно, поскольку реально, в зависимости от «поворотов» берега, оно может быть северо-западным или юго-восточным. См.: Якобсон Р.П. Отчет по обследованию рыболовных угодий Александровского и Кемского уездов Архангельской губернии // Материалы к познанию русского рыболовства. СПб., 1914. Т. III, вып. 2. С. 14.

⁸ Здесь и далее даты приведены по новому стилю.

⁹ По утверждению Т.А. Бернштам, восточно-мурманский тресковый промысел, не выгодный для населения юго-западной части Терского берега, еще с XVII–XVIII веков перешел в руки двинян и жителей Поморского берега (см.: Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 92). Ср. также сведения о малочисленности «отходников» в Умбской волости: Якобсон Р.П. Указ. соч. С. 5, 13, 24). «В конце XIX в. в Чаваньге, Тетрино, Пялице покрусичники (про-

мысловики, находящиеся на хозяйском содержании и получающие часть добычи. – М. В.) составляли до трети мужского населения» (см.: Слезский А. Промыслы беломорского населения. СПб., 1896. С. 28–29). Для крестьян Тетринской волости мурманский тресковый лов был относительно выгоден при наличии собственных либо арендованных у односельчан судов. Колхозы Терского берега держали на Мурмане небольшой промысловый флот.

¹⁰ Подробнее о промыслах перечисленных деревень см.: Яковсон Р.П. Указ. соч. С. 41–42, 44, 46–48. Эта краткая характеристика нуждается, безусловно, в уточнениях и дополнениях. Укладываясь в более или менее общую схему, промыслово-хозяйственный календарь каждой из деревень имел ряд специфических отличий.

¹¹ Слезский П. Указ. соч. С. 31.

¹² Там же. С. 32.

¹³ АС – архив собирателя М.Н. Власовой.

¹⁴ «Дом строен на четырех братьев, – вспоминает невестка Ивана Ивановича Заборщикова. – Свекор в детстве ходил побираться. Он после работал у богатого, сдавал семгу и закупал товары. Аккуратный был работник, скопил денег» (АС, К.Г. Заборщикова, д. Кузомень, 1984 г.). Дом Ивана Заборщикова строил «за мастера» местный плотник Степан Богданов.

¹⁵ Стайка – «небольшой хлев для мелкого скота» (см.: Меркурьев И.С. Указ. соч. С. 151).

¹⁶ Ташка – «связка чего-либо, предназначенная для переноски» (см.: Меркурьев И.С. Указ. соч. С. 157).

¹⁷ Клеть – «помещение для хранения имущества, кладовая» (см.: Меркурьев И.С. Указ. соч. С. 66), которое летом могло использоваться как жилое.

¹⁸ Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные постройки) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки материальной культуры русских, украинцев и белорусов. Новая серия. М., 1956. Т. XXXI. С. 138.

¹⁹ Строения с подызбицей (жилой частью нижнего этажа) являлись достоянием в основном зажиточных хозяев, а купеческие дома, например в Кузомени, зачастую имели вид трехэтажных хором.

²⁰ О постепенном «изживании земельного комплекса» см.: Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Этнографические очерки. Л., 1983. С. 144.

²¹ Ушаков И.Ф. Избранные произведения. Кольская земля. Мурманск, 1997. Т. 1. С. 220. Об отсутствии хлебопашества в Александровском уезде см.: Слезский А. Указ. соч. С. 79–80; Сельскохозяйственный вопрос в Архангельской губернии в связи с колонизацией края // ИАОИРС. 1909. № 2. С. 41–42; Ушаков И.Ф. Указ. соч. С. 145.

²² Географическое, физическое и камеральное описание Кольского округа // Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, топографическом, статистическом и нравственном обозрении с полезными на все оные части замечаниями. Сочинение Антона фон Пошмана, составленное в 1802 г. Архангельск, 1866. Т. I. С. 183.

²³ М-ов Н. Указ. соч. С. 420.

²⁴ Умбская волость включала западные («верховские») деревни, Тетринская – восточные («низовские»).

²⁵ Подробнее см.: Якобсон Р.П. Указ. соч. С. 6, 23, 35, 38, 45–46, 48. Некоторые данные конца XIX в. см.: М-ов Н. Указ. соч. С. 419; Слезский А. Указ. соч. С. 30, 34–36. Количество домашнего скота в разные периоды существования терских деревень, конечно же, варьировалось.

²⁶ Поляшев М. Переселение крестьян Архангельской губернии на казенные земли в пределах своей губернии // ИАОИРС. 1909. № 12. С. 14.

²⁷ Ягель (яголь) – белый «олений мох» (см.: Меркурьев И.С. Указ. соч. С. 182).

²⁸ Географическое, физическое и камеральное описание Кольского округа. С. 184.

²⁹ Одним из таких последствий была вынужденная «мобильность» домашней скотины: в летне-осенний период она отправлялась с хозяевами на тоню (промысловый участок), где в период наиболее активного лова «сидели» целыми семьями «с грудными детьми и даже с рогатым скотом». «С весны уедем, 24-го июня приезжаем на сенокос. А потом уже 15-го декабря с тони обратно. Детей было шесть, посадишь их в карбас и едешь. И коров, и овец гоняем взад-вперед» (АС, Н.Г. Котлов, д. Тетрино, 1982 г.).

³⁰ Об оленеводстве терских поморов, в конечном счете не очень успешном, см.: Власова М.Н. Терский берег Белого моря: Хозяйственно-промысловый и праздничный календарь. Поверья и обычаи (по записям 1981–1987 и 2008–2010 гг.) // Русский фольклор. СПб., 2011. Т. 34. С. 248–249.

³¹ Якобсон Р.П. Указ. соч. С. 5–6, 23, 45. В западных («верховских») деревнях, расположенных поблизости от поселка Лесной, в Умбской волости, содержание лошадей имело некоторые выгоды, поскольку их использовали для работы на лесозаводе Беляева.

³² Подробнее об этом см.: Власова М.Н. Указ. соч. С. 236–254.

³³ Бломквист Е.Э. Указ. соч. С. 161–164.

³⁴ Пришвин М.М. В краю непуганых птиц: Очерки Выговского края. СПб., [б.г.]. С. 68–70.

³⁵ Шоркать – «тереть, скоблить»; мосточки (мостки) – «настил из досок на улице, во дворе, в хлеву» (см.: Меркурьев И.С. Указ. соч. С. 180, 87).

³⁶ К сожалению, ограниченные размеры статьи не позволяют подробно развить этот тезис, снабдив его необходимыми примерами.

³⁷ Максимов С.В. Год на Севере. СПб., 1890. С. 219–220.

³⁸ Огородников Е.К. Мурманский и Терский берег по «Книге Большого Чертежа» // Записки ИРГО по отд. этнографии. СПб., 1869. Т. II. С. 581–675; Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года: Итоги подворной переписи. Архангельск, 1916; М-ов Н. Указ. соч. С. 392–458; Регель К.В. Путешествие по Кольскому полуострову летом 1913 г. // ИАОИРС. 1914. № 11. С. 329–338; Якобсон Р.П. Указ. соч. С. 1–204; Ушаков И.Ф. Указ. соч. С. 200, 306–307; и др.; Терский Берег Беломорья: Терчане о прошлом и настоящем своих селений: сб. Умба, 2010.

³⁹ Взамен построенной в 1765 г. «В новой церкви было три престола: главный – Воскресенский, придельные – Петропавловский и в честь Знаменской иконы Божией Матери». См.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. Вып. 3: Уезды Онежский, Кемский и Кольский. С. 261.

⁴⁰ Одноименную церковь 1850–1860 гг. постройки заменили новой. См.: Там же. С. 259.

⁴¹ Церковь перестроена из часовни во имя Тихвинской иконы Божией Матери, существовавшей с XVIII до середины XIX в.; она сгорала, перестраивалась и возобновлялась. См.: Там же. С. 259.

⁴² Церковь возведена вместо Дмитриевской церкви, существовавшей с 1845 г. См.: Там же. С. 246.

⁴³ На месте храма (или храмов) во имя Апостолов Петра и Павла и Николая Чудотворца (1694 г.), которые периодически горели и восстанавливались. См.: Там же. С. 252.

⁴⁴ Церкви возведены вместо обветшавших церквей – Зосимо-Савватиевской (1683 г.) и Афанасиевской (1597 г.). См.: Там же. С. 252–253.

⁴⁵ Церковь заменила сгоревшую, перестроенную в 1855–1860 гг. из одноименного придела. См.: Там же. С. 244.

⁴⁶ Явление Тихвинской иконы Божией Матери (9 июля).

⁴⁷ Вероятно, 6 ноября.

⁴⁸ Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, 28 августа.

⁴⁹ 21 ноября.

⁵⁰ По формулировке 1980-х годов, «Новый год» (по старому стилю), т.е. день святителя Василия Великого (14 января). «Новый год у нас живет» (АС, А.И. Клещева, д. Тетрино, 1983 г.).

⁵¹ Введение во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, 4 ноября.

⁵² Бернштам Т.А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 227.

⁵³ Огородников Е.К. Указ. соч. С. 606–607.

⁵⁴ Подробнее см.: Христианство в пределах Архангельской епархии. Сообщил Макарий, епископ Архангельский и Холмогорский // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. М., 1878. Кн. 3. С. 37.

⁵⁵ Кузоменский приход оформился в окончательном виде в 1861 году; Кашкаранский и Варзугский Петропавловский приходы – в 1890 году; Тетринский и Чапамский приходы – в 1894 году (см.: Краткое историческое описание... С. 242, 244, 246, 247, 257).

Амборнетти – проект автономной деревни в высокогорье Монвизо (Италия) с постройками из местной древесины

Целью проекта Амборнетти является восстановление деревни, существовавшей когда-то в северной части Италии в области Пьемонт. В середине прошлого века отсюда, равно как и из остальных районов итальянской части Альп, начался массовый отток населения. Такая тенденция была типичной для всех высокогорных районов Европы, и деревня Амборнетти не стала исключением (ил. 1). В летний период здесь пасся скот и жили люди, а сейчас планируется построить гостиничный комплекс, корпуса которого будут располагаться в различных частях деревни.

Проект возрождения деревни Амборнетти предусматривает применение ряда инновационных решений и возможность тиражирования этого опыта в аналогичных местах.

Процесс создания жизнеспособной, устойчивой модели деревни, а также строительства домов и внутренней отделки помещений предусматривает использование местной древесины. Благодаря простой логистической цепочке «лесохозяйство – лесопильный завод – инженер, архитектор, плотник, т.д.» ожидается развитие местной экономики. Как сырье имеющаяся в Пьемонте древесина не используется в полной мере: импортная дешевле, однако ее транспортировка наносит вред окружающей среде. В связи с этим проект станет демонстрацией применения в строительстве местного сырья – каштана, самой распространенной здесь породы.

Возрождение традиционной высокогорной деревни. Амборнетти представляет собой типичную высокогорную деревню. Она расположена на высоте 1600 м над уровнем моря в долине Пьемонта. Здесь среди Альп находится множество похожих друг на друга деревень.

Люди селились поближе к воде и подальше от мест возможного схода лавин и оползней. Дома строили из местного материала и всегда ориентировали их на юг. Все они были однотипные: несущие конструкции изготавливали из камня, кровлю – из дерева, на которое для укрепления поверхности накладывалось тонкое покрытие из камня. На первом этаже располагался хлев, на втором – амбар и жилая часть. Жители занимались сельским хозяйством и животноводством.

К сожалению, в середине прошлого века население по социально-экономическим и культурно обусловленным причинам стало из горных районов уезжать.

Из-за отдаленности от городов и стремления пользоваться благами цивилизации традиционный образ жизни в сельской местности стал восприниматься как архаичный. Люди покинули деревни, сельское хозяйство в горных районах больше не велось, здания, земельные владения и традиционный ландшафт с террасированными склонами пришли в упадок.

В 1950-х годах деревня Амборнетти оказалась заброшенной. Изначально она функционировала как горное пастбище, и люди жили здесь всего несколько месяцев в году (в весенне-летний период). Сохранилось 20 домов, большинство из которых пришли в упадок. Из деревни открывается панорамный вид на гору Монвизо (высота 3842 м), которая видна в Пьемонте отовсюду (ил. 2). Проект предусматривает восстановление сохранившихся домов (с применением местных материалов) и строительство новых – большей площади.

Проект гостиничного комплекса. С учетом произошедших изменений и необходимости возродить деревню в новом качестве Амборнетти станет объектом туризма. Из горного пастбища она превратится в новый гостиничный комплекс типа *albergo diffuso* («рассредоточенный отель»). Данный тип является в Италии инновационной разработкой и отличается от традиционной планировки тем, что составляющие его элементы располагаются по всей территории населенного пункта и будут иметь в своем составе сохранившиеся старые постройки.

В состав деревни Амборнетти войдут гостиница (шесть корпусов, 32 места); ресторан класса люкс (на 60 человек); спа-комплекс с бассейном, из которого открывается панорамный вид на горы; креативная зона (в том числе для деловых мероприятий); объекты размещения персонала.

В целях возрождения традиций сельского хозяйства и современного обеспечения нужд местного населения планируется построить ферму с маслодельней, на которой бы выращивались козы и делался сыр. Продукция фермы будет использоваться для приготовления блюд в ресторане (ил. 3). Планируется возобновить выращивание традиционных культур – гречи, картофеля, риса, а также начать выращивание шафрана.

Высокотехнологичная деревня. Поскольку деревня Амборнетти расположена на отдаленной территории, коммунальное обеспечение в ней (электричество, водопровод, канализация) должно быть автономным. В обеспечении автономности деревни проект предусматривает строительство объектов для производства энергии, водоснабжения и водоочистки, утилизации мусора, что в технологическом плане составит его сильную сторону.

Энергия будет поставляться из возобновляемых источников с помощью фотогальванических элементов, солнечных панелей, ветряков и геотермальных установок. В качестве инновационных решений будут использованы небольшие локальные установки для термообработки и переработки отходов в энергию, использования вторичного тепла, электроимпульсной водоочистки. Кроме того, проект предусматривает очистку и хранение ливневых вод; вторичное исполь-

зование и очистку бытовых сточных вод с энергопроизводством на основе реактора для ферментативного гидролиза.

Проект направлен на демонстрацию данных технологий, а также на возможности тиражирования его опыта на иных отдаленных территориях, подобных деревне Амборнетти. Выбрав правильные технологические решения, жизнь можно возродить на любой отрезанной от цивилизации территории.

Развитие рынка местной древесины. Как сырье растущая в Италии (в частности, в Пьемонте) древесина используется в весьма малых объемах. Причиной этого является импорт дешевых древесных материалов из Франции и Австрии (в том числе хвойной древесины, клееной и т.д.), поставляемых большими партиями в различных размерах.

Местная древесина уже почти не используется, специалистов-плотников, знающих технику работы с ней, в Пьемонте почти не осталось.

Снижение спроса на местное сырье повлекло за собой ухудшение состояния лесов: рубки ухода в них не проводятся, доступ в леса затруднен, качество древесины низкое. Кроме того, поскольку свойства древесины в разных массивах разные, обеспечить систематическую поставку однородного сырья трудно.

Проект имеет целью доказать целесообразность использования местной древесины, а именно каштанового дерева, произрастающего в Пьемонте повсеместно и обладающего хорошими эксплуатационными свойствами. Применение каштана в строительстве рассматривается региональными властями как способ перезапустить лесохозяйственные работы, а также обеспечить естественный ландшафт охраняемыми мероприятиями. Данная задача отражена в качестве приоритетной в программе Европейского фонда регионального развития на 2014–2020 годы, являющейся основным механизмом обеспечения развития сельской местности, ее экономики, аграрной промышленности, лесного хозяйства. Финансирование проекта будет осуществляться из средств данной программы.

Проект будет способствовать применению новых практик лесопользования и развитию партнерских связей между собственниками лесов и местными органами власти. Эти связи нужны для обеспечения комплексного лесопользования в государственных и частных лесах, предотвращения фрагментации лесных участков, налаживания сотрудничества между лесозаготовителями и деревообработчиками. Все это, в свою очередь, позволит создать новую цепь поставок на уровне заготовки и обработки местного сырья – каштана, а также наглядно показать целесообразность использования местных ресурсов. Проект восстановления деревни Амборнетти как раз и станет площадкой для апробации этой цепи поставок: он продемонстрирует применение местной древесины в строительстве, а привлечение в него архитекторов и проектировщиков позволит увеличить спрос на данное сырье.

Каштановое дерево станет материалом для строительства новых зданий (балочно-стоечные каркасы), реконструкции кровель и половых настилов сохра-

нившихся домов, внутренней (ил. 4) и наружной отделки помещений. Мебель в гостиничных корпусах также будет изготовлена из дерева (ил. 5).

Проект Амборнетти станет площадкой для демонстрации возможности восстановления жизни в высокогорной сельской местности. Он покажет, как на полностью забытой и пришедшей в упадок территории можно создать новую экономику, начав туризм, возобновив сельское хозяйство, раскрыв потребительскую ценность местной продукции и значимость объектов культурного наследия. Возрождение территории будет происходить с помощью местной древесины. Проект наглядно продемонстрирует возможность применения в строительстве растущей на данной территории древесины, что, в свою очередь, внесет вклад в развитие местного рынка древесины и лесовосстановление.

Местом реализации проекта является отдаленная деревня, а сам он станет возможным благодаря техническому прогрессу – возобновляемым источникам энергии и инновационным решениям. Они смогут поддерживать в деревне жизнь, даже несмотря на то, что она не подключена к центральному водо- и электроснабжению, канализационной системе. Амборнетти в этом плане станет пилотным проектом, опыт которого может быть тиражирован в отдаленных территориях.

Деревянные постройки пейзажного парка «Царицыно» и проблема их воссоздания

Постройки из дерева – исконного, можно сказать, национального строительного материала, получили широкое распространение в российских парках XVIII века. Нередко они представляли собой имитацию кирпичных или каменных строений, как, например, Пагоденбург и Столбовая беседка в усадьбе Кусково, «античная» триумфальная арка в парке Богородицка. Но в последней трети XVIII века появилась категория садовых построек и малых форм, в которых дерево не маскировалось отделкой, а несло самостоятельную эстетическую и смысловую нагрузку. Именно они будут главным предметом нашего рассмотрения. Сложность исследования состоит в том, что деревянные сооружения сохранились в очень редких случаях, поэтому придется широко пользоваться описаниями, а также теоретическими трактатами, увражами и гравюрами XVIII – первой трети XIX века. Имеющиеся источники позволяют показать различные разновидности таких построек, в частности существовавших в царицынском парке.

Авторы садоводческих трактатов второй половины XVIII века предлагали различные классификации районов и участков парков, различая их по характерам – эмоциональному и смысловому содержанию и воздействию на посетителей. Наиболее ярким выражением характера района или участка парка в XVIII – начале XIX века обычно становились составлявшие их композиционную и образную кульминацию искусственные объекты (скульптура, малые формы и др.) и особенно архитектурные сооружения. «Если кинется где-нибудь [в глаза] хоть небольшое здание, так все окрестности вдруг властно как оживотворяются, и все места получают лучшие и картинные виды», – писал знаток садового искусства А.Т. Болотов¹. Деревянные постройки, разумеется, также входили в число таких акцентов, в первую очередь для местоположений, обладавших простым, или, как его еще называли, сельским (рустическим) характером. И именно пейзажные парки, как более «естественные», становились главным местом размещения деревянных строений.

В Царицыне – резиденции Екатерины II, пейзажный парк в 1784 году начал формировать английский садовник Френсис Рид, приступив к преобразованию ранее существовавших плодовых садов и заповедных рощ имения Черная Грязь, купленного у князей Кантемиров Екатериной II. К концу XVIII века была

в основном создана планировочная и объемно-пространственная структура парка, в которую были включены некоторые элементы старой регулярной планировки и совершенно новые пейзажные участки. Знаменитая дворцовая поляна появилась в начале XIX века. Тогда же, в первые годы XIX века, приступили к сооружению различных парковых построек.

В это время после периода запустения, выпавшего на годы царствования императора Павла I, парк Царицына находился под особым попечением главноначальствующего Экспедиции кремлевского строения П.С. Валуева. В его ведении состояли Кремль и все императорские имения в Москве и ее окрестностях. Валуев любил Царицыно и до своей смерти в 1814 году успел сделать для пейзажного парка оставленной императорской резиденции много полезного. Неслучайно период наибольшей славы и расцвета парка приходится на первую треть XIX века, когда стали заметны результаты деятельности Валуева и его подчиненных. В числе прочего именно в «валуевское» десятилетие в парке Царицына появились все павильоны и малые сооружения. Описывая в 1823 году царицынский парк, современник отмечал: «...обширные пруды, тенистые аллеи, зелень с умением прибранная, бесконечные дорожки, беседки и домики, везде разбросанные, беспрестанно занимая зрение, производят разнообразные впечатления»². Наиболее значительные постройки царицынского парка были выполнены из кирпича или камня. Это были отвечавшие эстетике классицизма галереи «Миловиды» и «Нерастанкино», беседка «Храм Цереры». Все они были поставлены в самых эффектных точках, рассчитанных на обзор издали высокого правого берега Верхнего Царицынского, или, как его тогда называли, «Англинского» пруда. Чуть ниже располагалась «готическая» башня – руина, а у подножья берегового склона прятались искусственные пещеры-гrotы. Деревянными постройкам не нашлось места на этом главном парковом «фасаде», виды на который открывались с воды или противоположного берега, т.е. с Покровской стороны парка.

Деревянные сооружения заняли вторую линию парковых построек, отнесенных несколько вглубь территории. По контрасту с рассчитанным на панорамный обзор и видовые перспективы берегом эта часть парка имела закрытый характер. Здесь пролегали аллеи, обсаженные старыми березами и липами, были сформированы густые куртины, за которыми скрывалась между елей одна из главных достопримечательностей местности – группа погребальных курганов вятичей. Возле них стояли мраморная статуя и урна на постаменте, говорящая посетителю о бренности всего сущего.

Неподалеку от этого меланхолического места располагалась самая известная деревянная постройка царицынского парка. В экспликации к «Плану Царицынскому саду с строениями при нем» 1816 года она названа «Хижинкой», а в экспликации к «Плану Царицынского Дворца с садом» начала XIX века – «Езопкой». Этот домик отмечен в опубликованной И.Е. Забелиным «Описи царицынского

сада» 1825 года под № 10 как «хижина из березового лесу, крытая тесом под краскою»³. Постройка имела на первом этаже три комнаты, а также «светелку» с балконом на втором этаже. При домике была кухня. Сохранились изображения павильона в мелком масштабе – на «Плане Царицынскому Саду» (ил. 2)⁴, но гораздо лучшее представление о фасаде Хижины дает отдельный чертеж (ил. 2)⁵. Двускатная тесовая кровля с фасада опускалась до земли. Столбики, поддерживавшие балкон мезонина, были сделаны из «натуральных» неокоренных березовых бревнышек. Из неокоренных же стволов, поставленных вертикально, был сложен основной объем постройки. Дверь и окошки имели мелкую расстекловку. Главной изюминкой постройки был его строительный материал – береза. Сооружением домика в 1807 году руководил немецкий садовник К.С. Унгебауэр. Он служил в Царицыне с 1804 по 1813 год и внес значительный вклад в развитие и обустройство парка, не только ведая садами и оранжереями, но и производя небольшие строительные работы. Хижина просуществовала до 1877 года, когда была разобрана за ветхостью.

Другим родственным Хижине объектом была постройка, располагавшаяся примерно на таком же отдалении от кромки берегового холма на небольшом участке между Большим проспектом и сильно вдающимся в береговую линию глубоким оврагом. Деревянная «Избушка с кухонкой и светелкой» по конструкции и планировке была очень близка к вышеописанной Хижине, но имела два каменных крыльца. Рядом с ней за выкрашенным заборчиком располагались стол и две скамьи. К заборчику вел мостик с «поручнями из дубовых сучьев»⁶. Описи и планы царицынского сада зафиксировали время ее существования на протяжении примерно первой половины XIX века.

Помимо деревянных домиков в парке Царицына были и другие малые объекты из дерева. У подножия ступенчатой «Абрезной горы», на которой возвышается Малый дворец Екатерины II, стояла легкая деревянная беседка-шатер, а на Покровской стороне «на краю света» среди березовых рощ возле дорожки, названной в описи 1825 года «Лешавой», т.е. лешевой, скрывалась другая небольшая беседка-павильон «из корней, внутри коей потолок и стены обиты различным мхом, в ней стояли два стола и скамьи, обитые берестой»⁷. Скорее всего, беседка должна была изображать жилище того лешего, о котором говорит название дорожки. В данном случае строительный материал (дерево) – уже не знак сельской простоты, но знак дикого природного состояния. Не случайно поставлена постройка в отдаленном месте, в глуши. Подчеркнем, что и в убранстве этой беседки обыгрывалась эстетика бересты. Но, являясь одной из многочисленных садовых затей, эта беседка не играла значительной роли в композиционной и смысловой структуре пейзажного парка Царицына⁸.

Еще одним периферийным объектом из дерева была «Турецкая палатка»: «...из тесу, выкрашена разными красками, внутри потолок подбит разноцветной бумажной материею, в ней вокруг столба стол деревянный и восемь скамеек под

краскою»⁹. Она также стояла на границе парка, на Покровской стороне недалеко от жилища лешего. В данном случае мы встречаемся с категорией деревянных строений, где материал играет лишь конструктивную, но не эстетическую роль, и это выводит ее за рамки нашего исследования.

Наибольший интерес для нас представляют, безусловно, березовые Хижина и Избушка. Они являются вариантом пасторальных построек близких шале, которые распространились в России с 1780-х годов. Этому условному жилищу швейцарских пастухов были также родственны рыбацкие и всякие иные хижины. Хорошим примером тому служит пейзажный парк Гай подмосковной усадьбы графов Шереметьевых Кусково. Хотя сам парк, разбитый в 1770–1780-х годах, давно перестал существовать, его подробные описи сохранились. Среди многочисленных построек парка можно выделить сразу несколько пасторальных. Это Хижина рыбака, Шомьер – жилище угольщика, «Пристанище хорошим людям». Все они представляют собой легкие сооружения, архитектурные декорации, относящиеся к увеселительным парковым затеям. Так, в крытом соломой Шомьере находился стол, за которым несколько «восковых персон» – обманок, изображавших сельских жителей, были представлены за игрой в карты. Были такие сооружения и в пейзажных парках резиденций императорской фамилии. В ранний период в Павловске помимо Старого Шале возникли Хижины угольщика и пустычника.

Описания и изображения пасторальных сооружений можно было найти во множестве теоретических трактатов и увражных альбомов. Особенно схожей по облику с царицынской Хижиной является «Рыбачья хижина», помещенная в 21-й тетради обширного увражного издания конца XVIII века «Собрание новых мыслей для украшения садов и дач...»¹⁰. Вновь мы видим постройку с двускатной, доходящей до земли кровлей, «светелкой» и небольшим балконом, который поддерживают столбики из необработанных стволов дерева. Характер, отделка, наконец, название говорят сами за себя. Весьма вероятно, что за основу проекта царицынских «березовых домиков», как их можно обобщенно назвать, было взято изображение из какого-либо увража.

Так называемые «березовые домики», к которым можно отнести и царицынские постройки, можно выделить в отдельную группу пасторальных, сельских сооружений. Одним из первых их примеров в садах и парках императорских усадеб стал «Соломенный дворец» в Английском парке Петергофа. Он был сооружен Д. Кваренги в 1781 году практически одновременно с Английским дворцом и служил этому классицистическому зданию выразительным контрастом. Бревенчатые стены одноэтажной постройки под соломенной кровлей были снаружи обиты берестой, но интерьеры в противоположность скромному внешнему виду здания отделали с блеском и роскошью. Помимо гостиной и овального зала-салона «березовый домик» скрывал шесть кабинетов, стены которых были убраны зеркалами, в том числе кривыми, что создавало богатую

игру отражений, призванную приводить посетителя в замешательство и изумление. Архитектурная шутка – «Соломенный дворец» становился сюрпризом. Таким образом проявлялось наследие игровой культуры рококо. То же можно сказать и о другом Березовом домике в Гатчине (между 1784 и 1787 гг.). Он был построен великой княгиней Марией Федоровной как подарок-сюрприз ко дню рождения ее супруга – цесаревича Павла Петровича. Сюрприз здесь был тройной, поскольку внешний вид домика имитировал поленницу березовых дров на опушке рощи, а внутреннее убранство вновь по контрасту с внешним видом поражало изящной роскошью.

Царицынские березовые Хижина и Избушка, сохраняя пасторально-сельский облик, утратили характер архитектурной игрушки-сюрприза. Их предназначением было служить гостевыми домиками для приезжавших в Царицыно посетителей парка. По мысли П.С. Валуева, посетители могли бы «безденежно» останавливаться в них на несколько дней, поскольку в начале XIX века царицынский парк, как и другие сады московских имений императорской фамилии, был открыт для публики.

Было бы интересно проследить дальнейшую судьбу деревянных сельских строений в пейзажных парках. Сделаем это на примере Никольской избы в Луговом парке Петергофа. Вместе с флигелем, сараем и навесом это основательное двухэтажное сооружение должно было выглядеть как богатая сельская усадьба¹¹. А.И. Штакеншнейдер, обустроивавший Луговой парк, поставил ее в 1834 году не в укромном уголке, как «березовый домик» в Гатчине или Хижина Царицына, а на открытом берегу Никольского пруда. Изба была сложена из крупных бревен, имела высокое резное крыльцо и балконы, окна обрамляли фигурные наличники с расписными ставнями. Интерьеры стилизовали под богатое крестьянское жилище. Как считают исследователи, именно Никольская изба, мало напоминавшая «березовые домики» ушедшей эпохи, стала первой парковой постройкой в национальном русском стиле. Но, подобно «березовому домику» в Гатчине, избу построили по приказу Николая I как сюрприз для Александры Федоровны. Изумленную появлением новой постройки императрицу на пороге встретил хозяин в сюртуке военного инвалида, пригласил зайти в дом, где представил своих детей, одетых в крестьянские костюмы, и просил принять их под высочайшее покровительство. Не подавая виду, Александра Федоровна без труда опознала в инвалиде своего супруга, а в его потомстве – великих князей и княжон. Позднее государыня нередко приезжала в Никольское «кушать чай». Принимая ее и сохраняя роль ветерана, Николай Павлович «как хозяин, угощал свою хозяйку; тут и садик был разведен и две коровки были на случай, если государыня пожелает откусать молочка»¹². Как мы видим, несмотря на новый национальный облик, Никольская изба, а точнее усадьба, использовалась своими владельцами в традициях пасторальных деревенок Шантильи или Малого Трианона.

В настоящее время петергофская Изба хранится разобранной на бревна на складе, и перспективы ее восстановления туманны. «Березовый домик» в Гатчине, напротив, был открыт для посетителей еще в 1975 году. Благодаря проведенной до войны фотофиксации и сохранившимся обмерным чертежам он стал одной из первых воссозданных гатчинских парковых построек.

Первый этап реставрации и благоустройства пейзажного парка Царицына прошел в 2006–2008 годах. Тогда были расчищены заросли кленового подроста, произведен подсев газонной травы, который сильно повредил историческим растительным сообществам старого парка, было посажено некоторое количество кустарников, приведены в порядок дорожки. Раскрытие видовых перспектив не проводилось. Сейчас на повестку дня встал вопрос о подготовке исторически обоснованного проекта реставрации парка, а в дальнейшем и его реализации. При комплексном подходе к восстановлению не только растительных сообществ, объемно-планировочной, но и образно-смысловой структуры парка и его «местоположений» проблема воссоздания утраченных построек становится особенно острой. Применительно к деревянным строениям она осложняется тем, что проводившиеся до настоящего времени археологические исследования царицынского парка не выявили даже остатков их фундаментов. Имеющиеся изобразительные материалы скудны. Обмерные чертежи отсутствуют. Как представляется, проектировщики и реставраторы имеют в этой ситуации несколько способов решения проблемы, которые мы сейчас наметим.

Во-первых, это строительство павильонов по имеющимся аналогам. В Царицыне этот вариант был опробован в 2007 году при первом этапе реставрации парка. Тогда наряду со скульптурным убранством павильона Миловиды были воссозданы несколько полностью утраченных парковых объектов, в частности Третий гротесковый мост и грот на Глухой дорожке. За решеткой воссозданного по описаниям и примерным аналогам грота была даже установлена статуя работы современного скульптора А. Сусликова. Этот путь создания «новодела» представляется сомнительным и на сегодняшний день вызывает отторжение у культурной общественности.

Во-вторых, имеется доступный путь обозначения мест нахождения построек какими-либо памятными знаками и стендами с изображением и описанием исторических объектов. Это традиционный, апробированный временем, но не слишком эффективный способ предоставления информации об утраченных сооружениях.

Наконец помечтаем о качественно новых возможностях наглядного и успешного информирования посетителей. Такие возможности открывает привлечение новых технологических решений, которые сейчас прокладывают себе дорогу в парки. Особенно перспективными представляются технологии, позволяющие создавать дополненную реальность. В настоящее время музей ведет переговоры

с предполагаемыми фирмами-партнерами о пилотном проекте, который позволил бы апробировать эту технологию в «стрессовых» условиях парка.

Ближайшее будущее покажет, какой путь будет избран для восполнения утрат. Деревянные Хижина и Избушка, которые «маркировали» целый район, акцентируя его сельско-пасторальный характер, бесспорно, являются приоритетными объектами для возвращения на карту пейзажного парка Царицына.

Примечания

¹ Болотов А.Т. Некоторые практические замечания о садовых зданиях // Экономический магазин. 1787. Ч. 29. С. 33.

² Царицыно // Отечественные достопамятности, или изображение Русских Исторических памятников и необыкновенных произведений Природы, Наук и Художеств, находящихся в России в 4-х частях. М., 1823. Ч. 3. С. 181.

³ Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. СПб., 1872–1873. С. 347.

⁴ План Царицынскому Саду. Нач. XIX в. Б. кар., тушь, акв. ГНИМА им. А.В. Щусева.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 2922. Л. 1.

⁶ Забелин И.Е. Указ. соч. С. 347.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 349.

⁹ Там же.

¹⁰ Собрание новых мыслей для украшения садов и дач во вкусе Англинском, Готтичском, Китайском... М., 1799. Тетр. XXI. Табл. VII.

¹¹ Материалы о городах придворного ведомства. Город Петергоф. СПб., 1882. С. 128.

¹² Русский архив. Из воспоминаний Леонида Федоровича Львова. М., 1885. С. 347–348.

Деревянное зодчество Русского Севера: из прошлого в будущее

Нет ничего более хрупкого,
чем гармония прекрасных исторических мест.
М. Юрсенар

Год от года все более актуальной становится проблема обеспечения сохранности объектов культурного наследия.

Карстен Шуберт, английский писатель и исследователь, в книге «Удел куратора. Концепция музея от Великой французской революции до наших дней» пишет: «Всякий раз, пытаясь предсказать будущее, мы лишь экстраполируем свое настоящее, в то время как реальность развивается своими <...> путями...»¹.

1960–1980-е годы были временем обследования объектов культурного наследия. В этот период экспедиционно-исследовательской работой специалистов был очерчен круг ценнейших объектов культурного наследия, документальная информация о которых явилась бесценным вкладом в последующую деятельность по их сохранению.

Время изменилось. Одной из его отличительных черт стало падение реставрационной культуры. Исчезающими являются традиции народного зодчества – опыт приспособления северорусских изб к суровому климату.

Большая часть объектов культурного наследия и объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, являются фактически бесхозными в силу отсутствия собственника или иного законного владельца. Вот почему тема сохранности объектов культурного наследия заставляет возвращаться к ней на каждом новом витке вопросов, связанных с их утратами.

Современная ситуация характеризуется кризисом способов обеспечения сохранности объектов культурного наследия. Попытки свести вопрос к простой формуле финансирования не позволяют осознать всю сложность ситуации. Каждое поколение переживает свой архитектурный кризис как результат противоречивых требований и ожиданий. И каждый раз это вызов.

Выделим сохранение традиционной строительной культуры и деревянного зодчества как ее образца в условиях роста строительных технологий, отвечающих грандиозным задачам нового общественного строительства, перед чем и без того хрупкие объекты культурного наследия становятся беззащитными. Насколько они беззащитны с точки зрения своей большой истории? Прав ли Ва-

сий Белов, написавший в очерках о народной эстетике «Лад», что строительная традиция, как и песенная, в настоящее время прервана²? «Архитектура – это прежде всего организованное пространство, отчужденное от бесконечности силой художественного образа. Отобразить у безбрежности вполне определенную частицу – значит изобразить, оформить эту неопределенность, сделать уютным уголок холодного от бесконечности космоса»³.

«Практика основывается на теории, опыт проверяется и руководится наукой. Наука же на основании устанавливаемых ею законов природы объясняет, почему надо строить так, а не иначе, показывает, как надо строить, и расценивает уже построенное»⁴. Эти слова сказаны около двух тысяч лет назад древнеримским архитектором Витрувием, который свел воедино все практические знания об архитектуре и дал им научное описание и обоснование. В их числе основные принципы архитектуры. Среди них:

Ordinatio – прочность, польза и красота;

Dispositio – строительство, поддерживаемое органичным окружением, образующим культурный ландшафт;

Distributio – использование, в основе которого лежат рационализм и экономичность.

Витрувий отмечал: «Предки наши положили начало и разумному и полезному обычаю передавать потомкам свои мысли, дабы они не пропадали, но, обогащаясь от поколения к поколению, со временем достигали высшего совершенства»⁵.

Русские зодчие вряд ли знали о теории Витрувия, но их практический гений вывел идентичную формулу. «Народная жизнь в ее идеальном, всеобъемлющем смысле и знать не знала подобного или какого-либо другого разделения. Мир для человека был единое целое. Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад, сформированный еще в пору язычества. Все, что было лишним, или громоздким, или неподходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, – все это отсеивалось временем», – дополняет Витрувия В. Белов в очерках «Лад»⁶.

Обеспечение сохранности объектов культурного наследия и традиционной архитектуры – вопрос, который должен определять повестку дня в обозримом будущем. Рассмотрим четыре примера, заслуживающих внимания.

1. Перемещение и музеефикация как один из способов спасения объектов культурного наследия.

Создание в 1960–1970-х годах музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» в Архангельской области, а также других российских архитектурно-этнографических музеев было своевременным и явилось действенным способом спасения объектов традиционного деревянного зодчества от гибели. Музей под открытым небом позволяет представить картину развития северорусского деревянного зодчества, передает информацию о се-

русской плотницкой культуре, основанной на традиционном регулировании процесса строительства, начиная с заготовки леса и заканчивая обустройством интерьера.

Вновь обратимся к книге В. Белова, на сей раз размышляющего о бытовании музеев деревянного зодчества: «Музеи мертвы и безмолвны, экспонаты редко и не для всех размыкают свои уста. Превосходный музей архитектуры в Малых Корелах под Архангельском все же дает некоторое представление о русских селениях, раскинувшихся тысячами по необозримому Северу еще во времена Новгородской республики. Остатки живых современных деревень в своих древних границах, в окружении родного ландшафта говорят душе больше, чем самый богатый музей. И все-таки нужно иметь некоторое воображение, чтобы представить общий архитектурный облик деревни хотя бы и довоенного периода»⁷.

Действующие музеи, подобные музею деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», необходимо развивать как способ хранения и передачи последующим поколениям образцов традиционного деревянного зодчества. Вместе с тем, перемещение объектов культурного наследия следует рассматривать как исключительную меру.

Венецианская хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венеция, 1964) признает недопустимым перемещение объектов культурного наследия: «Памятник неотделим от истории, свидетелем которой он является, и от окружающей среды, где он расположен. Следовательно, перемещение всего памятника или его части не должно допускаться. Перемещение возможно в том случае, если это необходимо для сохранения памятника или может быть оправдано высшими национальными или международными интересами» (ст. 7)⁸.

Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон № 73-ФЗ), развивая положения Венецианской хартии, запрещает незаконное перемещение объектов культурного наследия: «Государственная охрана объектов культурного наследия включает в себя <...> установление ответственности за... незаконное перемещение объекта культурного наследия» (пп. 5 п. 2 ст. 33 Закона № 73-ФЗ)⁹.

Отметим также тот немаловажный факт, что современная генерация музеев под открытым небом (назовем их «новыми»), создаваемых в последнее время, размывает грани между оригиналом и копией, где вопрос аутентичности не имеет значения. «Новые» музеи, формируемые в сравнении с действующими музеями деревянного зодчества по иному принципу, как парки развлечений, заместили «прежний опыт зрителя – созерцательный и сопряженный с личным познанием»¹⁰. «Вместо прежних эмоций мы имеем дело с опытом, который правильно будет назвать “интенсивностью”... имперсональным ощущением, исполненным своеобразной эйфории... Индустриализированный музей... будет

иметь гораздо больше общего с другими индустриализированными сферами развлечения – Диснейлейдом, например <...> Следовательно, он будет иметь дело не столько... с эстетической непосредственностью, сколько с опытом симулякра»¹¹. Здесь безраздельно царит экстерьер.

Развивая действующие музеи деревянного зодчества и создавая новые, необходимо учитывать, что новые образования тяготеют к развлекательности. Для них уместны реплики, копии, так называемые «новоделы» и т.п. Музей же делает акцент на мемориальной составляющей и ориентируется на подлинники.

Создание «новых образований» досугового типа может идти по направлению, не связанному с перемещением объектов культурного наследия, не дискредитирующему музеи, которые формируют коллекции в качестве первичных свидетельств для установления и распространения знаний, и не противоречить Федеральному закону от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» и Кодексу музейной этики Международного совета музеев ICOM (одобренному Генеральной ассамблеей ICOM, Сеул, 2004 г.).

2. Одним из способов, исключаящих перемещение объектов культурного наследия, может служить передача в оперативное управление музеев под открытым небом объектов культурного наследия без их перемещения.

Для музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» таким объектом культурного наследия стал «Комплекс деревянных церквей: Троицкая церковь, 1727 г., Николаевская церковь, 1765 г., Колокольня, 1834 г.» в поморском селе Нёнокса. Тем самым был сохранен облик старинного села. Исходной позицией послужило признание нерасторжимости связей между объектом культурного наследия и его исторически сложившейся средой.

Еще один подобный положительный пример – передача в оперативное управление этому музею Никольской церкви, объекта культурного наследия федерального значения, и сохранение его на своем естественном месте, в деревне Новинки Приморского района Архангельской области.

Этот опыт может найти продолжение при условии расширения ресурсных возможностей музеев деревянного зодчества.

3. Один из примеров сохранения объектов культурного наследия – деятельность национального парка «Кенозерский», обеспечивающего охрану и сохранение объектов культурного наследия на месте их бытования.

В основе этой деятельности лежит сложная задача: содействие достижению баланса интересов всех сторон на территории национального парка, исходя из требований по охране исторической среды и необходимости осуществления хозяйственной деятельности.

Парк выступает гарантом сохранности объектов культурного наследия и выполняет миссию гуманизации развития за счет реализации проектов социаль-

ной защиты, формирования рабочих мест и генерирования дохода в населенных пунктах на своей территории.

В этих условиях важен вопрос отношения субъектов сохранения объектов культурного наследия, прежде всего местного населения, по поводу ресурса максимальной ценности. Природные активы в общественной собственности, к которым относятся и объекты культурного наследия, могут растрачиваться, не принося улучшения благосостояния проживающих здесь людей, и оказаться для них не приоритетными.

4. Недостатки создаваемых новых музейных организаций, где подлинные объекты выглядят неорганично и лишними, приводят к осознанию перехода на иной способ сохранения объектов культурного наследия – на территориях традиционного проживания в виде историко-культурных заповедников. Это позволяет сохранить во всей полноте архитектурную и природную среду, полноценно отражающую жизненный уклад территории, складывавшийся на протяжении столетий.

Таким историко-культурным заповедником может стать поморская деревня Кимжа в Мезенском районе Архангельской области, в настоящее время являющаяся в соответствии с Законом № 73-ФЗ объектом культурного наследия – достопримечательным местом.

Территории, которые выбирают подобный путь бытования, обрекают себя на длительный поиск способов решения многочисленных вопросов, один из которых – формирование социальной инфраструктуры как стимула для сохранения местных жителей. Именно они выступают носителем явного и неявного знания: требуются специальные усилия, чтобы неявное знание не было потеряно.

Изолированная экономика сельской местности, как правило, имеет небольшие объемы, что обостряет ее зависимость от социальных мутаций. Демографические катастрофы в прошлом вызывали неоднократные нарушения преемственности.

Кимжу, по мнению кандидата географических наук М. Кулешовой, отличает неустойчивая саморегуляция, тогда как способность к саморегуляции, воспроизведению традиционных форм жизни является одной из предметных ценностей наследия. Вместе с тем, деревня представляет живую территорию, способную к конструктивным действиям.

В романе «Бувар и Пекюше» Гюстава Флобера повествуется о двух чиновниках-переписчиках, которые получили наследство и решили посвятить себя исследованию мира идей и накопленным знаниям. Они начинают изучать биологию, химию, археологию и т.д. За какой бы предмет они не взялись, результат был всегда один и тот же: чем больше они узнавали о предмете, тем более противоречивой оказывалась информация. Теория и практика, знание и понимание оказались для них несовместимыми. Разочарованные, они вернулись к своему прежнему занятию – переписыванию.

Не накопленное знание, а непрерывное его накопление – вот ключ к успеху. Разочарование Бувара и Пекуше, заставившее их отказаться от задуманного, говорит лишь о том, что они утратили веру в упорядочивающую силу накопления знаний, позволяющих корректировать действия в соответствии с меняющимися обстоятельствами, новым знанием, опытом и не разочаровываться¹².

Примечания

¹ Шуберт К. Удел куратора. Концепция музея от Великой французской революции до наших дней. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 182.

² Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. М.: Молодая гвардия, 1982. С. 261.

³ Там же. С. 256.

⁴ Витрувий. Десять книг об архитектуре. М.: Архитектура-С, 2006. С. 16.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ Белов В.И. Указ. соч. С. 6.

⁷ Там же. С. 265.

⁸ URL: <https://docs.google.com/document/d/.../edit?pref=2&pli=1>.

⁹ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901820936>.

¹⁰ Шуберт К. Указ. соч. С. 186.

¹¹ Там же. С. 186.

¹² См.: Там же. С. 170–171.

**Исследования сельских поселений
с целью сохранения и развития
(на примере Кенозерского национального парка)**

Приятно сегодня вспоминать о работе, которую мы провели в Кенозерском национальном парке более десяти лет назад. Многого изменилось за эти годы как в положительную, так и в отрицательную сторону. Несколько лет назад был уничтожен Российский институт культурологии, где мы служили. Очевидно, позиции Российского комитета по селам и малым городам (ЕКОВАСТ) ослабли, в результате чего специалисты разошлись по разным организациям, а кого-то уже нет с нами несколько лет.

Начиналось же все прекрасно... Получив грант от РГНФ, мы приступили к междисциплинарному исследованию на территории Кенозерского национального парка. При этом его руководство и сотрудники проявили большой интерес к нашему проекту и приняли в нем непосредственное участие¹. Прежде мы уже проводили подобную работу в других сельских поселениях не только Архангельской области, но и в Подмосковье, и в Чувашии. Это позволило составить междисциплинарный вопросник, который и планировалось детально апробировать в двух деревнях Кенозерского парка – Зехнова и Семеново².

Прибыв на место наших исследований в д. Зехнова, мы обосновались в доме, принадлежавшем парку, где можно было не только работать, но и жить в относительно хороших бытовых условиях. В доме была русская печь (сегодня этот дом отреставрирован, в нем установлена особенная новая печь и пр.) и все необходимое, а недалеко располагалась баня, которую топили нам местные жители. О них мы будем говорить отдельно, поскольку они сыграли значительную роль в исследованиях и сборе материала, важного для понимания исторической ситуации, складывавшейся в кенозерских деревнях на протяжении долгого времени.

Задача нашего исследования состояла в том, чтобы апробировать междисциплинарную методику исследования и сохранения исторических сел, деревень, а также памятников народной архитектуры, являющейся составной частью культурной среды поселений. При этом мы опирались на обобщение опубликованных, а также вновь выявленных и изученных материалов, собранных на территории Кенозерского национального парка как частного случая поселений Русского Севера. Следовало выполнить анализ всего собранного материала с

учетом исторических, культурных, природных и ландшафтных составляющих, социально-экономических аспектов, данных о населении территорий, где расположены исследуемые поселения, а также с учетом сведений о системе управления и самоуправления.

Такое исследование, по нашему мнению, должно было иметь не только исторический, краеведческий, теоретический, но и практический результат. Выполненная работа продемонстрировала важный обобщающий контекст анализа двух деревень, а сам метод позволил распространить его на малые города, исторические центры и кварталы крупных городов. Подобный подход давал возможность определенной оценки ресурсов и проблемных ситуаций на территории. Делалось это с привлечением администрации поселений, специалистов, организаций, бизнеса и местного населения.

Территория Кенозерского национального парка является уникальной для Русского Севера³. Имеющиеся здесь памятники архитектуры свидетельствуют о расцвете народного искусства на Русском Севере с XVIII по начало XX века. Очевидно, что сохранить, отреставрировать на местах многие сооружения только за счет средств государства представляется невозможным. Отдельные памятники, элементы интерьеров, предметы прикладного искусства уже были перевезены и демонстрируются в музеях нашей страны. Многие культовые сооружения на территории парка отреставрированы как российскими реставраторами, так и с привлечением международных фондов, приведены в порядок несколько жилых домов, используемые в выставочной и туристической деятельности. В связи с этим становится особенно актуальным и значимым продолжение работы не только по сохранению отдельных элементов наследия, но и пространственной среды исторических поселений, где проживают сельские жители и где необходимо разрабатывать программы их сохранения в рамках современного развития парка.

Данная тема привлекает внимание специалистов не только из сферы культуры и искусства, но и всех тех, кому не безразлична судьба и история страны, северных территорий, – социологов, экономистов, экологов и др. Такие подходы должны быть распространены по другим поселениям изучаемого региона, для того чтобы их население осознало ценность имеющегося у них уникального ресурса. Его сбережение необходимо не только для сохранения исторической памяти о некогда живших здесь, но и для сегодняшнего обеспечения качества жизни, устойчивого развития, в том числе за счет сельского туризма и/или организации музеев под открытым небом «in situ» на исторических территориях.

С этой целью во время обследования 2006 года нашей группой были проведены не только научно-исследовательские работы, но и круглые столы с населением в изучаемых деревнях (ил. 1). Работа основывалась на разработанном и апробированном междисциплинарном вопроснике по исследуемым историческим селам⁴.

Для выполнения поставленных задач участниками экспедиции на подготовительном этапе были изучены публикации и материалы по истории, экономике, ландшафтам Кенозерья, собраны необходимые сведения по архитектуре обследуемых деревень, проработаны списки архивных и поселковых документов. Нами проводилась подробная фотофиксация ландшафтов, растительного и животного мира, разного типа построек (часовни, усадьбы, дома, малые формы). Всего сделано более 500 фотоснимков. В целом было схематически замерено 25 объектов (планы, фасады, частично усадьбы), т.е. фактически была проведена работа по составлению свода памятников основных гражданских сооружений д. Зехнова и части д. Семеново, с уточнением генпланов двух деревень.

Информаторами были местные жители, их рассказы и фотопортреты заносились в ноутбук, это было важно для сохранения «портрета деревни» в изучаемый период. При уточнении генпланов с помощью жителей были учтены также все несуществующие ныне дома, что позволяет ориентировочно восстановить первоначальный облик деревень на начало-середину XX века. Надо отметить, что наши материалы отличаются от тех, что были опубликованы ранее или выполнены в 2003–2004 годов по линии Министерства культуры РФ.

В 2006 году И.В. Митряшиным и О.Г. Севан были сделаны рисунки сооружений и ландшафтов, переданные в парк и выложенные нами в Интернете⁵. Кроме того, О.Г. Севан и В.С. Садковым была организована встреча и проведены беседы с трудоспособным населением, пенсионерами и приезжими родственниками местных жителей, касающиеся вопросов самоуправления и поддержания территории и сохранения деревень. Проводился опрос старожилов д. Зехнова и д. Семеново (Н.М. и В.Н. Болозневы, А.А. Капустина, А.Д. Капустина и др.), были составлены «древа семей», необходимые для будущей реставрации жилых домов и понимания того, как формировалось поселение в разные периоды. Мы получили интересную информацию о жизни села в 1930–1990-х годах – о праздниках, о жизни людей в военное время, о работе в колхозе и совхозе. Позже, в центральном д. Вершинино, а потом и в г. Плесецке, нами были проведены интервью с руководителями и сотрудниками сельской администрации и национального парка, а также с представителями районной власти (ил. 2, 3).

Материалы, собранные участниками экспедиции, частично легли в основу создания «Паспорта деревни Зехнова» представленного Кенозерским национальным парком⁶. Он может пополняться именами и фотографиями их жителей, сведениями о местных обычаях, занятиях, ландшафтах, жилище, культовых памятниках и пр. Создание подобной базы данных по историческим поселениям необходимо как для сохранения уникального культурного ландшафта, в данном случае Кенозерья, так и для успешного развития туризма на конкретной территории. Публикация таких материалов в виде небольших буклетов, как и более глубокое представление во время туристического маршрута, позволит не только увидеть историю данных деревень, но и узнать об их современном состоянии,

их жителях, осознать необходимость сохранения и развития этих населенных пунктов, как для российской, так и для европейской культуры.

«Вопросник по селу»⁷, предложенный нами и разработанный ранее, ориентирован на работников местного самоуправления, краеведов-исследователей, местных активистов, работников сферы культуры, школьников. На основе данных, собранных во время экспедиции, архивных документов парка, библиографии о д. Зехнова и д. Семеново, Плесецком районе Архангельской области можно представить обобщенный материал по этим территориям.

Историко-культурное значение деревень Зехнова и Семеново. Настоящее исследование поселений охватывает период с конца XIX века до наших дней, т.к. источники, находившиеся в распоряжении специалистов, дают информацию о жизни деревни именно в этот отрезок времени. Основными были монографии и сборники статей, посвященные особенностям культурного ландшафта, а также истории Кенозерья (Ю. Критский, Ю. Ушаков, Ю. Веденин и др.), данные этнографического характера, собранные сотрудниками Кенозерского национального парка (Т.А. Филиппова), а также материалы опросов проведенных среди старожилов деревень.

Говоря об особенностях хозяйственной деятельности жителей д. Зехнова следует сказать, что как и в большинстве деревень Кенозерья, ее население издавна занималось охотой и рыболовством, выращиванием пшеницы, ржи, ячменя, овса, льна, а также овощей. Ю.М. Критский в своем исследовании подробно рассматривает развитие промыслов и сельского хозяйства в период с конца XIX столетия до середины 1930-х годов⁸. Автор указывает на то, что к началу XX века крестьянские промыслы, в т.ч. рыболовный, кузнечный, гончарный, пришли в упадок. В конце 1920-х – начале 1930-х годов в деревнях для поддержки сельского хозяйства, в т.ч. огородничества, были созданы колхозы. Важно отметить, что в Кенозерье случаев ссылки раскулаченных, по сравнению с другими районами Севера, было немного.

Важное место среди занятий жителей Зехнова занимало и занимает животноводство. В деревне в советское время был скотный двор, в семьях держали коров, лошадей, овец. Кур не разводили. Полученные молочные продукты продавали, как и излишки хлеба, на ярмарке в Погосте (Вершининский куст деревень). Важной статьей дохода жителей был и остается сбор ягод и грибов. Издревле пряли овечью шерсть, вязали половики, ткали дорожки. Нити, как шерстяные, так и льняные, предварительно красили покупными или природными красителями, например рыболовные сети красили корой ольхи. Некоторые жительницы Зехнова до сих пор вяжут лоскутные половики для своей семьи, однако в силу преклонного возраста, а также из-за необходимости постоянно заниматься подсобным хозяйством времени и сил на рукоделие у них не остается. Еще в советское время изготавливали деревянные ушаты, ведра, которые скупались у мастеров колхозом, плели берестяные «рубужи» (коробы под муку),

занимались выделкой овчины, кожи, валяли валенки. Разумеется, на Кенозере с давних времен ставились рыболовные сети. Культура рыбной ловли предусматривает наличие мастеров шить лодки, которые имеются и сейчас, а плести разного типа сети умел каждый хозяин. Кроме того, гнали известь, деготь (как и смолой, торговали на Погосте). Важное место в жизни зехновцев раньше занимала охота. Охотились на выдр, лосей, лис, медведей, зайцев и пр. Таким образом, эта небольшая деревня, как и другие, обеспечивала себя практически всем, что было необходимо для жизнедеятельности ее населения.

Этнографические и исторические данные позволяют нам представить строительные, хозяйственные, религиозные обряды, которыми были отмечены наиболее важные для крестьянина события на весь календарный год. Престольным и одновременно праздником деревни Зехнова был день Иоанна Богослова (21 мая и 9 октября), отмечали Рождество, Масленицу, Пасху и пр.

Хозяйственная деятельность жителей деревни Семеново не отличалась от занятий их соседей: занимались рыбной ловлей, охотой, сельским хозяйством (сеяли рожь, выращивали овощи, держали овец, коров), работали на лесозаготовках. Также гнули дуги, полозья для саней, вязали дровни, делали кирпич для печей. В деревне была своя кузница. В советское время была построена котельная.

Праздник Флора и Лавра (31 августа) был престольным, поскольку здесь расположена часовня в их честь, в этот день приплывали гости из окрестных деревень, «все знали, кто у кого остановится, чаще же гости к ночи возвращались домой. Пекли рыбники, калитки, шаньги. Танцевали кадрили, “портянку”, пели частушки. Играли на балалайке, гармони. Вина много не пили»⁹.

Пространственная среда деревень. Этот аспект заслуживает особенного рассмотрения в системе поселений не только Кенозерского парка, но всего Русского Севера. Предыдущие исследования специалистов касались обследования как планировок¹⁰, так и ландшафтов поселений. Проведенный нами сравнительный анализ схем планировок деревень показал несомненное их отличие как от опубликованных, так и от архивных материалов. Очевидно, что отсутствие геодезической съемки не позволяет правильно ориентировать и устанавливать сооружения, шагомерная и обмерная работа всегда дает неточность. Однако наши уточненные материалы стоят ближе к исследованиям Ю.С. Ушакова д. Зехнова и показывают большое расхождение с планом, хранящимся в архиве парка. Восстановленные по описаниям местных жителей планировки деревень дают картину размещения всего поселения вдоль береговой полосы Кенозера (ил. 4, 5).

Сегодня д. Зехнова представляет собой смешанную систему планировки, состоящей из нескольких частей, складывавшихся в разное время. Их народные названия: Край, Деревня, Буева Гора, Горюново, Заболотье¹¹. Каждая из них имеет в основном уличную планировку, где дома главными фасадами повернуты в сторону озера и на юг. Но это не относится к домам и усадьбам Край, где

они поставлены по косоуглу параллельно улице. То же самое можно сказать и о не существующих уже постройках основной части Деревни. Сохранившиеся сооружения поставлены именно так, в то время как исчезнувшие стояли попарно своими фасадами «лицом к лицу», а боковыми – были обращены к озеру. Крутой склон не позволяет представить, каким образом мог быть поставлен дом, перпендикулярный склону и спуску к воде. Нет оснований, применительно имеющейся географии ландшафта, и для расширения улицы собственно Деревни, что можно видеть в опубликованных материалах и рисунках архитектора¹².

Анализ центральной части Деревни представляет особенности пространственного строя поселения и объясняет его уникальность. Дома поставлены в «забежку», т.е. один дом выступал вперед по отношению к другому, огибая холм (Буева Гора), на котором стоит часовня XVIII века Иоанна Богослова. Только от срединного жилого сооружения начинается выравнивание построек в один ряд. Кроме того, анализ видовых точек и осей часовни – знакового культового сооружения – дает представление об ориентации домов и их порядке в системе поселения. Главные фасады ориентированы по осям часовни, а из окон большей части построек просматривается либо часовня на фоне озера и леса, либо окружающий ландшафт.

Семеново в пространственном отношении значительно меньше Зехнова. Эта деревня представляет собой архитектурно-пространственный комплекс, расположенный на мысу южной части Кенозера, имеет замкнутую форму планировки. Дома и усадьбы выстраиваются вокруг высокого холма, огибая его с двух сторон, на котором поставлена часовня Флора и Лавра. Планировка была подробно изучена архитектором Ю. Ушаковым, однако в его рисунках и панорамах нарушен масштаб и размеры улиц. По-видимому, это было сделано специально для демонстрации идей замкнутости пространства деревни. Реальная же высота холма, вокруг которого выстраиваются усадьбы, не позволяла архитектору продемонстрировать идею планировки поселения, поэтому холм как бы срезан, и на него поставлена часовня¹³. По нашим данным, в д. Семеново в середине XX века было 14 крестьянских усадеб, двухэтажная школа (перевезена в д. Вершинино), гумно, кузница, колхозная конюшня (разобрана в 1980-е гг.), склад, магазин, т.е. деревня была самодостаточна в своем жизнеобеспечении, но, поскольку никакого развития не имела, то постепенно стала вымирать. В настоящее время здесь проживают два человека.

Памятники архитектуры. Крестьянские усадьбы в д. Зехнова, как правило, состоят из дома-двора прямоугольной формы или имеют в плане форму буквы «Т», что встречается в основном только в западных районах Архангельской области. Помимо дома-двора на усадьбах или в стороне от дома имеются бани, амбар, можно увидеть ледник и иногда колодец. Кроме того, встречаются качели, на берегу озера сараи для лодок, различные изгороди. Раньше Зехнова состояла из домов, имеющих *рудные избы* (отапливаемые «по-черному») с гли-

нобитными печами, но на протяжении XX столетия они постепенно заменялись на печи, топящие «по-белому». Печи клали сами жители из кирпича-сырца, который делали из местной глины в специальных формах и покрывали известью. Как правило, они стоят на земле, без отдельного фундамента. Печи, потолки и стены внутри изб протирали известью («шоркали»). Известь тоже гнали сами из белых камней в специальных ямах в лесу в двух километрах от Зехнова. Избы отапливают дровами, главным образом березой.

Жилая часть домов состоит, как правило, из четырехстенных срубов, где по диагонали от печи располагается красный угол (северо-восточная планировка), между основным помещением и кухней («бабий кут») имеется *переборка* – филенчатый шкаф с полками и с дверцами на две стороны. Порой он покрыт цветочной росписью. На некоторых домах можно увидеть ставни, другие детали (например, *вертлюжки* – детали, предотвращающие хлопанье ставен от ветра), простой резьбы консоли, поддерживающие свесы кровель на главном фасаде с надписью, указывающей время строительства или реконструкции постройки (ил. 6, 7).

Жилые дома д. Зехнова относятся к концу XIX – первой половине XX века, но они перестроены или перевезены из других деревень. Сохранилась водяная мельница, отреставрированная сотрудниками Кенозерского национального парка и работающая для демонстрации ее туристам. Ранее в деревне имелись разные хозяйственные сооружения: ветряные мельницы, кузница, овин, гумна, колодцы – воротом или с черпаком. И по сей день здесь можно встретить различного типа изгороди, ворота, качели. Из имевшихся ранее 37 жилых домов на сегодня уцелело 20 построек разной степени сохранности. Два дома принадлежат парку, один из них используется сегодня как жилое сооружение, а в будущем может служить учебным и экспозиционным комплексом. В одном из домов возможна организация гостиницы или выставочного пространства.

Часовня Иоанна Богослова XVIII века – это центр Зехнова, она пространственно организует деревню, являясь ее вертикальной доминантой. Это простое, но уникальное для данных мест сооружение клетского типа с высокой двухскатной кровлей, небольшой галереей, шатровой колокольней и крыльцом.

Интерьеры многих часовен, в том числе и этой, заслуживают специального рассмотрения. Особое место в них занимают «небеса». «Иконографическая структура “неба” обширна и многообразна. На территории Русского Севера распространены “небеса”, в декорации которых ведущим является ангельский чин, как в часовне Иоанна Богослова XVIII в. (д. Зехнова)... и апостольский чин – часовня Введения Богородицы во храм XIX в. (д. Рыжково). Сложная живописная программа... позволяет назвать его уникальным»¹⁴. В советское время часовня была закрыта, сейчас используется по праздникам как культовое сооружение и охраняется местными жителями. В 1998–1999 годах две часовни (в д. Зехнова и д. Семеново) были отреставрированы (ил. 8). В дерев-

не сохранился обетный крест, который поставлен около святой сосны в конце деревни – в Горюново. Ранее здесь был «крест-часовня».

Дома в Семеново более старые и имеют интересные элементы декора, конструкций и планировки. В 1905 году в деревне насчитывалось 17 домов, 18 семей, всего 132 жителя, там же было относительно крупное хозяйство: 34 лошади, 50 коров. В 1950-х годах в деревне было 22 хозяйства, а в 1971 году – 14 крестьянских усадеб. По словам местных жителей, часть домов была вывезена в другие селения, а часть разобрана за ветхостью. В настоящее время в деревне имеется 11 жилых построек, большая их часть пустует, некоторые находятся в аварийном состоянии. Постоянно здесь проживают две семьи, главы этих семей работают в парке и занимаются личным подсобным хозяйством.

Часовня Флора и Лавра – это простое клетское сооружение XIX столетия с большим крыльцом, расположенное в центре д. Семеново на высоком холме. Она была и остается вертикальным ориентиром поселения, организуя вокруг себя весь его пространственный строй и композицию деревни. И не важно, смотрим ли мы на это небольшое сооружение с озера или изнутри деревни с разных точек, она неизменно вызывает ощущение покоя и вечности мира (ил. 9, 10).

Природные и культурные ландшафты. Ландшафты Кенозерского национального парка были достаточно хорошо изучены как российскими, так и зарубежными исследователями. Подобные работы проводились в последнее десятилетие. Эти материалы опубликованы в России и Норвегии. В исследованиях подчеркивается, что это важный ресурс развития территории парка¹⁵. Данные по изучавшимся в настоящей экспедиции ландшафтам д. Зехнова и д. Семеново представлены достаточно подробно в этих работах¹⁶, но главным образом они касаются природных, географических особенностей территорий, биоразнообразия земель, не останавливаясь особо на архитектурных составляющих ландшафта. Уделено большое внимание хозяйственной деятельности населения как в прошлом, так и в настоящее время.

Традиционно на территории парка применялись подсеčno-огневые приемы земледелия, что сказалось на структуре лесных массивов, на наличии многих видов растений. Хотя многие из этих приемов уже давно не практикуются, результат такой деятельности можно прочесть в видовых характеристиках ландшафта. Значение традиционных луговых пространств и разнообразие их типов очевидны при посещении исследуемых деревень, как и многих других поселений. Ландшафтное разнообразие территорий с их памятниками народной архитектуры и немногочисленным населением, хранителем наследия, является достоянием Кенозерского парка.

Исследование ландшафтов вокруг д. Зехнова демонстрирует многие важные ареалы как в самой деревне, так и в непосредственной близости от нее. Некоторые виды растений были выявлены в разных типах лугов, по обочинам

дорог, по окраинам полей. Больше всего видов растений сохранилось на традиционно используемых лугах с длительным непрерывным использованием при том, что там практически не применялись удобрения или унаваживание. Этому способствует естественный выпас скота и сенокосы. Именно поэтому животные являются важным составляющим элементом естественных ландшафтов, биоразнообразия живых поселений, не говоря уж о деревенском пейзаже и образе русской северной деревни, какой она предстает перед путешественниками.

Опасность зарастания высокими нитрофильными травами (купырь лесной и крапива), деревьями и кустами существует на территории вокруг исследуемых деревень. Когда луга не используют, не пасут скот, не косят сено, то начинают накапливаться мертвые растительные остатки, которые не позволяют прорасти и выживать невысоким травам. В результате луга исчезают, превращаясь в лесные дикие заросли. Такие процессы видны повсеместно в д. Зехнова. То же самое происходит как в непосредственной близости от д. Семеново, так и в самом ее центре близ часовни Флора и Лавра. Меняются ландшафты поселений, исчезают важные видовые точки, а между деревнями пропадают пространственные взаимосвязи.

Пространственные связи между деревнями являются важным аспектом социально-культурного и психологического самочувствия людей, проживающих в отдаленных местностях Русского Севера. Визуальные характеристики соседних поселений, их присутствие в открытом или в залесенном пространстве вызывают либо ощущение присутствия людей, либо чувство одиночества, оторванности от мира, от «большой земли». При периодичном характере коммуникаций, при их неустойчивости из-за непогоды, долгой зимы население специально поддерживало такие визуальные контакты и взаимосвязи на расстоянии. Пространственные контакты поддерживались сельской общиной, и даже в советское время (по сообщениям местных жителей во время нашего исследования в 2006 г.) организовывались специальные вырубki кустарников и прочей поросли. В настоящее время такую работу проводит парк.

Вертикальные доминанты служили этим же целям в организации взаимосвязи не только внутри поселений, но и между ними. Как правило, такими доминантами становились культовые сооружения. Чаще всего именно часовни в удаленных деревнях были опорными осями поселений, а колокольни придавали активную вертикальную направленность сооружениям. С колоколен можно было видеть окружающие ландшафты: поля, луга, озера, собственную деревню с ее постройками и усадьбами, а также наблюдать близлежащие деревни. С зехновской колокольни видна д. Спицына со своей часовней и колокольней, вдалеке – другая деревня. С холма в центре д. Семеново можно было видеть окрестные просторы и соседние поселения. Колокольный звон по праздникам и в воскресные дни также объединял поселения.

Все многообразие звуков, будь то стук топора, плеск весел на воде, шум моторной лодки, песня, разговор соседей или мычание коров, блеяние овец, лай собак, также являются элементами ландшафта. В разных деревнях, как и в разных местах одного и того же селения, можно слышать разных птиц, которых в Кенозерском парке насчитывается большое число видов.

Цвет и запах становятся важными составляющими в изучении и восприятии ландшафтов. Сменяются времена года, изменяется колористка окружающих деревни полей, лугов, лесов и озера; все это отражается в огромном разнообразии пейзажей. Закаты, восходы, небесные всполохи, как и запахи воды, ветра, трав, животных, окружающих полей и лугов в разное время года составляют особую ценность исследуемых мест.

Народная деревянная архитектура одновременно становится ядром и обрамлением этого природного разнообразия. Выполненная в основном из естественного материала – дерева – она создает единый образ, объединяя природное и культурное (социальное, человеческое) начало, что выражено и в цветовой гамме и в графической системе исполнения объектов, будь то жилые, культовые или хозяйственные постройки.

Обе деревни – Семеново¹⁷ и Зехнова – отличаются уникальной объемно-пространственной композицией, ландшафтами, рядом интересных сохранившихся жилых сооружений. Каждая из деревень – это музей под открытым небом, который необходимо сохранить и придать ему особый статус в рамках национального парка «Кенозерский». Для этого необходимы разработка специальной программы и проекта, поиск средств на его осуществление с ориентацией на постоянное и/или временное проживание, на развитие туризма и использование пока еще сохранившихся жилых сооружений, организации жизнедеятельности населения на его территории. При государственном подходе к национальному наследию, нацеленном на сохранение и развитие сельских поселений, эти деревни могут стать точками роста в рамках не только Кенозерского парка, но и Плесецкого района, и Архангельской области (ил. 11).

Социально-экономическое положение поселений на территории. Анализ социально-экономического положения обследуемых деревень Зехнова и Семеново, расположенных в муниципальном образовании «Кенозерское», выполненный экономистом-географом А. Табаковым, проводился в системе всего куста поселений, поскольку для них характерна ситуация, сложившаяся повсеместно на этой территории. Из-за особенностей статистического учета на уровне муниципальных образований, касающихся всех поселений, расположенных на территории, в процессе обследования не были выявлены конкретные показатели социально-экономического положения этих деревень. Материалы же по социально-экономическому положению, демографии и другим показателям в муниципальном объединении «Кенозерское» были изучены и опубликованы нами ранее¹⁸. Обобщая данные, собранные на тот период, можно было сделать вывод,

что ситуация является типичной для большинства муниципальных образований как Русского Севера, так и всей России. Подавляющее количество вновь образованных территориально-административных единиц являются дотационными, а местные власти не способны исполнять в полном объеме полномочия, переданные им в рамках реформы местного самоуправления.

Социально-экономическое положение муниципального объединения «Кенозерское» можно охарактеризовать как периферийная территория с депопулирующим русским населением и отсутствием производственных функций. Из-за оттока наиболее мобильных жителей в относительно крупные населенные пункты, в т.ч. с целью получения образования, оставшаяся часть населения исследуемых территорий имеет невысокий образовательный уровень. Кроме того, отсутствует сфера современного досуга, не развита инфраструктура территории. Рассчитанная в ходе исследования реальная структура занятости показывает высокий уровень безработицы, а также то, что основными работодателями на территории являлись бюджетные организации и Кенозерский национальный парк. Были даны некоторые предложения по улучшению экономического положения территории, которые касались изменения организационных и финансовых мероприятий в административной структуре муниципального объединения «Кенозерское»¹⁹.

Управление и самоуправление территорией. Поскольку исследуемые деревни Семеново и Зехнова, находясь на территории Кенозерского парка, в то же время расположены в Плесецком районе и входят в структуру муниципального объединения, то любые предложения и мероприятия касаются всех перечисленных субъектов, т.к. на территории самих деревень нет собственной администрации.

Проблема состоит в том, что в течение ряда лет не были отрегулированы отношения между администрацией муниципального объединения и дирекцией национального парка, нет четкого разграничения полномочий, что влияет на проведение любых работ на их общей территории. Существуют два основополагающих документа: устав муниципального объединения «Кенозерский» и положение о Кенозерском национальном парке, в которых прописаны полномочия, права и обязанности обеих сторон. Их требовалось скоординировать на территории, находящейся фактически в совместном ведении. Национальный парк – не конкурент, претендующий на власть, а уникальный партнер в решении экономических, социально-культурных, экологических и многих других задач. Парк – это дополнительный источник финансовых поступлений для территории, на которой он расположен (средства федерального, областного бюджетов, грантовых проектов, иностранные инвестиции).

Кенозерский национальный парк привносит на земли Кенозерья идеи парковой культуры, мировой опыт сохранения уникальных природных, исторических, архитектурных объектов. Парк внесен в список биосферных резерватов ЮНЕ-

СКО как мировое достояние. Остается лишь воспользоваться этим брэндом для пробуждения интереса к здешним местам, привлекать на территорию людей, организации, фирмы, инвесторов для открытия собственного дела в рамках программ развития поселений. К этой работе могли бы подключиться депутаты представительного территориального органа, чья роль в современной ситуации определена слабо. Во многих вопросах они выступают сторонними наблюдателями, молчаливыми созерцателями процессов, инициируемых парком, и лишь периодически в них участвуют.

Один из основных принципов европейской организации *PAN Parks* – вовлечение в орбиту деятельности парка всего населения, превращение их в реальных хозяев территории с тем, чтобы повседневная жизнь коренных жителей, их хозяйственная деятельность органически вливалась в деятельность парка, стала его сутью. Все то, что парк пытается сохранить, восстановить и приумножить может быть сделано не только штатными сотрудниками федерального учреждения, не только нанятыми заезжими строителями, реставраторами, исследователями, но, прежде всего, самими местными жителями.

Национальный парк, начавший свою работу на данной территории 25 лет назад, сделал очень много как для решения проблемы занятости населения, так и для охраны и поддержки архитектурных памятников, ландшафтов Кенозерья, местных промыслов. Он предоставляет возможность местным жителям продавать свои изделия на ежегодной Успенской ярмарке, в штате парка есть свои мастера, которые работают в Центре народных промыслов в д. Усть-Поча. Проводится комплектация музейного фонда и обустройство кордонов для туристов, проводятся образовательные программы и много другого, к чему активно привлекаются местные жители. Без их непосредственного участия вся деятельность национального парка носила бы экспозиционно-музейный характер, слабо связанный с реальной жизнью.

Мы надеемся, что работа нашего междисциплинарного коллектива, проведенная в 2006 году будет способствовать сохранению и развитию ставших для нас родных и любимых деревень. Это станет возможно, если в них останутся местные жители или появятся заинтересованные энтузиасты, новые жители, способные освоить кенозерскую культуру и привнести новые идеи, методы и механизмы ее развития уже сегодня, ориентируясь на будущие поколения.

Примечания

¹ Настоящая экспедиция была организована в 2006 г. в рамках проекта РГНФ №06-04-15051зиприподдержкедиректораКенозерскогонациональногопаркаЕ.Ф. Шатковской. Руководитель экспедиции – заведующая сектором РИК, президент Российского ЕКОВАСТ О.Г. Севан. В работе принимал участие междисциплинарный коллектив, состоящий из экономиста-географа А.М. Табакова, архитектора И.В. Митяшина,

искусствоведа Н.Л. Денисовой и специалиста по местному самоуправлению В.С. Садкова.

² URL: http://ecovast.ru/seminar_9.htm.

³ URL: <http://www.kenozero.ru>.

⁴ Севан О.Г. Междисциплинарный вопросник по сельскому поселению // Социокультурный анализ и развитие территорий России: проблемы и решения. М.: Форум, 2012. С. 440–448.

⁵ URL: <http://ecovast.ru/painters.htm>.

⁶ URL: <http://www.kenozero.ru/spetsialistam/spetsialistam/pasportizatsiya-dereven/pasport-derevni-zekhnova>.

⁷ Ранее были проведены исследования нескольких отобранных пилотных территории (case-study): с. Веркола Архангельской области; деревни Мариинско-Посадского района Республики Чувашии; с. Протопопово в г. Коломне Московской области. В 2006 г. проводились исследования деревень Зехнова и Семеново Архангельской области, 2007–2008 гг. – в с. Уйма Архангельской агломерации.

⁸ Критский Ю.М. Кенозерье: История и культура. Архангельск, 2005.

⁹ Кенозерский национальный парк. Краткий путеводитель. Архангельск, 2004.

¹⁰ Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982. С. 36–36; Бутурлинцев В., Семенова И. Историко-архитектурный опорный план д. Зехнова // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». 2003–2004 гг.

¹¹ URL: <http://www.kenozero.ru/spetsialistam/spetsialistam/pasportizatsiya-dereven/pasport-derevni-zekhnova>

¹² Ушаков Ю.С. Указ. соч. С. 33.

¹³ Там же. С. 30–31.

¹⁴ Мелютин М. Драгоценное наследие. М.: Искусство, 2008. URL: http://art.1september.ru/view_article.php?ID=200801703.

¹⁵ Шатковская Е. Кенозерский национальный парк. Архангельск, 2004; Traditional cultural landscapes in the Barents Region – the KNP model. Reports of the initial phase of the project. Norway, 2004. № 1; Культурный ландшафт как объект исследования: монография / под общ. ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М., 2005.

¹⁶ URL: <http://kenozerjelive.ru/cultland-semenovo.html>.

¹⁷ URL: <http://kenozerjelive.ru/semenovo-2.htm>.

¹⁸ Социокультурный анализ и развитие территорий России. Проблемы и решения: монография / под общ. ред. О.Г.Севан. М.: ФОРУМ, 2012, С. 129–145.

¹⁹ Севан О.Г., Табаков А.М. Деревни и поселения Архангельской области // Социокультурный анализ и развитие территорий России. С. 143–145.

**Культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр
и село Владимирское». Сельское историческое поселение.
Принципы градостроительного и архитектурного проектирования
и опыт реализации**

Жилая застройка села Владимирского сохраняет усадебную сельскую структуру. Интересные образцы жилых домов конца XIX – начала XX века сохранились на идущих параллельно улице Советской и отделенной от нее прудами улице Пролетарской, имеющей однорядную застройку. В исторической системе села преобладает деревянная застройка. Однако каждый год от естественного износа, небрежения хозяев и бездействия местных властей гибнет исторически ценная традиционная среда.

Нами предложены общие направления комплексной регенерации деревянной среды, модернизации наиболее ценной застройки с предпочтительным использованием технологий, исключающих замену деревянных конструкций на каменные, новоделы и полную разборку зданий. Проектом предлагается восстановление утраченных построек и строительство новых контекстуальных зданий в пустотах центральных улиц и площадей, уплотняющая застройка при безусловном сохранении исторической парцелляции, восстановление деревянных оград и ворот частных владений, поддерживающих красные линии улиц.

Разнохарактерность и достаточная живописность застройки исторических улиц не позволяют взять за основу архитектурного решения предлагаемых проектов какой-то один тип дома. Это объясняет типологическое разнообразие представленных проектов.

Дома, расположенные в передней части усадеб с отступом от красной линии, как правило, имеют устроенные перед главными фасадами палисадники.

Двухэтажный деревянный на каменном этаже дом с размещением кафе в селе Владимирском Воскресенского района Нижегородской области – «Тип 1» (ил. 1) предлагается для застройки в наиболее старой части села, которая сохранила в основном историческую застройку (ул. Советская).

Бревенчатый рубленный пятистенок, обшитый профильной доской на каменном этаже, имеет три световые оси по главному уличному фасаду.

Малый зал кафе, размещаемый на первом этаже двухэтажного деревянного на каменном этаже дома, имеет вход по центральной оси, а большой зал, расположенный на втором этаже, имеет самостоятельный вход.

Двухэтажный деревянный на каменном этаже дом «Тип 1» сохраняет традиционную структуру – бревенчатый верхний этаж в дореволюционное время был жилым, а нижний каменный был торговым. Этот традиционный тип дома с торговыми лавками на первом этаже может служить примером и для современного строительства. При этом важно сохранить масштаб, пропорции уличных фасадов, характер и пропорции архитектурных деталей фасадов.

В украшении оконных наличников, пилястр и карнизов здесь также используется художественная прорезная и комбинированная резьба. В цветовом решении фасадов предлагается как традиционная естественная гамма, так и яркая покраска наличников окон и других элементов декора.

Дом вытянут в глубину участка (прямоугольный в плане) с навесом-верандой для организации летнего обслуживания, которое может осуществляться через служебный боковой вход. Покрытие – двускатное, заканчивающееся фронтонами с обоих торцов дома.

Двухэтажный деревянный жилой дом на каменном этаже в селе Владимирском Воскресенского района Нижегородской области «Тип 2» (ил. 2) предлагается для застройки в наиболее старой части села, которая сохранила в основном историческую застройку (ул. Советская, Первомайская, Пролетарская). Одноэтажный объем дома трансформируется в двухэтажный объем с фронтонными завершениями. Дом одноэтажный бревенчатый рубленый в три оси света по главному уличному фасаду блокируется с домом-пятистенком, создавая комплекс Г-образной формы со ступенчатой вертикальной композицией. Покрытие – вальмовое на одноэтажной части и двускатное с фронтонами на двухэтажной части дома. Деревянный жилой дом «Тип 1» сохраняет традиционную структуру, масштаб, пропорции уличных фасадов, характер и пропорции архитектурных деталей фасадов. Жилая застройка сохраняет усадебную сельскую структуру.

Особенностью декоративного решения жилого дома является художественная прорезная и комбинированная резьба, украшающая оконные наличники, появляющаяся на пилястрах и карнизах. В цветовом решении фасадов применяется выделение яркая покраска наличников окон и других элементов декора.

Одноэтажный деревянный на каменном фундаменте жилой дом «Тип 3» (ил. 3) предлагается для застройки в наиболее старой части села, которая сохранила в основном историческую застройку (ул. Советская, Первомайская, Пролетарская). Одэтажный дом с мезонином с вальмовой кровлей по главному фасаду предлагается для застройки по переулку Садовому.

Дом бревенчатый рубленый, пятистенок, обшитый профильной доской в четыре световые оси, с центральной осью входа по главному уличному фасаду. Дом квадратный в плане с верандой, через которую есть выход во двор с мезонином с вальмовой кровлей по главному фасаду. Вальмовое покрытие на

одноэтажной части переходит в двускатное, заканчивающееся фронтоном с трехчастным окном. Деревянный жилой дом «Тип 3» сохраняет традиционную структуру, масштаб, пропорции уличных фасадов, характер и пропорции архитектурных деталей фасадов.

Двухэтажный с мансардой деревянный на каменном этаже дом «Тип 4» (ил. 4) по своим типологическим характеристикам напоминает усадебный дом или небольшой частный пансион-гостиницу.

Перечисленные типы домов предлагается применять для застройки на границе исторической территории села Владимирское и на современных и перспективных территориях, предназначенных для расширения территории села. Один из потенциальных участков расположен вдоль трассы Боковая – Воскресенское, южнее Никольской церкви. Другой участок – в конце улицы Советской, рядом с домом № 84 – может выступить как опорный градостроительный элемент, фиксирующий перспективу улицы Советской со стороны села и со стороны бывшего Семеновского тракта.

Бревенчатый рубленый пятистенник, обшитый профильной доской, имеет четыре световые оси и эркер по главному уличному фасаду, а на первом этаже по правой оси выполнен вход в дом.

Дом вытянут в глубину участка, прямоугольный в плане, с эркером по главному фасаду и навесом-верандой со двора.

Покрытие – двускатное, на две боковые стороны, на две другие выходят фронтоны, главный из которых – с эркером, покрытым шатром.

Планировка усадебного дома «Тип 4.1» довольно традиционна. На первом каменном этаже размещаются прихожая с лестницей, кухня-столовая, гостиная, ванная, кладовые. На втором и третьем деревянных этажах размещаются лестничные холлы, спальни, игровая, кабинет, ванны, туалеты, кладовые.

Планировка дома-гостиницы «Тип 4.2» функциональна. На первом каменном этаже размещаются прихожая с лестницей, кухня-столовая, два двухместных номера с ванными и гардеробами. На втором и третьем деревянных этажах размещаются лестничные холлы и двухместные номера с ванными и гардеробами. Всего в гостинице семь номеров на 14 мест.

Объемно-пространственная композиция и архитектурно-художественное решение дома-усадебки «Тип 4.1» или гостиницы «Тип 4.2», выполненные в фольклорном варианте русского стиля, могут дополнить и обогатить облик традиционной деревенской жилой застройки.

Двухэтажный деревянный каркасный жилой дом «Тип 5» (ил. 5) предлагается для застройки улиц Школьной, Октябрьской и других примыкающих к ним улиц, относящихся к более позднему периоду, но сохранивших основные традиционные признаки.

Каркасный на винтовых сваях жилой дом имеет три световые оси на первом и втором этажах и отдельный вход по главному уличному фасаду.

Вход и парадная лестница размещаются в примыкающей к основному объему части дома.

На первом этаже дома, кроме лестницы и прихожей, расположены гостиная, кухня-столовая, гостевой туалет, ванная, кладовые. На втором этаже расположены спальни, ванны, гардеробы.

Дом вытянут в глубину участка, прямоугольный в плане, с навесом над площадкой для индивидуального автотранспорта, с которой предусмотрен отдельный вход. Покрытие кровли двускатное на две стороны, по другим главным сторонам дома щипцовое завершение оформлено фронтоном.

Двухэтажный деревянный каркасный жилой дом «Тип 5» сохраняет традиционную структуру фасадов – три световые оси по главному фасаду, поэтажное членение фасадов поясами, щипцовое завершение фасадов оформленное фронтонами, размещение в примыкающей к основному объему части дома лестничного марша.

Таким образом сохраняется масштаб, пропорции уличных фасадов, характер и пропорции архитектурных деталей фасадов.

Особенностью декоративного решения дома является художественная проrezная и комбинированная резьба, украшающая оконные наличники. В цветовом решении фасадов предлагается как традиционная естественная гамма, так и яркая покраска наличников окон и других элементов декора.

**Нормальные и детальные чертежи проектов сельских церквей
И.И. Свйазева и образцовые проекты иконостасов к ним
А.И. Резанова, составленные в Министерстве государственных
имуществ в 1857–1861 годах и использованные при проектировании
Кенозерской Успенской церкви И.Ф. Яровицким в 1867 году**

До недавнего времени считалось, что тема составления образцовых (нормальных) чертежей проектов церквей в России хорошо изучена отечественными исследователями, в том числе современными авторами Е.И. Кириченко, Т.А. Славиной, В.Г. Лисовским, священником А.В. Берташем и др.

Однако, как выяснилось, в истории церковной архитектуры есть значительный пробел. Произошло это потому, что многие исследователи изучали только конечные «Атласы чертежей», не углубляясь в историю процесса их составления, считая, что о них уже все известно. Архивные документы по этой теме держали в руках немногие (что подтверждают подписи в ведомостях выдачи архивных дел). Хотелось бы восполнить этот пробел в истории церковного строительства, опираясь на изученные архивные материалы и приведя подробные выписки из них.

Всем историкам церковной архитектуры и многим представителям православного духовенства хорошо известно издание Святейшего Синода «Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях»¹, где собраны «нормальные» чертежи проектов церквей, по которым было построено множество церквей в городах и селах Российской империи. Эти нормальные чертежи были первоначально отлитографированы и напечатаны литографом Р. Гундризером, о чем свидетельствуют подписи на всех чертежах, и по этой причине некоторые из исследователей ошибочно считают его автором чертежей. Другие исследователи считают, что эти нормальные чертежи не имеют авторства, т.к. автор-составитель этих проектов практически нигде не упоминается.

Причины и необходимость составления нормальных чертежей церквей, признанная М.Н. Муравьевым в 1857 году. В апреле 1857 года граф Михаил Николаевич Муравьев, занимавший должность председателя департамента уделов Министерства Императорского двора и уделов, был назначен министром государственных имуществ.

© Калитин В.А., 2017

Причины, по которым им был начат процесс составления проектов чертежей сельских церквей, хорошо описаны в следующих документах. В циркулярном предписании Министерства государственных имуществ по 2-му департаменту от 16 января 1858 года «Об устройстве Православных церквей в казенных имениях Западных губерний» написано: «Высочайшими повелениями 14 июля 1845 г. и 29 июля 1852 г. на Министерство Государственных Имуществ возложено привести в устройство Православные церкви в казенных имениях Западных губерний. В минувший период, в течение коего назначено было устроить церкви, заявленные Духовным начальством Министерству в 1845 году, при возложении на него церковностроительной операции обнаружилось... что в число заявленных церквей не вошло много других, требующих или постройки вновь или исправления, а с другой, что некоторые меры, избранные для этой операции, на опыте были сопряжены с разными затруднениями. По распоряжению Министерства, которое желало устроить дальнейшее направление церковностроительного дела на прочных основаниях, были освидетельствованы чрез особые Комиссии все церкви в казенных имениях и потребности каждой из них описаны в особых актах, которые хранятся в Палатах и по которым от них представлены сведения Министерству. Сообразно с сими сведениями и указаниями опыта Святейший Синод и Министерство по взаимному соглашению признали, что на будущее время для удовлетворения нуждам Православных прихожан лучше строить небольшие, но приличные святыне церковные здания, где могло бы с удобством совершаться богослужение и проповедаться слово Божие, и что сообразно простому быту и понятию прихожан в постройках сих надлежит отстранить всякие излишние украшения, а конструкцию оных до того упростить, чтобы как первоначальное возведение, так и последующие починки могли быть исполнены местными мастерами и самими крестьянами»².

В циркулярном предписании Министерства государственных имуществ по 1-му департаменту от 30 апреля 1858 года «О постройке церквей» к ранее сказанному добавлено: «По обширности приходов и недостатку в церквях государственные крестьяне нередко встречают затруднение в посещении храмов и исполнения религиозных обрядов. Для устройства сего важного неудобства, имеющего весьма вредное влияние на нравственность крестьян, г. Министр Государственных имуществ поручил управляющим Палатами по соглашению с Епархиальным Начальством составить и представить соображение: во-первых, об учреждении новых приходов, и во-вторых, о построении церквей. По первому предмету надлежит иметь в виду сосредоточение прихода в такой мере, чтобы расстояние образующих приход селений от места, где находится церковь или будет предположено устройство оной, по возможности, не превышало от 10 до 12 верст»³.

О начале составления нормальных чертежей и конкретных шагах, сделанных первоначально в этом направлении, приведены слова министра М.Н. Муравьева

в циркулярном предписании департамента уделов Министерства императорского двора и уделов от 21 мая 1858 года под названием «О постройке церквей в удельных селениях», в котором сообщается следующее: «При произведенном в 1857 г. обозрении удельных имений, обратив, между прочим, внимание на то, что по значительному отдалению некоторых селений от своих приходов крестьяне встречают затруднение в посещении храмов и в исполнении религиозных обрядов, я сделал по 10-ти конторам (Новгородской, Тверской, Московской, Владимирской, Казанской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Алатырской и Сызранской). 1. Предписал представить, по соглашению с епархиальным начальством, предположения об учреждении сообразно местным удобствам, новых приходов с постройкою, в случае надобности, и новых церквей, и 2. Разо-слав в помянутые конторы нарочно для сего составленные чертеж и примерную смету на постройку церквей для помещения от 450 до 500 человек поручил составить, согласно оной, в каждом имении сметы по местным умеренным ценам для производства постройки хозяйственным образом с выдачею для сего, если бы оказалось нужным, в ссуду из хлебного капитала денежных пособий с рас-срочкою взноса.

Вслед за сим сказанная мера была распространена еще на 6 контор (Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Орловскую и Пермскую). Между тем, по ближайшем соображении удобства церковных построек с некоторыми новыми по сему предмету данными оказалось бесполезным исправить имевшиеся уже нормальные чертежи (выпущенные в Министерстве государственных имуществ с 1853 г.⁴ – В. К.), дополнить их чертежами параллельными (Параллельные чертежи сочинены как для избежания однообразия в планах построек, так и для того, чтобы предоставить духовенству и прихожанам более свободы в выборе сих планов, смотря по тем или другим местным условиям), а также изготовить проект новых, более подробных и определенных смет»⁵.

Как выяснилось, были другие скрытые причины, которые описываются в секретных документах дела «О постройке церквей в казенных селениях Олонецкой губернии». В частности, сообщается, что 15 апреля 1858 года из канцелярии министра в 1-й департамент Министерства государственных имуществ «По секретной части» поступило отношение № 238, в котором писалось: «Секретно. Ober-Прокурор Св. Синода сообщил Г. Министру извлечение из донесения Св. Синоду Преосвященнейшего Олонецкого о действиях и наблюдениях Благочинных и их помощников в отношении раскола в Олонецкой губернии. В числе причин, содействующих распространению раскола, в этом извлечении, между прочим, приводится: недостаток церквей, скудость внешнего вида их, а главное то, что большая часть храмов холодны, от чего зимою невозможно совершать в них богослужение. Из 63 церквей, находящихся в благочинии 1 округа, теплых всего 28. Противу сего Его Высокопревосходительство изволил положить резолюцию: “обратить на это внимание”. О таком приказании канцелярия Минис-

тра имеет честь сообщить Первому Департаменту, для зависящего исполнения. Директор Лебедев»⁶.

Начало составления нормальных чертежей церквей И.И. Свиязевым в 1857 году. Проекты деревянных церквей № 1-3 и 4-7. Создание нормальных чертежей сельских церквей (первоначально деревянных) по личному указанию министра М.Н. Муравьева было поручено старшему неперемемному члену комиссии технических и строительных дел при департаменте сельского хозяйства Министерства государственных имуществ статскому советнику Ивану Ивановичу Свиязеву, о чем приводятся подробные данные о напряженной работе по их созданию в деле «О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях», состоящем из двух частей⁷.

Эти исторические сведения являются уникальными, потому что ранее они не были доступны широкому кругу исследователей, т.к. дело «О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях», начатое 24 мая 1857 года и хранящееся в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), в котором написано о разработке «нормальных чертежей церквей», никогда и никто, кроме автора этой статьи, со времени его окончания 20 июня 1861 года и сдачи в архив до 2015 года не смотрел и не изучал. По этой причине многие нижеследующие тексты из этого дела, представляющие, по мнению автора, большой исторический интерес, публикуются впервые в развернутом виде.

Из справки, написанной производителем дел Комиссии для технических и строительных дел Полянским от 24 мая 1857 года, мы узнаем, что «по приказанию Г. Министра Государственных имуществ Директором 2-го Департамента переданы 24 мая лично Старшему Неперемемному Члену Комиссии Технических и Строительных Дел Статскому Советнику Свиязеву три проекта церквей для составления по ним смет. Сметы эти составлены и отправлены в 1-й Департамент Государственных Имуществ при отношении Департамента Сельского Хозяйства, от 29 мая за № 4062 вместе с планами»⁸.

14 июня 1857 года статский советник Иван Иванович Свиязев, старший неперемемный член Комиссии технических и строительных дел, входящей в состав Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ, написал во 2-й департамент этого министерства рапорт следующего содержания: «По приказанию Г. Министра Г[осударственных] И[муществ] переданы из 2 Д[епартамен]та для составления смет три проекта деревянных церквей, полученные из Канцелярии Обер-Прокурора Святейшего Синода. Но как по докладу моему, Его превосходительству угодно было признать проекты не удобными по тесностию алтаря и по недостатку колокольни и крытого входа в церковь, то по личному указанию Г. Министра составлены три новые проекта под №№ 1, 2 и 3, по ним составлены и сметы по ценам нормальных смет на постройку домов для церковных причтов в Западных губерниях <....> Проекты сии одобрены Его

Высокопревосходительством Г. Министром, имею честь представить при сем со сметами, полученными из 2 Д[епартамен]та приложениями»⁹.

О первых трех проектах, составленных И.И. Свизевым, можно сообщить следующее: проект № 1 деревянной церкви на помещение до 200 (позднее исправлено 150, а с папертью до 185) человек; проект № 2 деревянной церкви для помещения до 300 (позднее исправлено от 250 до 300) человек; проект № 3 деревянной церкви на помещение до 500 (позднее исправлено от 450 до 500) человек.

12 ноября 1857 года из Комиссии технических и строительных дел было отправлено отношение № 8159 управляющему типографией и литографией Антону Андреевичу Клевщицкому: «Г. Действительный Статский Советник Миллер объявил Старшему Непременному Члену Комиссии для дел Техничес[ких] и Строит[ельных] Приказание Его Высокопревосходительства Г. Министра о доставлении проектов церквей для Западных губерний под № 1, 2 и 3 для *представления Императору*. Вследствие сего Д[епартамен]т С[ельского] Х[озяйства] предписывает Вашему Высокоблагородию распорядиться об отпечатании сколь возможно в непродолжительном времени упомянутых проектов по пяти экземпляров каждого на лучшей веленовой бумаге в несколько большем формате против напечатанных и доставить их Г. Директору Второго Д[епартамен]та. Подписал за Вице-Директора Ключарев. Ст[арший] Непременный Член Комиссии Свизев»¹⁰.

В начале работы над составлением нормальных чертежей появились трудности, которые возникли у управляющего типографией и литографией Клевщицкого при литографировании, и, как следует из переписки, существенно повлияли на сроки печати. В отношении департамента сельского хозяйства по Комиссии технической и строительной № 767 от 5 февраля 1858 года И.И. Свизев пишет управляющему типографией и литографией следующее: «В рапорте своем Д[епартамен]ту С[ельского] Х[озяйства] от 31 января № 18 и записке в Строительную и Техническую Комиссию от 2 февраля по случаю замедления в литографировании и исправлении чертежей Церквей, Ваше Высокоблагородие, изволите приводить следующие тому причины: 1) значительность и трудность переделок, 2) неимение другого гравера, кроме глухонемого, 3) неясность обозначения Комиссиею поправок и переделок и от того 4) употребление гравером нескольких дней для исправления чертежей в пасмурное время. Комиссия, со своей стороны, для избежания ответственности перед Начальством, считает необходимым пояснить: 1) что самые трудные поправки в чертежах сделаны Комиссиею по приказанию Его Высокопревосходительства Г. Министра Г[осударственных] И[муществ], которые однако ж по предъявлении их вам в Комиссии, не были находимы вами затруднительными; 2) что при Литографии есть и другой гравер Андреев, а на случай необходимости мог бы быть нанят и третий; 3) что обозначение Комиссиею поправок делалось такое, как и при

гравировании чертежей для атласа сельских построек (имеется в виду атлас 1853 г. – В. К.) и было ясно для искусного гравера Гундризера, а чего он не понимал, о том, не замедляя работы, спрашивал Комиссию; и наконец 4) что тот же гравер Гундризер употребил бы не более одного самого пасмурного дня на те исправления, которые казенною литографией сделаны в несколько дней, хотя старые и новые чертежи переданы в Литографию несколько уже недель, в продолжение которых не прислано еще ни одной корректуры новых чертежей. Если же действительно вся управляемая Вами Литография состоит из одного гравера, и то работающего только под личным вашим руководством, то не угодно ли вам будет для успешного исполнения приказания Г. Министра испросить разрешение о передаче части работы вольному литографу, например Гундризеру, которого искусство доказано на деле или о найме на время потребного числа граверов. Подписал Старший Непременный Член Комиссии Связев. Скрепил Производитель дел Полянский»¹¹. После этого письма работа по литографированию и печати была ускорена, т.к. ее поручили вольному литографу Рудольфу Гундризеру.

30 ноября 1857 года из 1-го департамента Министерства государственных имуществ в департамент сельского хозяйства было направлено отношение № 31538, в котором говорилось: «Господин Министр Государственных Имуществ, предположив производить постройку деревянных церквей по составленным Архитектором Связевым проектам, в тех селениях, где представляется в том неотложная надобность, приказал: препроводить в некоторые Палаты Государственных имуществ примерные сметы для означения в них хозяйственных цен на материалы и рабочих. Полученные ныне от Управляющего Саратовскою Палатой Государственных имуществ сметы с ценами материалам и рабочих Первый Департамент Государственных имуществ имеет честь препроводить при сем в Департамент Сельского Хозяйства, покорнейше прося сделать распоряжение о проверке этих смет в Строительной и Технической Комиссии и о последующем не оставив уведомлением с возвращением смет. Причем Первый Департамент Государственных имуществ долгом считает присовокупить, что проверку смет необходимо ускорить, ибо на настоящее дело Его Высокопревосходительство Г-н Министр обращает особенное внимание. Директор Ган [Евгений Федорович]. Начальник Отделения Ключарев [Николай Владимирович]»¹².

Также были получены сметы для проверки от начальника Вятской губернии, Тамбовской палаты государственных имуществ, управляющего Пензенскою палатой государственных имуществ отношения, в которых есть аналогичный текст: «производить постройку деревянных церквей по составленным архитектором Связевым проектам»¹³. Это, пожалуй, единственные документы, в которых был указан автор проектов сельских церквей – Иван Иванович Связев.

9 декабря 1857 года 1-е отделение 2-го департамента Министерства государственных имуществ направило отношение № 15874 «С препровождени-

ем проектов и смет на постройку церквей» со следующим текстом: «Нужное. В Комиссию Дел Технических и строительных. При докладе Г. Министру предположений Второго Департамента о мерах к устройству Православных церквей в казенных имениях Западных губерний, а также выписки из журнала Комиссии дел технических и строительных с заключением по полученным от Гг. Генерал-Губернаторов, Начальников Губерний и Епархиальных Архиереев замечаниям относительно изготовленных комиссиею проектов и смет на сии постройки, Его превосходительство, усмотрев, что для предупреждения вопросов и остановки при производстве самих построек и составлении технических отчетов Комиссия признает нужным к чертежам № 1-й и 3-й изготовить еще параллельные чертежи с отстранением тупых углов в стенах и крышах, на кои сделаны замечания, а сметы пересочинить и согласить между собой на изложенных его основаниях, изволил приказать предоставить Комиссии предположения привести в исполнение к будущему январю представить Его Высокопревосходительству исправленные планы и сметы»¹⁴.

Это поручение министра Муравьева было выполнено в срок, о чем добавлено в сделанной приписке к «Описи документам, препровождаемым в Комиссию дел Технических и Строительных при Департаменте Сельского хозяйства», приложенной к отношению № 15874 «С препровождением проектов и смет на постройку церквей» 1-го отделения 2-го департамента Министерства государственных имуществ от 9 декабря 1857 года, что «вновь составленные чертежи под №№ 4, 5, 6 и 7 и сметы под № 1, 2 и 3 тоже препровождены во Второй Департамент при отношении Д[епартамен]та С[ельского] Х[озияства] от 31 декабря»¹⁵.

Таким образом, к концу 1857 – началу 1858 года И.И. Свизевым были составлены нормальные чертежи еще четырех проектов деревянных церквей, о чем есть данные в «Описи проектам и сметам, представляемым Г. Министру» 3 мая 1858 г., в том числе: «проект № 4 параллельный № 1 деревянной церкви на помещение от 150 до 185 челов.; проект № 5 параллельный № 2 деревянной церкви на вмещения 250 челов.; проект № 6 параллельный № 3 деревянной церкви от 450 до 500 челов.; проект № 7 параллельный № 3 деревянной церкви от 450 до 500 челов.»¹⁶.

21 мая 1858 года департамент уделов Министерства императорского двора разослал циркулярное предписание «О постройке церквей в удельных селениях», в котором сообщалось: «Препровождая ныне в дополнение к предписанию от № [16 января 1858 г.] по два экземпляра нормальных чертежей: №№ 1, 2, 3 (от 150 до 185, от 250 до 300, от 450 до 500 душ (величина храма соразмеряется третьей частию прихожан мужеска пола, как это Высочайше утверждено при постройке церквей в помещичьих имениях) и параллельных №№ 4, 5, 6 и 7, вместе с двумя экземплярами смет на оные, предлагаю Вашему к исполнению, не позже 15-го будущего июля: 1. Донести мне, сколько, где именно, по каким чертежам и в какие сроки предполагается построить в имении церквей. 2. На каждый из

выбранных чертежей составить, по возможности, точные сметы, вставив в оные местные умеренные цены на материалы и работы и один экземпляр составленных таким образом сметных исчислений представить ко мне.

Для соображения же и руководства вашего при постройке церквей нужным считаю присовокупить следующее: 1. Постройка новой или ремонт ветхой церкви по получении на то разрешения Департамента производится с подряда или хозяйственным способом. 2. К деятельному в сем деле участию приглашаются в том и другом случае как местное духовенство, так и выборные из прихожан; они сообщают сведения: как выгоднее приобрести материалы, приискать надежных мастеров и удобнее производить самые работы. На вас же возлагается лично и чрез помощников ваших, поверять все это на местах построек, заботиться о более сходной покупке материалов и вообще лично наблюдать за ходом всего дела, стараясь сокращать по возможности издержки; в нужных же случаях командировать на места архитектора <...> 4. В случае надобности и для скорейшего возведения храмов дозволяется вам входить с особыми представлениями об отпуске заимообразно и без процентов нужных для того сумм из хлебного капитала, прилагая и приговоры крестьян (подобные приговоры прилагать также и к представлениям об исправлении ветхих церковных строений), на сколько лет принимают они на себя уплату оных. При сем следует внушать им, что для сокращения относимых на счет их издержек, они могут значительно уменьшить потребные для построек расходы добровольным по мирским приговорам нарядом рабочих людей, подвозкою подручных материалов, как то: леса, кирпича, песку, глины, воды и даже с разрешения Департамента заводить общественные запашки для покрытия требующихся расходов. 5. Лесные материалы, где окажется к тому возможность, будут отпущены, по разрешениям Департамента, из местных или ближайших дач, и в сем случае исчисленная на них сумма из сметы исключается <...> 7. Имея в виду, что прихожане, по усердию своему, могут в некоторых случаях изыскать способы к постройке церквей более обширных против нормальных размеров и даже каменных, приглашать их, по возможности, к возведению таковых храмов, и в сих случаях представлять в Департамент особые проекты и сметы, применяясь в составлении их к нормальным чертежам (чертежи и сметы на постройки каменных церквей будут сообщены в последствии); впрочем, по желанию прихожан церкви могут быть возводимы и по иным проектам.

Так как на сей важный предмет обращено особое внимание Государя Императора, то исполнение всего этого возлагается на непосредственную ответственность вашу и вменяется вам в неперемнную обязанность, прекратив всякую пустую переписку, лично и чрез Помощников наблюдать на местах об успешности действий и постоянно иметь в виду, чтобы постройки были произведены прочно из хорошего материала и без всяких излишних расходов. Подписал: Председатель Департамента Уделов Генерал от Инфантерии Муравьев»¹⁷.

Необходимость составления нормальных чертежей проектов каменных церквей. Составлением 7 проектов деревянных церквей дело не ограничилось, т.к. потребовались проекты и каменных церквей. По этому поводу в циркулярном предписании Министерства государственных имуществ по 2-му департаменту от 16 января 1858 года «Об устройстве Православных церквей в казенных имениях Западных губерний» было написано: «А если где-либо, по положению и величине прихода представится необходимым допустить постройку церквей в размерах, превышающих нормальные чертежи, или вместо деревянных – каменные, то о таковых входить с особыми представлениями в Министерство, прилагая проекты и сметы таковых построек и сообразуясь в составлении их с чертежами, которые будут от Министерства также указаны»¹⁸.

К циркулярному предписанию по 2-му департаменту Министерства государственных имуществ от 30 апреля 1858 года «О постройке церквей» было «присовокуплено», что «церкви, в случае желанья прихожан и достаточности местных способов, могут быть возводимы и в больших размерах, а также при имеющихся материалах и каменные, для руководства которых будут высланы чертеж и смета»¹⁹.

Храм в селе Федосьине Балахнинского уезда Нижегородской удельной конторы как образец для составления нормальных чертежей проектов каменных церквей. 19 декабря 1857 года 2-й департамент Министерства государственных имуществ направил в состоящую при департаменте сельского хозяйства Комиссию дел технических и строительных отношений № 16320 (с препровождением проекта и сметы) следующего содержания: «По приказанию Г. Министра Второй Департамент Государственных Имуществ, препровождая при сем в Комиссию дел Технические и Строительные представленные Его Высокопревосходительству Управляющим Нижегородскою Удельною Конторою (Владимиром Ивановичем Далем – автором «Толкового словаря живого великорусского языка». – В. К.) план и смету, по которым построена в селе Федосьине каменная православная церковь (в архивном деле чертежи и смета отсутствуют. – В. К.), покорнейше просит Комиссию сообразить, в какой степени план этот и смета могут быть приняты при сооружении церквей в тех казенных имениях, где по местным обстоятельствам окажется необходимым или казенные крестьяне сами пожелают строить каменные церкви, и сообщить свое заключение о сем для доклада Г. Министру, обозначив, в чем должны заключаться изменения, если бы Комиссия находила нужным допустить оные в чертеже. Директор [П. Валувев]. Начальник отделения М. Яновицкий»²⁰.

В Российском государственном историческом архиве были найдены два дела, в которых приведены два однотипных чертежа каменной церкви в селе Федосьине, отличающиеся вместимостью постройки. В деле «По Нижегородской конторе. О построении церкви в селе Федосьине» есть рапорт № 5305 от 2 сентября 1843 года управляющего Нижегородской удельной конторой коллежско-

го советника Бестужева-Рюмина «С представлением плана, сметы и приговора на построение церкви в селе Федосьине» в департамент уделов Министерства Императорского двора, в котором сообщается: «Смольковского Приказа приходские разных селений в селе Федосьине две деревянные церкви, холодная и теплая, с колокольнею сгорели 21 июля 1842 года. По желанию прихожан, из которых 324 души Удельных Смольковского Приказа и 196 помещичьих крестьян Князя Репнина, управляемая мною Контора поручила – удельному Архитектору Зыбнину [Николаю Сергеевичу] сообразно средствам их прожектировать план и фасад на сооружение в селе Федосьине Балахнинского уезда новой церкви с колокольнею, но уже каменной, и составить смету издержек по справочным ценам, о которых истребована выписка из Нижегородской Губернской строительной комиссии. Составленный Архитектором план с фасадом церкви на 500 душ прихожан и смета были препровождены в Смольковский Приказ... Честь имею покорнейше просить Департамент Уделов, утвердить начальствующим предписанием возведение каменной церкви с колокольней в селе Федосьине и предположенный прихожанам удельными крестьянами сбор на этот предмет»²¹.

12 ноября 1843 года управляющий Нижегородской конторой Бестужев-Рюмин написал рапорт № 7045 «С испрашиванием разрешения допустить постройку новой церкви в селе Федосьине» в департамент уделов. 18 декабря 1843 года этот документ был препровожден «вместе с делом по сему предмету архитектору [департамент уделов] Мейеру» Христиану Филипповичу, академику архитектуры, профессору, с предписанием «исправить план с фасадом и сметами, если в чем окажется нужным, или же, составив новые по правилам архитектуры, представить в Департамент с возвращением всех приложений»²².

31 января 1844 года архитектор Мейер докладывал в департамент уделов: «Честь имею при сем возвратить план с фасадом, составленные Нижегородскою Удельною Конторою на построение каменной церкви в селе Федосьине, каковы я нахожу согласными с правилами и вкусом архитектуры, принятой для греко-римских церквей»²³.

В этом же деле есть и чертеж с надписью: «План и фасад (на чертеже показан только фасад, плана нет. – В. К.) каменной церкви для постройки вновь [в] селе Федосьине, Балахнинского Уезда. Ведомства Нижегородской Удельной Конторы»²⁴. На листе чертежа стоит утверждающая резолюция министра Императорского двора и уделов светлейшего князя Петра Михайловича Волконского: «Исполнить. 17 июня 1844. Министр Князь Волконский»²⁵ (ил. 1).

В другом деле «По Нижегородской Конт[оре]. О составлении, по хозяйственным ценам, смет на постройки церквей...» есть рапорт № 6263 от 10 ноября 1857 года управляющего Нижегородской удельной конторой действительного статского советника Даля «Его Сиятельству Господину Помощнику Председателя Департамента Уделов и Кавалеру [графу Юлию Ивановичу Стенбоку]», в котором написано: «В исполнение предписания Вашего Сиятельства от 2 сего

Ноября № 22 имею честь представить копию с плана и сметы, на постройку каменной церкви в селе Федосьине, Смольковского Приказа»²⁶. Как указано в рапорте, в этом деле есть чертеж, который подписан так: «Копия. План и фасад каменной церкви в селе Федосьине ведомства Нижегородской Удельной конторы»²⁷. Архитектор [Борис Карлович] Пуншель (сменивший на службе в Нижегородской удельной конторе в 1850 г. Н.С. Забнина, уехавшего в г. Саратов. – В. К.)» (ил. 2)²⁸.

Сравнивая чертеж Федосьинской церкви вместимостью 500 человек архитектора Н.С. Забнина с копией чертежа церкви вместимостью 700 человек, выполненного Б.К. Пуншелем, можно заметить, что это проекты одного и того же здания, но в последнем проекте на несколько метров удлинена трапезная часть (в ней вместо трех окон – четыре). Второй чертеж и был отправлен из Нижнего Новгорода в Санкт-Петербург в Комиссию для дел технических и строительных для рассмотрения.

23 декабря 1857 года эта комиссия, состоящая при департаменте сельского хозяйства Министерства государственных имуществ в отношении № 273 «О рассмотрении плана по построенной каменной церкви в селе Федосьине Нижегородской губернии» сообщала следующее: «По измерениям плана, в церкви может поместиться до 700 человек; он весьма удобен для сельской церкви, но фасад, составленный с хорошим вкусом, может быть упрощен, с устройством небольших деревянных глав на крыше, а не на своде²⁹, как по фасаду следует предполагать. Что же касается до суммы, выведенной в смете, по примерным соображениям, 5500 руб., то Комиссия полагает, что по смете, составленной на основании урочного положения и самым умеренным ценам на рабочие силы и материалы, постройка церкви оценится более 10000 руб., о чем и положено уведомить Второй Департамент Государственных Имуществ, с возвращением приложений по утверждению журнала Его Превосходительством Господином Директором Департамента Сельского Хозяйства. Ив[ан] Свиязев. Бар[он] Ев[гений] Тизенгаузен. [А.Б.] Кавос. Н[иколай] Бенуа»³⁰.

30 декабря 1857 года 1-е отделение 2-го департамента Министерства государственных имуществ своим отношением № 16684 «С препровождением проекта и сметы церкви села Федосьина» в Комиссию дел технических и строительных сообщало: «По докладу Г. Министру изложенного в выписке из журнала Комиссии дел Технических и Строительных заключения ее о возможности принять представленный Управляющим Нижегородскою Удельною Конторою проект и смету каменной церкви, построенной в селе Федосьине, в руководство при сооружении церквей в казенных имениях Западных Губерний, Его Высокопревосходительство изволил изъявить желание, чтобы Комиссия, соображаясь с проектом Федосьинской церкви, изготовила два новые для каменных церквей проекта вместимостью каждый на 500 человек и из них один двухпрестольный, а другой с одним престолом, и чтобы в обоих сих проектах *сохранен был тот самый*

наружный вид, какой имеет Федосьинская церковь. О таком приказании Г. Министра Второй департамент имеет честь сообщить комиссии дел Технических и Строительных для зависящего исполнения. Директор П. Валуев. Начальник отделения М. Яновицкий»³¹. Таким образом, проект церкви в селе Федосьино (ныне с. Смольки Городецкого р-на Нижегородской обл.) стал тем первообразом, который был в дальнейшем использован для проектирования каменных сельских церквей в Российской империи.

Составление нормальных чертежей проектов каменных церквей № 8 и № 9 архитектором И.И. Свизевым в 1858 году. 7 апреля 1858 года 1-й департамент Министерства государственных имуществ направил отношение № 9813 в департамент сельского хозяйства о следующем: «По приказанию Господина Министра, Первый Департамент Государственных Имуществ покорнейше просит Департамент Сельского Хозяйства прислать в скорейшем времени двести экземпляров, составленных в сем Департаменте нормального проекта и сметы на постройку в казенных селениях каменной церкви. Директор Е[вгений Федорович] Ган». На отношении стоит приписка карандашом: «Спросить 2 Д[епартамен]т о числе № экземпляров. Спросить удельное ведомство, так как 2 проекта каменных церквей гравированы в нашей Литографии»³².

Таким образом, из этого документа стало известно, что к апрелю 1858 года архитектором И.И. Свизевым уже были составлены два проекта каменных церквей, в том числе: с одним престолом вместимостью 500 человек по проекту № 8; двухпрестольный на 700 человек по проекту № 9. Проекты № 8 и 9 были однотипны. Отличия заключались в длине церкви, т.е. в ее трапезной части (почти так же, как было сделано с образцовым проектом Федосьинской церкви), на фасаде которой были расположены два окна для проекта № 8 и три окна для проекта № 9, а также в изменениях внутренней планировки, обусловленных наличием одного или двух престолов.

«Проект каменной церкви № 9 вместимостью до 700 человек»³³ (ил. 3), на котором изображены план, продольные фасад и разрез церкви стал в последующем тем проектом, который был использован И.Ф. Яровицким при проектировании церкви в Кенозерском погосте (он был обозначен в «Атласе...» под № 25 – В. К.).

15 апреля 1858 года старший неперменный член Комиссии дел технических и строительных И.И. Свизев направил в департамент уделов отношение № 2460, в котором писал: «По приказанию Его Высокопревосходительства Г. Министра Госуд[арственных] Имущ[еств] Д[епартамен]т С[ельского] Х[озяйства], приступая к отпечатыванию двух проектов и смет на постройку каменных церквей вместимостью на 500 и 700 челов., покорнейше просит Д[епартамен]т Уделов уведомить сколь возможно в непродолжительном времени – не нужно ли для удельного ведомства отпечатать тех проектов и смет и в каком числе экземпляров. Подписал Директор [Андрей Парфеньевич] Заблоцкий[-Десятовский]. Скрепил Старший Неперменный Член Комиссии Свизев»³⁴.

В департаменте уделов это отношение было получено в тот же день и приобщено к делу «Об уплате денег за нормальные чертежи и сметы на постройку деревянных церквей и о рассылке сих чертежей и смет»³⁵, в котором при желании можно узнать исчерпывающую информацию о том количестве экземпляров нормальных чертежей проектов сельских церквей и смет к ним, которые были напечатаны и отправлены в удельные имения для руководства. Аналогичный запрос № 2461 от 15 апреля 1858 года, подписанный за вице-директора департамента сельского хозяйства начальником 1-го отделения Николаем Владимировичем Ключаревым и Иваном Ивановичем Свизевым, был направлен во 2-й департамент Министерства государственных имуществ³⁶.

О количестве изготовленных проектов каменных церквей можно узнать из документа «О составлении нормальных проектов 2-х каменных церквей» № 148 от 23 июня 1858 года, который составлен Комиссией для дел технических и строительных, где сказано следующее: «Второй Департамент Государственных Имуществ отношением от 30 декабря 1857 года за № 16684, уведомил Комиссию Строительную и Техническую, что Его Высокопревосходительство Г. Министр изволил изъявить желание, чтобы Комиссия, соображаясь с проектом каменной церкви, построенной в селе Федосьине ведомства Нижегородской Удельной Конторы, изготовила два новые для каменных церквей проекта вместимости каждый на 500 человек; из них один двухпрестольный, а другой с одним престолом, и чтобы в обоих сих проектах сохранен был тот самый наружный вид, какой имеет Федосьинская церковь. В исполнение такового приказания Комиссией составлены два проекта каменных церквей под № 8 и 9: один вместимости на 500 челов., а другой на 700 челов., которые, по одобрении Его Высокопревосходительством, отпечатаны по 1200 экз. каждого номера, и потребное число экземпляров отправлено в 1 и 2 Департаменты Государственных Имуществ и в Департамент Уделов, вследствие его требования. Присланный при упомянутом отношении 2 Департамента проект церкви в селе Федосьине и к нему смета препровождены Комиссией при записке от 12 июня за № 3845 к Правителю канцелярии Департамента Уделов Г. Лазаревскому, – о чем и уведомить 2 Департамент выпискою из журнала, по утверждению онаго Его Превосходительством Г. Директором Д[епартамен]та Сельского Хоз[яйст]ва. Ив[ан] Свизев. Бар[он] Ев[гений] Тизенгаузен. Н. Бенуа»³⁷.

5 июня 1859 года по Комиссии технической и строительной из департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ было направлено отношение № 7272: «Г. Экзекутору и казначею. Департамент Сельского Хозяйства предписывает Вашему Высокоблагородию из числа присланной Первым Департаментом Государственных Имуществ суммы 883 р. 75 коп. сер[ебром] за отпечатание проектов и смет на постройку в казенных селениях церквей и записанной на приход по книге № 6 под статью 120 выплатить в расход по той же книге № 6 пятьсот восемьдесят два рублю девяносто семь с половиной коп.

сер[ебром]. Из них выдать *Литографу Гундризеру* за отпечатание чертежей церквей и иконостасов 544 руб 37 ½ коп., переплетчику Алексееву за брошюровку и переплет чертежей 18 руб. 60 коп., а остальные 20 руб. г. Старшему Члену Строительной Комиссии Действительному Статскому Советнику Связеву в возврат уплаченных переплетчику Лауферту за переплет одного экземпляра проектов для *Ея Императорского Величества Императрицы*, и по исполнении донести. Управляющий Департаментом Статс-Секретарь [Петр Александрович] Валуев. Старш[ий] Непременный [Член] Комиссии Связев»³⁸.

7 июня 1858 года Министерство государственных имуществ разослало в губернии управляющим палатами государственных имуществ для руководства циркулярное предписание по 2-му департаменту «По предмету постройки в казенных имениях каменных церквей», в котором написано: «по изготовлении ныне нормальных чертежей, одного вместимостью до 500 душ и другого – до 700 душ, на постройку каменных церквей и к ним нормальных смет, препровождено по три экземпляра каждого из сих чертежей и смет, с предложением – принять их в руководство в случае необходимости допустить где-либо, по числу душ прихода и желании прихожан, постройку в больших размерах, вместо деревянной, каменной церкви, и затем ни особых проектов, ни смет уже не составлять, но проставив в печатный экземпляр сметы на материалы и рабочих местные цены, соответственно тем, кои доставлены министерству г. Начальником губерний и по которым определены расходы на деревянные церкви, сделать свое постановление, в коей мере выгодно для казны и прихожан такая постройка, и испросить на предложение свое утверждений г. Начальника Губернии, представить о том Министерству с приложением сметы»³⁹.

24 июля 1858 году «дано Палатам ведомства Первого департамента [Министерства] Государственных имуществ предписание того же содержания, как дано Палатам по второму Департаменту от 7 минувшего июня сего года»⁴⁰.

Составление И.И. Связевым нормальных чертежей проектов церквей № 10–17. Следует сказать, что составление нормальных проектов церквей, начатое в конце 1857 – начале 1858 года после завершения проекта каменной церкви № 9 не остановилось, а было продолжено составлением следующих номеров чертежей, о которых приведены справочные сведения в деле «О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Часть 2», а более подробные – в деле «Об уплате денег за нормальные чертежи и сметы на постройку деревянных и церквей и о рассылке сих чертежей и смет».

Проект церкви № 10, указанный в отношении № 3727 от 7 июня 1958 года по Комиссии технической и строительной, отправленном в департамент уделов, которое подписал за вице-директора Ключарев и скрепил старший неперменный член комиссии Связев, упоминается в общем списке отпечатанных проектов: «Департамент Сельского Хозяйства имеет честь препроводить при сем проектов церквей: а) по 45 экземпляров №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 10

и к ним смет под № 1, 2, 3; б) по 120 экземпляров № 8 и 9 и к ним по 120 экз. смет»⁴¹.

Таким образом, установлено, что проект № 10 (параллельный № 2) деревянной церкви вместимостью до 200 человек был составлен в тот же период, что и предыдущие проекты.

Перечисленные выше проекты с № 1 по № 10 были собраны вместе и выпущены в Санкт-Петербурге в 1858 г. в виде атласа под названием «Проекты церквей и иконостасов (об иконостасах пойдет речь ниже. – В. К.) для казенных селений»⁴², который автором был обнаружен в июне 2017 г. в научной библиотеке Государственного Эрмитажа. Атлас в кожаном переплете, украшен теснением. На переднем форзаце наклеен экслибрис (книжный знак владельца библиотеки. – В. К.), описание которого следующее: «Ярлык, гравированный, размером 49×44 мм. Без рамки. Углы вырезаны полукругом внутрь. Исполнен между 1855–1881 гг. Императорская корона, окруженная сиянием. Под короной в облаках вензель “АН (Александр Николаевич)”. На обручах короны 7, 2 и 7 жемчужин»⁴³, что дает основание считать, что этот атлас – из библиотеки императора Александра II.

По поводу проекта церкви № 11 можно сообщить, что 27 апреля 1859 года департамент сельского хозяйства по Комиссии технической и строительной отправил отношения № 2387 и № 2388: первое – в Первый Департамент Государственных Имуществ, а второе – в Департамент уделов, такого содержания: «В следствие приказания Его Высокопревосходительства Г. Министра, изъясненного в отношении Второго Департамента от 15 ноября 1858 г. за № 15681, отпечатан для приобщения к изданным от Министерства на постройку церквей нормальным чертежам проект деревянной церкви под № 11, составленный по существующей православной церкви в им. Подубисах⁴⁴ Ковенской губернии... Подписал за Вице-Директора Ключарев. Скрепил Старший Непременный Член Комиссии Связев»⁴⁵.

Департамент уделов Министерства императорского двора 19 мая 1859 года разослало циркулярное предписание в 21 адрес, в том числе в удельные конторы Вельскую, Владимирскую, Вятскую, Костромскую, Казанскую, Московскую, Новгородскую, Нижегородскую, Орловскую, Оренбургскую, Старорусскую, Сарapulьскую, Симбирскую, Самарскую, Саратовскую, Сызраньскую, Тверскую, а также Гдовского имения, Государыни Императрицы Александры Федоровны, старшему архитектору департамента уделов А.И. Резанову, члену департамента уделов действительному статскому советнику Неклюдову, за № 9103–9123 следующего содержания: «в дополнение к циркуляру от 21 мая 1858 г. Департамент Уделов препровождает у сего для руководства по два экземпляра чертежа под № 11 на устройство церквей. Подписал: Помощник Председателя Департамента Уделов Граф Ю. Стенбок. Скрепили: Начальник отделения Тютчев, Старший столоначальник Шереметевский»⁴⁶.

5 июня 1859 г. из Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ по Комиссии технической и строительной было направлено отношение № 7272 о следующем: «Г. Экзекутору и казначею. Департамент Сельского Хозяйства предписывает Вашему Высокоблагородию из числа присланной Первым Департаментом Государственных Имуществ суммы 883 р. 75 коп. сер[ебром]. за отпечатание проектов и смет на постройку в казенных селениях церквей и записанной на приход по книге № 6 под статью 120 вы- платить в расход по той же книге № 6 пятьсот восемьдесят два рублю девяно- сто семь с половиной коп. сер[ебром]. Из них выдать Литографу Гундризеру за отпечатание чертежей церквей и иконостасов 544 руб 37 ½ коп., переплетчику Алексееву за брошюровку и переплет чертежей 18 руб. 60 коп., а остальные 20 руб. г. Старшему Члену Строительной Комиссии Действительному Статскому Советнику Связеву в возврат уплаченных переплетчику Лауферту за переплет одного экземпляра проектов для *Ея Императорского Величества Императрицы* (возможно здесь сообщается об атласе «Проекты церквей и иконостасов для ка- зенных селений», вышедшем в 1858 г. и хранившемся в библиотеке императора Александра II. – В. К.), и по исполнении донести. Управляющий Департамен- том Статс-Секретарь [Петр Александрович] Валуев. Старш[ий] Непременный [Член] Комиссии Связев»⁴⁷.

Здесь хотелось бы добавить некоторые выдержки из дела о строительстве цер- квей по нормальным чертежам, изложенные Комиссией для дел технических и строительных в отношении № 162 от 8 июня 1859 года «О рассмотрении запи- ски инженера Московской Палаты о порядке возведения церквей», где написано: «Так как большая часть годовых праздников и великий пост по стечению испо- ведников и причастников бывают в продолжение 7-ми холодных месяцев, и как прихожане реже посещают не отопленные церкви, да и духовенство отправляет в них богослужение далеко не в духе пастырей Христовых, как утверждает инженер Палаты, то и признано необходимым подразделять церковь на 2 части: на теплую и холодную; в последней отправляется служба только в летнее время. Изданные от Министерства нормальные проекты деревянных церквей, самой простой кон- струкции, первоначально предполагались собственно для Западных губерний, где трудно найти даже самых посредственных плотников. В последствие уже време- ни составлены 2 проекта на каменные церкви с деревянными главами и потолка- ми преимущественно для тех местностей, где нет хороших каменных мастеров. Но предлагая эти проекты в руководство, Министерство не считало их обязатель- ными повсеместно, напротив предоставило Палатам по желанию прихожан из- менять планы в их размерах и представлять составленные при Палате проекты и сметы на рассмотрение Министерства <...> Ив[ан] Связев. Бар[он] Ев[ений] Тизенгаузен. А[лександр] Резанов. Производитель дел Полянский»⁴⁸.

Что касается последующих номеров (после № 11) нормальных чертежей про- ектов, то они были составлены несколько позже, в 1859–1860 годах. В справке,

написанной 15 февраля 1860 года производителем дел Комиссии технических и строительных дел Петром Гавриловичем Полянским, указано, что «Об отпечатании проекта каменной церкви № 12 переписка находится в деле строительной комиссии 1859 года № 228»⁴⁹, однако в Российском государственном историческом архиве в фонде департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ это дело обнаружено не было. Зато было обнаружено дело департамента уделов Министерства Императорского двора «Об уплате денег за нормальные чертежи и сметы на постройку деревянных и каменных церквей...», в котором и приводятся сведения о составлении этого проекта.

13 января 1860 года из департамента сельского хозяйства по Комиссии технической и строительной было отправлено в департамент уделов отношение № 244 «С препровождением 100 эк. проекта церкви под № 12», в котором писалось: «препровождая при сем сто экземпляров [чертежа] каменной церкви под № 12, отпечатанного по приказанию Его Высокопревосходительства Г. Министра, для приобщения к изданным от Министерства нормальным чертежам на постройку церквей, покорнейше просит доставить за отпечатание их и употребленную бумагу шесть рублей шестьдесят копеек серебром. Вице Директор А[лександр Осипович] Таборовский, Старший Непременный Член Комиссии Связев»⁵⁰.

Департамент уделов Министерства императорского двора 8 февраля 1860 года разослал циркулярное предписание № 14 в дополнение к циркуляру от 21 мая 1858 года: «Департамент Уделов препровождает у сего для руководства по два экземпляра чертежа под № 12 на устройство каменных церквей. Подписал: Помощник Председателя Департамента Уделов Граф Ю. Стенбок. Крепили: Начальник отделения Тютчев и Старший столоначальник Шереметевский»⁵¹.

В справке Полянского от 15 февраля 1860 года написано, что «Об отпечатании проекта каменной церкви № 13 переписка находится в деле строительной комиссии 1859 года № 78 (это дело в РГИА обнаружить не удалось. – В. К.)»⁵².

3 мая 1860 года И.И. Связеву была отправлена записка следующего содержания: «В.М. Лазаревский, свидетельствуя совершенное почтение Его превосходительству Ивану Ивановичу, имеет честь покорнейше просить почтить его уведомлением: награвированы ли исправленные проекты церквей, и если награвированы, то доставить к нему один экземпляр оных»⁵³.

На этой записке написано карандашом: «Д[ействительный] С[татский] Сов[етник] Связев, свидетельствуя совершенное почтение Его высокоородию Вас[илию] Матв[еевичу], имеет честь препроводить при сем в следствие записки от 3 мая [1860 г.] нормальные проекты церквей № 11, 12 и 13, а № 14 исправленный вместо № 1 с помещением ризницы еще литографируется»⁵⁴.

По поводу перечисленных проектов можно сообщить следующее: проект № 11 деревянной церкви на 600 человек, как указано выше, был составлен по существующей православной церкви в Подубисах Ковенской губернии; проект

№ 12 каменной церкви вместимостью до 250 человек был составлен вновь; проект № 13 каменной двухпредельной церкви на 1200 человек, как установлено по внешнему виду, был составлен на основе разработанных ранее проектов № 8 и 9 и отличался от них тем, что трапезная (теплая) часть запроектирована была более длинной и имела по фасаду четыре окна, а также внутри самой трапезной части напротив алтаря был выполнен с трех сторон балкон для молящихся; проект № 14 деревянной церкви на помещение 150 человек, а с папертью – до 185 человек, как сказано выше, был исправленным вместо проекта № 1.

11 июля 1860 года департамент уделов Министерства императорского двора в циркулярном предписании № 33 «С приложением 4 чертежей» сообщал: «В дополнение к циркуляру от 21-го мая 1858 года, Департамент Уделов препровождает у сего для руководства два экземпляра чертежей под №№ 13 и 14 на устройство каменных и деревянных церквей. Подлинное подписал: Помощник Председателя Департамента Уделов Граф Стенбок. Скрепили: Начальник отделения Тютчев, Старший Столоначальник Шереметевский»⁵⁵.

Фактически все нормальные чертежи проектов церквей по их готовности по одному или несколько рассылались в губернии, но затем возникло желание объединить их вместе в атлас, о чем впервые упоминается в отношении (без номера) от 27 мая 1860 года в 1-е отделение 1-го департамента Министерства государственных имуществ: «По личному приказанию Его Высокопревосходительства Г. Министра составлен Комиссиею Строительных и Технических дел проект церкви № 14 параллельный № 1 с отделением для ризницы и входом в оную из алтаря и отпечатан для присоединения к атласу церквей»⁵⁶.

Здесь стоит сообщить также, что многие проекты церквей, как выше приведенный проект № 1, неоднократно переделывались И.И. Свизевым с учетом замечаний министра М.Н. Муравьева и других лиц. Показательным является тот случай, когда спустя 3 года был переделан фасад проекта № 2. В отношении этого проекта следует сообщить, что 17 октября 1860 года И.И. Свизев отношением № 165 сообщал в Первый департамент следующее: «Предписанием Департамента от 30 сентября за № 26596 препровождено ко мне представление г. Управляющего Витебскою Палатою о доставлении к нему фасада на обшивку церковью № 2, так как выстроенные по этому № нормальных чертежей церкви, по личному моему удостоверению, не имеют, соответствующего своему назначению. По этому поводу составленный мной фасад я имел честь представлять Г. Министру. Его Высокопревосходительство, одобрив фасад, изволил приказать награвировать его»⁵⁷.

Все вышеперечисленные чертежи проектов церквей с № 1 по 14 в окончательном виде собраны в коллекцию, хранящуюся в деле «Об уплате денег за детальные чертежи к нормальным проектам каменных и деревянных церквей и рассылке этих чертежей. Часть 3. Здесь коллекция означенных чертежей и смет»⁵⁸ за 1861 год.

Также нами было установлено, что И.И. Свизевым кроме 14 проектов церквей, представленных в коллекции, были составлены еще три проекта. О проекте № 15 деревянной церкви на 500 человек мы узнали из приписки, сделанной на обороте предпоследнего листа архивного дела «О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Часть 2» следующее: «Справка: вновь составленный проект церкви № 15 и инструкция по устройству в западных губерниях православных церквей находятся в деле 1863 г. № 113. Младший Помощник производителя дел [Федор Федорович] Васильев»⁵⁹. Это дело в РГИА обнаружить не удалось, поэтому дата составления проекта не установлена.

О других двух проектах под условными номерами 16 и 17, составленных Свизевым, сведений в выявленных архивных делах обнаружено не было, но наличие этих проектов было установлено, т.к. эти проекты были включены в «Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях»⁶⁰, в том числе проект № 15 под № 31, № 16 под № 32, а проект № 17 под № 18.

Об этих проектах можно сообщить следующее: проект № 15 деревянной церкви на 500 человек; проект № 16 каменной церкви на 350 человек, параллельный проекту № 12, но с пристроенной колокольней; проект № 17 деревянной церкви на 300 человек, параллельный № 2.

Таким образом, И.И. Свизевым было составлено 17 проектов нормальных чертежей церквей, 12 из которых – деревянные, а 5 – каменные.

Детальные чертежи к нормальным проектам деревянных и каменных церквей архитектора И.И. Свизева. 18 мая 1861 года «Г[осподину] Начальнику IX Отд[еления] 1 Д[епартамента] и заведывающему типографией и литографией М[инистерства] Г[осударственных] И[муществ] [Клевщицкому Антону Андреевичу]» было направлено письмо: «Препровождая при сем детальные чертежи к нормальным проектам каменных и деревянных церквей, Комиссия Технических и Стр[оительных] дел покорнейше просит отлитографировать 300 экземпляров. Подписал: Стар. Непрем. Член Комиссии Свизев»⁶¹. Вольному литографу Р. Гундризеру тогда не отправлялись чертежи для размножения.

30 июня 1861 года смотритель типографии Ф. Иванов в отношении № 28 отвечал: «По предложению Комиссии Технических и Строительных дел от 18 мая, отлитографировано шесть детальных чертежей к нормальным проектам каменных и деревянных церквей по 300 экземпляров каждого»⁶².

20 июля 1861 года в 1-е отделение 1-го департамента было отправлено отношение, в котором писалось: «По приказанию Г. Министра в Комиссии для дел Техн[ических] и Строит[ельных] составлены и отлитографированы к нормальным проектам каменных и деревянных церквей детальные чертежи на 6 листах, по 300 экземпляров каждого <...> Препровождая 290 экз. каждого чертежа, Комиссия Строит[ельных] и Техн[ических] дел покорнейше просит по

100 экз. отправить в Д[епартамен]т Уделов, а остальные разослать по министерству. Подписал Стар[ший] Непрем[енный] Член Комиссии Связев»⁶³.

9 сентября 1861 года департамент уделов Министерства Императорского двора разослал циркулярное предписание № 39 с 12 листами чертежей: «В дополнение к циркуляру от 21-го мая 1858 года, Департамент Уделов препровождая у сего для руководства по два экземпляра детальных чертежей к нормальным проектам каменных и деревянных церквей. Подписал: Помощник Председателя Департамента Уделов Граф Стенбок. Скрепили: Начальник Отделения Тютчев и Старший Столоначальник Шереметевский»⁶⁴.

О применении детальных чертежей дает пояснение «Проект Строительных правил по Министерству Государственных Имуществ» (гл. 1 «О составлении проектов и смет», § 9), составленный с участием И.И. Связева, где написано: «Детальные чертежи следует прилагать, когда постройка должна быть произведена с некоторою художественностью в отделке или заключает в себе особый способ производства работы, который нельзя ясно показать на плане, фасаде и профиле при малой величине масштаба»⁶⁵.

В детальных чертежах И.И. Связева некоторые архитектурные детали были изображены в нескольких вариантах числом до двух или трех, что позволяло удельным архитекторам при выборе и непосредственном применении на практике нормальных чертежей церкви иметь и некоторый выбор деталей по художественной отделке фасадов здания.

Детальные чертежи для 13 проектов церквей, в том числе 9 деревянных и 4 каменных, были составлены на 6 листах, обозначенных буквами: «а», «б», «в», «г», «д», «е», с общим числом пронумерованных деталей 40 штук (с № 1 по 40, не считая мелких деталей).

Детальные чертежи так же, как и нормальные чертежи проектов каменных и деревянных церквей, были включены в «Коллекцию... чертежей»⁶⁶.

Впоследствии детальные чертежи были включены также в вышедший в Синодальной типографии атлас⁶⁷, но не полностью, а только в составе первых пяти листов (обозначенных буквами «а», «б», «в», «г», «д»), а последний, шестой лист (обозначенный буквой «е») не был включен в атлас.

Номера и названия, обозначающие архитектурные детали на листах, относятся к определенным проектам церквей (в следующем перечне без скобок указаны проекты церквей, пронумерованные в деле РГИА, в скобках – пронумерованные в атласах).

Лист *а*: 1, 2, 3. Карнизы для главок к № 1 (16), 2 (17), 3 (19), 10 (26); 4. Карнизы для главок к № 10(26) и 11 (27); 5, 6. Большие карнизы к № 3 (19), 5 (21), 7 (23) и (10) 26; 7. Цоколь к главкам к № 3 (19), 5 (21), (7) 23 и 10 (26); 8. Большой карниз к № 3 (19); 9. Карниз для купола к № 7 (23); 10. Капитель пилястры под навес входа № 3 (19) и 10 (26); 11. Карниз для сандриков окон к № 5 (21), 7 (23), 10 (26) и 11 (27); 12. Карниз для главки к № 7 (23).

Лист б: 13. Чертеж главки на кокошниках к проекту № 14 (30). А. План по линии а–б. В. План по линии с–д. С. Купол; 14. Окно к проекту № 14 (30); 15. Входная дверь к № 14 (30); 16. Большой карниз к № 14 (30); 17. Слуховое окно к № 14 (30); 18. Наружная панель под окнами; 19. Крест над лицевым фронтоном к № 14 (30); Без номера. Полотенца к № 14 (30).

Лист в: 20. Личинка к навесу над входом к № 5 (22); 21. Чертеж главок к № 5 (22); 22. Профиль навеса над входом к № 5 (22).

Лист г: 23, 24, 25. Карнизы для главок к № 8 (24) и 9 (25); 26. Архивольт (декоративное обрамление арочного проема) сбоку над входами с пилястрами к № 8 (24) и 9 (25); 27. Архивольт у кокошников колокольни к № 8 (24) и 9 (25); 28. Галтели у пьедесталов главок к № 8 (24) и 9 (25); 29. Большие карнизы к № 8 (24) и 9 (25); 30. Карниз у ризницы к № 8 (24) и 9 (25); 31. Поясок под окна к № 8 (24) и 9 (25); 32. База под пилястры к № 8 (24) и 9 (25).

Лист д: 33. Входная часть с дверью к № 8 (24) и 9 (25); 34. Карниз второго этажа колокольни к № 8 (24) и 9 (25); 35. Угловая группа пилястр с капителями и карнизами к № 8 (24) и 9 (25); 36. Карниз первого этажа колокольни к № 8 (24) и 9 (25); Без номера. Плафон карниза группы пилястр к № 8 (24) и 9 (25).

Лист е (впоследствии этот лист не был включен в атлас): 37. Входная часть с колокольной к № 12; Без номера. План входной части к № 12; 38. Главный карниз к № 12; 39. Кронштейн и наличник над окнами к № 12; 40. Архивольт над выступом церкви с пилястрою к № 12.

Из шести листов детальных чертежей, составленных И.И. Свиязевым, только два, в том числе листы «г»⁶⁸ (ил. 4) и «д»⁶⁹ (ил. 5), обозначенные, соответственно, в атласе⁷⁰ под № 36 и 37, относящиеся к проекту каменной церкви № 9 вместимостью до 700 человек, были использованы в 1867 г. И.Ф. Яровицким при проектировании Кенозерской Успенской церкви.

Образцовые проекты иконостасов архитектора А.И. Резанова для нормальных чертежей проектов церквей. В циркулярном предписании Министерства государственных имуществ от 16 января 1858 года было написано: «Г. Министр неизлишним счел присовокупить, что на счет иконостасов и утвари для церквей последует особое распоряжение»⁷¹.

О создании иконостасов также обнаружено несколько документов. 16 декабря 1857 года старший неперменный член комиссии И.И. Свиязев писал в своем рапорте: «По выбытии из Строительной и Технической Комиссии Коллежского Советника Николаева, поступившего в Департамент Сельского Хозяйства из инженеров, все текущие дела разделялись между остальными ее членами и не имели большого еще замедления до возложения на Комиссию новой обязанности – составлять проекты и сметы на постройку церквей и рассматривать присланные из губерний сметы в значительном количестве. Это не могло не иметь влияния на движение дел, так что Старший Член Комиссии по необходимости должен был отчасти уклоняться от исполнения своих обязанностей в качест-

ве Начальника Отделения Департамента по наблюдению за ходом и порядком дел Комиссии по участию в Общих Присутствиях, по обревизованию приходо-расходных книг Департамента и т.п. По отношению к проектам и сметам на церковные постройки я полагал бы весьма полезным определить Членом или Архитектором Комиссии известного Профессора Архитектуры г. Резанова, изъявившего на это свое согласие. Как Архитектор Удельного Департамента он мог бы быть полезным для Министерства и по отношению к сельским хозяйственным постройкам, о чем и имею честь представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства»⁷².

20 декабря 1857 года канцелярия департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ направила в департамент уделов отношение № 9277, в котором сообщало: «Профессор архитектуры Резанов, состоящий при Департаменте Уделов архитектором, изъявил желание занять должность младшего члена Гражданского Инженера в Комиссию для дел Технических и Строительных, находящейся при Департаменте Сельского Хозяйства. В следствие сего Департамент сей предварительно дальнейших распоряжений касательно определения Г. Резанова на вышеозначенное место имеет честь покорнейше просить уведомить, не встречается ли к семусо стороны Департамента Уделов каких-либо препятствий, и если нет, то доставить формулярный список о службе Г. Резанова. Директор А. Заблоцкий. Исправляющий должность Правителя Канцелярии А. Ефремов»⁷³.

30 декабря 1857 г. департамент уделов ответил департаменту сельского хозяйства отношением № 25339: «Д[епартамент] У[делов] вследствие отношения от 21 текущего декабря, препровождая у сего формулярный список о службе Старшего Архитектора Надв[орного] Сов[етника] Резанова, имеет честь сообщить, что со стороны сего Д[епартамент] не имеет препятствий к занятию Г. Резановым должности младшего члена Гражданского Инженера в Комиссии для дел технических и строительных, находящейся при Д[епартамен]те Сельского Хозяйства. Подписали: Пом[ощник] Пред[седателя] Д[епартамента] У[делов] Граф Ю. Стенбок. За Нач[альника] Отд[еления] В. Пасенко. Стол[оначальник] Алферов»⁷⁴.

Однако назначение Резанова на должность было отложено до 6 марта 1858 года в связи с тем, что выяснялось, «разрешено ли уставом Комиссии для дел Технических и Строительных, состоящей при Департаменте Сельского Хозяйства, соединение в одном лице должностей члена оной Комиссии и Архитектора по другому ведомству»⁷⁵.

12 марта 1858 года по департаменту сельского хозяйства вышел приказ: «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 6 сего марта за № 59. Старший архитектор департамента уделов, надворный советник Резанов назначен младшим членом комиссии для дел технических и строительных с оставлением в настоящей должности. Подписал: Директор А. Заблоцкий»⁷⁶, о чем есть запись в формулярном списке Резанова⁷⁷.

Александр Иванович Резанов, назначенный младшим членом Комиссии для дел технических и строительных, к июлю 1858 года составил девять проектов иконостасов под литерами «А», «Б», «В», «Г», «Д», «Е», «Ж», «З», «И» (для десяти проектов церквей № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10, составленных И.И. Свиязевым), в том числе: А – проект иконостаса для церквей № 1 и 4; Б – проект иконостаса для церквей № 2 и 10; В – проект иконостаса для церквей № 3; Г и Д – проект иконостаса для церквей № 5; Е – проект иконостаса для церквей № 6; Ж – проект иконостаса для церквей № 7; З – иконостас к проектам каменных церквей № 8 и 9; И – проект иконостаса для церквей № 9. В атласе при печати две последние позиции «З» и «И» поменялись местами.

16 июля 1858 года старший непрременный член Комиссии технических и строительных дел статский советник Свиязев докладывал в рапорте Министру Государственных Имуществ Муравьеву: «Имею честь представить 9 проектов иконостасов, составленных г. Младшим Членом Строительной и Технической Комиссии Резановым для церквей, предполагаемых к постройке в селениях Министерства Государственных имуществ и удельного ведомства и покорнейше просит разрешения приступить к гравированию означенных проектов и к отпечатанию описи икон, составленной мною с г. Резановым при посредстве Правителя канцелярии министра г.г. Колежского Советника Лазаревского [Василия Матвеевича, 26.02.1817 – 28.04.1890] и Академика Солнцева [Федора Григорьевича, 27.04.1801 – 15.03.1892]»⁷⁸. Проекты иконостасов для церквей были включены в «коллекцию чертежей»⁷⁹, а позднее напечатаны в атласе⁸⁰.

«Опись иконам для иконостасов в каменных и деревянных церквах, предполагаемых к постройке в селениях Министерства Государственных Имуществ и Удельного ведомства»⁸¹, составленная в виде таблицы, где были указаны следующие столбцы: «к церкви под №; проект иконостаса под литерою (этот столбец в атласе был назван «№№ листов атласа». – В. К.); какие иконы в иконостасе, размеры икон: вышиною или длиною, шириною (в аршинах и вершках)» была позднее приложена к атласу⁸².

28 июля 1858 года в циркулярном предписании Министерства государственных имуществ по 2-му департаменту «Об иконостасах устраиваемых церквей в казенных имениях Западных губерний» сообщалось: «В дополнение к циркулярному предписанию, от 16 минувшего января... препровождены г.г. Управляющим Палатами Государственных Имуществ экземпляры образцовых чертежей для иконостасов в 9 видах, с особою описью иконам...»⁸³. Аналогичное циркулярное предписание было разослано от департамента уделов Министерства Императорского двора от 4 ноября 1858 года № 22261 «С приложением 9 чертежей и описи», в котором сообщалось: «В дополнение к циркуляру от 21-го Мая сего [1858] года № 9978 Департамент Уделов препровождает у сего чертежи иконостасов по одному экземпляру под буквами А. Б. В. Г. Д. Е. Ж. З. и И и по одному экземпляру описей иконам для иконостасов в каменных и деревянных церквах.

Подписал: Помощник Председателя Департамента Уделов Граф Ю. Стенбок. Скрепили: Начальник Отделения Тютчев, Столоначальник Шереметевский»⁸⁴.

На этом закончилось составление девяти образцовых проектов иконостасов архитектором А.И. Резановым для нормальных чертежей десяти (позднее предназначенных для 17) проектов церквей архитектора И.И. Свиязева.

Из девять иконостасов, составленных А.И. Резановым, только два иконостаса, в том числе иконостасы под литерами «З»⁸⁵ (ил. 6) и «И»⁸⁶ (ил. 7), обозначенные, соответственно, в «Атласе...» под № 46 и 45, относятся к проекту каменной церкви № 9 вместимостью до 700 человек, взятому И.Ф. Яровицким при проектировании Кенозерской церкви. Эти иконостасы и предполагались к установке в Успенской церкви, но не известно были ли они на самом деле там установлены, так как в советское время иконостасы были сняты.

Многократное переиздание нормальных и детальных чертежей проектов церквей И.И. Свиязева и иконостасов к ним А.И. Резанова. Процесс составления проектов нормальных чертежей и смет, начавшийся 24 мая 1857 года с дела «О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях» и закончившийся 25 октября 1861 года делом «Об уплате денег за детальные чертежи к нормальным проектам каменных и деревянных церквей и рассылке этих чертежей. Часть 3. Здесь коллекция означенных чертежей и смет», состоял из нескольких этапов и длился более четырех лет.

Нормальные и детальные чертежи церквей, составленные И.И. Свиязевым, и иконостасов к ним А.И. Резанова в 1857–1861 гг., отпечатанные (нормальные чертежи церквей и иконостасов – в типографии вольного литографа Р. Гундризера; детальные чертежи – в типографии Министерства государственных имуществ) в первый раз и отправленные циркулярами в губернии, многие последующие годы являлись образцами для проектирования и строительства сельских церквей провинциальными архитекторами и неоднократно переиздавались.

В 1858 году был выпущен подносной высочайшим особам атлас «Проекты церквей и иконостасов для казенных селений», в который были включены проекты десяти церквей и девяти иконостасов.

Чертежи всех 17 нормальных проектов церквей, детальные чертежи на пяти листах и девять иконостасов к ним были изданы Святейшим Синодом в первый раз, когда их включили в атлас⁸⁷ (место и год издания не указаны, но в сентябре 2017 г. было установлено, что этот атлас был издан не сразу после выпуска нормальных чертежей – в 1860-х годах, как ранее предполагал автор настоящей статьи, готовя доклад к выступлению в ноябре 2016 года на конференции в Санкт-Петербургской духовной академии⁸⁸, а только в 1887 году (о том, что атлас поступил в продажу, сообщалось в «Епархиальных ведомостях» разных епархий за этот год, например, в «Тульских...»⁸⁹).

В этот изданный Святейшим Синодом атлас были включены 32 проекта церквей и часовен, в том числе: 15 проектов часовен и церквей из вышедшего в

Санкт-Петербурге в 1853 году «Атласа проектов и чертежей сельских построек, изданного от Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ», в том числе девяти проектов, составленных И.И. Свиязовым, куда вошли два проекта часовен № 1 и 2, а также семи проектов церквей № 5, 7, 11, 12, 13, 14, 15; 17 проектов церквей, составленных И.И. Свиязовым в 1857–1861 годах, причем нумерация проектов была продолжена с № 16 и заканчивалась № 32. Таким образом, в атласе были напечатаны нормальные чертежи 32 проектов церквей и часовен, из которых 26 проектов, в том числе 24 проекта церквей и два проекта часовен, были составлены И.И. Свиязовым.

Также в этот атлас были включены: детальные чертежи к нормальным проектам каменных и деревянных церквей на пяти листах (шестой лист не был включен), составленные И.И. Свиязовым; образцовые проекты девяти иконостасов архитектора А.И. Резанова для нормальных проектов церквей; опись икон, составленная И.И. Свиязовым и А.И. Резановым при участии В.М. Лазаревского и Ф.Г. Солнцева.

Повторно атлас⁹⁰ был переиздан без изменений, но уже с указанием места и года выпуска: «Издание Святейшего Синода, Москва. Синодальная типография. 1899 г.». В третий раз атлас⁹¹ был переиздан в 1911 году и также не претерпел изменений.

В четвертый раз его переиздание произошло только в 2003 году по инициативе священника Александра Витальевича Берташа, когда атлас 1899 года был включен в книгу «Образцовые проекты церковных строений: материалы альбомов XIX в.», вышедшую по благословию митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира (Котлярова) с приветственным словом наместника Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры архимандрита Назария (Лавриненко)⁹². В это издание были также включены «Дополнение I-е с 12 чертежами» К.А. Тона⁹³, а также образцы иконостасов из альбома А.М. Салько⁹⁴. Таким образом, нормальные и детальные чертежи проектов церквей И.И. Свиязова и иконостасов к ним А.И. Резанова переиздавались несколько раз и не потеряли своей актуальности до сих пор.

Практическое применение нормального проекта и сметы церкви № 9 архитектора И.И. Свиязова при составлении чертежей и сметы Кенозерской Успенской церкви в 1867 году архитектором И.Ф. Яровицким. До сих пор речь шла о проектировании церквей на государственном уровне, но не менее интересно то, как эта задача решалась на местах в губерниях. И пример того, как был воплощен на практике проект, составленный И.И. Свиязовым, есть. В деле «О пожертвовании крестьянами Кенозерского прихода Каргопольского уезда [Олонецкой губернии] в 1856–1868 гг. денег на постройку новой каменной церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы»⁹⁵ имеются письменные сведения о применении проекта № 9 каменной церкви, составленного И.И. Свиязовым, при проектировании и постройке новой каменной церкви архитектором Иоасафом Филипповичем Яровицким, но самого проекта в деле нет.

28 апреля 1867 года этот проект рассматривался в строительном отделении Олонецкого губернского правления, о чем сообщалось следующее: «Олонецкая Духовная Консistorия при отношении от 6 апреля за № 2023, препровождавая в Губернское Правление проект и смету на постройку в Кенозерском приходе новой каменной церкви, вместо таковой же сгоревшей в 1842 г., просит по рассмотрении оных, если они окажутся составленными правильно, возвратить в Консistorию с надлежащими надписями, для последовательного распоряжения, исчисленных по смете на ее постройку. Из приложений видно, что смету составлял Архитектор Яровицкий. По рассмотрении в Строительном Отделении Губернского Правления плана и сметы, оказалось, что хотя план и смета скопированы верно с нормальных, но по важности постройки и согласно циркуляра Министерства Внутренних Дел, опубликованного в официальных прибавлениях к Северной почте к № 34, Строительное Отделение находит необходимым приложить поперечный разрез церкви и показать конструкцию стропил. Для пополнения таковых недостатков следовало бы проект возвратить обратно в Консistorию, но для выигрыша времени, отделение полагает удобнее препроводить таковые к составителю их Г. Яровицкому для пополнения, а потому постановили: Присланные при отношении Консistorии проект и смету на устройство новой каменной церкви в Кенозерском приходе препроводить Архитектору Яровицкому, предписать по дополнении... представить обратно в Губернское правление»⁹⁶.

В циркуляре министра внутренних дел губернаторам «О составлении и представлении проектов на постройку церквей», опубликованном 11 февраля 1867 года в № 3 «Официальные прибавления к Северной почте» к № 34 газеты министерства внутренних дел «Северная почта» сообщалось о том, что «По соглашению с обер-прокурором святейшего синода, министерство внутренних дел признало необходимым принять в руководство при составлении и представлении по принадлежности проектов на постройку церквей следующие правила: 1. Чтобы к проектам на возведение церквей, независимо от плана и фасадов, были прилагаемы параллельные фасадам два общие разреза, перпендикулярно один к другому (на крест), а также разрезы тех отдельных частей, где встречаются своды, с тем чтобы своды сии изображались вместе с опорами до основания и притом в детальном масштабе не менее одной сажени в дюйме. Размеры, особенно толщины сводов, должны означаться цифрами»⁹⁷. Этот пункт циркуляра и предлагалось выполнить И.Ф. Яровицкому при составлении проекта Кенозерской Успенской церкви, дополнив нормальные чертежи И.И. Свизева.

18 сентября 1867 года архитектору Яровицкому в Строительное отделение поступило распоряжение от исправляющего должность губернского инженера Михаила Петровича Калитовича: «Губернское правление поручает Вам о скорейшем исполнении Указа Губернского Правления от 28-го апреля сего года за № 394, по предмету дополнения проекта и сметы на устройство новой каменной

церкви в Кенозерском приходе, присовокупив, что за ним собственно исчисляя в решении дело по сему предмету, начавшееся еще в Бывшей Ол[онецкой] Палате Гос[ударственных] Имуществ в 1860 г.»⁹⁸.

23 сентября 1867 года в Олонецкое губернское правление от архитектора Яровицкого поступил рапорт под № 40, в котором было написано: «Имею честь представить при сем в Губернское Правление детальные чертежи вместе со сметою на постройку каменной церкви в Кенозерском погосте к проекту под № 9 и покорнейше прошу об истребовании откуда следует следующих мне за составление проекта и сметы 30 руб. сделать распоряжение»⁹⁹.

Рассмотрев рапорт Яровицкого, представившего чертежи вместе со сметой каменной церкви Кенозерского прихода, строительное отделение Олонецкого губернского правления 4 октября 1867 года сообщило, что «Олонецкая Духовная Консистория при Отношении от 6 апреля [1867 г.]... присовокупила, что работы по устройству церкви имеют быть произведены хозяйственным образом под наблюдением Особого Комитета и технического Чиновника, который будет назначен Строительным Отделением <...> По рассмотрении означенных документов Строительное Отделение Губернского Правления находит, что они составлены правильно, смета согласно урочного положения, а план и детали нормальных чертежей, изданных для постройки сельских церквей. По смете исчислены суммы: на материалы – 5286 р. 75¼ коп., на работу 2038 р. 67¾ коп., на устройство лесов кругом церкви и внутри ее, разобраны их по окончании работ, уборку мусора 5 % всей суммы 368 р. 24¾ коп., на разъезды Архитектору при наблюдении за работами 220 р., за составление сметы и проекта 30 руб. и на сделание иконостаса 800 руб; кроме сего согласно Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета 29 октября 1864 г. следует внести 4 % в пользу техников Строительного Отделения, если работы будут производиться чрез одного из них 340 руб. 52 коп., а всего 9104 р. 19¾ коп»¹⁰⁰.

Таким образом, сметная стоимость строительства Кенозерской Успенской церкви, рассчитанная И.Ф. Яровицким, не превысила сметы, составленной И.И. Свизевым, в которой приблизительная стоимость построения кирпичных церквей с железной крышей (проект № 9) по средним ценам западных губерний, согласно ведомости, представленной 5 мая 1858 года министру Муравьеву, составляла 9486 рублей 28 копеек¹⁰¹.

Далее строительное отделение постановляет: «Сделав о сем на плане и смете надлежащую надпись, представить на утверждение Г. Начальника Губернии, по утверждении их препроводить в Олонецкую Духовную Консистирию, прося ее показанные по смете деньги за составление ее, истребовать откуда следует и выдать Яровицкому по месту служения в г. Ярославль Губернским Архитектором»¹⁰².

Следует сообщить, что Кенозерская Успенская церковь была построена в 1875 году на средства прихожан. В ней – два престола: теплый, во имя Пер-

воверховных Апостолов Петра и Павла, освященный в 1876 году, и главный, холодный, во имя Успения Божией Матери, освященный в 1880 году¹⁰³.

Каменная Успенская церковь, находящаяся в деревне Вершинино (Погост) Плесецкого района Архангельской области, была взята под государственную охрану как памятник архитектуры местного значения решением облисполкома № 154 от 27 декабря 1990 года¹⁰⁴.

В паспорте памятника, составленном Государственной инспекцией по охране памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР архитектором И. Соколовой в августе 1973 года, записано следующее: «...датировка памятника: конец XIX века <...> Объемно-пространственная композиция памятника лаконична. В этой каменной церкви повторены приемы построения деревянного храма <...> Декоры фасадов имеют богатую пластику <...> Зодчие Каргополя, создавшие этот храм, имели большой опыт строительства деревянных церквей, который они применили в этой постройке <...> Основная библиография, архивные источники, иконографический материал: не установлены. Датировка памятника произведена на основе типологических признаков»¹⁰⁵. Очевидно, что в паспорте памятника архитектуры была допущена ошибка относительно стиля и авторства Кенозерской Успенской церкви.

Написанная в паспорте «экспертом» формулировка за отсутствием данных по настоящей истории составления проекта явилась медвежьей услугой в дальнейшей судьбе Кенозерской Успенской церкви, т.к. переданная 25 лет назад в ведение Кенозерского национального парка, созданного в 1991 году, она была поставлена в самый конец очереди на реставрацию среди других деревянных памятников. В результате сегодня здание церкви является самым неприглядным объектом среди местных красот.

Все это долгое время Кенозерская Успенская церковь как будто ждала своего часа, чтобы по промыслу Божию открыть славную забытую страницу истории храмового строительства Российской империи. Именно благодаря поиску исторических материалов по Кенозерской Успенской церкви автору этой статьи, являющемуся также и членом ее приходского совета, удалось обнаружить ранее неизвестные архивные сведения о составлении нормальных чертежей проектов церквей в России в начальный период царствования императора Александра II.

Таким образом, один из осуществленных на практике проектов И.И. Связева помог выявить весь процесс составления нормальных чертежей проектов церквей в 1857–1861 годах.

Ошибка, допущенную архитектором И. Соколовой в августе 1973-го, т.е. 42 года назад, в паспорте архитектурного памятника удалось исправить в 2015 году, о чем 25 декабря 2015 года автором данной статьи было направлено извещение в Государственное автономное учреждение культуры Архангельской области «Научно-производственный центр по охране памятников истории

и культуры», а также ранее был извещен и Кенозерский национальный парк, в чьем оперативном управлении находится Кенозерская Успенская церковь.

Таким образом, история составления проекта Кенозерской Успенской церкви стала ключом к разгадке авторства нормальных чертежей проектов церквей.

Церкви, построенные по проекту нормальных чертежей № 9 в Олонецкой губернии. Как уже сказано, нормальные чертежи И.И. Свизева и А.И. Резанова переиздавались несколько раз, и по ним, можно считать с полной уверенностью, было построено больше всего церквей в России. До настоящего времени эти чертежи не потеряли своей актуальности в связи тем, что многие построенные в царское время в различных приходах России по этим чертежам церкви полностью уничтожены, а немногие сохранившиеся стоят полуразрушенными в плачевном состоянии, и поэтому эти чертежи и опубликованные архивные материалы могут являться основой для составления исторических справок при последующем их восстановлении. Сейчас Кенозерская Успенская церковь может стать тем образцом, по которому возможно восстановить спроектированные по нормальным чертежам многочисленные каменные церкви в России. Таким образом для подражания 158 лет назад выступила Федосьинская Ильинская церковь Балахнинского уезда Нижегородской губернии.

Самым интересным и неожиданным оказалось то, что в ведении Кенозерского национального парка имеются две церкви, построенные по проектам И.И. Свизева. Вторая, Свято-Троицкая церковь, построенная с некоторыми изменениями от нормального проекта № 9 (что допускалось при использовании нормальных чертежей), находится в Макарьевской Хергозерской мужской пустыни. М.Н. Мелютин по поводу этой церкви пишет: «В центре архитектурного ансамбля располагался пятиглавый каменный собор во имя Святой Животворящей Троицы, построенный в 1865–1872 гг. и освященный 25 июля 1872 г. Храм был трехпрестольный: главный престол освящен во имя Св. Животворящей Троицы, престол на правой стороне – во имя св. мучеников князей Бориса и Глеба, левый престол – во имя преподобного Макария Унженского и Желтоводского. В храм вели три входа: с западной, южной и северной сторон»¹⁰⁶.

По внешнему виду этот храм очень схож с нормальным проектом церкви № 9, составленным архитектором И.И. Свизевым, и с Кенозерской Успенской церковью, с той лишь разницей, что он укорочен со стороны трапезной части, а также не имеет колокольни. Он был перепроектирован из нормальных чертежей проекта церкви № 9 в трехпрестольный храм, поэтому и иконостас его, изображенный на фото Н.Н. Померанцева¹⁰⁷, отличается от иконостаса, запроектированного А.И. Резановым для нормального проекта № 9.

В Олонецкой губернии была построена и третья каменная церковь по проекту № 9 – церковь Георгия Победоносца в Толвуде в Олонецкой губернии (ныне Республика Карелия, Медвежьегорский р-н), освященная в 1878 году, которую упоминает в своей работе «Каменные церкви Карелии (на примере Кондопож-

ского района)» И.Р. Соболева¹⁰⁸ и приводит фотографию церкви, но ошибочно считает, что она построена «по образцу из альбома 1857 г.»¹⁰⁹, изданному в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий в 1858 году.

Первоначально «Проект на постройку трехпрестольной церкви в Толвуйском погосте Петрозаводского уезда Олонецкой Губернии»¹¹⁰ на 900, а не на 700 человек был составлен на основании книги нормальных чертежей и смет (лист 9), но в нем предполагались значительные изменения в алтарной части, которые не были полностью осуществлены в ходе строительства. Впоследствии церковь была построена почти точно по образцу № 9, но с небольшим видимым отличием от Кенозерской церкви, которое заключается в ином расположении окон на фасадах в алтарной части здания. В остальном же церкви были схожи. В этом проекте, который составлял и чертил чертежник строительного отделения, губернский секретарь Петров, кроме фасадов, плана и продольного разреза по линии С–Д, которые показаны на чертежах И.И. Свизева, приведены поперечный разрез по линии А–В и стропила.

Строительное отделение Губернского правления обратилось к архитектору И.Ф. Яровицкому с просьбой «приложить поперечный разрез церкви и показать конструкцию стропил»¹¹¹ при рассмотрении проекта Кенозерской Успенской церкви, о чем писалось выше. Поскольку проект Кенозерской Успенской церкви, составленный Яровицким в 1867 году, не обнаружен в ходе исследования, то проект Толвуйской церкви, который чертил Петров, является хорошим дополнением к первому проекту.

Проект каменной церкви Св. Георгия, включающий западный и северный фасады и план 1869 года, а также виды церкви 1899 и 1936 годов были опубликованы в 1999 году М.И. Мильчиком в книге «Заонежье на старых фотографиях»¹¹² в части девятой под названием «Толвуя».

Две последние церкви, о которых шла речь, были построены с отступлениями от проекта № 9, тогда как Кенозерская Успенская церковь была создана точно по проекту Свизева, без малейших отступлений, что очень ценно. Для всех этих церквей обнаруженные архивные материалы будут являться основанием для составления исторических справок при последующей реставрации.

В заключение можно сделать следующие выводы. Благодаря поиску проекта Кенозерской Успенской церкви автору удалось обнаружить ранее неизвестные архивные сведения о составлении нормальных чертежей проектов церквей в России, открывающие новую страницу церковного зодчества в начальный период царствования императора Александра II. Архитекторы Иван Иванович Свизев и Александр Иванович Резанов, обладавшие высокими художественными способностями и духовно-нравственными качествами, в 1857–1861 годах внесли неоценимый вклад в храмовое зодчество России середины XIX века: Свизев, работавший над планами и фасадами, – в наружное убранство церквей, выполненных в русско-византийском стиле, а Резанов, занимавшийся иконо-

стасами, – в храмовый интерьер. Обнаруженные архивные материалы по нормальным и детальным чертежам 17 проектов деревянных и каменных церквей, составленных И.И. Свизевым, можно считать новыми в истории церковной архитектуры, т.к. ранее не были изучены исследователями, а публикации по этой теме отсутствуют. Обнаруженные архивные материалы по девяти иконостасам к нормальным проектам церквей, составленных А.И. Резановым, также являются новыми в истории внутреннего убранства храмов. Биографии архитекторов И.И. Свизева и А.И. Резанова, составивших нормальные и детальные чертежи проектов церквей и иконостасов к ним, а также И.Ф. Яровицкого, построившего в точном соответствии с проектом № 9 церковь Успения Божией Матери в Кенозерском приходе, могут быть дополнены обнаруженными сведениями об их деятельности, которая была тесно связана с деятельностью и биографией их учителя – основателя русско-византийского стиля Константина Андреевича Тона. Сохранилось достаточно архивных материалов, в том числе нормальные и детальные чертежи проекта церкви № 9, смета, проекты двух иконостасов, опись икон, а также выявлен список архивных дел, на основе которых в последующем может быть составлена историческая справка о проектировании Кенозерской Успенской церкви (а также Свято-Троицкой церкви Макарьевской Хергозерской мужской пустыни) как памятника архитектуры середины XIX века. Допущенную архитектором И. Соколовой в августе 1973 года ошибку в паспорте памятника Кенозерской Успенской церкви удалось исправить в 2015 году, спустя 42 года. Полностью восстановленное здание Успенского храма в последующем должно быть использовано прежде всего как духовный центр Кенозерья для проведения богослужений местной православной общины, а кроме того здание, являясь образцом сельской церковной архитектуры середины XIX века, может быть использовано и как музей с экспозицией по каменному и деревянному церковному зодчеству России, основанной на архивных материалах по нормальным чертежам проектов церквей.

За годы, прошедшие со времени составления чертежей, к большому сожалению, никто не вспомнил об их авторах – составителях нормальных чертежей проектов церквей И.И. Свизеве и иконостасов к ним А.И. Резанове. Эта тайна за семью печатями 1858 года была разгадана нами только в 2015 году, а информация о них стала открыта широкому кругу историков церковной архитектуры в 2016 году, т.е. спустя 158 лет. К сожалению, этот период церковного зодчества (1857–1861 гг.) не был освящен в научной литературе, а имена И.И. Свизева и А.И. Резанова практически не упоминаются. То же самое можно сказать и об И.Ф. Яровицком, весьма много сделавшем для архитектуры Олонецкой и Ярославской губерний.

Пусть память об архитекторах И.И. Свизеве, А.И. Резанове и И.Ф. Яровицком сохранится в спроектированных ими и построенных по нормальным чертежам церквях, в том числе и предполагаемой к полному восстановлению церкви

Успения Божией Матери в Кенозерском приходе, к чему сейчас прилагают усилия православная община деревни Вершинино и дирекция Кенозерского национального парка.

Реставрация Кенозерской церкви в российской глубинке по нормальным чертежам И.И. Связева и А.И. Резанова будет хорошим продолжением тому, как были восстановлены в столицах России величайшие творения их учителя и основателя русско-византийского архитектурного стиля Константина Андреевича Тона – храм Христа Спасителя (заложен 10 сентября 1839 г.; 5 декабря 1931 г. взорван; 19 августа 2000 г. восстановлен) в Москве, а также собор Св. Екатерины (заложен в 1835 г.; 10 июня 1939 г. взорван; 27 июня 2010 года восстановлен) в Пушкине (бывшее Царское Село).

Подробная информация об истории создания И.Ф. Яровицким проекта Кенозерской Успенской церкви, выполненного на основе нормального проекта церкви № 9 архитектора И.И. Связева, была изложена 21 августа 2016 года на VIII Международной научно-практической конференции «Кенозерские чтения – 2016», проходившей в Кенозерском национальном парке, учителем Кенозерской общеобразовательной средней школы Анной Владимировной Юрьевой по презентации, подготовленной автором настоящей статьи, «Проект каменной Кенозерской Успенской церкви – копия проекта № 9 нормальных чертежей церквей, разработанных академиком И.И. Связевым в Министерстве государственных имуществ в 1858 году». Об этом было опубликовано краткое сообщение в вышедшей в декабре 2016 году газете «Кенозерье»¹¹³.

В сентябре 2016 года нами была написана посвященная памяти архитекторов И.И. Связева, А.И. Резанова и И.Ф. Яровицкого небольшая статья «Проект Кенозерской Успенской церкви – столичный» в газете «Кенозерье», выпускаемой Кенозерским национальным парком и распространяемой для местных жителей, в том числе и для прихожан православного прихода церкви Успения Божией матери в деревне Вершинино¹¹⁴. Более подробная информация была размещена 3 октября 2016 года на сайте Архангельской епархии¹¹⁵.

Примечания

¹ Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях. Издание Святейшего Синода. [Б. м.]: Синодальная типография, [Б. г.]. С. 3, 50.

² Об устройстве Православных церквей в казенных имениях Западных губерний. 16 января 1858 г. Министерские распоряжения. Циркулярные предписания. По II-му Департаменту Государственных имуществ // Журнал министерства государственных имуществ. СПб., 1858. Год восемнадцатый. Часть шестьдесят шестая. 1858-1. С. 35–37, 40.

³ О постройке церквей. 30 апреля 1858 г. Министерские распоряжения. Циркулярные предписания. По I-му Департаменту Государственных имуществ // Журнал министерства государственных имуществ. СПб., 1858. Год восемнадцатый. Часть седьмая. 1858-2. С. 12–14.

⁴ Атлас проектов и чертежей сельских построек, изданный от Департамента сельского хозяйства М[инистерства] Г[осударственных] И[муществ]. СПб.: Лит. Р. Гундризера, 1853. [Предисловие. С. 1–4]. С. 1–4. Л. 1–19; Сокращенный атлас проектов и чертежей сельских построек, изданный от Департамента сельского хозяйства М.Г.И. СПб.: Лит. Р. Гундризера, 1853. [Предисловие. С. 1–4]. С. 1–2. Л. 1–7.

⁵ О составлении смет по хозяйственным ценам на постройку в удельных селениях церквей по нормальным чертежам. Началось 6 сентября 1857 г. Кончено 8 июля 1859 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 1844. Л. 109.

⁶ О постройке церквей в казенных селениях Олонецкой губернии. Церковно Строительные части 1852–1867. Началось 24 апреля 1858 года. Кончено 22 августа 1863 года // РГИА. Ф. 383 (Первый департамент М.Г.И.). Оп. 23. Д. 35136. Л. 1–1 об.

⁷ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Часть 1 (Департамент сельского хозяйства Министерства Государственных имуществ. По Комиссии технической и строительной). Началось 24 мая 1857 г. Кончено 20 июня 1861 г. // РГИА. Ф. 398. Оп. 21. Д. 7604 а. Л. 1–274; О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 2 // РГИА. Ф. 398. Оп. 21. Д. 7604 б. Л. 1–226.

⁸ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 1. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 23–23 об.

¹⁰ Там же. Л. 112–112 об.

¹¹ Там же. Л. 195–195 об.

¹² Там же. Л. 138–138 об.

¹³ Там же. Л. 139–141 об.

¹⁴ Там же. Л. 156–156 об.

¹⁵ Там же. Л. 159–159 об.

¹⁶ Там же. Л. 263–263 об.

¹⁷ О составлении смет по хозяйственным ценам на постройку в удельных селениях церквей по нормальным чертежам. Л. 109–110.

¹⁸ Об устройстве Православных церквей в казенных имениях Западных губерний. С. 12–14.

¹⁹ О постройке церквей. С. 12–14.

²⁰ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 1. Л. 163–163 об.

²¹ По Нижегородской конторе. О построении церкви в селе Федосьине. Началось 11 сентября 1843 года. Кончено 31 октября 1851 года // РГИА. Ф. 515 (Департамента Уделов). Оп. 8. Д. 786. Л. 1–1 об.

²² Там же. Л. 26.

²³ Там же. Л. 42.

²⁴ Вписано: «на 500 душ».

²⁵ По Нижегородской конторе. О построении церкви в селе Федосьине. Л. 83.

²⁶ По Нижегородской Конт[оре]. О составлении, по хозяйственным ценам, смет на постройки церквей; о выдаче для сего в ссуду денег и по предмету составления новых приходов. Началось 2-го Сентября 1857. Кончено 30 октября 1858 // РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 1987. Л. 31–31 об.

²⁷ Карандашом написано: «до 700 человек».

²⁸ По Нижегородской Конт[оре]. О составлении, по хозяйственным ценам... Л. 32 об. – 33.

²⁹ На копии проекта, выполненной в 1857 г. Б.К. Пуншелем, есть малозаметные небольшие пометки карандашом, сделанные, вероятно, при подготовке ответа рукой архитектора И.И. Связева: на крыше увеличен наклон кровли, уменьшен размер центрального купола, убраны кокошники на колокольне, изменена планировка помещений.

³⁰ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 1. Л. 166–167.

³¹ Там же. Л. 177–177 об.

³² Там же. Л. 242.

³³ Об уплате денег за детальные чертежи к нормальным проектам каменных и деревянных церквей и рассылке этих чертежей. Ч. 3. Здесь коллекция означенных чертежей и смет. Началось 19 августа 1861 г. Кончено 25 октября 1861 г. // РГИА. Ф. 515 (Министерства Императорского Двора. Департамент Уделов. Отд. 1. Вечного хранения. Ст. 3). Оп. 8. Д. 2373. Л. 16.

³⁴ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 1. Л. 245.

³⁵ Об уплате денег за нормальные чертежи и сметы на постройку деревянных и церквей и о рассылке сих чертежей и смет. Началось 5 марта 1858 г. Кончено 29 февраля 1860 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 1999. Л. 7.

³⁶ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 1. Л. 246.

³⁷ Там же. Ч. 2. Л. 15–15 об.

³⁸ Там же. Л. 180–181 об.

³⁹ По предмету постройки в казенных имениях каменных церквей. 7 июня 1858 г. Министерские распоряжения. Циркулярные предписания. По I-му Департаменту Государственных имуществ // Журнал министерства государственных имуществ. СПб., 1858. Год восемнадцатый. Часть шестьдесят седьмая. 1858-2. С. 88.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 2. Л. 4–4 об.; Об уплате денег за нормальные чертежи и сметы на постройку деревянных и каменных церквей, и о рассылке сих чертежей и смет. Л. 11–11 об.

⁴² Проекты церквей и иконостасов для казенных селений. СПб., 1858 // Научная библиотека Государственного Эрмитажа. Разн. паг., 22 л., ил. 49 х 35 см. Инв. № 134507.

⁴³ Худoley В.В. Книжные знаки и семья Романовых. СПб.: Золотой век, 2003. С. 33.

⁴⁴ Подубис – ныне Базилёнай, местечко в Шяуляйском районе Литовской Республики.

⁴⁵ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 2. Л. 158–159 об.

⁴⁶ Об уплате денег за нормальные чертежи и сметы на постройку деревянных и каменных церквей и о рассылке сих чертежей и смет. Л. 42, 42 об.

⁴⁷ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 2. Л. 180, 181 об.

⁴⁸ Там же. Л. 181–182.

⁴⁹ Там же. Л. 201.

⁵⁰ Об уплате денег за нормальные чертежи и сметы на постройку деревянных и каменных церквей и о рассылке сих чертежей и смет. Л. 45–45 об.

⁵¹ Там же. Л. 49–49 об.

⁵² О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 2. Л. 201.

⁵³ Там же. Л. 203.

⁵⁴ Там же.

-
-
- ⁵⁵ Об уплате денег за нормальные чертежи и сметы на постройку церквей и рассылке оных в Удельные конторы. Началось 6 июня 1860 г. Кончено 19 апреля 1861 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 2137. Л. 8.
- ⁵⁶ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 2. Л. 207.
- ⁵⁷ Там же. Л. 217–217 об.
- ⁵⁸ Об уплате денег за детальные чертежи к нормальным проектам каменных и деревянных церквей и рассылке этих чертежей. Ч. 3. Здесь коллекция означенных чертежей и смет. Л. 8-21.
- ⁵⁹ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 2. Л. 226 об.
- ⁶⁰ Атлас планов и фасадов церквей... Л. 22, 35, 36.
- ⁶¹ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 2. Л. 224.
- ⁶² Там же. Л. 225.
- ⁶³ Там же. Л. 226 об.
- ⁶⁴ Об уплате денег за детальные чертежи к нормальным проектам каменных и деревянных церквей и рассылке этих чертежей. Л. 5.
- ⁶⁵ О составлении особой Комиссии под председательством Д.С.С. Свизева по составлению строительных правил по Министерству Госуд. Имуществ. Началось 21 октября 1860 г. Кончилось 9 марта 1861 г. // РГИА. Ф. 381 (Департамент Сельского Хозяйства. Строительная комиссия). Оп. 24. Д. 9426. Л. 37, 39 об., 40.
- ⁶⁶ Об уплате денег за детальные чертежи к нормальным проектам каменных и деревянных церквей и рассылке этих чертежей. Л. 31–35.
- ⁶⁷ Атлас планов и фасадов церквей... Л. 37–41.
- ⁶⁸ Об уплате денег за детальные чертежи к нормальным проектам каменных и деревянных церквей и рассылке этих чертежей. Л. 34.
- ⁶⁹ Там же. Л. 35.
- ⁷⁰ Атлас планов и фасадов церквей... Л. 40, 41.
- ⁷¹ Об устройстве Православных церквей в казенных имениях Западных губерний. С. 35–37, 40.
- ⁷² Об определении в Техническую и Строительную Комиссию Профессора Резанова членом. Началось 17 декабря 1857 г. Кончено 10 февраля 1862 г. // РГИА. Ф. 398 (Департамент Сельского хозяйства М.Г.И.). Оп. 21. Д. 7601. Л. 1–2.
- ⁷³ О доставлении формуляра Архитектора Д-та Уделов Резанова в правление Императорской Академии Художеств, по случаю назначения его Профессором Академии; тут же о назначении его Младшим Членом Гражданского Инженера Комиссии для дел технических и строительных. Началось 20 ноября 1857 г. Кончено 30 мая 1858 г. // РГИА. Ф. 515 (Департамента Уделов). Оп. 6. Д. 3821. Л. 5–5 об.
- ⁷⁴ Там же. Л. 6.
- ⁷⁵ Об определении в Техническую и Строительную Комиссию Профессора Резанова членом. Л. 3 об.
- ⁷⁶ Там же. Л. 6.
- ⁷⁷ Там же. [Формулярный список о службе Младшего Члена Комиссии для дел Технических и Строительных, состоящей при Департаменте Сельского Хозяйства. Старшего Архитектора Департамента Уделов, Профессора Архитектуры, Коллежского Советника Резанова. Составлен Апреля 1861 года]. Л. 37 об., 38.

-
-
- ⁷⁸ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 2. Л. 17–17 об.
- ⁷⁹ Об уплате денег за детальные чертежи к нормальным проектам. каменных и деревянных церквей и рассылке этих чертежей. Ч. 3. Здесь коллекция означенных чертежей и смет. Л. 22–30.
- ⁸⁰ Атлас планов и фасадов церквей... Л. 42–50.
- ⁸¹ Об уплате денег за детальные чертежи к нормальным проектам каменных и деревянных церквей и рассылке этих чертежей. Л. 90–90 об.
- ⁸² Атлас планов и фасадов церквей... Л. [П].
- ⁸³ Об иконостасах устраиваемых церквей в казенных имениях Западных губерний. 28 июля 1858 г. Министерские распоряжения. Циркулярные предписания. По II-му Департаменту Государственных имуществ // Журнал министерства государственных имуществ. СПб., 1858. Год восемнадцатый. Часть осьмая. 1858-3. С. 25.
- ⁸⁴ Об уплате денег за нормальные чертежи и сметы на постройку деревянных и церквей, и о рассылке сих чертежей и смет. Л. 24; С Циркулярами за 1858 г. Началось 23 января 1858 года. Кончилось 10 декабря 1858 года // РГИА. Ф. 515 (Главное управление уделов МИДв). Оп. 6. Д. 4115. Л. 49.
- ⁸⁵ Об уплате денег за детальные чертежи к нормальным проектам каменных и деревянных церквей и рассылке этих чертежей. Ч. 3. Здесь коллекция означенных чертежей и смет. Л. 29.
- ⁸⁶ Там же. Л. 30.
- ⁸⁷ Атлас планов и фасадов церквей... Л. 20–50.
- ⁸⁸ Калигин В.А. Нормальные и детальные чертежи проектов сельских церквей архитектора Ивана Ивановича Свиязева и образцовые проекты иконостасов к ним архитектора Александра Ивановича Резанова, составленные в Министерстве государственных имуществ в 1857–1861 гг. // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки: материалы VIII Международной научно-богословской конференции, посвященной 70-летию возрождения Санкт-Петербургской духовной академии. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2017. Ч. 1. С. 317–349.
- ⁸⁹ Тульские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. № 7. 1 апреля 1887 г. [Объявления. Синодальные книги. В синодальных книжных лавках в Москве и С.-Петербурге (в Москве в здании синодальной типографии, в С.-Петербурге в здании Св. Синода) продаются следующие книги: Поступил в продажу... 11. «Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях» (издание Св. Синода)]. С. 197.
- ⁹⁰ Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях. М., 1899.
- ⁹¹ Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях. М., 1911.
- ⁹² Образцовые проекты церковных строений: Материалы альбомов XIX в. СПб.: Logos, 2003. С. 22–75.
- ⁹³ Тон К.А. Проекты церквей, сочиненные Архитектором Его Императорского Величества Профессором Архитектуры Императорской Академии Художеств и Членом разных иностранных Академий Константином Тоном [Изоматериал]. Дополнение I-е с 12 чертежами. СПб., 1844.
-
-

⁹⁴ Салько А.М. Руководство к устройству каменных и деревянных церквей, с сообщением мер к более продолжительному, в прочном виде, существованию церквей в империи. Саратов: Типо-лит. П.С. Феофритова, 1892.

⁹⁵ О пожертвовании крестьянами Кенозерского прихода Каргопольского уезда в 1856–1868 гг. денег на постройку новой каменной церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы вместо сгоревшей в 1842 г. // Национальный архив Республики Карелии (далее НАРК). Ф. 2. Оп. 50. Д. 4/29. Л. 58–64.

⁹⁶ Там же. Л. 58–59.

⁹⁷ О составлении и представлении проектов на постройку церквей. Циркуляры министра внутренних дел губернаторам // Официальные прибавления к Северной почте. К № 34. 11 февраля. № 3. 1867 г. С. 9.

⁹⁸ Дело о пожертвовании крестьянами Кенозерского прихода... Л. 60.

⁹⁹ Там же. Л. 61.

¹⁰⁰ Там же. Л. 62–63.

¹⁰¹ О составлении смет на постройку церквей в Западных губерниях. Ч. 1. Л. 259.

¹⁰² Дело о пожертвовании крестьянами Кенозерского прихода ... Л. 63 об., 64.

¹⁰³ Ведомость о церкви. Главной во имя Успения Божией Матери, что в Кенозерском погосте Пудожского уезда, Олонецкой Епархии, за 1883 год // НАРК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 1; Калитин В.А. 6 апреля Успенская церковь отметила 135-летие со дня освящения главного престола // Кенозерье. 2015. № 1–2 (45–46). С. 36–37. URL: <http://www.kenozero.ru/6-aprelya-uspenskaya-tserkov-otmechaet-135-letie-so-dnyaosvyashcheniya-glavnogo-prestola.html> (дата обращения: 6.04.2015); Его же. Подпрестольный крест – вещественный памятник освящения в 1880 году главного престола Кенозерской Успенской церкви // Кенозерские чтения – 2015. «Заповедное Кенозерье: природа, культура, человек»: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2016. С. 206–215, 405–407.

¹⁰⁴ Паспорт. Каменная Успенская церковь. Памятник архитектуры. Конец XIX в. Деревня Вершинино (Погост) Кенозерского с/с Плесецкого р-на Архангельской обл. РСФСР. Министерство культуры. Государственная инспекция по охране памятников истории и культуры (г. Москва). Составлен архитектором И. Соколовой в августе 1973 г. // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–10.

¹⁰⁵ Там же. Л. 1–4.

¹⁰⁶ Мелютина М.Н. Сакрально-предметный комплекс Свято-Троицкой церкви Макарьевской Хергозерской пустыни // Сельская Россия: прошлое и настоящее: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (Республика Карелия, Водлозерский национальный парк, 4–9 августа 2008 г.). М.: Энциклопедия российских деревень, 2008. С. 342–346.

¹⁰⁷ «Верность старине и вера в чедесное...»: Путеводитель по Кенозерскому национальному парку / сост.: Е. Шатковская, А. Козыкин, М. Мелютина, А. Ерычева. Северодвинск, 2009. С. 39.

¹⁰⁸ Соболева И.Р. Каменные церкви Карелии (на примере Кондопожского района) // Православие в Карелии: материалы 3-й региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов. Петрозаводск: Изд-во Карельского научного центра РАН, 2008. С. 161–168.

¹⁰⁹ Атлас сельских деревянных церквей. СПб.: Глав. упр. пут. сообщ. и публичных зданий, 1858.

¹¹⁰ По отношению Олонецкой Духовной консистории. Об утверждении проекта и сметы на постройку вновь каменной церкви в Толвуйском погосте Петрозаводского уезда 1865 г. Началось 29.12.1965. Кончилось 31.01.1866 г. // НАРК. Ф. 2 (Олонецкое губернское правление (1802–1919). Оп. 4 (Строительное отделение (1860–1917)). Д. 2/19. Л. 4–5.

¹¹¹ Дело о пожертвовании крестьянами Кенозерского прихода... Л. 58–59.

¹¹² Мильчик М.И. Заонежье на старых фотографиях: альбом. СПб.: Лики России, 1999. С. 137–138.

¹¹³ Мелютина М.Н. Кенозерские чтения – 2016. Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности // Кенозерье. 2016. № 3–4 (51–52). С. 4–7.

¹¹⁴ Калитин В.А. Проект Кенозерской Успенской церкви – столичный! Посвящается памяти архитекторов И.И. Свизева, А.И. Резанова и И.Ф. Яровицкого // Кенозерье. 2016. № 1–2 (47–48). С. 44–46.

¹¹⁵ Его же. Столичный проект Кенозерской Успенской церкви. Публикации // Архангельская епархия. URL: <http://www.arh-eparhia.ru/publications/60112/> (дата обращения: 3.10.2016).

*В.П. Карпова,
Е.В. Коромыслов
(г. Калуга)*

Особенности формулирования «Правил землепользования и застройки сельских поселений», расположенных на территории национального парка «Угра»

Национальный парк «Угра», созданный в 1997 году, призван выполнить сложнейшую миссию – формирование и распространение культурных норм отношения к природному и историко-культурному богатству территории среди местных жителей, гостей, посетителей, туристов, а в нашей ситуации и среди временных жителей – дачников. Эта небольшая территория – чуть меньше 100 тыс. гектар – должна стать точкой роста оптимального варианта гармоничного природопользования, предполагающего изменение образа жизни в развивающихся культурных ландшафтах.

Территория парка включает 54 тыс. гектар земель других собственников и пользователей без изъятия их из хозяйственного использования, для которых установлен режим особой охраны. К таковым относятся и земли 63 населенных пунктов. Национальный парк является, пожалуй, самой густонаселенной и востребованной территорией для развития сельского хозяйства и строительства не только среди местных жителей, но и среди многочисленных дачников. Анализ ситуации использования этих земель неутешителен.

Использование земель иных собственников, по Федеральному законодательству, должно соответствовать категории земель, в отношении которых разрешено использование, а на нашей территории оно должно соответствовать еще и режиму особой охраны в соответствии с природоохранным законодательством – Земельным и Водным кодексами, законом «Об особо охраняемых природных территориях». Для каждой особо охраняемой природной территории (ООПТ) специальные ограничения прописываются в Положении, прописаны они и для Федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный парк “Угра”». Положение – обширный документ, который используется чаще официальными органами, а природопользователями принимается как указания к действию для деятельности ООПТ, а не для жителей и природопользователей.

Единственным законодательным документом регулирования землепользования и нового строительства, не связанного с присвоением особого статуса, являются «Правила землепользования и застройки сельских поселений» (далее

ПЗЗ), которые обсуждаются и принимаются на публичных слушаниях землепользователями. В ПЗЗ могут быть включены практически любые ограничения по застройке и использованию земельных участков, в том числе: предельные параметры разрешенного строительства и реконструкции; ограничения использования земельных участков и объектов капитального строительства; запрет или ограничение размещения автостоянок, гаражей; размеры и пропорции зданий и сооружений; использование отдельных строительных материалов; цветовое решение и пр., в том случае, если ограничения приняты на публичных слушаниях.

Очень важно желание местного населения сохранить ценность своей территории, тем самым приняв на себя обязанность соблюдения этих ограничений. Крайне важно найти компромисс между перспективным развитием территории и сохранением ее ценных ландшафтов и новой застройки. С главами сельских поселений в четырех муниципальных районах были проведены встречи – круглые столы по обсуждению этих важных вопросов (ил. 1). Понимание достигалось не сразу. Несколько дельных предложений сложились в план совместной работы по проведению информационных и просветительских акций с демонстрацией предлагаемых проектов для строительства.

В практике формулирования ПЗЗ на территории национального парка выделены три этапа. Первый связан с необходимостью выработки правил в сельском поселении «Деревня Рудня». Частному лицу, обратившемуся в парк с заявлением о новом строительстве, было отказано в разрешении в связи с отсутствием у поселения ПЗЗ. Это был первый опыт формулирования ПЗЗ как для главы администрации поселения, так и для сотрудников парка. Для обсуждения и создания этого документа была создана рабочая группа, и первые положения правил были сформулированы, исходя из законодательства Российской Федерации и здравого смысла, позволяющего сохранить самобытность трех населенных пунктов, входящих в состав сельского поселения.

Первым и, пожалуй, главным на этом этапе решением было решение о формулировании отдельной главы ПЗЗ, касающейся только населенных пунктов, находящихся на территории парка с обязательным перечнем их, ведь в границы сельского поселения входят еще другие населенные пункты и другие землепользователи. ПЗЗ сельского поселения «Деревня Рудня» в первой редакции были приняты на публичных слушаниях и согласованы с Министерством природных ресурсов и экологии России.

Вторым этапом формулирования ПЗЗ стало, в некотором смысле, создание прецедента по включению отдельной главы в ПЗЗ муниципального района. В границы парка входят населенные пункты, но в данном случае нет необходимости в акценте на перечне сельских поселений, к которым они относятся. На этом этапе в рабочую группу вошли специалисты районной администрации, которые очень осторожно включили в правила отдельные предложения из федерального законодательства и возложили ответственность на этапе согласования

заявления на строительство и получения разрешения через Минприроды России на национальный парк «Угра».

Тем временем над формулированием предлагаемой парком отдельной главы в ПЗЗ шла напряженная работа с муниципалитетами других четырех районов, населенные пункты которых входят в границы парка.

На этом этапе неоценимую роль сыграло участие парка в проекте ЕС «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности». Экспедиционное обследование традиционных построек (ил. 1), выделение особенностей планировки поселений и студенческие волонтерские практики (ил. 2) на основе архивных сведений дали неоценимый материал для формулирования ограничений при строительстве и поиска компромисса между перспективным развитием территории и сохранением ее ценных ландшафтов и традиционной застройки.

Над новым текстом особой главы в ПЗЗ для населенных пунктов, расположенных на территории национального парка, работали специалисты парка, архитекторы Фонда поддержки памятников деревянного зодчества и Управления архитектуры и градостроительства Калужской области. Чиновники от Управления архитектуры ревностно отнеслись к вмешательству в их сферу деятельности, но поскольку Градостроительный кодекс РФ требует осуществлять градостроительную деятельность в соответствии с законодательством об ООПТ, вынуждены были включиться в работу над ПЗЗ, оставляя за собой право влиять на архитекторов районов и тормозить процесс.

К встречам и обсуждениям с жителями были подготовлены буклет и выставка в рамках действующего проекта. Для национального парка оказалось очень важным включить в работу художественный образ ландшафта в живописных полотнах, создаваемых во время пленэров на территории национального парка и составляющих его галерею. Зарастающие сельхозугодия и не типичные для этих мест строения с металлическими заборами могут не просто исказить облик русской деревни, а грозят уничтожить веками формировавшийся образ малой родины, что подчеркивают выставки «Национальный парк “Угра” глазами архитекторов и художников».

Выставки, встречи, обсуждения «за круглым столом» повлияли на содержание главы в ПЗЗ. На наш взгляд, это существенное изменение в формулировании положений. Заключается оно в опоре не на запреты, а на разрешения. Так, если во второй редакции были сформулированы ограничения и запреты, то последняя редакция гласит:

«В связи с необходимостью сохранения сложившихся культурных ландшафтов и традиционного облика населенных пунктов, жилых и хозяйственных построек необходимо соблюдать предельные параметры разрешенного строительства:

– здания и сооружения располагаются по “красной линии” – порядку домов, не нарушая существующую планировочную структуру; продольные фасады домов располагаются параллельно оси проезда (прохода);

-
-
- основной строительный материал: дерево (бревно, брус) диаметром 200–300 мм и кирпич;
 - высота зданий и сооружений не выше 8 м до конька крыши с количеством этажей не более двух с мансардой;
 - кровля с двух- или четырехскатной крышей с уклоном ската 35–45 градусов, исключая плоские крыши и конструкции ломаной формы с башнями и шпилями;
 - хозяйственные и подсобные здания и сооружения (включая гаражи) располагаются в глубине хозяйственного двора или торцевым фасадом к проезду, исключая вынос их на красную линию улицы;
 - окна с выраженными вертикальными пропорциями с обязательной расстелкой, использование оконных блоков со стеклопакетами возможно при условии устройства оконных переплетов;
 - устройство эркеров, лоджий, балконов, навесов возможно на внутренних фасадах здания, исключая уличные фасады;
 - цветовые решения фасадов, крыш, заборов естественных цветовых оттенков зеленой (травяной) и желтой тональности характерных светлых, пастельных тонов;
 - ограждения со стороны улицы светопрозрачные, высотой не более 1,7 м, исключая установку сплошных ограждений, ограждений из металла, кирпича, камня, любых видов панелей».

Важной составной частью главы в ПЗЗ стали приложения:

1. Альбом возможных предложений и пояснений к главе, выполненный в национальном парке по проекту Еврокомиссии «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности».

2. Эскизные проекты восьми вариантов деревянных и каменно-деревянных жилых домов различных ценовых категорий для предложений и интерпретации их застройщиками на территории Национального парка «Угра».

Более наглядно эти предложения могли бы выглядеть при постройке модельного дома (ил. 3), а в будущем и усадьбы гостевого методического центра (ил. 4). Проект строительства модельного дома готов и будет предлагаться инвесторам – как государственным, так и частным. Сегодня под строительство модельного дома (визит-центра парка) в деревне Галкино оформлен и огражден традиционным штакетником земельный участок, к нему подведено электричество, установлена хозпостройка для строителей и строительного инструмента.

Сейчас более активно идет обсуждение этой главы в ПЗЗ на уровне сельских поселений, обязанных оформлять земельные документы и выделять территории под строительство. Так, получили согласование в Минприроды два сельских поселения – «Угорское» и «Совхоз Чкаловский».

Немало градостроительных ошибок совершается, когда жители в принятии решений руководствуются сиюминутными желаниями в обустройстве собствен-

ной жизни и своего жилища, не принимая во внимание более широкий круг жизни, сельский культурный ландшафт, являющийся феноменом наследия. Села и деревни планировочно и содержательно связаны с прилегающими полями, заливными лугами и суходолами, лесами и перелесками, водоемами и водотоками. Связь эта исторически многослойна, уязвима и требует поддержки как фактор национальной идентичности.

В деле сохранения культурных ландшафтов и традиционного облика населенных пунктов очень важно помнить о такой категории, как уместность. Она определяет место и соответствующие ему действия, задающие вектор деятельности для развития этого места. Следует помнить, что «Правила землепользования и застройки сельских поселений» актуальны именно для той территории и того культурного ландшафта, для которого формулировались.

**Актуальные вопросы управления
объектами природного
и культурного наследия:
изучение, сохранение и презентация**

Традиции бытовой росписи и резьбы (на материале музейных коллекций Кенозерского национального парка)

Кенозерский национальный парк – единственный субъект в системе особо охраняемых природных территорий, где для сохранения движимых памятников истории и культуры создан музейный фонд, который в настоящее время состоит из 10 тыс. предметов: это знаменитые кенозерские «небеса» и иконы, традиционная одежда и полотенца, мебель, бытовые предметы, орудия труда и изделия местных мастеров, конструктивные части домов и культовых памятников.

Фактографической базой исследования послужила коллекция прялок, насчитывающая 100 экземпляров, расписные предметы быта и мебель. Целью данного исследования является выявление отдельных видов среди прялок, включенных в музейный фонд парка, определение общих черт и различий в конструктивных особенностях и декорировании прялок, анализ мебели и предметов быта, имеющих художественный декор.

Форма прялки, ее резное и живописное убранство важны не только тем, что были веками связаны с бытом деревни, но и тем, что именно в форме, облике, мотивах резного убранства этого изделия наиболее четко проявляются очень древние локальные традиции искусства.

Все музейные прялки относятся к типу северорусских прялок, которые используются только при прядении сидя и представляют собой вертикальную стойку для кудели, соединенную с горизонтальным донцем.

По конструктивным особенностям все музейные прялки парка можно разделить на два типа: цельные и имеющие составную конструкцию.

К самой малочисленной группе относятся прялки, имеющие составную конструкцию. Пять прялок, бытовавших в различных кенозерских деревнях, являются исключением из общего правила и не могут свидетельствовать о традиции изготовления в XIX–XX веках подобных составных прялок на территории Кенозерского национального парка (ил. 1).

Все остальные цельные прялки из музейного фонда парка были изготовлены из прикорневой части дерева хвойных пород, чаще всего из сосны. В то же время цельные прялки по своим внешним признакам, своеобразному оформлению основных частей – лопасти, ножки и донца – можно разделить на пять основных групп.

В результате этнографической экспедиции сотрудника парка Д. Федотова в лешуконские деревни в 2008 году в состав музейного фонда поступили две цельные прялки, относящиеся к *мезенскому типу* (ил. 2).

Часть цельных прялок имеет прямоугольную лопасть, украшенную в верхней части круглыми, фигурными или трапециевидными городками. Таких прялок в музейном фонде пять. В этой группе можно особо отметить прялку под инвентарным номером НВФ-1341 (ил. 3). Эта прялка, состоящая из прямоугольной лопасти, украшенной девятью фигурными городками и четырьмя фигурными сережками, трехгранно-выемчатой резьбой, на длинной фигурной ножке поступила в результате этнографической экспедиции под руководством заместителя директора по науке М.Н. Мелютиной в деревню Часовенскую Плесецкого района Архангельской области. Подобные прялки научный сотрудник Государственного Русского музея Н.В. Мальцев относит к *коневскому типу*, что, действительно, подтверждается районом проведения экспедиции: деревня Часовенская расположена в 12 км от села Конёво. Также Н.В. Мальцев называет Н.И. Тараканова¹ – автора аналогичных прялок, собранных в 1960-х годах в деревнях, расположенных возле села Конёво Приозерного (ныне – Плесецкого) района Архангельской области.

У следующей группы цельных прялок из музейного фонда парка верхняя часть прямоугольной лопасти, соединенной с помощью высокой фигурной ножки с донцем, оформлена в виде двух расходящихся от центра волн. Лопасть украшена резьбой и росписью. Подобных прялок в музейном фонде парка десять. К наиболее интересным образцам можно отнести прялку КП-2241, декорированную геометрическим орнаментом, выполненным в технике трехгранно-выемчатой резьбы, и цветочным орнаментом, выполненным в технике свободно-кистевой росписи (ил. 4). Большая часть прялок этого вида происходит из Першлахты, что дает возможность предположить наличие мастера, изготавливавшего подобные прялки в данной кенозерской деревне.

Еще одна группа цельных прялок из музейного фонда парка имеет прямоугольную лопасть, соединенную с донцем с помощью короткой ножки. Прялкам этого вида характерно наличие 3–4 отверстий для крепления кудели к лопасти и почти полное отсутствие какого-либо декора. Отдельные прялки этого вида расписаны в очень примитивной манере. Скорее всего, эти прялки были изготовлены непрофессиональными мастерами-прялочниками для собственного потребления и не предназначались для продажи. Таких прялок в музейном фонде парка насчитывается 12 (ил. 5).

И наконец, самая многочисленная группа цельных прялок в составе музейного фонда Кенозерского национального парка имеет схожую конструкцию, размеры и декор. Такие прялки наиболее часто до сих пор встречаются в кенозерских деревнях, несмотря на огромный интерес, проявлявшийся к ним до образования парка со стороны сотрудников музеев и частных коллекционеров.

Своеобразие формы и декоративного убранства таких прялок, зафиксированных в пределах Кенозерья и Лекшмозерья, позволили исследователям декоративно-прикладного искусства выделить ее в самостоятельный тип, получивший название «кенозерская прялка».

Впервые интерес к кенозерским прялкам проявился еще в начале 1960-х годов во время этнографической экспедиции Государственного Русского музея под руководством Никандра Васильевича Мальцева, которому и принадлежит заслуга выделения кенозерской прялки в самостоятельный тип. «Кенозерская прялка – явление исключительное в орнаментальном искусстве Русского Севера. Среди аналогичных произведений геометрической резьбы, прялок-лопат, широко распространенных в Вологодской и Олонецкой губерниях, она значительно выделяется, прежде всего, своими размерами и строем орнаментального украшения»², – охарактеризовал Н.В. Мальцев прялки, выявленные в кенозерских деревнях. С тех пор резные и расписные кенозерские прялки заняли достойные места во многих музейных собраниях и частных коллекциях. В настоящее время таких прялок в музейном фонде парка насчитывается 65, именно они и были подвергнуты детальному исследованию.

У кенозерских прялок кудель крепится на лопасти с помощью мотовуза – длинной веревки, скрепленной с широким основанием металлической спицы. На лопасти прялки вертикально располагалось несколько отверстий, которые позволяли, по мере уменьшения кудели, переставлять ее на удобную высоту. Чтобы кудель прочно удерживалась на заданной высоте, для мотовуза на боковых гранях лопасти кенозерских прялок довольно часто делали зарубки, которые исполняли не только технологическую функцию, но чаще им придавали орнаментальную ритмичность, и тогда они, сохраняя полезность, служили дополнительным украшением.

Среди множества прялок Русского Севера кенозерские прялки можно безошибочно узнать по их массивной стати. Это очень большие прялки, в форме которых доминирует высокая и широкая лопасть, опирающаяся на короткую фигурную ножку, переходящую в донце. Лопатка кенозерских прялок обычно вписывается в прямоугольник или же в вытянутую слабо различимую трапецию. Так, у прялки КП-689 ширина лопасти в верхней части составляет 22,7 см, в нижней – 24,3 см, а прялка КП-1659 в верхней части лопасти имеет ширину 20,4 см, а в нижней – 24,4 см (ил. 6).

В создании индивидуального облика прялок значительная роль отводится линиям среза вершины и основания лопасти. Для кенозерского варианта оформления верхней части лопасти характерно треугольное завершение, усаженное 5–7 круглыми городками³. Городки кенозерских прялок в зависимости от ширины лопасти и их общего количества могут быть как достаточно крупными, до 6 см в диаметре (ил. 7), так и достаточно мелкими, до 2,4 см в диаметре (ил. 6). На отдельных прялках центральный городок, венчающий треугольное

навершие лопасти, гораздо крупнее городков, расположенных справа и слева на наклонной плоскости навершия. Анализ количества городков на кенозерских прялках из музейного собрания парка позволяет предположить, что наиболее распространенным является вариант с пятью городками. В коллекции музейных прялок парка пять городков имеются на 50 прялках, и только у 11 прялок навершие усажено семью городками. На прялке НВ-1333, поступившей из лекшмозерской деревни Труфаново, и прялке НВ-142 (ил. 8), покрытой краской синего цвета поверх трехгранно-выемчатой резьбы из кенозерской деревни Семеново, три городка, а прялка ВХ-253, скорее всего, изначально имела девять городков, центральный из которых был утрачен в процессе бытования, что также укладывается в локальную концепцию оформления верхней части лопасти нечетным количеством городков (ил. 9). Одна прялка из музейного фонда парка имеет закругленное навершие лопасти, которое стало необходимым и произошло, возможно, в результате повреждения или утраты городков. В Кенозерье бытует легенда о распространенной в конце XIX – начале XX века традиции «заламывания» молодым человеком городка на прялке у девушки в знак симпатии. Возможно, и данная прялка когда-то имела нечетное количество круглых городков, утраченных именно по этой причине.

Декорирование городков могло быть различным: от его полного отсутствия до украшения однотипным или разнотипным геометрическим орнаментом, выполненным в технике трехгранно-выемчатой резьбы (ил. 10), от раскрашивания городков краской одного цвета до расцвечивания разными цветами с контрастным контуром по внешнему кругу. По наличествующим в музейном фонде парка кенозерским прялкам выявить определенную традицию оформления городков довольно сложно в связи с недостаточностью материала для исследования. Можно, однако, предположить, что мастера, профессионально занимавшиеся изготовлением прялок, и в оформлении городков могли придерживаться авторского почерка.

Нижняя часть лопасти кенозерской прялки также имеет треугольное завершение, украшенное крупными сережками. Исключением является прялка, у которой нижняя часть, образующая овал, украшена с двух сторон круглыми сережками на длинных фигурных ножках (ил. 11).

Резьба и роспись являются основными элементами декора кенозерской прялки. Однако незначительная часть прялок из музейного фонда парка, относящихся по своей форме к кенозерскому типу, не имеет декоративного убранства. Таких прялок, которым свойственно полное отсутствие резного или расписного орнамента, в музейном фонде парка 10 единиц. На тыльной стороне лопасти одной из подобных прялок имеются элементы примитивной резьбы и вырезаны буквы: «ААПВ».

Следующая группа традиционных кенозерских прялок, не имеющая резного декора, покрыта краской одного или двух цветов (ил. 12). Даже простая окраска

поверхности воспринималась крестьянами как украшение. Самые распространенные тона окраски прялок их музейного собрания Кенозерского национального парка – различные оттенки коричневого, синего и голубого, зеленого цветов. Многие прялки не только окрашивались, но и раскрашивались. Темным цветом могли отделяться пята, лопастка от ножки; контрастным цветом отмечались декоративные элементы – городки, сережки, рельефные фигуры ножки. На некоторых прялках различна окраска лицевой и оборотной стороны лопастки.

Самым распространенным приемом декоративного оформления кенозерской прялки является резьба. Среди резных кенозерских прялок выделяется прялка под инвентарным номером КП-74 (ил. 13). В книге поступлений основного фонда указан автор этой прялки – «мастер Филиппов Андрей Иванович, 1920 г.р., д. Горбачиха». Отличительной чертой данной прялки является резная доминанта в нижней части лицевой стороны лопасти – крупная шестилепестковая розетка. «Орнамент на лопасти размещается таким образом, чтобы всемерно выявить, подчеркнуть тяжеловесность предмета, создать впечатление величавой монументальности, усилить приземистость резного сооружения»⁴, – описывал Н.В. Мальцев подобные кенозерские прялки.

Все остальные музейные прялки, декорированные резьбой, имеют схожие черты. Ножку и лопасть кенозерской прялки густо покрывает геометрическая мелкомасштабная трехгранно-выемчатая резьба, которая имеет ряд характерных только для Кенозерья мотивов (полосы орнамента, украшенные веером лучей, прямоугольники). Здесь на прялках резчики оставляли глубокие, четко очерченные, широкие выемки, а участки плоскости, заключенные между выемками, играли разделительную, узоробразующую роль. На большей части прялок, включенных в музейный фонд парка, резьба украшает всю поверхность лицевой плоскости и нижнюю часть тыльной стороны. Именно такая композиция чаще всего свойственна прялкам кенозерского типа. В средней части может размещаться полоса того же характера, что и в основании или вершине лопасти, квадрат, заполненный ромбической сеткой, или крупная розетка в центре всей композиции.

Сравнительный анализ резного декора кенозерских прялок из музейного фонда парка и атрибутированных кенозерских прялок, поступивших в Государственный Русский музей в 1960-х годах в результате этнографической экспедиции Н.В. Мальцева, позволил систематизировать и предположить авторство известных кенозерских мастеров-прялочников. Участникам экспедиции Государственного Русского музея в 1963 году удалось собрать сведения только о трех кенозерских мастерах-резчиках, работавших во второй половине XIX века: Иване Ивановиче Врагове (ок. 1841–1900), жившем в деревне Тырнаволок; Петре Пугачеве (1850–1919) из деревни Горбачихи и его ученике Прокопии Прокопьевиче Завьялове (1887–1967) из деревни Зехновой⁵. «В деревне Зихново нас ждало подлинное радостное открытие. Мы приобрели огромную резную

прялку, а через несколько часов нашли и ее мастера Прокопия Прокопьевича Завьялова, восьмидесятичетырехлетнего старика, одиноко жившего в старом, изрядно прохудившемся, ветхом доме»⁶, – вспоминал Н.В. Мальцев.

Восемь прялок (ил. 14) имеют идентичный геометрический орнамент, выполненный в технике трехгранно-выемчатой резьбы. Массивная лопасть вышеуказанных прялок покоится на низкой плавно переходящей в плоское донце ножке. В верхней части лопасть прялки имеет треугольное, завершенное пятью круглыми разузоренными городками, наверхие. С лицевой стороны лопасть обильно украшена резным геометрическим орнаментом. Главный мотив резной орнаментики прялки – большой круг, обильно заполненный сегментами с многократно повторенными мотивами расчерченных квадратов и треугольников. Для того, чтобы подчеркнуть значительность главного мотива резного узора прялки, резчик обрамляет его идущими по кругу мотивами мелких и крупных трехгранных выемок. Таким образом, в середине широкой лопасти оказался разузоренный диск, ставший главным мотивом орнаментальной композиции прялки. Вверху и внизу лопасти резчик разместил ленты из повторяющихся мотивов геометрического узорочья – ряды расчерченных квадратов, дуг, зигзагов и больших треугольных фигур с чешуйчатым заполнением. Небольшие лучевые розетки и полурозетки, размещенные по сторонам, сверху и снизу центрального орнаментированного круга, завершают узорное богатство прялки, придают ей особую, праздничную нарядность и выразительность. Возможно, поэтому главный, центральный мотив узора – заполненный диск – расположен в нижней части лопасти.

Сравнение конструктивных и декоративных особенностей вышеуказанных прялок с подобными прялками, собранными Н.В. Мальцевым в кенозерской экспедиции 1963 года, позволяет предположить их автора – Прокопия Прокопьевича Завьялова (1887–1967) из деревни Зехновой⁷. Однако, владельческая надпись и дата создания (1889 г.), приведенные на обороте прялки КП-689, доказывают наличие в Кенозерье мастера-прялочника, предшествовавшего П.П. Завьялову. Возможно, автором прялки КП-689 является «мельничный плотник Петр Пугачев (1850–1919) из деревни Горбачиха»⁸, учеником которого и был зехновский мастер Завьялов, унаследовавший от наставника основные принципы изготовления прялок и украшения их своеобразным резным декором.

Среди прялок кенозерского типа, включенных в музейное собрание парка, выделяются два образца с уникальным орнаментом, в котором традиционными приемами отражена уже советская история (ил. 15, 9).

Зачастую гладь не тронутого резьбой дерева по всей лопасти красили в какой-нибудь один цвет, а затем масляными красками в технике свободно-кистевой росписи наносили орнамент. Так на кенозерских прялках появилось гармоничное сочетание декоров резного и расписного. Для прялок кенозерского типа многоцветная раскраска стала новым орнаментальным приемом. Анализ музейного собрания прялок Кенозерского национального парка позволяет сде-

лать выводы: для раскраски использовались насыщенные контрастные цвета. Ритмичное чередование резьбы и росписи рождало новый художественный эффект, при котором изобразительность резьбы уступает ритмичному сочетанию красочных пятен. Часто окраска и роспись воспринимались как лучшие способы обновления изношенной поверхности, краска могла укладываться поверх декоративной резьбы.

Вторым по распространенности после резьбы видом орнаментации предметов в крестьянском быту была роспись. Основные мотивы кенозерских росписей обычны для территории всей Карелии: пышные розаны, листья, ягоды сплетаются в гирлянды, ветви, вазоны с букетами (ил. 16). Росписи наносились свободным мазком кисти по разноцветному фону без предварительной наметки контура. Для придания изображениям некоторой объемности и реальности использовали белильные или цветные «оживки» и «приписки». При сравнении прялок, для украшения которых использована не только резьба, но и роспись, и прялок, декорированных только свободно-кистевой росписью, можно сделать определенные выводы: росписи на прялках без резьбы сделаны в более непринужденной манере, цветочный орнамент стремится заполнить все декоративное поле, не оставляя пустот.

Выбор изобразительных средств и приемов, которыми пользовались художники-профессионалы, определялся художественной целью. Для тех же, кто занимался росписью от случая к случаю, выбор зависел от уровня и особенностей владения кистью и красками, в этом случае важен уже не рисунок, а цветное «пятно». На нескольких расписных прялках, поступивших из деревни Першлахты, в росписи используются тонкие черные контурные линии (ил. 17). На кенозерских прялках изображения птиц, животных или людей носят исключительно редкий характер. На лопасти прялки КП-256 изображены две птицы среди пышных розанов (ил. 18), на прялке ВХ-206 на тыльной стороне лопасти в верхней части – две птички, а в нижней части – выполнено полупрофильное погрудное изображение двух женщин (ил. 19). Очевидно, что этот рисунок не связан с местной традицией и имеет случайный характер.

Датировка прялок из музейного фонда парка во многих случаях носит предположительный характер. К концу XIX – началу XX века отнесена большая часть музейных прялок Кенозерья. Именно в этот период традиционными стали надписи, которые обычно наносились на лопастке резцом, но чаще – кистью. Содержание надписей в большинстве случаев ограничивается датой, датой и инициалами владелицы, частичным или полным именем владелицы и датой. Для ремесленного живописца, работавшего по заказу, изделие всегда носит адресный характер, поэтому часто в состав росписи входит имя будущей владелицы. Таким образом, удалось определить более точную дату создания нескольких прялок. Самая ранняя из датированных кенозерских прялок относится к 1880 году, самая поздняя – к 1936 году.

Среди прялок Кенозерского национального парка, имеющих различные владельческие и датирующие подписи, только на одной указано имя автора – «К.М. Федор Никифоров, 1913 г.» (ил. 20). В отчете этнографической экспедиции, обследовавшей Кенозерье в 1980-х годах, приводятся следующие данные: «Шкафы, расписанные цветами, сохраняются ныне также в доме... А.Е. Панфиловой (дер. Семеново), которая назвала даже автора росписи своего шкафа: Константин Федорович Никифоров. Надпись “К. Федор. Никифоров, 1912 год, 21-го мая” – можно видеть на стене часовни в дер. Семеново»⁹. Исходя из приведенных фактов, можно с уверенностью предположить, что Никифоров не являлся мастером, изготовившим прялку и украсившим ее сложным резным декором, его роль заключается в украшении прялки росписью.

В коллекции Юрия Владимировича Линника (г. Петрозаводск), находится прялка кенозерского типа, на которой указана фамилия мастера И. Врагова (ил. 21).

Помимо резьбы и росписи прялок, в конце XIX – начале XX века покрывали цветным узором филенки шкафов, расписывали двери, подзоры у домов, иногда расписывали корзины.

Н.В. Мальцев, посетивший Кенозерье в 1963 году в рамках экспедиции Государственного Русского музея, вспоминал живописный облик кенозерских деревень: «Первая встреча с деревнями Кенозера, с хозяйками огромных изб с широкими кровлями, подбои которых были расписаны изображениями причудливых вазонов с яркими, сочными цветами, а входные двери в дом украшены изображениями стоящих на задних лапах львов, ошеломила участников экспедиции»¹⁰. В XIX – начале XX века таким цветочным орнаментом любили украшать в этих местах не только свесы кровли и двери, но и киоты (божницы), сундуки, кухонные шкафы (поставцы), шкафы-заборки, делившие основное пространство избы на две части, шкафы-буфеты, корзинки, сани, подстоля столов. По сведениям, зафиксированным этнографической экспедицией Архангельского государственного педагогического института имени М.В. Ломоносова в начале 1980-х годов, во многих кенозерских деревнях на рубеже XIX и XX веков трудились «пришлые маляры из Карелии», но были и местные мастера, расписывавшие прялки и мебель. Местные жители вспоминали, что шкафы расписывали Григорий Деметьевич Мелехов из деревни Минино и Григорий Андреевич (фамилию установить не удалось) из деревни Федосово, в деревне Спицыно Прокопий Дмитриевич Заколонный делал прялки, шкафы и расписывал их»¹¹. В 1980-х годах жители деревни Першлахты вспоминали «братьев Старицыных, как “красильщиков”, т.е. мастеров росписи. Согласно другим данным (А.И. Осов, 1899 г.), мастера-красильщики приезжали на Благовещенскую ярмарку на Кенозеро из Карелии, вместе с рыбными обозами»¹².

В 1960–1980-х годах расписная мебель, сохранившаяся в кенозерских избах, зачастую демонтировалась или закрашивалась масляными красками, что является основной причиной невысокого уровня сохранности расписных элементов

быта в Кенозерье. О расписном шкафе-заборке, приобретенном для музея «Малые Корелы», в отчете этнографической экспедиции приведены следующие сведения: «Уговаривать продать шкаф жителей пришлось три дня. Хозяйка хотела распилить шкаф, сделать из него тумбочку, закрасить роспись, а остатки шкафа – сжечь. Описанное отношение к росписи очень показательно»¹³.

В музейный фонд Кенозерского национального парка включены предметы мебели, украшенные цветочным орнаментом, выполненным в технике свободно-кистевой росписи: три шкафа-заборки (ил. 22), которые традиционно использовались для деления пространства избы на жилую и хозяйственную части; буфет, поступивший в музейный фонд из Першлахты; два небольших подвесных шкафчика, три домашних киота, лучшим из которых по уровню художественного мастерства и степени сохранности можно считать предмет под инвентарным номером КП-488 (ил. 23); три сундука, декорированных по красному или зеленому фону цветочным орнаментом; два расписных возка (ил. 24). Все вышеуказанные предметы поступили в музейный фонд из разных деревень, расположенных на территории Кенозерского национального парка, что позволяет делать выводы о традиции украшения на рубеже XIX и XX веков различных бытовых предметов, изготовленных из дерева, цветочной свободно-кистевой росписью.

Таким образом, по музейным коллекциям можно сделать выводы, что в Кенозерье и Лекшмозерье, вошедших в состав Кенозерского национального парка, в конце XIX – начале XX века традиции резьбы и росписи по дереву имели высокую степень развития.

Примечания

¹ Народное искусство Каргополья: альманах. СПб., 2006. Вып. 142. С. 35.

² Мальцев Н.В. Кенозерская экспедиция Государственного Русского музея // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сборник. Архангельск, 2009. С. 230.

³ Народное искусство Каргополья. С. 31.

⁴ Мальцев Н.В. Указ. соч. С. 231.

⁵ Народное искусство Каргополья. С. 34.

⁶ Мальцев Н.В. Указ. соч. С. 230.

⁷ Народное искусство Каргополья. С. 32.

⁸ Там же.

⁹ Научный отчет «Разработка документации для проекта и схемы развития Кенозерского национального парка по теме: историко-этнографические исследования Кенозерья» // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 2. Д. 32. Л. 53.

¹⁰ Мальцев Н.В. Указ. соч. С. 230.

¹¹ Научный отчет «Разработка документации для проекта и схемы развития Кенозерского национального парка по теме: историко-этнографические исследования Кенозерья» // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 2. Д. 32. Л. 52.

¹² Там же. Л. 53.

¹³ Там же.

«Территории вдохновения»: Новая концепция развития сельских территорий

В настоящее время в странах СНГ особо охраняемые природные территории (ООПТ) начинают играть роль главного культурного центра в периферийных регионах, а также способствуют их социально-экономическому развитию. В первую очередь это происходит благодаря созданию условий для развития туризма и эко-бизнеса.

Одними из самых эффективных мероприятий, способствующих социально-культурному развитию сельских территорий и включению маргинализированных групп местных сообществ в этот процесс, являются организация арт-симпозиумов и создание арт-резиденций. Некоммерческая природоохранная организация из Словакии «Machaon International» совместно с коллегами – ООПТ и НКО из России, Словакии и Казахстана – получила очень интересный опыт реализации креативных проектов в сельской местности.

1. *Социально-культурное развитие деревни.* Успешные арт-мероприятия часто включают социальный компонент: например занятия известных художников с деревенскими детьми или привлечение в качестве помощников при создании экспозиции детей с ограниченными возможностями и местных жителей (в том числе цыган), которые потом становятся хранителями этих экспозиций, а вверенные их попечению экспозиции становятся предметом их гордости. Вокруг лидеров, выдвинувших интересную идею, стихийно образуются группы, которые начинают сами инициировать культурные мероприятия. Социальный климат в населенном пункте улучшается, его социальная структура меняется за счет притяжения в деревню интеллигенции (как на разовые мероприятия, так и на постоянное место жительства).

2. *Развитие туризма.* Благодаря таким необычным творческим мероприятиям ООПТ получают возможность создать недорогостоящие и уникальные экспозиции, интересный туристический объект, позволяющий привлечь туристов в малопосещаемые, некогда изолированные области парков. Вернисажи работ художников дают возможность как местным жителям, так и гостям взглянуть на привычные ландшафты под новым углом, получить свежие импульсы для развития туризма и производства арт-продукции. Местные жители осознают ценность своего ландшафта и необходимость бережного к нему отношения.

Идея организации первого лэнд-арт-симпозиума появилась в ходе проекта «КенАрт – европейский культурный мост», который в 2008 году разработали сотрудники «Machaon International» в сотрудничестве с Кенозерским национальным парком и Валашским музеем в природе (Чехия). На первом этапе специалисты Кенозерского национального парка придумали идею арт-симпозиума. Она заключалась в создании лэнд-арт-экспозиции «Ландшафтный театр “Северный Экватор”», которая стимулировала бы развитие туризма в той части парка, где не так много памятников и объектов культурного наследия. Был объявлен конкурс эскизных проектов арт-объектов, а информация о нем получила широкое распространение благодаря социальным сетям, профессиональным сообществам (Союзы художников, архитекторов, дизайнеров), новостным агентствам (например, www.archi.ru), а также информационному portalу «Музеи России» (www.museum.ru). В итоге было получено более 50 заявок, из которых компетентное жюри выбрало 25 эскизов арт-объектов, деликатно выявляющих достоинства уникального ландшафта, способствующих более полному и точному восприятию и созерцанию природной и культурной среды.

Казалось бы, конкурс проведен, объекты выбраны, можно начинать; но Кенозерский национальный парк славится особенно трепетным отношением к культурному ландшафту и не торопится. Перед тем как позволить художникам воплотить свои творческие фантазии на территории, где проходит великий водораздел Северного Ледовитого и Атлантического океанов, парк проводит для художников арт-экспедицию и погружает их в атмосферу волшебного Кенозерья, знакомит с местной культурой, обычаями и особенно детально с ландшафтом, где будут в дальнейшем размещены арт-объекты. В результате этой деликатной работы мы имели возможность наблюдать интересный процесс трансформации творческих идей у многих художников. Например, белорусский мастер Дмитрий Зайцев приехал с идеей создать самолет из бересты, а уехал с эскизом летучего корабля. В сотрудничестве со специалистами парка художники определились с местом размещения арт-объектов. Потом у художников был год на их усовершенствование, проработку деталей и прекрасный период предвкушения творчества в замечательной компании и в удивительном месте, а у жителей Кенозерья и сотрудников парка – время на подготовку программы и логистики арт-симпозиума, а также необходимых материалов и инструментов.

В августе 2010 года состоялся международный лэнд-арт симпозиум «Северный Экватор», в ходе которого команда художников и волонтеров из России, Чехии, Германии, Эстонии, Белоруссии создала прекрасные арт-объекты из природных материалов на новом туристическом маршруте национального парка. Вернисаж арт-симпозиума был проведен в ходе фестиваля «КенАрт – европейский культурный мост», в котором приняло участие 11 фольклорных групп и более 3 тыс. гостей из разных стран. Художники были награждены памятными подарками, в том числе и из рук губернатора Архангельской области Игоря Ор-

лова – почетного гостя фестиваля. Проект «КенАрт – европейский культурный мост» был признан Европейской Комиссией одним из лучших проектов в области культурного сотрудничества ЕС и России, а мы имели возможность изучить технологию организации лэнд-арт-симпозиума – яркого, эффективного и при этом относительно малозатратного культурного мероприятия. В дальнейшем этот опыт очень пригодился нам при организации арт-симпозиумов в других странах и дал старт проекту «Территории вдохновения».

Как говорится, лиха беда начало. Мы жили в деревне Гановце в Словакии, жизнь там текла спокойно, размеренно и... неинтересно. Каждый за своим забором. Между тем, деревня имеет прекрасный потенциал для развития туризма: она находится в живописной долине, пролегающей между двумя горными массивами – Высокими Татрами и Козьими хребтами. В XIX веке на наших уникальных минеральных водах поправляли здоровье венгерские короли. Это место облюбовал и древний человек – неандерталец, следы пребывания которого были обнаружены в центре Гановец учеными в начале XX века. Нашелся один энтузиаст Карол Пиоварчи, который начал создавать музей неандертальца: очистил территорию от мусора, построил красивую ограду и установил информационные стенды. Однако один в поле не воин, и энтузиазм его начал постепенно угасать, тем более что некоммерческие организации в Словакии имеют трудности с привлечением финансирования для своих проектов.

В 2012 году наша организация «Machaon International» начала работу в Гановцах, предложив провести первый арт-симпозиум. Первая реакция жителей была скептическая, и даже Карол Пиоварчи сомневался в успехе мероприятия, а главное в возможности долгосрочной сохранности арт-объектов в деревне, треть жителей которой составляют цыгане. Денег удалось найти совсем чуть-чуть, главным образом, чтобы покрыть расходы на дорогу, материалы и питание, а проживание шести художникам предоставили в своем доме мы. Было так весело и интересно, что вся деревня нам завидовала, а в последующие годы было много желающих поселить художников у себя в доме.

Концепцию первого арт-симпозиума «Мистерии охоты» предложил наш художественный руководитель и идейный вдохновитель, замечательный художник Михаил Селищев. Он же пригласил и своих друзей – Алексея Шеболдаева и Дмитрия Зайцева, а мы позвали словацких резчиков. Материалы для экспозиции мы с художниками заготавливали сами в лесу на специально отведенных участках, которые было необходимо очистить от кустарников и тонких деревьев. В процессе создания арт-объектов территория памятника природы Градок, где проходил арт-симпозиум, стала местом паломничества местных жителей: сначала забегали детишки, потом потянулись взрослые со сливовицей, домашней снедью и кофе. Многие хотели помочь, потому что наши художники работали красиво и с азартом. Помогали и цыгане, ведь мы создавали арт-экспозицию и для их детей тоже.

В результате первого арт-симпозиума на территории памятника природы Градок образовалась прекрасная экспозиция, а в деревне появился клуб «Неандерталец», объединивший местных жителей, стремившихся сделать жизнь в деревне лучше и интереснее. С тех пор в деревне регулярно проходят арт-симпозиумы (как минимум раз в год), пленэры, концерты, мастер-классы (в том числе кулинарные). Наши проекты получили известность, и в 2015 году вернисаж арт-симпозиума «Оставь свой след» открыл президент Словакии Андрей Киска. Поток туристов в деревню многократно увеличился. Дело стало за развитием хорошего сервиса для них. Пока же финансовую пользу получает только небольшой курорт с минеральной водой, который летом уже не справляется с потоком посетителей.

После такого успеха мы решили попробовать провести арт-симпозиум на территории Казахстанского Алтая, в музее-заповеднике «Берель». Художественным руководителем арт-симпозиума выступил ярославский художник Михаил Бекетов, и под его руководством в июле 2015 года художники и мастера из Казахстана, России, Белоруссии и Словакии на территории музея-заповедника «Берель» выполнили 16 арт-объектов из природных материалов. Все работы объединены в общую авторскую концепцию «Кочевник», которая представляет собой сопричастность современного человека древней мифологии Алтая. На этой земле сталкивались культуры различных этносов, артефакты которых восхищают современную цивилизацию. Неоценимую помощь в подготовке и реализации, развитии темы арт-объектов оказали археологи, краеведы и работники музея-заповедника «Берель». Были заготовлены и завезены необходимые материалы и инструменты, определены места работы, проведена планировка территории по установке арт-объектов. Решены все вопросы проживания, питания, работы и отдыха участников симпозиума.

Отличительной особенностью этого арт-симпозиума было то, что художникам помогали воспитанники школы-интерната для детей с отставанием в умственном развитии. Конечно, не все были одинаково увлечены творческим процессом, но двух мальчишек было невозможно оторвать от художников. В результате в тот же год один парень поступил в художественное училище, а второй планирует тоже поступать туда, как подрастет. Созданная экспозиция восхищает туристов, а еще она вошла в перечень объектов Восточного Казахстана, рекомендуемых для посещения гостям международной выставки «ЭКСПО-2017».

Убедившись на опыте, что даже для труднодоступных горных территорий арт-симпозиумы являются чрезвычайно удачным во всех отношениях мероприятием, в 2016 году мы организовали арт-симпозиум «Лесная сказка» вдали от цивилизации, на горном склоне красивой Бухтарминской долины. Под мирное жужжание пчел семь художников из России, Казахстана, Киргизии и Белоруссии создали удивительные арт-объекты для маршрута «Лесная сказка» и фестивальной площадки. Мифические персонажи, сказочные герои, веселые и

грустные, миниатюрная водяная мельница – за две недели местечко вокруг пасеки Веры Павловны Климовой постепенно преобразовалось в еще одну «Территорию вдохновения». Благодаря таланту художников Михаила и Георгия Бекетовых, Алексея Шеболдаева, Олега и Маргариты Якубовичей, Дмитрия Зайцева и Марины Громовой поляна, предназначенная для проведения фестиваля «Медовый Спас», превратилась в магическое и притягательное место. Для такого удаленного уголка Южного Алтая гостей было на удивление много – более 400 человек.

Все арт-мероприятия мы проводили в деревнях и часто слышали вопросы: «А что забыли такие талантливые художники в нашей дыре? Почему они приезжают в наши забытые богом деревни?». Ответ прост: они едут за энергией и вдохновением. Сегодня сложилась такая ситуация, что большинство представителей творческой интеллигенции, а также талантливая молодежь всеми силами стремятся в крупные города, не найдя возможности самореализации, а также заработка в провинции. При этом, помимо большой проблемы оскудения творческой среды в провинции, возникает ситуация, когда далеко не все уехавшие способны черпать энергию, необходимую для творчества, в мегаполисах, в связи с чем у художников часто возникает творческий кризис, упадок и депрессия. Удивительно, но в странах СНГ и Восточной Европы, в отличие от более развитых западноевропейских стран, профессиональные художники часто едут на подобные мероприятия именно за вдохновением, и не просят гонорара за свою работу. Многие осознают социальную задачу этих мероприятий для развития деревни и возможность представить свои работы новой аудитории.

Слабой стороной наших арт-мероприятий является то, что возможность их проведения зависит в основном от грантов. Представители бизнес-структур пока что не видят возможности для развития своего бизнеса через организацию или поддержку арт-мероприятий. Несомненным лидером в использовании культурной индустрии для продвижения сельскохозяйственной продукции и гастрономии является Италия, где бизнесмены, художники и музыканты успешно взаимодействуют в создании креативной атмосферы в деревнях и сохранении культурного ландшафта. При этом предприниматели добиваются роста продаж продукции и создания позитивного имиджа. Особенно любят проводить арт-симпозиумы владельцы виноградников. Биосферные резерваты северной Италии – очень интересная площадка для обучения различным аспектам эффективной организации арт-мероприятий с привлечением бизнеса и местного сообщества. С 2017 года «Machaon International» начинает организовывать туда учебные стажировки для представителей российских ООПТ.

Многие российские ООПТ также обратились к организации арт-проектов и оценили их потенциал для развития деревни. Мы предполагаем, что для российских ООПТ, особенно имеющих статус биосферного резервата и старающихся играть активную роль в развитии деревни, может быть актуален обмен опытом,

методическая поддержка в области такого креативного развития и организация совместных арт-мероприятий. Особенно актуально в таких инновационных проектах обучение лидеров арт-мероприятий и построение партнерской сети «Территории вдохновения».

Сеть, объединяющая ООПТ и деятелей культуры, представителей творческой интеллигенции, могла бы более эффективно продвигать идею развития арт-проектов в сельской местности, возрождая историческую русскую традицию, когда многие творческие люди (писатели, художники) жили и работали над своими произведениями в деревне, где природа и живая аутентичная сельская культура давали им вдохновение и силы для создания бессмертных произведений, а сельским жителям – «одухотворенную среду», возможности для развития талантливых представителей молодежи. Арт-проекты могут послужить хорошим началом, первым шагом, привлекающим внимание к деревне, позволяющим местным жителям иначе взглянуть на их привычные места обитания, оценить их ресурсы, получить новые импульсы и идеи для развития.

Возможно, именно такие проекты и подобные им культурные инициативы приведут к возрождению русских деревень, а особо охраняемые природные территории будут еще эффективнее выполнять роль центров поддержки культуры, просвещения и воспитания населения в глубинке.

*Ю.А. Веденин, Н.М. Ведерникова, Е.Ю. Колбовский,
М.Е. Кулешова, Н.В. Максаковский
(г. Москва)*

Методика составления номинационного досье культурного ландшафта на примере «Заповеданного Кенозерья», заявленного от России в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО

Россия относится к числу стран, имеющих достаточно представительный состав объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО (26 объектов, в т.ч. 16 культурных и 10 природных, а также Херсонес, заявленный от Украины), однако лидерство в этой сфере принадлежит таким странам, как Италия (51 объект), Испания (45), Германия (41), Франция (42), Китай (50)¹ и другим государствам, где число объектов списка превысило 30. Каждый год общий список увеличивается еще на пару десятков или более объектов, среди которых возрастающую роль играют культурные ландшафты.

Несмотря на достаточно солидную национальную практику в подготовке номинационных досье, ведомственные структуры не обладают опытом выдвижения и представления таких объектов наследия, как культурные ландшафты, поскольку данный тип объектов требует комплексных междисциплинарных исследований и серьезного межведомственного взаимодействия.

Напоминаем, что среди российских объектов только Куршская коса, ошибочно причисляемая некоторыми авторами к смешанным объектам, официально признанная объектом Всемирного культурного наследия, долгое время считалась единственным культурным ландшафтом, входящим в российский Список объектов Всемирного наследия (страна-заявитель на культурный ландшафт – Литва). Вторым официально числящимся в современных границах России культурным ландшафтом является Херсонес Таврический, номинационное досье и представление которого подготавливались украинскими ведомствами. Благодаря мониторинговым миссиям ЮНЕСКО к культурным ландшафтам России стали в последние несколько лет относить Санкт-Петербург с окрестностями и Соловки. По факту они являются культурными ландшафтами (в одном случае – комплекс городского и дворцово-паркового ландшафтов, в другом – монастырский ландшафт). Это давно аргументировано в работах российских исследователей², но в номинационных документах данных объектов об этом речи не было, и российские ведомства испытывают трудности с организацией их охраны.

© Веденин Ю.А., Ведерникова Н.М., Колбовский Е.Ю., Кулешова М.Е.,
Максаковский Н.В., 2017

Для адекватного понимания Конвенции и в помощь ее сторонам, желающим увеличить свое представительство в Списке Всемирного наследия, разработан целый ряд руководств с весьма детальными разъяснениями в процедурной части, воспроизводить которые так любят в своих публичных выступлениях представители ведомственных структур и институций, отвечающих за формирование национального списка. Мы рекомендуем в любом случае обращаться к первоисточникам³.

Вопрос об универсальной историко-культурной ценности Кенозерья и целесообразности отнесения его к объектам Всемирного наследия поднимался давно, в начале 2000-х годов. Именно тогда была составлена первая версия заявки для Предварительного списка (Tentative List). Ее составляли специалисты Института наследия им. Д.С. Лихачева в сотрудничестве с коллегами из Кенозерского национального парка. Долгое время Институт наследия был одним из ключевых партнеров парка в исследовании культурных ландшафтов, вплоть до административной реформы института в 2014 году. Тем не менее, специалисты, работавшие с парком в течение этих лет, продолжают свою исследовательскую работу в рамках свободного творческого коллектива, созданного для подготовки обосновывающей части номинационного досье.

В предварительной заявке основными вопросами, от ответа на которые зависит судьба заявляемого объекта, выступают: соответствие критериям выдающейся универсальной ценности, аутентичность объекта, целостность объекта, гарантии охраны, отсутствие близких аналогов. Аргументация условий отнесения объекта к Всемирному наследию, к которым относятся его аутентичность, целостность и гарантии охраны, впоследствии уточняется и расширяется при сохранении базовых позиций, а вот состав критериев ценности, как показывает практика, может измениться по результатам проводимых исследований, обсуждений, консультаций вплоть до принятия Комитетом Всемирного наследия окончательного вердикта на очередной его сессии. Что касается наличия аналогов, их выявление требует хорошего знания состава Списка Всемирного наследия и Предварительных списков отдельных стран в пределах соответствующего геокультурного региона. Номинаруемый объект должен обладать признаками, отсутствующими в аналогах, он должен быть единственным в своем роде. В соответствии с руководящими документами ЮНЕСКО по Всемирному наследию (Operational Guidelines – см. ссылку 3), установлено 10 критериев выдающейся универсальной ценности (6 для культурного наследия и 4 для природного), и необходимо выбрать, какие из них наиболее подходят для представления особенностей объекта.

Так, в 2000 году для Кенозерья была составлена первая заявка на номинацию, в которой фигурировало 4 критерия, а именно ii, iii, iv, v. Эта заявка была поддержана российско-норвежской рабочей группой по культурному наследию в рамках российско-норвежского сотрудничества по окружающей среде, но не получила поддержки со стороны ответственных за то российских органов.

С соответствующим обоснованием и разъяснением она была опубликована в 2004 году⁴. Только в 2013 году благодаря настойчивости руководства парка удалось вернуться к данному вопросу⁵. Заявка была обновлена и поддержана уполномоченными российскими органами при измененном составе критериев. Теперь были названы 5 критериев (iii, iv, v, vi, vii), и именно они и вошли в официальный документ, представленный в Центр Всемирного наследия и размещенный на сайте ЮНЕСКО⁶. Однако в процессе работы над досье открылись новые обстоятельства, к работе были привлечены новые специалисты, некоторые оценки пришлось критически переосмыслить, и к настоящему времени состав критериев опять изменился. Теперь он включает 4 критерия – i, iii, v, vi. Мы надеемся, что именно этот состав критериев и будет представлен на суд международных экспертов. Отметим, что во всех перечисленных вариациях названы критерии iii и v, что указывает на их основополагающее значение в системе оценки, именно эти критерии в подавляющем большинстве случаев применяются при номинации культурных ландшафтов.

Приняты следующие формулировки критериев:

i – шедевр храмового деревянного зодчества с уникальным по численности и сохранности собранием храмовых и часовенных потолочных росписей-«небес»;

iii – выдающийся по составу и сохранности архаичный крестьянский ландшафт, место бытования живой реликтовой крестьянской культуры с уникальными ее элементами, не имеющими аналогов в других регионах;

v – выдающийся пример традиционного землепользования и обустройства жизненного пространства крестьянских сообществ Русского Севера, сохранившихся с XVI века и ставших уязвимыми под влиянием процессов депопуляции и урбанизации;

vi – один из ключевых реликтовых центров русского былинного творчества, обогативший всю мировую фольклористику, место сохраняющихся духовных практик и способов сакрализации пространства.

Составление номинационного досье достаточно строго регламентировано и структурировано в соответствии с руководящими документами ЮНЕСКО (Preparing World Heritage Nominations – см. ссылку 3), чтобы обеспечить полноту и сопоставимость информации по объектам. В то же время разнообразие объектов номинирования и специфика каждого из них требуют творческого подхода в заданных структурных рамках.

Досье должно включать следующие основные разделы:

1.a-d. Идентификация: страна, регион, наименование, географические координаты.

1.e. Границы объекта и его буферной зоны на картах и планах.

1.f. Площади объекта и его буферной зоны.

2.a. Описание.

2.b. История и развитие.

-
-
3. Основания включения:
 - 3.1.a. Краткое обобщение основных характеристик и достоинств.
 - 3.1.в. Критерии номинирования и подтверждение их выбора.
 - 3.1.с. Формулировка целостности.
 - 3.1.d. Формулировка подлинности (аутентичности).
 - 3.1.e. Соблюдение требований охраны и управления.
 - 3.2. Сравнительный анализ.
 - 3.3. Резюмирующая формулировка выдающейся универсальной ценности (резюме § 3.1.a-e).
 - 4.a-в. Состояние сохранности и факторы воздействия.
 - 5.a-j. Охрана и управление: владение; охранный статус; способы охраны; региональные и муниципальные планы и программы, где задействован объект; менеджмент-план объекта; источники и объемы финансирования; экспертная поддержка и обучение методам сохранения и управления; услуги для посетителей и инфраструктура; презентация и продвижение объекта; кадровое обеспечение.
 - 6.a-с. Мониторинг: индикаторы, администрирование, отчетность.
 7. Перечень документов.

Из перечисленных позиций пункты 1a-d и 7 имеют технический характер, пункты 5 и 6 относятся к управлению объектом. Мы рассмотрим пункты с 1e по 4 включительно, которые содержат описание объекта и обоснование его выдающейся универсальной ценности.

Границы и площадь объекта (1e-f) устанавливаются таким образом, чтобы были предъявлены во всей полноте основные характеристики ценности, чтобы было обеспечено условие целостности, чтобы сохранность была высокой и чтобы зоны реабилитации и реституции будущего преобразующего развития не входили в конфликт с жесткими требованиями сохранности на момент номинирования. В «Заповеданном Кенозерье» собирательной ценностью обладает культурный ландшафт, поэтому при определении границ номинируемой территории использовались ранее выполненные работы по культурно-ландшафтному районированию и выявлению культурно-ландшафтных комплексов⁷. Основные проекты национального парка были ориентированы на приоритетные культурно-ландшафтные комплексы (КЛК). Категория КЛК стала важным инструментом определения стратегии действий (ил. 1). Не весь национальный парк и не все его культурные ландшафты предлагается включить в Список Всемирного наследия, а только три кластера – Кенозерский, Лекшмозерский и Порженский (ил. 2) с площадями соответственно 32,4 тыс. га, 18,8 тыс. га, 1,4 тыс. га, что составляет 37,2 % от площади парка в 141,354 тыс. га. Это участки с уникальными памятниками деревянного зодчества, сохранившимися крестьянскими поселениями и наиболее выраженной структурой традиционного природопользования. Граница национального парка одновременно будет служить границей буферной зоны номинируемого кластерного объекта. Исключены были те участки культурных ландшафтов, которые

претерпели необратимые нежелательные изменения в силу процессов запустения либо субурбанизации, несмотря на их важную роль в историческом прошлом.

Описание ландшафта и история его развития (пункты 2а-в досье) требует привлечение широкого спектра специалистов и анализа различных источников информации для того, чтобы дать четкое представление о номинируемом объекте во всей его комплексности и чтобы было понятно, что критерии выдвижения объекта в Список Всемирного наследия имеют объективную информационную основу. Структура таких описаний диктуется спецификой объекта и может для разных их типов различаться. Культурный ландшафт Кенозерья – сложный многокомпонентный феномен с многовековой историей его эволюционного формирования. В соответствии с требованиями ЮНЕСКО, при описании культурных ландшафтов, формально относимых к объектам культурного наследия, необходима характеристика их природных особенностей, поскольку культурный ландшафт трактуется как результат совместного творчества человека и природы. Именно поэтому его последующая международная экспертиза осуществляется как специалистами в области культурного наследия из ICOMOS и ICCROM, так и природоохранными специалистами из IUCN.

Для кенозерского культурного ландшафта принята следующая структура его представления.

2а. Описание.

2.1.а. Характеристика местоположения.

2.2.а. Природные особенности и их значение для формирования культурного ландшафта.

2.3.а. Культурно-ландшафтная дифференциация территории и ключевые особенности кластерных участков.

2.4.а. Культурный ландшафт Кенозерья и его структура.

2.5.а. Деревянная архитектура как ключевой элемент культурного ландшафта.

2.6.а. Кенозерские расписные небеса и традиции ручной бытовой росписи.

2.7.а. Святые рощи как культурно-природная ценность.

2.8.а. Традиционные хозяйственные практики, определившие формирование культурного ландшафта.

2.9.а. Традиционные ремесла в живой культуре Кенозерья – по материалам музейных собраний Кенозерского национального парка: наличники, прялки, веретена, сани.

2.10.а. Духовная культура и сакральная топография Кенозерья.

2.11.а. Топоформанты Кенозерья.

2б. История и развитие.

1. Археология, угро-финский компонент: топонимика, святые рощи, «культура леса».

2. Новгородская и ростово-суздальская колонизация XII–XVI веков, «культура поля», формирование близкой к современной системы расселения.

-
-
3. Волоковые пути как фактор хозяйственного развития ландшафта.
 4. Монастырская история в структуре ландшафта.
 5. Появление основных памятников деревянного зодчества и эволюция домостроительства XVIII–XIX веков.
 6. Пульсация ландшафта: динамика лесопользовых угодий – анализ исторических карт.
 7. Унаследованность структуры и функций ландшафта: живой 500-летний реликт в современной системе природопользования.
 8. Распространение и угасание эпической традиции в канве истории.
 9. Возрождение исторических элементов ландшафта через музеефикацию: пример кенозерских мельниц.
 10. Музейные собрания Кенозерского национального парка как депозитарии культурного наследия и локусы исторической ретроспективы в пространственной организации территории.

Для рассмотрения обозначенных вопросов привлекался широкий круг профильных специалистов. Так, особенности и уникальность деревянного зодчества рассматривались И.Н. Шургиным, традиционных ремесел, нематериального наследия и сакральной топографии – М.Н. Мелютиной, топоформантов – В.Н. Калущковым, специальные статьи которых по данным вопросам содержатся в настоящем сборнике. Некоторые темы, важность которых для формирования культурного ландшафта очевидна, могут быть раскрыты по материалам других исследователей, в разное время работавших в национальном парке. Это исследования по волоковым путям Д.В. Тормосова, по оценке состояния древостоев в святых рощах А.В. Козыкина, по истории монастырского пустынножительства С.А. Синяговского и др.⁸

Понятно, что крестьянский ландшафт формируется под воздействием сельскохозяйственной деятельности, в которой наряду с реликтовыми ее проявлениями присутствуют и общераспространенные практики. Своеобразие Кенозерья – в исключительно высокой сакрализации пространства, проявляемой в разных формах (реликтовая функция); в исключительной сохранности и своеобразии исторических деревянных сооружений – жилых, хозяйственных, молитвенных (исторические материал, технологии, функции); в бытовании живой культуры, обеспечивающей процессы поддержания традиционного облика ландшафта. Важнейшая черта – унаследованность системы расселения и структуры угодий – подтверждается картографическими источниками XVIII–XIX веков (ил. 3).

На основании общей характеристики объекта с акцентированием внимания на чертах его своеобразия выполняется раздел 3 досье, в котором дважды (в качестве дисциплинирующей мотивации для разработчиков и для последующего размещения краткого резюме на сайте ЮНЕСКО), в основной и резюмирующей частях, формулируются основания включения объекта в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Критерии, на основании которых устанав-

ливаются выдающаяся универсальная ценность «Заповеданного Кенозерья» были названы выше.

Целостность объекта определяется:

- наличием всех элементов, необходимых для передачи полноты выдающейся универсальной ценности; репрезентативным комплексом живых деревень с их коренным населением, рош, храмов, часовен, угодий и пр.;
- достаточными размерами для всестороннего представления особенностей и процессов, отражающих значение объекта (суммарная площадь объекта – 52,7 тыс. га);
- хорошим состоянием физической структуры объекта и его характерных элементов, контролируемостью рисков и угрожающих факторов;
- сохранностью взаимосвязей и динамических функций в культурных ландшафтах, наличием многочисленных исторических, функциональных, планировочных, геосистемных взаимосвязей между элементами культурного ландшафта.

Целостность культурного ландшафта Кенозерья определяется сохранностью и полнотой представленности его составляющих, а также исторической преемственностью развития. Площадь национального парка составляет 140 тыс. га, в границах которых выделяются три участка (Кенозерский, Лекшмозерский, Порженский), взаимосвязанных между собой исторически, функционально, планировочно, геосистемно. Здесь представлен весь набор элементов, которые иллюстрируют ход и результаты эволюции северорусского крестьянского ландшафта. Историческая система расселения с традиционными сельскохозяйственными, лесными и водными угодьями, коммуникациями, сакральными центрами и объектами сформировались в процессе многовекового освоения территории и на основе гармоничного взаимодействия человека и природы Кенозерья.

Аутентичность (подлинность) крестьянского культурного ландшафта Кенозерья подтверждается документами и материальными свидетельствами сохранности системы расселения начиная с XVI века, унаследованности планировочной структуры деревень и ландшафта, достоверностью архитектуры храмов и часовен, большинство из которых было построено в XVIII–XIX веках и до настоящего времени сохранило свой исторический облик, сохранностью народных традиций домостроительства и природопользования, широким распространением сохранившихся со времен язычества традиций бережного отношения к священным рощам, сакральным деревьям и камням.

При рассмотрении атрибутов аутентичности/подлинности, которая непосредственно связана с *сохранностью* объекта (это уже раздел 4), со времен принятия итоговой резолюции конференции в Нара в 1994 году¹⁰, принято учитывать:

- форму и замысел;
- материалы и субстанцию;
- использование и функции;

-
-
- традиции, методы и системы управления;
 - местоположение и окружение;
 - язык и другие формы нематериального наследия;
 - духовное и чувственное восприятие (поддержание традиции и культурной преемственности в сообществах).

Были признаны соответствующими условиям аутентичности полностью или в достаточно высокой степени:

- система расселения, планировка и застройка деревень;
- структура/мозаика/рисунок/характер использования угодий;
- архитектурные формы и конструкции: храмы и часовни, домовладения с хозяйственными постройками;
- традиционные техники в строительстве и ремесле;
- святые рощи, кресты, кладбища, пути сообщения;
- духовные практики.

Рассматривая состояние сохранности (раздел 4), необходимо отметить, что ключевые элементы культурного ландшафта взяты под охрану и контроль благодаря огромной работе, осуществляемой под руководством и по программам Кенозерского национального парка. Однако процесс запустения сельских угодий и дальних деревень пока не может быть остановлен в силу существующих социально-экономических стратегий и общих процессов глобализации. В значительной мере ценности традиционной культуры противостоят давлению частно-собственнических интересов при низком культурном уровне новых обладателей недвижимости. Как было отмечено, состояние сохранности пространственной структуры ландшафта непосредственно коррелирует с подлинностью культурных ландшафтов Кенозерья. Оно исследовалось с привлечением серии исторических и актуальных карт и космоснимков¹¹.

Мозаика ландшафта и основные типы угодий в целом сохраняют преемственность исторического природопользования (ил. 4, 5). Эта структурная устойчивость имеет природные предпосылки, она основана на природной морфометрии ландшафта и определяется рисунком основных ландшафтных местоположений: моренных и водно-ледниковых холмов и гряд, озерных котловин, террас, склонов, уступов, речных долин, древних ложбин стока, западин и т.д. В то же время современные социально-экономические тренды не могут не влиять на ландшафтную динамику и создают определенные угрозы уязвимому реликтовому ландшафтному комплексу Кенозерья.

Сформулированы следующие риски и угрозы:

– для аграрной зоны: зарастание лесом открытых пространств вследствие прекращения сенокосения и выпаса, нарушение пространственной мозаики угодий;

– для лесной зоны: облесение лесных полей, зарастание троп и дорог, снижение биотопического разнообразия;

– для селитебной жилой зоны: нарушение парцелляции участков, использование новых стройматериалов и контрастирующих форм построек и изгородей, захламливание, запустение, зарастание, «гаражный бум»;

– для селитебной зоны общего пользования: зарастание луговин и выходов к воде, несанкционированная застройка, обветшание и утрата малых архитектурных форм, деградация дорожно-тропиночной сети, разрушение ветхих построек;

– для береговой зоны: зарастание макрофитами, физическое и визуальное замусоривание хозяйственными постройками;

– для памятников: стихийные бедствия, хищения, запустение, разрушение, реконструкция;

– для живой культуры: депопуляция, утрата связи поколений, деформация ценностей, коммерциализация под влиянием туризма.

Несмотря на серьезные риски и утраты, культурный ландшафт Кенозерья продолжает быть репрезентативным образцом патриархального уклада жизни и традиционной пространственной организации жилой крестьянской среды. Условия для его естественного воспроизводства весьма ограничены, однако при грамотной стратегии управления он может быть длительно сохраняем.

Возвращаясь к разделу 3, обратим внимание на необходимость проведения сравнительного анализа Списка Всемирного наследия, Предварительных списков отдельных стран, а также национальных реестров на предмет наличия в них аналогов номинируемого объекта (пункт 3.2). К сожалению, общепринятого на международном уровне геокультурного районирования, аналогичного биогеографическому районированию Миклоша Удварди, применяемому при сравнительном анализе объектов природного наследия, нет. В 2005 году ICOMOS предпринял попытку сквозного анализа Списка Всемирного наследия на предмет выявления тематических аспектов и регионов, слабо представленных в списке. Наряду с общепринятыми в ЮНЕСКО регионами (Африка, Арабский мир, Азиатско-Тихоокеанский регион, Европа и Северная Америка, Южная Америка и Карибский бассейн), которые лишь условно можно назвать геокультурными, там были выделены хронологические геокультурные дефиниции¹².

Эта схема широкого распространения не получила, поэтому при анализе Списка Всемирного наследия основное внимание уделялось Европе и Северной Америке, при анализе предварительных списков – Северной Европе, при анализе национальных списков – Русскому Северу. В соответствии с существующими международными методиками, сравнительный анализ проводится по каждому в отдельности из заявленных критериев. Из существующих на 2016 год 814 объектов культурного наследия и 35 смешанных объектов для сравнения привлекались, во-первых, сельские культурные ландшафты, во-вторых, памятники деревянного зодчества, в-третьих, объекты с сохранившимися народными духовными практиками, традициями и верованиями. Результаты

предварительного анализа были опубликованы в сборнике «Кенозерских чтений» 2015 года¹³.

Ближих аналогов при детальном изучении списков не выявлено. Кроме того, об уникальности того или иного объекта свидетельствуют и определенные сочетания критериев ценности. В связи с этим следует обратить внимание на тот принципиальный факт, что объектов, номинированных по критериям, включающим одновременно критерии i, iii, v, vi, в Списке Всемирного наследия насчитывается всего четыре (итальянская Венеция, тунисский Кайруан, китайские пещеры Могао и гора Тайшань). Ни один из них не является даже тематическим аналогом, следовательно, по сочетанию предложенных критериев ценности «Заповеданное Кенозерье» уникально. Мы надеемся, что самоотверженные усилия коллектива Кенозерского национального парка по сохранению и презентации этого шедевра сотворчества природы и человека будут по достоинству оценены международным сообществом.

Примечания

¹ Кулешова М.Е. Культурные ландшафты в списке объектов Всемирного наследия // Известия РАН. Серия географическая. 2007. № 3. С. 7–17; Ее же. Культурные ландшафты и перспективы расширения представительства России в Списке Всемирного наследия // Известия Русского географического общества. 2012. Т. 144, № 5. С. 71–80; UNESCO World Heritage List. URL: <http://whc.unesco.org>

² Горбатенко С.Б. Всемирное Наследие – исторический ландшафт Санкт-Петербургской агломерации. СПб.: Зодчий, 2011; Кулешова М.Е. Монастырский ландшафт: пример острова Анзер, Соловецкий архипелаг // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 197–229.

³ В первую очередь это: Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. WHC. 15/01. URL: <http://whc.unesco.org/en/guidelines>; Preparing World Heritage Nominations. Resource manual (Second ed., 2011). URL: <http://whc.unesco.org/en/preparing-world-heritage-nominations>; Managing Cultural World Heritage. Resource Manual. 2013. URL: <http://whc.unesco.org/en/managing-cultural-world-heritage>; World Heritage Cultural Landscapes. A Handbook for Conservation and Management // World Heritage Paper. 2010. № 26. URL: <http://whc.unesco.org/en/series/26>; World Heritage Cultural Landscapes / eds. A. Luengo, M. Rossler. UNESCO. WHC. Ayuntamiento de Elche, 2012.

⁴ Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

⁵ Кулешова М.Е. Культурный ландшафт Кенозерья как перспективный объект Всемирного наследия. Критерии выдающейся универсальной ценности // Кенозерские чтения-2013. «Культурные ландшафты: традиции для развития». Архангельск, 2014. С. 68–74.

⁶ Testament of Kenozero Lake. Текст заявки в Центр Всемирного наследия Testament of Kenozero Lake подготовлен Ю.А. Ведениным и М.Е. Кулешовой в 2013 г., заявка подана и зарегистрирована в 2014 г. (URL: <http://whc.unesco.org/en/tentativelists/5922>).

⁷ Веденин Ю.А., Тормосов Д.В. Культурно-ландшафтная дифференциация территории Кенозерского национального парка // Культурный ландшафт как объект наследия. М.:

Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 425–445; План управления и развития (менеджмент-план) Кенозерского национального парка на 2001–2005 гг. Архангельск, 2001.

⁸Тормосов Д.В. Водораздельный ландшафт как историко-географическая составляющая территории Каргополя // Кенозерские чтения-2011. «Человек и среда: гармония и противоречия». Архангельск, 2012. С. 215–226; Инвентаризация «святых» рощ, старинных троп и дорог как компонентов культурных ландшафтов. Оценка их состояния, динамики, выработка рекомендаций по их сохранению или реконструкции / Е.А. Бастрыкин, А.В. Козыкин, С.В. Коптев и др. Архангельск, 2000 // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 2. Д. 62; Критский Ю.М., Сияговский С.А. Монастыри и пустыни Кенозерья в XIV – нач. XX века // Святые и святыни северорусских земель. Каргополь, 2002. С. 94–109.

⁹Ведерникова Н.М. Фольклор как способ отражения культурного ландшафта: по материалам экспедиционных выездов 2000–20002 гг. // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 286–312.

¹⁰UNESCO World Heritage Committee. 1994. Nara Document on Authenticity. URL: <http://whc.unesco.org/archive/nara94.htm>

¹¹Анализ исторических картографических источников и ландшафтное картирование приоритетных культурно-ландшафтных комплексов осуществлены Е.Ю. Колбовским.

¹²ICOMOS. The World Heritage List: Filling the Gaps – An Action Plan for the Future. Paris, ICOMOS, 2005. URL: http://www.international.icomos.org/world_heritage/gaps.pdf.

¹³Максаковский Н.В. Потенциальное место Кенозерского парка в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО // Кенозерские чтения-2015. «Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек». Архангельск, 2016. С. 329–340.

А.Б. Гроза
(Нижегородская обл.)

Развитие музея-заповедника «Град Китеж» как социокультурного центра сельского поселения

*Вся Русь – костер. Неугасимый пламень
Из края в край, из века в век
Гудит, ревет... И трескается камень.
И каждый факел – человек <...>*

*Святая Русь покрыта Русью грешной,
И нет в тот град путей,
Куда зовет призывный и нездешний
Подводный благовест церквей.*

Эти строки принадлежат перу Максимилиана Волошина. Легенда о граде Китеже, сокрывшемся в глубинах озера Светлояр, – одна из самых поэтических и патриотических легенд о Древней Руси. Китеж воспевали в свое время Владимир Короленко и Михаил Пришвин, Максим Горький и Сергей Дурьлин, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Анна Ахматова и Федор Сологуб, Максимилиан Волошин и Игорь Северянин, Николай Клюев и Андрей Белый.

Свое второе рождение озеро Светлояр получило во времена раскола в церкви, когда в начале XVIII века более 40 тыс. старообрядцев пришли в керженские леса, спасая святую веру предков. Тогда озеро Светлояр с легендой о граде Китеже стало главной святыней верующих.

Первым письменным документом, который дошел до наших дней, является книга «Китежский летописец», по исследованию специалистов, относящаяся к началу XVIII века. Виктор Комарович исследовал феномен создания данного народного произведения и выразил гипотезу о его собирательном характере. В книгу включены элементы житий святых, некоторые исторические факты, датировка которых отличается от общепринятой. Описанные раньше и перенесенные на существующую действительность, они должны были интерпретировать современникам те или иные события с определенной идеологической точки зрения и в интересах конфессии.

Первая официальная публикация о Китеже относит нас к 1843 году. В журнале «Москвитянин» Степан Меледин, создатель общественной библиотеки из города Семенова, написал рассказ о сборах на светлом озере старообрядцев,

почитающих образ града Китежа. После посещения классиками отечественной литературы озера Светлояр и публикаций, ему посвященных, Китеж из местной легенды превратился в один из национальных символов России.

Представления о Китеже христианизовались в соответствии с общими процессами, происходящими в русской культуре. Однако даже в христианизованных фольклорных образах различимы лежащие в их основе архетипы, которые сложились в древней мифологической традиции. Они живут в генетической памяти поколений, передающих свое культурное наследие по законам преемственности. Эти же первообразы пульсируют и в «сверхличном, или коллективном, бессознательном», что со всей очевидностью проявляется в народном творчестве и особенно в мифологии, которую К.Г. Юнг отождествляет с «коллективной психикой, а не индивидуальной»¹.

«Познание духовной глубины Светлояра вышло из народа и идет к народу волнующим своим сказом. Веянием своего духа оно исходит из русской культуры и возвращается в нее <...> Светлояр – “золотая жила” художников, поэтов, композиторов, мыслителей, которым доступна духовная глубина жизни. Эзотерически эта легенда вскрывает высшую реальность человека и народов»².

Кирилл Резников в своей книге «Русская история: мифы и факты. От рождения славян до покорения Сибири» упоминает о другом памятнике старообрядческой письменности XVIII века – «Повести и взыскании о граде сокровенном Китеже». В нем Китеж невидим и оберегаем рукой Божией как место спасения истинно верующих от «скверны мира сего». Праведные жители безгрешного града денно и нощно молятся «о хотящих спастися искренним сердцем, а не ложным обетом. И если кто хочет спастись и молится, кто обратится к ним, такового приемлют с радостью как наставляемого богом»². Тому же, кто сомневается, Господь закрывает град, и покажется он ему пустым местом или лесом.

Как видим, в старообрядческих книгах нет речи о погружении Китежа в воды Светлояра. Есть закрытие града Христом. Китеж уходит в иное измерение. Именно так записал А. Печерский (П.И. Мельников) устное предание о граде Китеже, ставшее основой общерусского мифа:

«Цел тот город до сих пор – с белокаменными стенами, златоверхими церквами, с честными монастырями, с княженецкими узорчатыми теремами, с боярскими каменными палатами, с рубленными из кондового, негниющего леса домами. Цел град, но невидим. Не видать грешным людям славного Китежа. Скрылся он чудесно, божьим повеленьем, когда безбожный царь Батый, разорив Русь Суздальскую, пошел воевать Русь Китежскую... Не допустил Господь басурманского поруганья над святыней христианскою. Десять дней, десять ночей Батыевы полчища искали града Китежа и не могли сыскать, ослепленные. И досель тот град невидим стоит, – откроется перед страшным Христовым судилищем. А на озере Светлом Яре, тихим летним вечером, виднеются отраженные в воде стены, церкви, монастыри, терема княженецкие, хоромы боярские, дворы

посадских людей. И слышится по ночам глухой, заунывный звон колоколов китежских»³.

Есть предания и с погружением Китежа на дно Светлояра, когда Христос, вняв молитве в храме, спасает град от татар. Максим Горький слышал в детстве такое предание от бабушки, что и описал в повести «В людях».

Нет нужды говорить, насколько чудесная легенда, распространившаяся вместе с романом Мельникова-Печерского «В лесах» (1875 г.), затронула чувства образованных людей России. Появляются ныне забытая опера С.Н. Василенко (1902 г.) и знаменитое «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» Н.А. Римского-Корсакова (1904 г.). Образ непокоренного города воплощают в своих картинах художники Н.К. Рерих, А.М. Васнецов, К.А. Коровин, М.П. Клодт, М.В. Нестеров, Ф.С. Богородский, Н.М. Ромадин, И.С. Глазунов. Поэты и писатели – А.Н. Майков, М. Горький, В.Г. Короленко, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, М.М. Пришвин, Н.А. Клюев, С.А. Есенин, И.А. Бунин, А.А. Ахматова, М.И. Цветаева, И.С. Шмелев, И.А. Ильин – многократно возвращаются к Китежу.

Идея Китежа принимается не всеми. О неоднозначности отношения русских литераторов к легенде о Китеже пишет С.В. Шешунова⁴. Причиной столь различного отношения к знаменитому мифу является его символичность, а дальнейшая оценка определяется политической позицией автора. Ведь град Китеж часто понимается расширительно – как старое русское православие, со святыми местами, мощами, монастырями – всем, что есть Святая Русь. Именно в таком виде Китеж Есенин в «Инонии»:

*Проклинаю я дыхание Китежа
И все лоцины его дорог <...>
Проклинаю тебя я, Радонеж,
Твои пятки и все следы⁵.*

В то же время, овладевая умами и вдохновляя на творчество, образ Китежа в начале XX века побуждал многих интеллигентов приобщиться к созерцанию и сопереживанию «праведной Руси». В село Владимирское Семеновского уезда Нижегородской губернии, где находится озеро Светлояр (сегодня это Воскресенский район Нижегородской области), посещали многие из них. Стремление народа к устройению общества и поиску смысла жизни в контексте перемен, особенно на рубеже XIX и XX столетий притягивала их на берега Светлого озера, где ими двигали не только мода или любопытство, но и жажда духовного общения с народом. Почти каждый, кто побывал «у стен града невидимого» и был преисполнен ярких впечатлений, оставлял красочные описания своего странствия.

Райнер Мария Рильке в своем известном письме к Леониду Пастернаку (отцу поэта) писал 14 марта 1926 года о том, что исконная («глубинная... умеющая все

претерпеть») Россия не погибла, а лишь «вернулась ныне к своим потаенным корням, как это было уже с ней однажды во времена татарщины <...> и, объятая темнотой, незримо и медленно, в святой своей неторопливости собирается с силами для какого-нибудь еще, быть может, далекого будущего»⁶.

Охваченная коммунистическими идеями, Россия подверглась социальному переустройству, но ее сокровенная суть осталась нетронутой. Придет время, и она явит миру свой ослепительный, незамутненный («нерукотворный») лик. Такого рода представления были распространены даже в советский период. «Россия, Русь! Храни себя, храни», – восклицал в 1960-х годах поэт послевоенного поколения Николай Рубцов⁷.

Идея русского Китежа, коренившаяся в народной легенде, вырастает в общенациональный миф. Происходит это прежде всего из потребностей общественного сознания. Успех романов Мельникова-Печерского, оперы Римского-Корсакова, стихотворений Клюева и Волошина объясняется не только их художественными достоинствами, он напрямую связан с движением русской общественной мысли: от народничества 1860–1870-х к религиозному народничеству начала XX века; от революционной волны в первой половине 1900-х годов к богоискательству и богостроительству, охватившим в «эпоху реакции» различные слои русского общества; от яростных дискуссий вокруг проблемы «народ и интеллигенция», предельно обострившихся в период между двух революций, до полного переосмысления понятия «народ» после победы большевизма. Нараставшее на этом фоне внимание к Китежу представляется вполне естественным⁸.

Легенда, как видно, оказалась жизнеспособной. Два мифа (о Святой Руси и невидимом граде) постепенно слились воедино, и Китеж стал функционировать в нашей культуре как воплощение трагической судьбы России, как выражение ее неосуществленных мечтаний о Царстве Божием и Небесном Иерусалиме, о праведной, райской жизни. Сюжет разросся, превратился в систему представлений, в емкую метафору, трактовать которую можно по-разному, но ядро ее остается неизменным: образ богоспасаемой, святой страны. В этом и заключается уникальность «местной легенды», давно преодолевшей свой старообрядческий генезис.

«Китежский миф, повествующий о прошлом, объясняющий искупительный путь настоящего и дающий опору для веры в будущее, становится средством осмысления русской истории»⁹.

Да, китежский миф превратился в миф о России, какой она до сих пор предстает зачарованному взору: несбыточная утопия, «наш неосуществимый сон», как сказал М. Волошин. По словам Л. Анненского, «обаяние и тайна есенинской Руси – в тихо лучащемся отсутствии». Ключевые образы – звон и сон (дрема, туман, дымка). Есенинская Россия (небесный град Китеж) тихо дремлет под звон колоколов «на туманном берегу»:

*Молочный дым качает ветром села,
Но ветра нет, есть только легкий звон.
И дремлет Русь в тоске своей веселой,
Вцепивши руки в желтый крутосклон.*

Или:

*И хоть сгоняет твой туман
Поток ветров, крылато дующих,
Но вся ты – смирна и ливан
Волхвов, потайственно волхвующих.*

Лирический герой Есенина в стихотворении «За темной прядью переле-
сиц...» прямо отождествляет себя с поэтом:

*И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.*

Это очень показательные строки. Две России – «земная» и «небесная» – ужи-
ваются в душе поэта, хотя его тоска – о голубой Руси, небесном граде Китеже.
Лирический герой Есенина – «вечно странствующий странник», «в лазурь ухо-
дящий». А родина потому и любима смертной любовью, что это оставленная ро-
дина. Мотив покинутого отчего дома – ведущий в лирике Есенина¹⁰. Покинутый
отчий дом и есть град Светлый, «небесная Россия», которую автор тонко чувст-
вовал, искал, а при моментах соприкосновения воспевал через красоту природы
и «крестьянский космос русской души».

Мы видим, как из местной легенды миф о граде Китеже стал одним из на-
циональных символов России. И сегодня «небесная Россия» как и «небесный
град Китеж» существуют в разных сакральных местах: в Кенозерье, Сибири,
Тверской области и др.

Заслуживает внимание параллель, которая существует между градом Ките-
жем и Порженским погостом, который расположен в священной роще на терри-
тории Кенозерского национального парка. Что общего между Нижегородским
Заволжьем и Русским Севером? Исторически озеро Светлояр входило в Мака-
рьевский уезд Нижегородской губернии. На озере был скит известного Макарь-
евского монастыря на Волге. Монастырь получил свое имя в честь того Макария
Унженского, благодаря чудотворной иконе которого была основан местная об-
итель на Хергозере в Кенозерье.

Порженское находится в лесной глуши в 12 км от Кенозера и в 18 км от Лекшмозера на старинном торном пути от Пудожя на Кенозеро и Онегу. Порженский погост расположен на холме северо-западного берега одноименного озера, давшего общее название находившемуся здесь прежде селу, состоявшему из трех близлежащих деревень – Фёдоровская, Турово Сельцо и Окатовская.

Судя по всему, первые поселенцы появились в этих местах в период финно-угорской колонизации. Порженское упоминается в сказании о чудесах иконы Макария Унженского, события которого относятся к первой половине XVII столетия.

Еще с чудских времен на месте нынешнего Порженского погоста могла существовать священная роща с языческим капищем. Сердце нынешнего храмового комплекса – находящаяся в святой роще церковь Георгия Победоносца – была построена местными крестьянами в 1782 году. Вскоре возле нее образовалось кладбище, которое было окружено рубленой оградой с воротами и башенками. По другим сведениям, церковь была срублена в этом же году, но на территории особо почитаемой местными жителями Макарьевской пустыни, находящейся в 10 верстах от Порженского, и лишь в 1820-х годах перенесена в село и установлена на кладбище в святой роще. Еще одна примечательная особенность Георгиевской церкви – наличие сразу двух расписных деревянных «небес» – в алтаре (конец XVIII в.) и основном помещении. Храм первоначально был летним (не отапливался), однако на рубеже XIX и XX веков он был расширен за счет пристройки трапезной с печью, появился придел в честь Собора Пресвятой Богородицы.

В легенде о граде Китеже главный действующий герой – Георгий. И в храме Владимирской Иконы Божией Матери в селе Владимирском (ил. 1) есть придел в честь Святого Георгия. Близ озера расположен святой ключ Кибелек, в народе его называют Георгиевским, а рядом Георгиевская купальня. Существует легенда об образовании источника. Считается, что сам Георгий Победоносец вызвался защищать град Китеж, его лошадь в этом месте оступилась и из под копыта забила вода – целебная и чистая, как слеза.

Интересна связь с Хергозерской Макарьевской пустынью (Макарьевский монастырь). В памяти коренного населения в единственном месте на Кенозере сохранился один из основных обрядов, который совершался большинством паломников в эту местность, – это заветное обползание озера, где располагалась пустынь, на четвереньках. Учитывая громадные размеры водоема, его в том числе обходили. В Макарьевской пустыни основной святыней считалось озеро, вода которого почиталась за святую и исцеляла. В обрядовый комплекс посещения этого культового места входило омовение в водах озера, поклонение поклонному кресту, стоящему на мысу, посещение храма и пр. Скорее всего, эта традиция была принесена старообрядцами с озера Светлояр, где издавна обползали озеро давая обеты. Но в Светлояре не купались, настолько почита-

ли это святое место. Таким образом, почитание Георгия Победоносца, Макария Унженского и Желтоводского, богородичные храмы (на озере Светлояр храм в честь Казанской Иконы Божией Матери, а в селе – в честь Владимирской иконы Божией матери), обряды имеют общую канву почитания сакральных мест Нижегородского Заволжья и Русского Севера.

И в наши дни на берега озера Светлояр начинают приходиться верующие, паломники, туристы. Проблема состоит в том, что за последнее время территория озера превратилась еще и в некое подобие зоны отдыха не только районного, но и областного значения. Сегодня Светлояр буквально стонет от того, как ведет себя человек на берегах священного места. Мы чувствуем, как незримо разрушается духовное наследие из-за умаления и осквернения вековых устоев и традиций.

Понятно, что местным жителям в жаркий день хочется искупаться, и они приходят к озеру. И все-таки, исходя из уникальности как исторического, так и духовного значения Светлояра, нужно искать выход из сложившейся ситуации. Такой выход, конечно же, есть. Территориально развести данные две идеологии: памятника природы и парка культуры. Ведь что мешает, например, возродить и благоустроить места отдыха на берегу речки Люнда (в озере раньше не купались); построить купальню у святого ключа Кибелек для омоновения верующих; создать места отдыха на берегу рек Ветлуга и Керженец, других озерах и водоемах Нижегородского Заволжья? Ведь «сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его нравственной самодисциплины и социальности»¹¹. Длительный процесс исторического развития общества, окружающей среды ведет к нарастанию мощности культурного слоя, к формированию сложной и разнообразной культурной среды. Д.С. Лихачёв обращает внимание на обратный процесс: «“Запас” памятников культуры, “запас” культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью»¹².

Озеро Светлояр является одним из ярких примеров культурного ландшафта. По классификации охраняемых территорий ЮНЕСКО относит данный тип территории к ассоциативным типам ландшафтов. Это ландшафты, хранящие в себе память о выдающихся исторических событиях, исторических личностях, или ландшафты, связанные с художественными произведениями. Они несут в себе черты сакральности. При этом необходимо отметить, что культурный ландшафт как объект наследия рассматривается весьма широко. Он включает не только вещественно-выраженные природные и культурные объекты, но и сохранившуюся на этой территории живую традиционную культуру, мифы и легенды, хранителем которого является население, проживающее на этой территории¹³.

Для актуализации культурного наследия три года совместно с НИП «Этнос» велись работы по проектированию и приданию статуса достопримечательного места озеру Светлояр и селу Владимирскому.

Село Владимирское неразрывно связано с находящимся рядом (1 км к западу) озером Светлояр, благодаря которому оно и получило широкую известность. С целью сохранения озера и возрождения традиций, связанных с легендой о граде Китеже, 20 января 2015 года вышло постановление Правительства Нижегородской области о включении объекта культурного наследия – достопримечательного места «Культурно-ландшафтный комплекс “Озеро Светлояр и село Владимирское”» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации как объекта культурного наследия муниципального значения и об утверждении границы территории данного объекта.

Особенным для Светлояра является день 6 июля, собирающий огромное количество народа, когда престольный праздник главного храма села переходит в народное празднование. В этот день здесь проходят крестные ходы с Владимирской иконой Богоматери, ночной обход вокруг озера со свечами «Китежский Благовест», театрализованные представления на тему «Град Китеж – душа России», художественные выставки, концерты художественной самодеятельности, ярмарки изделий народных промыслов.

Коротко об основных исторических вехах объекта культурного наследия...

По последним данным археологических исследований, берег озера Светлояр был заселен со времен мезолита (7–6-е тысячелетия до н.э.). В VII–IX веках н.э. территория Поветлужья входила в ареал распространения марийских племен. Заселение русскими окрестностей современного села Владимирского и непосредственно берега озера Светлояр датируется позднее XIV века. Об этом свидетельствуют обнаруженные в 2011 году. Ветлужской археологической экспедицией музея ННГУ под руководством Евгения Четвертакова и его заместителя Андрея Пудалова русские средневековые селища Владимирское 1 (на правом берегу р. Люнда), Светлояр 1 и Светлояр 2 (на Святых горах у оз. Светлояр). Однако их генетическая связь с современным селом Владимирским, которое известно по архивным документам с середины XVII века с первоначальным наименованием Люнда (по названию реки), пока не установлена.

Село до отмены крепостного права являлось владельческим, переходя из рук в руки разных собственников. В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию второй половины XVIII века, касающихся Макарьевского уезда Нижегородской губернии, среди других сел кратко указано: «Владимирское, Люнда тож, на обеих сторонах оврага безымянного, в том селе церковь Владимирския Пресвятыя Богородицы деревянная». По мнению писателя С.В. Афоньшина, местного уроженца, первоначально был заселен правый берег оврага с

речкой Теплушкой (Теплухой) – притоком реки Люнда, а затем село распространилось к югу.

Озеро Светлояр показано с ярко выраженной протокой, соединяющей его с рекой. К северо-западу от него обозначены разрозненные постройки хутора, принадлежавшего князю А.А. Сибирскому. В настоящее время хутор не существует. Из известных нам чертежей он последний раз показан как «Старый хутор» на генплане озера Светлояра и его окрестностей в 1893 году.

В дореволюционное время Владимирское являлось волостным центром. По данным на 1895 год, число жителей в нем составляло 922 человека, в том числе 422 мужчины и 500 женщин.

Единственной архитектурно-градостроительной доминантой села на протяжении долгого времени являлась деревянная ярусная Владимирская церковь с колокольней. В конце XIX – начале XX века к ней прибавилось массивное деревянное здание пожарной части с каланчой, находившееся на месте современного памятника жителям села, погибшим в Великую Отечественную войну. Заложённая в 1908 году вторая (каменная) церковь оказалась недостроенной. Тем не менее, ее краснокирпичный объем доминирует, замыкая перспективу улицы Советской и обозначая границу села при въезде в него со стороны современной трассы, ведущей к районному центру Воскресенское.

Постепенно эти святые места и отдельные элементы ландшафта (деревья, родники, «святые горы», т.е. холмистый берег, камень-следовик), помимо старобрядцев, начинают почитать и приверженцы официального православия, а еще позже – сектанты.

Еще одним сакрализованным топосом являлся находящийся примерно в 2 км от озера ключ Кибелек, воспринимаемый как легендарное место битвы трех русских богатырей с татарами, а также их «могилы» (по другой версии – «могилы» трех старцев).

В советское время среди значительной части людей отношение к Светлояру оставалось неизменным. В святость озера по-прежнему верили, к нему шли паломники, устраивались диспуты на религиозные темы. Последний такой диспут, по сведениям И.А. Кирьянова, состоялся в 1953 году. Продолжавшееся почитание святынь вызывало противодействие официальных властей, провозгласивших атеизм официальной идеологией: примерно в 1936–1937 годах была снесена часовня, завален лесным мусором родник Кибелек. Патрули из представителей советского и комсомольского актива в дни религиозных праздников пытались не допустить паломников на берега Светлояра.

Вместе с тем, именно в советское время были организованы многочисленные научные экспедиции с целью изучения озера, его происхождения, а также происхождения и бытования китежской легенды.

Культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр и село Владимирское» – развивающийся культурный ландшафт, который играет активную роль в со-

временном обществе. Это замечательное само по себе обстоятельство таит огромную опасность для достопримечательного места. Несмотря на имеющиеся защитные меры, существуют серьезные проблемы существования озера как объекта культурного и природного ландшафта, угроза потери самобытности исторического села и превращения его в дачно-котеджный поселок. Явственно ощущаемый «дух места» с его мифо-ритуальными истоками и идеей духовного обновления может оказаться замененным на дачный, курортный, развлекательный.

Чтобы противостоять этим процессам, необходимы юридические и нормативно-правовые меры. В документе, регулирующем характер использования различных участков территории и устанавливающим ограничения и требования к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству, четким юридическим языком описаны те параметры объекта культурного наследия, которые в совокупности определяют образ территории и «дух места», его «предметы охраны». Именно они должны быть сохранены при любой возможной здесь хозяйственной деятельности.

Важнейшим фактором сохранения образа поселения являются такие градостроительные показатели, как усадебная сельская структура жилой застройки, соотношение между застроенными и незастроенными пространствами, а главное – типологические и архитектурно-художественные характеристики самих домов.

Подавляющее большинство старинных жилых строений – одноэтажные бревенчатые рубленые дома в 3–5 осей света по главному уличному фасаду, покрытые высокой вальмовой или двускатной крышей. Развитые слуховые окна могут трансформироваться в небольшой мезонин. В районе центральной улицы имеются несколько полукаменных домов с торговыми (первоначально) нижними этажами, в том числе и дома-шестистенки с семью окнами по фасаду. Строительство со значительным отступом от «красной линии» нарушает традиционную планировку села.

Недопустимыми вариантами композиционных приемов, архитектурных форм и отделки являются:

- несимметричные, многоакцентные композиции;
- пристройки, нарушающие облик и пропорции главного фасада;
- ломаные, косые, остроконечные крыши; отсутствие фронтона при двускатной кровле;
- изменение количества и пропорций исторических окон;
- использование пластиковых окон с нетрадиционной расстекловкой; мансардных окон типа «велюкс» на главных фасадах;
- пластиковый сайдинг и другие нетрадиционные материалы;
- окраска построек и заборов яркими, нетипичными для данной местности цветами;

– уставновка глухих заборов.

Характерными являются структура, масштаб, пропорции уличных фасадов домов; характер и пропорции архитектурных деталей, художественная прорезная и глухая резьба.

Именно в этом ключе для села Владимирского разработан каталог рекомендуемых типов жилых домов, фасадов, деталей декора, малых архитектурных форм, а также варианты эскизных проектов, совмещающие традиционный облик дома и современный комфорт. Информация по данному вопросу находится у главного архитектора Воскресенского района и во Владимирском сельсовете.

В сложившихся условиях целесообразно говорить о музеефикации культурного ландшафта озера Светлояр и прилегающих достопримечательностей. Музеефикацию мы понимаем как направление музейной деятельности и охраны памятников, сущность которого – преобразование историко-культурных и природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, природной, научной, художественной ценности и включения их в актуальную культуру. В 2016 году историко-художественный музей «Китеж» был переименован в историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Град Китеж», в связи с тем, что в него вошел музейно-туристический комплекс «Град Китеж». Это было сделано для целостного управления учреждением с целью расширения культурно-просветительской деятельности и усиления культурной и природной ценности культурного ландшафта.

В настоящее время музеи являются не только хранителями исторических ценностей, но и вовлекаются в новые формы взаимодействия с местным населением и гостями территории. Для этого используются такие формы, как интерактивы, праздники (ил. 2), посиделки и культурные мероприятия с местным населением; при этом делается ставка на популяризацию традиционной культуры, приобщение к ценностям патриотизма, выстраивание живой связи с исторической памятью предыдущих поколений, а музеи выступают как центры социокультурных коммуникаций в сельских поселениях. Одна из форм работы с населением – «Китежский календарь», в котором расписаны ежемесячные мероприятия, связанные с народной культурой, задающие ритм действий и погружающие нас в традиции и быт наших предков в созвучии с календарем природного цикла. Все эти мероприятия проводятся сегодня в музее-заповеднике «Град Китеж», который актуализирует культурное наследие и вписывает его в современную культурную среду.

Многовековое почитание водоема племенами язычников, искоренение язычества церковью, раскол в самой церкви, борьба советской власти с религией и наступивший, наконец, период новой эпохи – все, как в зеркале, отразилось в водах Светлояра. Стремление познать свою Родину, ее природу и историю влекло и влечет к этому озеру людей.

Притяжение Светлояра основано на стремлении людей к воссозданию в душах своих образа Светлого Града, созвучного образу Небесного Града Китежа. Это притяжение основано на нравственных законах и обогащено верой, знаниями и опытом; а живительный источник Матери Природы, великий символ многих поколений позволяет найти точку опоры и сохранить равновесие в эпоху глобальных перемен.

Примечания

- ¹ Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. С. 712.
- ² Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже. URL: <http://nasusvet.narod.ru/books/kitez3.html>.
- ² Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиеп. Дно Светлояра // Иоанн Сан-Францисский, архиеп. Избранное / сост. Ю. Линник. Петрозаводск: Святой остров, 1992. С. 509–510.
- ³ Мельников-Печерский П.И. В лесах. М., 2014. С. 7.
- ⁴ Шешунова С.В. Град Китеж в русской литературе: парадоксы и тенденции // Трансформации русской классики. URL: transformations.russian-literature.com/node/5.
- ⁵ Резников К.Ю. Русская история: мифы и факты. От рождения славян до покорения Сибири. http://www.e-reading.by/bookreader.php/1022723/Reznikov-_Russkaya_istoriya_mify_i_fakty._Ot_rozhdeniya_slavyan_do_pokoreniya_Sibiri.html.
- ⁶ Цит. по: Рильке и Россия: Письма Дневники. Воспоминания. Статьи. Стихи. СПб., 2003. С. 550.
- ⁷ Рубцов Н.М. Собр. соч.: в 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 204.
- ⁸ Азадовский К. Тоска и томление по Святой Руси // Новое литературное обозрение. 2013. № 119 (1). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3261>.
- ⁹ Карлсон И. Поиски Руси Невидимой: Китежская легенда в русской культуре. 1843–1940. Goteborg, 2011. (Slavica Gothoburgensia 10). С. 352.
- ¹⁰ Художественный мир Есенина и отголоски «есенинского мифа». URL: <http://www.testsoch.info/xudozhestvennyj-mir-esenina-i-otgoloski-eseninskogo-mifa>.
- ¹¹ Лихачёв Д.С. Земля родная. М., 1983. С. 82.
- ¹² Там же. С. 93.
- ¹³ Агафонова И.С. Культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр и село Владимирское». Дух места и градостроительный регламент // Материалы международной конференции «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности». Прага, 2014. С. 134–137.

Особенности популяций *Cypripedium calceolus* (Orchidaceae) в Кенозерском национальном парке

Организация мониторинга биологического разнообразия – важное направление в современной экологии и охране природы. Целью нашего исследования являлся мониторинг популяций редкого вида орхидей – *Cypripedium calceolus*, получившего название «венерин башмачок», на территории Каргопольского сектора Кенозерского национального парка.

Cypripedium calceolus L. – редкий бореальный евроазиатский вид, занесенный в Красную книгу России (ЗР), Красную книгу Архангельской области (ЗР), Бернскую конвенцию, список Международного союза охраны природы и природных ресурсов со статусом NT (состояние близкое к угрожающему). В пределах Архангельской области венерин башмачок встречается в среднем течении Онеги, верховьях Емцы, в среднем и нижнем течениях Пинеги и Чуги, в верховьях и нижнем течении Северной Двины, в бассейне Кулоя (р. Сотка, Келда, Тимтома, Полта, Сояна), на Мезени, Мезенской Пижме и в окрестностях Кенозера¹.

Распространение популяций башмачка настоящего и регистрация мест его произрастания в Кенозерском национальном парке были начаты в 1991 году О.Н. Мироненко и В.А. Мельник – сотрудниками Архангельского института леса и лесохимии в рамках проектирования национального парка² (ил. 1). Затем в 2004–2005 годах А.В. Разумовская и И.Б. Кучеров – сотрудники Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН – проводили инвентаризацию редких видов высших сосудистых растений Кенозерского парка с целью включения информации в новое издание Красной книги Архангельской области и отмечали места находок³ (см. ил. 1). В ходе детально-маршрутного геоботанического обследования территории парка А.В. Разумовской в 2013 году были отмечены новые места находок краснокнижных видов растений, в том числе и *C. calceolus*⁴. Как отмечают А.В. Разумовская, И.Б. Кучеров и Л.В. Пучнина, в Кенозерском парке башмачок настоящий встречается изредка по всей территории, преимущественно на известняках в сообществах ключевых ельников аконитово-таволгов-вых сфагновых и сосняков горцово-вахтовых в Лекшмозерском секторе парка, а также в ельниках таволговых (приручьевых и подтопленных) и аконитовых, на заболоченных влажно-разнотравных лугах у выходов ключей, но не отмечен в старых осинниках⁵.

По данным 1991–2016 годов в парке для башмачка настоящего отмечено 18 мест произрастания, номера кварталов (кв.) и выделов (в.) даются по лесоустройству 1997 года (см. ил. 1): в Кенозерском лесничестве – кв. 56 (челменский берег, 1991 г.); в 2004–2005 гг. – кв. 214 (Лабдозеро), кв. 241 (правый берег Порженки), кв. 257, в. 28 (север оз. Большого); в 2013 году – кв. 111, в. 11; кв. 144, в. 40, 17; кв. 162, в. 19; кв. 163, в. 1, 2; в Лекшмозерском лесничестве в 2004–2005 годах – кв. 32 в. 23; кв. 48 («Теплые болота»); кв. 51 (север Кижозера (Хижозера)); кв. 52, в. 38, 39, 218 (Пробная площадь № 1); кв. 93, в. 12, 18 (юго-восток оз. Вильно); кв. 132 (ручей Березовец); кв. 148 (между ручьями Лазема и Пертима); кв. 152; кв. 193, в. 20 (бассейн р. Челма); в 2013 году – кв. 70, в. 19; в 2016 году – кв. 52, в. 49 (Пробная площадь № 2, № выдела указан по лесоустройству 2013 г.).

Материалы и методы. Пробная площадь № 1 расположена в Лекшмозерском лесничестве (кв. 52, в. 218 по лесоустройству 1997 г.) по северному берегу озера Коломенского в 10 м от кромки воды на слабо-заболоченной низменности. С севера площадь ограничена склоном высотой до 5 м. Почва торфяная, сильно увлажненная. В древесном ярусе – ольха серая (*Alnus incana* (L.) Moench) и ива мирзинолистная (*Salix myrsinifolia* Salib.). Сомкнутость крон – 0,3. Тип леса – ольшаник таволжниково-аконитовый крупнотравный, проективное покрытие 80 %. Размер пробной площади 49 м². Возрастная структура популяции *S. calceolus* была впервые в 2014 году изучена Н.А. Неверовым⁶, заложившим пробную площадь № 1, а 2–10 июня 2016 года Н.М. Махнович был проведен мониторинг состояния данной популяции и обнаружено новое место произрастания *S. calceolus* севернее озера Масельгского в непосредственной близости от дороги Масельга – Гужово (61° 83' 112" с.ш., 38° 02' 606" в.д.)⁷, где заложили пробную площадь № 2 (ил. 2).

Изучение популяционных особенностей *S. calceolus* проводилось по общепринятым методикам: определяли возрастной спектр популяции через сплошной учет встречавшихся особей с учетом имеющихся разработок⁸. Как отмечают И.В. Блинова и П.В. Куликов⁹, наличие у орхидных продолжительной подземной микотрофной фазы в жизненном цикле затрудняет применение для них общепринятой классификации онтогенетических состояний. Именно поэтому мы проводили учет лишь тех особей, которые имели надземный лист: от проростка до взрослого генеративного растения.

Результаты и обсуждение. В 2014 году популяция № 1 состояла из трех групп растений с общим количеством особей 57 штук¹⁰ (ил. 3). Скорее всего, вторая и третья микрогруппы венерина башмачка – это клоны первой микрогруппы с преобладанием зрелых особей, тем более что в условиях средней подзоны тайги размножение *Suipredium calceolus* происходит чаще всего вегетативным путем.

В 2016 году популяция № 1 *S. calceolus* на северном берегу озера Коломенского на сфагновой сплаvine состояла из 72 особей, произрастающих на

площади 100 м², преимущественно двумя группами или куртинами по 20–30 (максимум – 44), а иногда одиночными экземплярами, т.е. имеет диффузно-групповое распределение. Динамика численности и возрастного состава популяции № 1 *Cypripedium calceolus* в 2014 и 2016 годах представлена на иллюстрации 4.

Ювенильное состояние (j) в исследуемых популяциях отмечалось у 9,7 % особей. Имматурное состояние (im) присуще 31,9 % особей. Взрослое виргинильное состояние (v+g) у башмачка настоящего отмечено в 30,5 % случаев. При изучении популяций у вегетативных особей этого года были найдены прошлогодние усохшие цветоносы, т.е. это были генеративные временно не цветущие особи. Генеративные особи в изучаемой популяции составляют 27,8 %. Сенильных особей нами не было обнаружено.

Анализ распределения особей в популяции по возрасту показал, что она имеет правосторонний спектр. Ювенильные растения в популяции занимают 9,7 %, велика доля имматурных растений – 31,9 %. Популяция зрелая, поскольку 58,3 % особей взрослые: 30,5 % – виргинильные и генеративные, не цветущие в этом году, 27,8 % – генеративные особи (см. ил. 3).

Анализ полученных данных показывает, что плотность популяции *Cypripedium calceolus* остается стабильной на протяжении двух лет с тенденцией к увеличению. В 2014 году она насчитывала 57 особей, в 2016-м – 72. По сравнению с 2014 годом увеличилось число особей всех возрастных групп на 14 растений: ювенильных – на 6,9 % (5 растений), на 5,5 % – имматурных (4 растения), на 2,8 % – вегетативных (2 растения), на 5,5 % – генеративных (4 растения).

Уменьшилось число куртин с трех в 2014 году до двух в 2016 году и изменилась их топография (слились две куртины в одну большую), что можно связать с разрастанием популяции. Поскольку в ней велика доля ювенильных растений наряду со значительным участием генеративных и виргинильных, то можно говорить о том, что в этих условиях сочетаются вегетативный (корневищный) и семенной способы самоподдержания популяции.

Таким образом, мы выяснили, что возрастной спектр популяции *C. calceolus* № 1 является полночленным, одновершинным, правосторонним. В популяции преобладают взрослые вегетативные и генеративные особи (58 %) и высока доля имматурных особей (31,9 %). По сравнению с состоянием на 2014 год популяция стала больше на 14 особей всех возрастных состояний, что говорит о благоприятных условиях произрастания, позволяющих растениям активно развиваться и размножаться.

Новое местонахождение *Cypripedium calceolus* – высокий берег озера Масельгского в непосредственной близости от дороги Масельга – Гужово. На этой пробной площади древесный ярус представлен елью, березой с небольшой примесью сосны, в подлеске – ивой. Сомкнутость крон – 0,7. Травяно-кустарнич-

ковый ярус сложен большим числом видов, представлен хвощем лесным, ландышем майским, пыреем ползучим, лютиком едким, марьянником, зверобоем пятнистым. Проективное покрытие травянистой растительности – 90 %. Моховый покров развит незначительно, представлен сфагномами.

Популяция № 2 представлена всего четырьмя особями, три из которых – генеративные, одна – взрослая нецветущая. Рекомендовано следить за состоянием этой группы растений, но близость дороги может неблагоприятно сказаться на ее состоянии.

С целью охраны природных местообитаний *C. calceolus* необходимо ежегодно в середине июня продолжать исследования для выявления изменений в структуре обнаруженных популяций и возможностей их дальнейшего существования, также следует продолжить поиск новых мест произрастания данного вида. На других 16 участках необходимо обследование с целью подтверждения существования вида и закладки мониторинговых площадок для изучения ценопопуляций *C. calceolus*.

Примечания

¹ Пучнина Л.В. Башмачок настоящий // Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2008. С. 154–155.

² Мироненко О.Н., Мельник В.А. Материалы к проектированию Кенозерского национального парка («Геоботаническое и флористическое обследование»). Архангельск, 1991 // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 2. Д. 12.

³ Разумовская А.В., Кучеров И.Б. Отчет по теме «Инвентаризация редких высших сосудистых растений на территории Кенозерского национального парка с целью включения информации в новое издание Красной книги Архангельской области». СПб., 2005 // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 2. Д. 112; Разумовская А.В., Петрова О.И. Научный отчет по результатам работ 2006 г. «Инвентаризация редких видов флоры на территории Кенозерского национального парка с целью включения информации в новое издание Красной книги Архангельской области» СПб., 2006 // Там же. Д. 120.

⁴ Разумовская А.В. Детально-маршрутное геоботаническое обследование территории Кенозерского национального парка. СПб., 2013 // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 2. Д. 449.

⁵ Разумовская А.В., Кучеров И.Б., Пучнина Л.В. Сосудистые растения национального парка «Кенозерский». Архангельск, 2012. С. 53.

⁶ Неверов Н.А. Научный отчет «Мониторинг состояния популяции Венериного башмачка *Surgipedium calceolus* L. в Каргопольском секторе Кенозерского национального парка». Архангельск, 2014 // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 2. Д. 302.

⁷ Махнович Н.М. Научный отчет «Мониторинг состояния популяций редких видов растений в Каргопольском секторе ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”»». Архангельск, 2016 // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 2. Д. 583.

⁸ Заугольнова Л.Б. Структура популяций семенных растений и проблемы их мониторинга: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. СПб., 1994.

⁹ Блинова И.В., Куликов П.В. Характеристика онтогенеза *Calypso bulbosa* (Orchidaceae) // Ботанический журнал. 2006. Т. 91, № 6. С. 904–916.

¹⁰ Неверов Н.А. Указ. соч.

Видовое разнообразие афиллофоровых грибов на территории Кенозерского национального парка

Афиллофоровыми грибами принято называть ансамбль жизненных форм гимнокарпных (не закрытых покрывалами) гомобазидиомицетов, характеризующихся гладким, бугорчатым, складчатым, шиповидным или трубчатым гименофором. Таким образом, гименофор в виде настоящих пластинок не характерен для этой группы («афиллофоровые» значит «непластинчатые»), лишь для некоторых представителей характерно вторичное образование пластинок путем разрушения стенок части трубочек (так называемый лентитесовидный гименофор).

Как в работе Ри¹, так и в работах, посвященных периоду многопорядковых систем высших базидиомицетов², эта группа грибов имела статус порядка *Aphyllphorales*. В настоящее время группа утратила таксономический статус и объединяет представителей нескольких порядков гомобазидиальных грибов, наиболее крупным из которых является порядок *Polyporales*. Иногда в русскоязычной литературе по отношению к рассматриваемым организмам применяется термин «афиллофороидные грибы», восходящий к сводке по макромицетам североевропейских стран³, который нам представляется менее удачным, поскольку флексия «-оидный» означает «подобный», а речь идет не о подобии, а о полной синонимии этих терминов⁴.

Группу афиллофоровых грибов, характеризующуюся трубчатым гименофором, принято называть трутовыми грибами или трутовиками. Деревообитающие грибы с гладким и близким к гладкому (не трубчатым) гименофором именуют кортициоидными грибами. Растущие на почве афиллофоровые грибы с булавовидными и коралловидными плодовыми телами называют рогатиковыми, а с воронковидными плодовыми телами – кантареллоидными грибами.

Экологические ниши, занимаемые афиллофоровыми грибами, многообразны и заполняют весь экологический диапазон лесной среды – лигнифицированные части растущих деревьев, кустарников и трав, корневые окончания растений, ветошь трав, хвойный, листовой и веточный отпад, старые плодовые тела самих трутовиков, пни и валеж различных стадий разложения, неструктурированные фракции лесной (луговой) подстилки и гумус. Мицелий афиллофоровых грибов многолетний, а активное плодоношение начинается во вторую половину вегетационного периода, хотя образование эфемерных плодоношений начинает фиксироваться уже в апреле–мае⁵.

Методика исследований. Исследования проводились лично автором на территории Кенозерского национального парка в период с 14 по 19 июля 2014 года в окрестности озер Лекшмозеро, Масельгское и Вильнозеро, с 8 по 16 июля 2015 года в окрестностях озер Кенозеро, Лекшмозеро, Масельгское и Вильнозеро, а также в окрестностях троп Предков, Муравьев и избы «Охотничья заимка». В 2016 году в период с 10 по 20 июля, кроме выше указанных мест сбора полевых образцов в Каргопольском секторе парка, был проведен сбор образцов в окрестностях озера Светлое и деревни Морщихинской.

При сборе материала применялась методика⁶ радиальных маршрутов со сгущением ходов вблизи базового лагеря и с разреженными рекогносцировочными ходами по периферии участка⁷. Осматривались живые, сухостойные, валежные стволы, ветви и пни деревьев и кустарников в разных типах леса (ельники, сосняки, осинники, березняки, смешанные древостой). Особое внимание обращалось на характерные участки для развития грибов, растущих на корнях, в подстилке и на почве.

Хорошо узнаваемые в полевых условиях и широко распространенные виды преимущественно не гербаризировались, а информация о них заносилась в полевые дневники наблюдений.

Собранные образцы дереворазрушающих грибов обрабатывались и гербаризировались в соответствии с методическими рекомендациями⁸, а также с трудом Л. Ривардена и Р.Л. Гилбертсона⁹. Идентификация материала осуществлялась с помощью отечественных и зарубежных определителей и монографических обработок соответствующих таксонов¹⁰, а также анализа гербарных коллекций Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН (LE).

Определение собранного материала проводилось в лаборатории экологии популяций и сообществ Института биогеографии и генетических ресурсов Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики (ФИЦ-КИА) РАН (г. Архангельск), в лаборатории систематики и географии грибов Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН (г. Санкт-Петербург).

Идентификация собранного материала проводилась с использованием световых микроскопов «МБС-10», «Биолам РФН-11», «Биомед-1» и «ЛОМО Микмед-2».

Препараты мицелия и генеративных элементов афиллофоровых грибов готовились с использованием 5-процентного раствора КОН (растворение части глюканов и размягчение плектенхим), реактива Мельцера (выявление амилоидной и декстриноидной реакции глюкановых структур), также применялся 0,1-процентный раствор синего толуидинового красителя («cotton-blue») (выявление цианофильной реакции стенок спор и гиф)¹¹.

Большая часть собранной коллекции хранится в гербарии ФИЦКИА РАН (AR).

В ходе полевых работ 2016 года было собрано более 200 образцов афиллофоровых грибов. Гербаризировано более 80 экземпляров плодовых тел.

Виды, занесенные в Красные книги сопредельных территорий (Республик Карелии¹² и Коми¹³, Мурманской¹⁴ и Архангельской¹⁵ областей) отмечены в таблице 1.

Финские микологи Х. Котиранта и Т. Ниемея¹⁶ предложили использовать две категории индикаторных видов афиллофоровых грибов. К первой были отнесены виды, встречающиеся в старовозрастных лесах, в течение длительного времени не подвергавшихся сплошным рубкам. Вторую категорию составляют виды, характерные для девственных лесов, по крайней мере, длительное время не нарушавшихся не только рубками, но и более мягкими антропогенными воздействиями. Нахождение видов каждой категории предлагается оценивать в баллах (виды старовозрастных лесов – «1», виды девственного леса – «2»). При оценке состояния лесных массивов балл всех встреченных индикаторных видов суммируется, и эта сумма дает представление о ценности исследованной территории. Так, при сумме баллов, равной 10–19, лесной массив считается заслуживающим охраны, при сумме 20–29 считается ценным, а при сумме 30–46 – особо ценным, уникальным. Исследования по данной проблематике в последнее время получили широкое развитие и применяются в различных микологических работах на территории России.

Характеристика таксономической структуры биоты афиллофоровых грибов. Объем порядков, семейств, родов и видов принят в соответствии со сводкой по макромицетам североευропейских стран¹⁷ с рядом исключений в семействах *Inonotaceae* и *Phellinaceae*. Кроме того, в порядке *Atheliales* принимается род *Amylocorticium*¹⁸. С точки зрения филогенетической систематики, эта сводка уже устарела¹⁹, но в ней очень хорошо отражена биоморфологическая структура биоты. Таксоны в ней являются «таксонами-экоморфами». Таким образом, приведенная к системе «Nordic macromycetes» таксономическая структура региональных биот достаточно адекватно отражает экоморфные спектры территорий²⁰.

Биота афиллофоровых грибов на территории парка на сегодняшний момент представлена 156 видами (см. табл. 1).

Таблица 1

Субстратная приуроченность афиллофоровых грибов Кенозерского национального парка

№	Латинское название	Субстрат
1	<i>Amylocorticium subincarnatum</i>	Ель
2	<i>Amylocystis lapponica</i>	Ель
3	<i>Amylostereum laevigatum</i>	Можжевельник
4	<i>Antrodia heteromorpha</i> *	Ель
5	<i>A. pulvinascens</i>	Осина

№	Латинское название	Субстрат
6	<i>A. sinuosa</i>	Сосна
7	<i>A. xantha</i>	Сосна, ива
8	<i>Antrodiella faginea</i>	Осина
9	<i>Aporpium caryae</i>	Береза, плодовое тело
10	<i>Asterodon ferruginosus</i>	Можжевельник, сосна
11	<i>Basidioradulum radula</i>	Береза, ольха, осина, рябина
12	<i>Bjerkandera adusta</i>	Береза, осина
13	<i>Botryobasidium botryosum</i>	Ель, на плодовом теле <i>Fomes fomentarius</i>
14	<i>B. conspersum</i>	Береза
15	<i>B. laeve</i>	Сосна
16	<i>B. subcoronatum</i>	Сосна, береза
17	<i>Botryohypochnus isabellinus</i>	Ель, сосна, можжевельник, береза, осина, ольха
18	<i>Ceraceomyces borealis</i>	Ольха
19	<i>C. eludens</i>	Сосна
20	<i>C. serpens</i>	Ель, можжевельник, осина
21	<i>C. tessulatus</i>	Береза
22	<i>Ceriporia excelsa</i>	Осина
23	<i>C. viridans</i>	Береза
24	<i>Ceriporiopsis pannocincta</i>	Береза, ива
25	<i>Cerrena unicolor</i>	Береза
26	<i>Clavicornia pyxidata</i>	Осина
27	<i>Climacocystis borealis</i>	Ель
28	<i>Chondrostereum purpureum</i>	Ольха, осина
29	<i>Coltricia perennis</i>	Почва
30	<i>Coniophora arida</i>	Ель, сосна
31	<i>C. olivacea</i>	Можжевельник, сосна, ель
32	<i>Corticium roseum</i>	Осина
33	<i>Creolophus cirrhatus</i>	Ива
34	<i>Crustoderma dryinum</i>	Сосна
35	<i>Cytidia salicina</i>	Ива
36	<i>Daedaleopsis confragosa</i>	Ольха, ива, черемуха
37	<i>D. septentrionalis</i>	Береза
38	<i>Datronia mollis</i>	Ива, ольха, осина
39	<i>Dichostereum boreale</i>	Сосна

№	Латинское название	Субстрат
40	<i>Diplomitoporus flavescens</i>	Сосна
41	<i>Fibulomyces mutabilis</i>	Плодовое тело
42	<i>Fibricium rude</i>	Ель
43	<i>Fomes fomentarius</i>	Береза, ольха
44	<i>Fomitopsis pinicola</i>	Ель, лиственница, сосна, береза, ольха, осина
45	<i>F. rosea</i>	Ель
46	<i>Ganoderma lipsiense</i>	Ива, осина, ольха
47	<i>Gloeocystidiellum convolvens</i>	Ель, береза, ольха, осина
48	<i>Gloeophyllum odoratum</i>	Ель
49	<i>G. sepiarium</i>	Ель, можжевельник, осина, ива
50	<i>Gleoporus dichrous</i>	Береза, ива, ольха
51	<i>G. taxicola</i>	Ель, сосна
52	<i>Gloiodon strigosus</i>	Осина
53	<i>Hapalopilus nidulans</i>	Береза, черемуха
54	<i>Hydnum repandum</i>	Почва
55	<i>H. rufescens</i>	Почва
56	<i>Hymenochaete cinnamomea</i>	Сосна, осина
57	<i>H. fuliginosa</i>	Можжевельник
58	<i>H. tabacina</i>	Ива
59	<i>Hyphoderma setigerum</i>	Береза, рябина
60	<i>Hyphodontia barba-jovis</i>	Береза
61	<i>H. breviseta</i>	Ель
62	<i>H. crustosa</i>	Можжевельник
63	<i>H. flavipora</i>	Береза
64	<i>H. paradoxa</i>	Осина
65	<i>H. sambuci</i>	Ива, рябина
66	<i>H. verruculosa</i>	Осина
67	<i>Inonotus obliquus</i>	Береза, ольха
68	<i>Inonotus radiatus</i>	Ольха
69	<i>Intextomyces contiguus</i>	Ива
70	<i>Irpex lacteus</i>	Береза
71	<i>Laetiporus sulphureus</i>	Ива
72	<i>Laxitextum bicolor</i>	Осина
73	<i>Lenzites betulina</i>	Береза
74	<i>Leptoporus mollis*</i>	Ель, сосна

№	Латинское название	Субстрат
75	<i>Metulodontia nivea</i>	На плодовом теле <i>Inonotus sp.</i>
76	<i>Mycocacia aurea</i>	Береза
77	<i>M. fuscoatra</i>	Береза, осина
78	<i>M. uda</i>	Береза
79	<i>Onnia tomentosa</i>	Ель
80	<i>Oxyporus corticola</i>	Осина
81	<i>O. populinus</i>	Береза, ива, рябина
82	<i>Peniophora incarnata</i>	Рябина
83	<i>P. junipericola</i>	Можжевельник
84	<i>P. pini</i>	Сосна
85	<i>P. septentrionalis*</i>	Сосна
86	<i>Phanerochaete sordida</i>	Можжевельник, ель
87	<i>Phellinus alni</i>	Ольха
88	<i>Ph. chrysoloma</i>	Ель
89	<i>Ph. conchatus</i>	Ива, черемуха
90	<i>Ph. ferrugineofuscus</i>	Ель
91	<i>Ph. igniarius</i>	Ива
92	<i>Ph. lundellii</i>	Береза
93	<i>Ph. nigrolimitatus</i>	Ель
94	<i>Ph. pini</i>	Сосна
95	<i>Ph. populicola</i>	Осина
96	<i>Ph. punctatus</i>	Береза, ива
97	<i>Ph. tremulae</i>	Осина
98	<i>Ph. viticola</i>	Сосна
99	<i>Phlebia albida</i>	Береза
100	<i>P. centrifuga</i>	Ель, сосна
101	<i>P. ochraceofulva</i>	Ель
102	<i>P. radiata</i>	Ольха
103	<i>Phlebiella vaga</i>	Сосна, ива
104	<i>Phlebiopsis gigantea</i>	Ель, сосна
105	<i>Piptoporus betulinus</i>	Береза
106	<i>P. pseudobetulinus</i>	Осина, ива
107	<i>Polyporus melanopus*</i>	Береза, почва
108	<i>P. varius</i>	Береза, осина
109	<i>Postia placenta*</i>	Сосна
110	<i>P. stiptica</i>	Ель

№	Латинское название	Субстрат
111	<i>P. subcaesia</i>	Осина
112	<i>Рycnoporus cinnabarinus</i>	Береза
113	<i>Рycnoporellus fulgens</i>	Ель, сосна, осина
114	<i>Punctularia strigosozonata</i>	Осина
115	<i>Radulodon erikssonii</i>	Ель, сосна, осина
116	<i>Resinicium bicolor</i>	Ель, можжевельник, береза, ива
117	<i>Sarcodon imbricatus</i>	Почва
118	<i>Schizophyllum commune</i>	Ива
119	<i>Sistotrema brinkmannii</i>	Осина
120	<i>S. diademiferum</i>	Ива
121	<i>Sistotremastrum suecicum</i>	Можжевельник
122	<i>Skeletocutis biguttulata</i>	Береза, сосна
123	<i>S. brevispora</i>	На плодовом теле <i>Phellinus ferrugineofuscus</i>
124	<i>S. odora</i>	Ель
125	<i>S. papyracea</i>	Ель, сосна
126	<i>Steccherinum collabens</i>	Ель
127	<i>S. fimbriatum</i>	Осина, береза, ива
128	<i>S. nitidum</i>	Ольха
129	<i>S. ochraceum</i>	Ольха, ива, береза
130	<i>S. pseudozilingianum</i>	Осина
131	<i>Stereum rugosum</i>	Береза
132	<i>S. sanguinolentum</i>	Ель
133	<i>S. subtomentosum</i>	Ольха, черемуха
134	<i>Thelephora terrestris</i>	Почва
135	<i>Tomentella bryophila</i>	Осина
136	<i>T. cinereoumbrina</i>	Можжевельник
137	<i>T. ellisii</i>	Можжевельник, осина
138	<i>T. griseoumbrina</i>	Осина
139	<i>T. ferruginea</i>	Ольха
140	<i>T. fuscocinerea</i>	Можжевельник
141	<i>T. punicea</i>	Можжевельник
142	<i>T. radiosa</i>	Ель, рябина
143	<i>T. stuposa</i>	Береза
144	<i>T. sublilacina</i>	Ольха
145	<i>Trametes hirsuta</i>	Береза, осина, черемуха

№	Латинское название	Субстрат
146	<i>T. ochracea</i>	Береза, ива, ольха
147	<i>T. pubescens</i>	Береза, осина, ольха
148	<i>T. suaveolens</i>	Ива
149	<i>T. trogii</i>	Береза
150	<i>Trechispora kavinioides</i>	Можжевельник
151	<i>Trichaptum abietinum</i>	Лиственница, сосна
152	<i>T. biforme</i>	Береза, ива, ольха
153	<i>T. fusco-violaceum</i>	Сосна
154	<i>T. laricinum</i>	Сосна
155	<i>Tubulicrinis gracillimus</i>	Черемуха
156	<i>Vesiculomyces citrinus</i>	Ольха

* Редкие и краснокнижные виды афиллофоровых грибов Кенозерского национально-го парка, представленные на иллюстрациях 1–5.

Экологическая приуроченность к основным лесообразующим породам.

Основным фактором, определяющим наличие грибов в конкретном биогеоценозе является субстрат. Для афиллофоровых базидиомицетов это древесина и продукты делигнификации ветровально-почвенных комплексов. Основу микобиоты данной территории составляют виды-ксилотрофы, развивающиеся на основных лесообразующих породах – ели, сосне, осине, березе (см. табл. 1).

Для парка характерна зависимость между представленностью древесных пород в составе древостоев и долей грибов, отмеченных на конкретных породах. Так, на ели отмечено 35 видов, на сосне – 32, на березе и осине – 41 и 39 видов соответственно. На остальных породах нами отмечено меньшее число видов: на хвойных (можжевельнике – 17 видов, лиственнице всего 2) и лиственных (иве – 29, ольхе – 23, рябине – 6, черемухе – 5). Напочвенные виды наиболее характерны для старовозрастных сосновых и еловых сообществ с минимальной антропогенной нагрузкой (на структуру не только древесного, но и травяно-кустарничкового яруса и подстилку). В микобиоте парка эта группа представлена 6 видами (*Coltricia perennis*, *Hydnum repandum*, *Hydnum rufescens*, *Polyporus melanopus*, *Sarcodon imbricatus*, *Thelephora terrestris*). Кроме этого, незначительное число видов отмечено на плодовых телах других грибов (6 видов) – *Aporpium caryae*, *Asterodon ferruginosus*, *Botryobasidium botryosum*, *Fibulomyces mutabilis*, *Metulodontia nivea*, *Skeletocutis brevispora*.

Эколого-морфологический анализ. В долготной фракции преобладают мультирегиональные, а в широтной – мультизональные виды. Количество видов с другими типами ареалов (европейский, амфиатлантический, палеарктический) невелико (табл. 2), что указывает на незначительную специфичность видов.

Кроме этого, преобладают однолетние (46,4%) и однолетние зимующие (28,6%) виды. Грибы, вызывающие белую гниль, разрушающие лигнин древесины, составляют 80,4%. Приуроченность к месту обитания по степени увлажнения выражена достаточно четко – преобладают мезофильные виды – 54,8%, доля ксерофильных и гигрофильных видов – по 22,6%.

Таблица 2

Распределение дереворазрушающих грибов по хориономическим группам на территории национального парка «Кенозерский», %

Географические элементы	Тип ареала					Итого
	Е	АА	РА	Н	MR	
Бореальный	4,2	0	3,0	20,8	3,6	31,6
Неморальный	0	0,6	0	0,6	2,4	3,6
Мультизональный	1,2	0	0,6	15,5	47,5	64,8
Всего	5,4	0,6	3,6	36,9	53,5	100,0

Примечание: АА – амфиатлантический; РА – палеарктический, Н – голарктический, MR – мультирегиональный, Е – европейский.

Редкие, индикаторные и охраняемые виды афиллофоровых грибов. С конца XX века одной из наиболее острых проблем становится сохранение биологического разнообразия различных групп живых организмов как компонентов экосистем. При нарушении, в частности, лесных местообитаний видовой состав их обедняется из-за уменьшения количества доступного субстрата, изменения режима влажности, разреживания насаждений и появления придорожных участков. Вместе с тем, комплексность растительного покрова, являющаяся результатом антропогенных воздействий, ведет в определенных случаях к внутриценотической гетерогенности и способствует проникновению в лесные экосистемы новых (чаще всего азональных и «южных») видов.

При оценке состояния лесных экосистем, с точки зрения биологического разнообразия, традиционно используют высшие растения, мохообразные и лишайники. В последнее время также перспективным объектом при оценке состояния экосистем считаются дереворазрушающие грибы, подавляющее большинство которых представлено афиллофоровыми грибами. В коренных лесах отмечается наибольшее видовое разнообразие, что связано с наличием большого количества мертвой древесины хвойных и лиственных пород на разных стадиях разложения, которая является основным субстратом для развития дереворазрушающих грибов.

Комплексный подход к оценке лесных территорий с определенного времени стал включать исследование гетеротрофного блока лесных экосистем и афиллофоровых грибов как одного из базовых его элементов. Эти исследования долгое время развивались в рамках европейских программ по охране грибов.

Не все виды афиллофороидных макромицетов встречаются регулярно и равномерно. Одни редкие виды встречаются спорадически, представлены единичными находками, другие отмечаются постоянно, но в ограниченном числе экземпляров. Существуют определенные перечни видов, которые занесены в Красные книги или могут служить индикаторами состояния лесных экосистем и указывать на их нарушенность или «девственность». Так, в последние десятилетия в скандинавских странах созданы списки индикаторных видов, которые широко используются для выявления и охраны старовозрастных естественных лесов²¹.

В раздел «Грибы» Красной книги Архангельской области включены следующие виды афиллофоровых: *Piptoporus pseudobetulinus*, в том числе в раздел (категория) «Бионадзор» – *Creolophus cirrhatus*, *Laetiporus sulphureus*, *Onnia tomentosa*, *Steccherinum collabens*.

К настоящему времени на территории района отмечено 13 видов, входящих в Красную книгу как Архангельской области, так и соседних регионов (Республик Карелии и Коми, Мурманской и Архангельской областей) (табл. 3).

Таблица 3

Статус редких видов афиллофоровых грибов Архангельской области в Красных книгах сопредельных территорий

№	Вид грибов	Область		Республика	
		Архангельская	Мурманская	Карелия	Коми
1	<i>Aporpium caryae</i>	–	3 (R)	3 (R)	3 (R)
2	<i>Antrodia pulvinascens</i>	–	–	3 (R)	–
3	<i>Creolophus cirrhatus</i>	5 (Cd)	–	–	4 (I)
4	<i>Gloiodon strigosus</i>	–	–	3 (R)	–
5	<i>Laetiporus sulphureus</i>	5 (Cd)	–	–	–
6	<i>Leptoporus mollis</i>	–	3 (R)	3 (R)	–
7	<i>Onnia tomentosa</i>	5 (Cd)	–	–	4 (I)
8	<i>Piptoporus pseudobetulinus</i>	3 (R)	–	2 (V)	3 (R)
9	<i>Peniophora septentrionalis</i>	–	–	3 (R)	–
10	<i>Punctularia strigosozonata</i>	–	–	3 (R)	–
11	<i>Radulodon erikssonii</i>	–	–	3 (R)	–
12	<i>Steccherinum collabens</i>	5 (Cd)	3 (R)	3 (R)	3 (R)
13	<i>S. pseudozilingianum</i>	–	–	4 (I)	–

Примечание: 2 (V) – уязвимые виды с сокращающейся численностью, еще не достигшей критического уровня; 3 (R) – редкие виды, представленные в природе небольшими популяциями, которые рискуют оказаться под угрозой исчезновения; 4 (I) – виды с неопределенным статусом, требующие изучения; 5 (Cd) – виды, нуждаются в биологическом надзоре.

Для видов, включенных в Красные книги Архангельской и Мурманской областей, Республик Карелии и Коми и найденных на территории национального

парка «Кенозерский», необходимо сохранение естественной среды обитания, контроль за имеющимися популяциями, выявление новых местонахождений и мониторинг.

На территории района исследований зарегистрирован 21 индикаторный вид, из которых 18 являются индикаторами старовозрастных и 3 – очень старых еловых и сосновых лесов²².

Старовозрастные леса	Девственные леса
<i>Antrodia pulvinascens</i> , <i>Asterodon ferruginosus</i> , <i>Crustoderma dryinum</i> , <i>Gloeoporus taxicola</i> , <i>Fomitopsis rosea</i> , <i>Gloeoporus taxicola</i> , <i>Gloiodon strigosus</i> , <i>Leptoporus mollis</i> , <i>Phellinus chrysoloma</i> , <i>Ph. ferrugineofuscus</i> , <i>Ph. lundellii</i> , <i>Ph. nigrolimitatus</i> , <i>Ph. pini</i> , <i>Ph. viticola</i> , <i>Postia placenta</i> , <i>Pycnoporellus fulgens</i> , <i>Sistotremastrum suecicum</i> , <i>Skeletocutis odora</i>	<i>Amylocystis lapponica</i> , <i>Phlebia centrifuga</i> , <i>Steccherinum collabens</i>

Полученная сумма в 24 балла по шкале скандинавских микологов свидетельствует о том, что лесной массив парка можно считать ценным.

Виды, включенные в Красные книги сопредельных территорий, и индикаторные виды наиболее чувствительны к изменениям окружающей среды, поэтому требуется продолжение мониторинга и определенный режим их охраны. При проведении дальнейших исследований список видов будет уточняться и дополняться.

Примечания

¹ Rea C. British Basidiomycetae. A handbook to the larger British fungi. Cambridge: Univ. Press, 1922.

² Nordic Macromycetes / L. Hansen, H. Knudsen (eds.). Vol. 3: Heterobasidioid, aphyllorphoroid and gastromycetoid Basidiomycetes. Copenhagen: Nordsvamp, 1997; Ainsworth & Bisby's Dictionary of the Fungi / D.L. Hawksworth, P.M. Kirk, B.C. Sutton, D.N. Pegler. 8th edition. Wallingford: CAB International, 1995; Jülich W. Higher taxa of Basidiomycetes // Bibl. Mycol. Vol. 85, Vaduz: J. Cramer, 1981; Ainsworth and Bisby's Dictionary of the Fungi / P.M. Kirk, P.F. Cannon, D.W. Minter, J.A. Stalpers. 10th ed. Wallingford: CAB International, 2008.

³ Nordic Macromycetes / L. Hansen, H. Knudsen (eds.). Vol. 3: Heterobasidioid, aphyllorphoroid and gastromycetoid Basidiomycetes. Copenhagen: Nordsvamp, 1997.

⁴ Афилофоровые грибы заповедника «Пинежский» / О.Н. Ежов, Р.В. Ершов, А.В. Руоколайнен, И.В. Змитрович. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011.

⁵ Jülich W. Op. cit.

⁶ Толмачев А.И. Введение в географию растений. СПб.: Изд-во ЛГУ, 1974.

⁷ Шмидт В.М. Математические методы в ботанике. СПб.: Изд-во ЛГУ, 1984.

⁸ Бондарцев А.С. Трутовые грибы Европейской части СССР и Кавказа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

⁹ Ryvarden L., Gilbertson R.L. European polypores. Part 1: Abortiporus–Lindtneria. Oslo: Fungiflora, 1993. P. 1–387.

-
- ¹⁰ Hjortstam K., Larsson K.-H., Ryvarden L. The Corticiaceae of North Europe. Vol. 1: Introduction and keys. Oslo: Fungiflora, 1987. P. 1–59; Eriksson J., Ryvarden L. The Corticiaceae of North Europe. Vol. 2–4. Oslo: Fungiflora, 1973–1976; Eriksson J., Hjortstam K., Ryvarden L. The Corticiaceae of North Europe. Vol. 5–7. Oslo: Fungiflora, 1978–1984; Nordic Macromycetes / L. Hansen, H. Knudsen (eds.). Vol. 3: Heterobasidioid, aphyllorphoroid and gastromycetoid Basidiomycetes. Copenhagen: Nordsvamp, 1997; Hjortstam K., Larsson K.-H., Ryvarden L. The Corticiaceae of North Europe. Vol. 8: Phlebiella; Thanatephorus-Ypsilonidium. Oslo: Fungiflora, 1988. P. 1449–1631; Jülich W., Stalpers J.A. The resupinate non-poroid Aphyllorphorales of the Northern Hemisphere. Amsterdam; Oxford; New York: North-Holland Pub. Comp., 1980; Kõljalg U. Tomentella (Basidiomycota) and related genera in Temperate Eurasia. Oslo: Fungiflora, 1996; Miettinen O., Niemelä T., Spirin W. Northern Antrodiella species: the identity of *A. semisupina* and type studies of related taxa // Mycotaxon. 2006. Vol. 96. P. 211–239; Ryvarden L., Gilbertson R. L. European polypores. Parts 1–2. Oslo: Fungiflora, 1993–1994; Бондарцев А.С. Трутовые грибы Европейской части СССР и Кавказа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953; Бондарцева М.А. Определитель грибов России. Порядок афиллофоровые. Вып. 2: Семейства альбатрелловые, апорпиевые, боле-топсиевые, бондарцевиевые, ганодермовые, кортициевые (виды с порообразным гименофором), лахнокладиевые (виды с трубчатым гименофором), полипоровые (роды с трубчатым гименофором), пориевые, ригидопоровые, феоловые, фистулиновые. СПб.: Наука, 1998; Бондарцева М.А., Пармасто Э.Х. Определитель грибов СССР. Порядок Афиллофоровые. Вып. 1: Семейства гименохетовые, лахнокладиевые, кониофоровые, щелелистниковые. Л.: Наука, 1986; Давыдкина Т.А. Стереумовые грибы Советского Союза. Л.: Наука, 1980; Змитрович И.В. Семейства ателиевые и амиллортициевые (Определитель грибов России. Порядок афиллофоровые; Вып. 3). СПб.: Товарищество научных изданий КМК, 2008; Красная книга Республики Коми. Сыктывкар, 2009; Ниемеля Т. Трутовые грибы Финляндии и прилегающей территории России. Хельсинки, 2001; Николаев Т.Л. Ежевиковые грибы. Флоры споровых растений СССР. М.; Л., 1961. Т. VI.
- ¹¹ Змитрович И.В. Указ. соч.
- ¹² Красная книга Республики Карелия. Петрозаводск: Карелия, 2007.
- ¹³ Красная книга Республики Коми. Сыктывкар, 2009.
- ¹⁴ Красная книга Мурманской области. Мурманск, 2014.
- ¹⁵ Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2008.
- ¹⁶ Kotiranta H., Niemelä T. Uhanalaiset käävät Suomessa. Tonien, uudistettu painos. Helsinki: S. Y. E., 1996.
- ¹⁷ Nordic Macromycetes / L. Hansen, H. Knudsen (eds.). Vol. 3: Heterobasidioid, aphyllorphoroid and gastromycetoid Basidiomycetes. Copenhagen: Nordsvamp, 1997.
- ¹⁸ Змитрович И.В. Указ. соч.
- ¹⁹ Ainsworth and Bisby's Dictionary of the Fungi / P.M. Kirk, P.F. Cannon, D.W. Minter, J.A. Stalpers. 10th ed. Wallingford: CAB International, 2008.
- ²⁰ Афиллофоровые грибы заповедника «Пинежский» / О.Н. Ежов, Р.В. Ершов, А.В. Руо-колайнен, И.В. Змитрович. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011.
- ²¹ Kotiranta H., Niemelä T. Op. cit.
- ²² Ibid.

Изменения природы в районе Кенозерья за 13 тысяч лет

Для изучения изменения природы в районе Кенозерского национального парка за последние 13 тыс. лет на примере озера Лача, самого большого по площади (334 км²) озера в Архангельской области, использовались опубликованные палеогеографические данные и полевые материалы автора статьи в составе экспедиции Севрыбвода 1962 года.

История озер Лача и Воже и формирование их котловин связаны с таянием ледников последнего оледенения. Обширная тектоническая депрессия меридионального простирания, в котором расположены эти озера, заложилась в дочетвертичное время¹. Во время максимальной, бологовско-едровской стадии валдайского оледенения она была заполнена льдом. Во время лужской стадии возникло Воже-Лачское озеро. В позднем дриасе оно распалось в результате высвобождения ото льда более низких порогов стока на два водоема: озера Лача и Воже². Воже-Лачская система озер получила сток на север. Гидрографическая сеть Поонежья в северной части приняла современный вид.

Первый резкий спад уровня воды в водоемах района озера Лача произошел примерно 11 тыс. лет назад. Об этом свидетельствуют смены литологического состава однородных глин, ленточных, на глины, содержащие растительные остатки (хвощ) на контакте аллереда и верхнего дриаса³. Отмеченное понижение уровня озера Лача наблюдалось, видимо, в тепло-сухую фазу аллереда. Численность диатомей в глинах верхнего дриаса была низкой. Среди них были характерные представители приледниковых и крупных олиготрофных озер⁴. В пребореале накапливалась серая гомогенная глина мощностью 70 см. Спорово-пыльцевые спектры характеризуются господством пыльцы древесных пород (ель, сосна) при значительном содержании пыльцы трав⁵. В отложениях пребореала существенно возрастает общее содержание диатомей и постепенно исчезают холодолюбивые диатомей олиготрофных озер. Озеро Лача приобретает черты мезотрофного водоема. Накопление в осадках диатомей обрастания свидетельствует о его мелководности и наличии зарослей макрофитов⁶. Такие условия, видимо, были характерны для тепло-сухой фазы раннего пребореала. В осадках нижнего пребореала характерно значительное участие пыльцы трав и березы кустарниковых форм. Среди пыльцы древесных пород доминирует ель. Господствовали заболоченные лесотундровые комплексы. Имелись и перигляциальные сообщества. В пребореале значительно повышался уровень озер. Ве-

роятно, это происходило в холодную фазу позднего пребореала. В конце пребореала в озере Лача началось илообразование. В позднем пребореале характерно значительное содержание пыльцы ели, что свидетельствует об относительном похолодании. В конце пребореала были распространены хвойные леса. Пребореально-бореальная граница на диаграмме донных осадков отчетливо определяется по уровню господства в спектрах пыльцы хвойных пород.

В бореале накапливались серые однородные глины и темно-бурый ил мощностью 70 см. В раннем бореале наблюдалась четко выраженная регрессия в развитии озера Лача. Эту фазу хорошо подтверждают палеолимнологические данные, т.к. в бореальном слое глин отмечается песчаная прослойка, содержащая створки моллюсков. В осадках бореала доминирует пыльца ели и сосны. Единично отмечается пыльца липы, дуба, вяза и лещины. Пыльца трав практически отсутствует. Кроме того, пыльцы ели в бореальных осадках озера Лача содержится больше по сравнению с Онежскими разрезами.

Во вторую половину бореала в отложениях увеличивается содержание органического вещества. Карбонатные отложения формировались с чертами олиготрофии. В условиях общего потепления климата начался быстрый процесс евтрофирования, связанный с увеличением поступления автохтонного и аллохтонного органического вещества. В бореале резко увеличивается общее содержание диатомей в осадках. Диатомовый комплекс имел некоторые черты олиготрофии. Массовое накопление видов обрастателей свидетельствовало о наличии в мелководном озере Лача больших зарослей макрофитов. Потепление климата отразилось в том, что в осадках исчез ряд североальпийских видов.

В бореале, в тепло-сухую фазу, в районе озера Лача появился человек. Возраст самой ранней и лучше изученной стоянки Нижнее Веретье определяется 8750 ± 70 (JE-1472), 8620 ± 130 (ГИН-2452 – Д). Она перестала существовать до наступления атлантики. Об этом свидетельствует стратиграфия памятника, культурный слой которого предшествует началу торфообразования⁷. В культурном слое преобладает пыльца березы и сосны, отсутствуют широколиственные породы, содержится небольшое количество пыльцы полыней и маревых. Жители стоянки умели строить наземные каркасные жилища. Высокого уровня достигла техника обработки камня и кости. Орудия труда, охотничье вооружение были разнообразны.

В атлантический период формировался темно-бурый ил мощностью 130 см. В нем доминирует пыльца ели и березы. В условиях климатического оптимума голоцена функционировали сосново-елово-березовые леса с участием липы, дуба, вяза. В илах атлантики возрастает содержание алевритов и улучшается сортировка материала. При этом содержание органического вещества резко возрастает. В ранней атлантике озеро было достаточно глубоким. Численность диатомей в средней атлантике была максимальной для всей толщины отложений озера Лача. Две многоводные фазы разделялись маловодной. Воздействие

климатического оптимума отразилось в резком увеличении общей численности диатомей.

В поздней атлантике, в конце IV или на рубеже IV и III тысячелетий до н.э., появляются неолитические стоянки. Их формирование связано с ухудшением природных, в частности климатических, условий, общим потеплением и понижением уровня водоемов.

В суббореальный период в условиях засушливого климата накапливались бурые илы мощностью 150 см. Формировались стратиграфические зоны «Верхнего максимума» ели. Ранняя половина суббореала характеризуется как зона ели и сосны с незначительным участием березы и широколиственных пород⁸. В толще тонких однородных мелкоалевритовых илов заметно увеличивается доля пелитовых фракций. Отложения обмелевшего озера Лача характеризуются высоким содержанием диатомей. Увеличивается роль планктонных видов во второй половине суббореала (наивысший показатель для голоцена). Сокращение численности диатомей по сравнению с атлантическим временем является, вероятно, следствием ухудшения климата. Возрастание роли планктонных и донных диатомей при сокращении численности видов обрастателей дает основание предполагать, что озеро с небольшой глубиной в это время зарастало в меньшей степени, чем в период климатического оптимума.

Ухудшение климата и повышение уровня водоемов в середине III тысячелетия до н.э. было причиной перемещения населения на новые места. При этом часть стоянок прекратила существование.

В 2300–2000 годах до н.э., в регрессивную фазу озер Воже и Лача, появилось свайное поселение в бассейне реки Модлоны (4850±150; 3960±120). Концом I тысячелетия до н.э. датируется время существования стоянки Верхнее Веретье. Жители этого поселения строили свои дома на сваях. Посуду делали из серой озерной глины с примесью древесной щепы. Много изделий было из дерева, кости и янтаря. Из дерева делали сваи, стены домов и переходы между ними⁹.

В субатлантике формировался бурый ил с зеленоватым оттенком мощностью 35 см. В нем господствует пыльца сосны и ели. Единично отмечается пыльца дуба, вяза, липы и лещины. Пыльца трав и спор практически отсутствует. Содержание органического вещества в поверхностном горизонте снижается. С ухудшением климата уменьшается численность диатомей. Возрастает роль планктонных диатомей. В ранней и поздней субатлантике выделяются две влажных фазы, а в средней атлантике – одна более засушливая. Примерно в середине I тысячелетия до н.э. снова произошла смена климата. Наблюдались резкое похолодание и катастрофические наводнения. Население около озера Лача резко сократилось.

Памятники второй половины I тысячелетия до н.э. редки и мало изучены. Окрестности озера были обитаемы в X–XI веках н.э.¹⁰

Анализ многих палеогеографических данных позволил нам впервые наметить ритмическую последовательность увлажнения тайги в районе Кенозерского национального парка в голоцене за последние 13 тыс. лет.

В голоцене здесь имели место 6 полных и 2 неполных 1850-летних ритмов общей увлажненности (по теории А.В. Шнитникова). Это беллинг-среднедриасовый (I), аллередпозднедриасовый-раннебореальный (II), позднебореальный-бореальный (III), ранне- и среднеатлантический (IV), позднеатлантический-раннесуббореальный (V), средне- и позднесуббореальный (VI), субатлантический (VII) и современный (VIII)¹¹.

Весьма актуальная на сегодня проблема – это детальное исследование структуры современного 1850-летнего ритма общей увлажненности.

Примечания

¹ Ауслендер В.Г., Гей В.П. История развития Кубено-Сухонской озерной впадины в плейстоцене и голоцене // Материалы II симпозиума по истории озер Северо-Запада СССР. Минск, 1967. С. 10–13.

² Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука, 1975.

³ Устное сообщение В.И. Хомутовой.

⁴ Давыдова Н.Н. Диатомовые водоросли-индикаторы природных условий водоемов в голоцене. Л.: Наука, 1985.

⁵ Хомутова В.И. Пыльца и споры в донных отложениях озер Воже и Лача // Гидробиология озер Воже и Лача. Л., 1978. С. 236–254.

⁶ Давыдова Н.Н., Курочкина А.А. Голоценовая история оз. Лача по материалам изучения его донных отложений // Стратиграфия и палеогеография четвертичного периода Севера Европейской части СССР. Петрозаводск, 1977. С. 77–83.

⁷ Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983.

⁸ Хомутова В.И. Современные ископаемые спорово-пыльцовые спектры озер Кубенское и Лача // Стратиграфия и палеогеография четвертичного периода Севера Европейской части СССР. Петрозаводск, 1977. С. 71–77.

⁹ Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1979.

¹⁰ Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 16.

¹¹ Борис Васильевич Ермолин: библиогр. указатель / сост. Е.А. Волик. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012; Борис Васильевич Ермолин: электронный библиогр. указатель / сост. Е.А. Волик. Архангельск, 2011. URL: <http://library.narfu.ru/rus/TRResources/ThematicBibliographies/Pages/Ermolin.aspx>; Борис Васильевич Ермолин: дополнения к электронному библиогр. указателю 2011 г. / сост. С.В. Выморкова. Архангельск, 2016. URL: <http://library.narfu.ru/rus/News/Pages/20160225Ermolin.aspx>.

Опыт и перспективы развития национального парка «Угра» на примере проекта «Восстанавливаем леса – возвращаем зубров»

Начиная с 2014 года в национальном парке «Угра» реализуется долгосрочный и перспективный проект «Восстанавливаем леса – возвращаем зубров» совместно с благотворительным фондом «Красивые дети в красивом мире». Благодаря сотрудничеству появилась возможность продолжать деятельность, связанную с сохранением и восстановлением исторического облика старовозрастных широколиственных лесов, и осуществлять новое направление работы в парке – реакклиматизацию зубра европейского как коренного обитателя и средообразователя ландшафтов широколиственных лесов.

По оценкам международных экспертов, площадь широколиственных дубрав Европы составляет не более 0,2 % от первоначальной. В результате более чем тысячелетней истории природопользования, а также существенных изменений климата на этой территории большая часть лесов с господством дуба, ясеня, вяза, липы была почти полностью уничтожена. Такая же судьба постигла и зубра, который играл ключевую роль в поддержании оптимального ландшафтного состава и устойчивой структуры дубрав в течение длительного времени.

Сохранившиеся в Калужской области фрагменты старовозрастных широколиственных лесов на плакорах (водоразделах) – уникальные объекты международного значения, чудом уцелевшие островки девственных реликтовых лесов. Они расположены в юго-восточной части национального парка «Угра», где занимают площадь 3 тыс. га. Некогда они являлись составными звеньями Заокской засечной черты, созданной в XVI веке для защиты южных границ Московского государства от набегов степных кочевников. Засечная черта представляла собой сплошные лесные массивы шириной 4–6 км, дополненные фортификационными сооружениями, которые тянулись от Рязани до Белева, Козельска и Жиздры более чем на 600 км.

К сожалению, современный облик Козельских засек значительно видоизменен деятельностью человека. На их месте стали формироваться более однородные теневые леса. В них практически нет естественного возобновления дуба – основной древесной породы широколиственного леса – и их главного обитателя – зубра. Без вмешательства человека эти сообщества обречены на дальнейшую деградацию, поэтому проект «Восстанавливаем леса – возвращаем зубров» имеет важнейшее значение для решения одной из задач, возложенной на наци-

ональный парк «Угра» – восстановление природных комплексов, нарушенных деятельностью человека.

По утвержденной в 1998 году программе национальный парк «Угра» занимается реставрацией старовозрастных широколиственных лесов. В рамках нынешнего проекта проводится комплекс научно-исследовательских работ с целью выявления наиболее устойчивых типов дубово-широколиственных лесов и совершенствования методики и технологии текущей реставрации лесов в границах национального парка «Угра» на опытных участках и пробных площадях. В ходе выполнения работ осуществляется вырубка погибших еловых насаждений, расчистка территории, посадка дубов и уход за ними в течение длительного времени. Большинство участков леса, подготовленных для посадок в рамках весенних и осенних Дней древонасаждений, были восстановлены силами волонтеров из компаний «МВидео», «Маракуйя», «Nestle», представителей благотворительных фондов Тимченко и «Красивые дети в красивом мире», «Почта-Банка», интернет-магазина «Озон», журнала «Sizon» и т.д. В лесопитомнике парка выращиваются сеянцы дуба, клена, липы и ясеня, которые в дальнейшем высаживаются на постоянное место жительства.

Если восстановление лесов в парке ведется практически с момента образования парка, то восстановление популяции зубров – новое дело для парка. Благодаря проекту парк смог стать полноценным участником Межрегиональной программы сохранения зубра, которая была создана и утверждена губернаторами Орловской, Калужской, Брянской областей в 1997 году при участии Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды. В настоящее время орловско-калужско-брянская группировка зубров стабильно увеличивается и насчитывает свыше 450 особей.

К июлю 2016 года на территории национального парка «Угра» сформировано стадо из 25–27 вольно живущих зубров. За последние три года из национального парка «Орловское полесье» 13 животных было перевезено в вольер, а после передержки выпущено на волю. Остальные особи появились на свет уже на территории парка. Стадо небольшое, но постоянно растущее. Это говорит, о том, что зубры чувствуют себя прекрасно на новом месте обитания.

Реаклиматизация зубров – это систематическая, кропотливая работа инспекторов парка по охране и содержанию животных. На территории национального парка «Угра» ее изначально выстраивали в сотрудничестве с местными жителями, охотниками, студентами. Для того, чтобы формировать положительное отношение со стороны местного населения к проекту по реаклиматизации зубра, проводятся встречи представителей специфичных «зубриных» особо охраняемых природных территорий Калужской и Орловской областей и «анклавов» смежных охотоведческих хозяйств. В результате охотники взяли на себя обязательство в течение ближайших лет помогать зуброводам в вопросах подкормки и охраны краснокнижных животных в зимний период, а министерство сельско-

го хозяйства Калужской области совместно с особо охраняемыми природными территориями обязалось поддержать достигнутый паритет. С помощью волонтеров из числа местных жителей и студентов Аграрного колледжа г. Калуги были построены вольеры для передержки животных и вышка для наблюдения за животными. Помимо этого, в национальном парке проведен комплекс биотехнических мероприятий, позволяющих обеспечить кормовую базу для животных в осенне-зимний период. Посев яровых культур позволяет создать дополнительные кормовые поля не только для зубров, но и для группы других травоядных.

Продвижение проекта в различных СМИ, возрождение традиций празднования Дней древонасаждения, проведение слета юных друзей парка и рок-фестиваля – турнира «ЗубрежжЪ», организация тематических встреч и фотовыставок позволили привлечь внимание жителей Калужской области к проблемам восстановления лесов и возвращения зубров. Разработанная в рамках проекта серия уроков для школьников «Старейший в Старом Свете» и «Прародители леса» стали важным методическим компонентом в экологической образовательной программе Калужской области.

Реализация проекта позволила заложить прочную основу для дальнейшей планомерной деятельности по реакклиматизации зубра в национальном парке «Угра», удалось увеличить масштаб работ по восстановлению широколиственных лесов в регионе в целом.

Сакральное место как исследовательская категория (по полевым материалам северно-русского и волго-вятского регионов)

Изучение триады «природа – человек – культура» предполагает уяснение характера физического и духовного освоения человеком окружающего пространства. Для их описания необходима разработка исследовательского «инструментария» (научного тезауруса), позволяющего отражать не только комплексность изучаемого объекта, но и возможные аспекты его анализа. С этой точки зрения, большим эвристическим потенциалом обладает, такая исследовательская категория, как *место*, а при изучении сакральной географии – *сакральное место* (СМ). В статье, основанной на многолетних полевых исследованиях северно-русского и волго-вятского регионов, речь пойдет об онтологических и операционных возможностях данного термина с позиций концепции культурного ландшафта¹.

Данная концепция позволяет выйти за рамки одного определенного научного дискурса и работать в междисциплинарном поле. Это в свою очередь дает возможность в одном исследовании объединить сразу несколько подходов к изучению СМ и шире – сакральной географии:

- *семантический* (анализ СМ как знаково-символической системы);
- *структурный* (изучение морфологии и типологии СМ);
- *функциональный* (описание ритуальных практик и разнообразных текстов, сформировавшихся вокруг СМ);
- *территориальный* (выявление распределения СМ в пространстве и установление ареалов их функционирования).

Кратко остановимся на каждом.

Семантический аспект. Значение термина «сакральное место» формируется с опорой на две лексемы, передающие его природную и культурную составляющие. *Место* – фрагмент географического пространства. Это не обязательно точка на земной поверхности: под ним может подразумеваться и довольно обширная территория, на которой, например, расположены кладбище, монастырь или другие сакральные объекты (чем авторитетнее, «сильнее» сакральный статус места, тем шире ареал его почитания). Словом же *сакральный*² передается характер восприятия места человеком или сообществом и соответствующий тип его обустройства. Образно выражаясь, сакральное место – это место «встречи» посю- и потустороннего, место контакта человека с трансцендентным миром,

а также при определенных обстоятельствах канал воздействия на последний в целях корректировки человеческой судьбы.

Стремясь выделить место из окружающего пространства, человек запускает процесс иеротопии³, в ходе которого место получает в нем определенное индексальное выражение. Таким образом, в СМ совмещаются не только природное и культурное, но и перцептивный (чувственный), концептуальный (ментальный) и образный (знаково-символический, иконический) планы. Благодаря этим качествам СМ, с одной стороны, может выступать в качестве единицы измерения, описания, репрезентации и изучения сакральной географии, а с другой – рассматриваться и анализироваться как «культурный текст», имеющий не только пространственные, но и временные параметры (например, характер изношенности обетных подношений кресту или часовне дает возможность реконструировать «жизненный сценарий» последних)⁴.

В семантическом отношении сакральные места могут быть сгруппированы в несколько типов – *святые* (топофильные), *нечистые* (топофобные) и *амбивалентные* (гибридные).

Святой статус место приобретает либо благодаря произошедшему чуду (явление святого или его иконописного образа, неожиданное спасение, исцеление), либо благодаря возведению христианской святыни (монастырь, храм, часовня, крест): «Здесь у нас в лесу икону нашли Николая Чудотворца. Нашли на сосне. Эта икона людей исцеляет. Чудотворная, значит. Какого-то больного неходячего исцелили. Здесь вода святая. От нее тоже лечатся. Когда икону нашли, придумали ставить в 1383 году церковь. Церковь-то деревянная была, хотели поставить ее на селе. Но она, церковь, не хотела там строиться. Разбрасывалась. [Это как?] Да только бревна положат, смотрят на другой день – бревна опять валяются. И построили там, где икону нашли»⁵.

Сознание человека, живущего в обществе традиционного типа, размещает нечистые места в точках воображаемых границ между своим и чужим мирами (порог, ворота, перекресток и т.п.), а также в аномальных, экстремальных локусах культурного ландшафта (чащобы, провалы, угоры, кладбища и пр.): «Лесной человек мужика водил. Пошел тот за грибами да и заблудился. Ходил все буреломом. Ходил неделю без воды, без еды. Наконец понял, что леший его водит, взял две палочки сделал из них крест и пошел. Вдруг слышит – за спиной как человек засмеялся и говорит: “Догадался все-таки крест сделать. Ну, теперь я тебя отпущу”. Тот и вышел»⁶.

Одна из причин возникновения у сакрального места амбивалентного семантического модуса заключается в типичном для Русского Севера обычае возведения христианского культового объекта в «нечистом» пространстве с целью семантического переформатирования последнего: «Вот за рекой на Щелье на этой <...> много тонуло народу. И вот сделана была часовенка, и поставлен был крест. Поставлена она была для охранения Пинежья. Внутри был хоро-

ший крест. Потом его сбросили, и опять стал тонуть народ» (Пин., д. Кеврола, Р.А. Черемная, 1911 г.р.). В таких местах с человеком могут происходить разного рода неприятности, несмотря на то, что пространство освящено крестом или часовней: «У нас и пугало. Идти в Лавелу, крест стоял, пугало. Дак порато видали: заставит молотить, кичигу даст и, хлеба нет, а молотишь. Дьявол человеком покажется» (Пин., д. Явзора, П.Д. Дурынина, 1915 г.р.).

Устная «агиография» амбивалентного СМ формируется одновременно на основе христианской и мифологической информации. В Кенозерье к местам с двойной сакральностью может быть отнесен придорожный крест в деревне Зехново, к которому приносят подношения лешему в случае пропажи человека или скота: *«Чё-то нету парня-то у меня, нету долго <...> “Давай пойду-ка я как экстрасенс это применю”. Пошла я к поклонному кресту, у нас там есть под конец дороги... есть поклонный крест. Туда туристы ходят к нему <...> Ну, я и пошла. Взяла две палочки и надо сказать: “Хозяин <...> лесной, хозяйка лесная, я пришла к вам за помощью, я своего туриста в глаза не видала, а вот заблудился у нас московской художник... фотограф, нету двое суток. Что с ним в таком незнакомом лесу? Он может погибнуть. Помогите, отпустите нам его. Мы его не ругали, не проклинали, в общем, всё <...> И вам не отдавали. Верните нам его”.* Это все прочитала, постояла у поклонна креста <...> *Постояла да пошла домой. Только чаю-то попили, нам вон звонят с Вершинино женищина, у которой у нее остановились-то, говорит: “Нашелси, Анна Александровна, нашелси”, – говорит <...> [А Вы говорите, взяли две палочки. Это какие палочки?] А вот взяла вот из этих примерно вот одну дольше, другую короче. Две палочки надо рядом положить и над этим читать вот эти слова: “Хозяин лесной, хозяйка лесная, я вам своего фотографа не отдавала, он у нас тут в гостях, пошел да заблудилсы, помогите ему выйти из лесу. В незнакомом месте, не знает троп, ничё”. Всё это читала не один... Три раза надо, и потом надо взадпят, взадпят идти домой <...> Нашелся наш мужичок»* (Плес., д. Зехново, А.А. Семенова, 1928 г.р.).

Особо перспективным в семантическом отношении становится изучение сакральной географии полиэтнических территорий. На них одно и то же СМ в разных этнических культурах способно обрести разный сакральный статус. С подобной ситуацией столкнулись экспедиции кафедры русского устного народного творчества МГУ, обследуя юго-восточные районы Кировской области, где чересполосно проживают марийцы и русские (мирские и старообрядцы).

У коренного населения этих мест – вятских марийцев (вичмари) – до вхождения их в состав российского государства, последовавшего за взятием Иваном Грозным Казани в 1552 году, систему сакральных мест формировали священные рощи (*кюсёто, юмомото*) и деревья (*ага-барьямы*). Для марийцев данные природные объекты оставались святыми и после насильственного

крещения и приобщения к христианским религиозным практикам в XVI веке: «Марийцы идут молиться, пообещают гуся. Сходит в кысоту помолиться и для страховки сходит и второго гуся тащит в нашу церковь, православную. У них вот синтетизм, срастание» (Урж., г. Уржум, В.А. Ветлужских, 1955 г.р.); «...марийцев-то покрестили в русскую веру, православную. Они, значит, у нас сейчас в церковь ходят, они, значит, крестик носят православный. В то же время они соблюдают свои языческие обычаи, молятся в моленных рощах, приносят в жертву скот, животных. Вот когда я была в Тюм-Тюме, в марийской семье, я как раз была 19 января, на Крещение. И вот в этот день марийцы принесли воду святую из церкви. Я говорю: “Ну, как это так? Вот вы, значит, и в церковь ходите, православный крест носите, и мужскую одежду, и в моленную рощу ходите, значит, там вот эти обычаи все соблюдаете. Даже лошадь приносите в жертву, это ж очень большое моление”. А вот мне мариечка очень хорошо ответила: “Дак мы в моленные-то рощи ходим молиться за скотину, дак че! А в церковь-то к Богу идем”. Понимаете? Старинная языческая вера, ее трудно отстать, но православная вера оказалась лучше. Ну, вот традиции они чтят» (Урж., г. Уржум, Н.А. Андреева).

Включение в систему сакральных мест христианских святынь (ручьев, часовен, церквей) не инверсировало отношения к прежним местам: марийцы и сейчас называют их *кюсето*, *юмомото* и совершают в них жертвенные ритуалы своим многочисленным богам: верховному богу Кугу-юмо, матери прародительнице, богу солнца, грома и молнии и др.

В рассказах русского населения марийские сакральные места и связанные с ними ритуальные практики квалифицируются как языческие, демонические, кровавые: «Они раньше верили кереметю. Делали деревянного идола и на дерево ставили и молились. Они ему сжигали детей. Ловили на жертву своему богу» (Малм., д. Куженерка, Н.И. Сухих, 1929 г.р.); «Раньше там (в рощах. – А. И.) молились. Идолопоклонение марийцев было. До крещения еще <...> Там статуи ставили, жертвы приносили» (Урж., д. Шурма, Н.В. Лоншакова, 1930 г.р.).

В итоге в ритуальном плане моленные рощи и деревья вичмари так и не были освоены русскими в качестве святых мест и попали в разряд нечистых, посещение которых было опасным и нежелательным: «А у нас с детства было: туда нельзя ходить. Категорически! И уж у них-то запугивание серьезное. Вот уж у них-то да. Попробуй возьми там бревно! Точно дом сгорит. Нарушишь чего – сам погибнешь. Никогда не бывала. Мы вот лично – никогда. Раз нельзя – значит, нельзя строго-настрога» (Урж., с. Шурма, Е.И. Носкова, 1943 г.р.).

Симптоматичным в свете сказанного следует признать русское именование марийских священных рощ кереметищами (от слова кереметь: у русских – ‘сатана, черт’): «Это, видно, русские так издевательски назвали. Мы юмо там

молились, а кереметь – это черт. А так юмомото – “куст”. У бога куст, по-марийски. А русские назвали кереметище» (Урж., с. Шурма, М.Н. Сергеева, 1939 г.р.); «Это и называется кюсёта или ага-барьям. А по-русски кереметище. Это русские так говорят. Это плохо. Так не говорили. У нас кюсёта или кисёта, а кереметище это неправильно» (Урж., с. Шурма, А.Х. Пескова, 1918 г.р.).

Структурный аспект. Поскольку семантика сакрального места складывается из значений отдельных модулей, составляющих его, одним из важнейших векторов изучения СМ становится его структурный анализ.

В морфологии сакрального места можно выделить два слоя (рис. 1) – материальный (природный и культурный, визуально выраженные) и духовный (обыкновенно представленные в латентной форме).

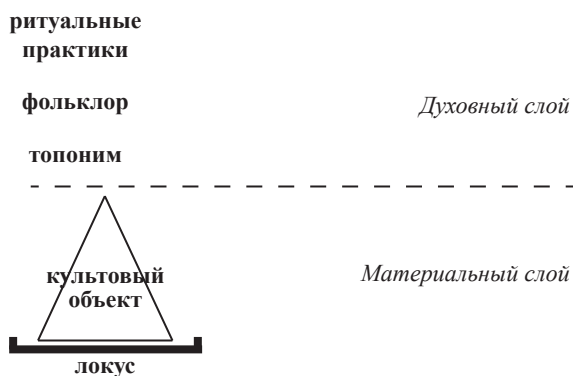

Рис. 1. Морфология сакрального места

Будучи структурными элементами сакрального места, они одновременно являются «языками», кодами его презентации вовне *своим* и *чужим*.

Культовые объекты, относящиеся к предметному коду сакрального места, не только визуально выделяют природный локус, но и указывают на его статус и формы адекватного поведения в нем.

Для Кенозерья и Русского Севера, к примеру, типичными культовыми объектами, маркирующими сакральное место как святое, являются крест, часовня, церковь и монастырь (рис. 2).

Они находятся друг с другом в системных отношениях (если не помогает святыня одного уровня, идут с мольбой к более авторитетной, занимающей в описанной иерархии более высокую позицию). Следует отметить, что эта система пластична и способна к перегруппировке. Примером может служить часовня в деревне Ёркино Пинежского района Архангельской области, в истории которой легко прочитываются три стадии трансформации: живое дерево → крест → часовня (ил. 1, 2).

Рис. 2. Система сакральных мест Кенозерья

Повышение сакрального статуса места может достигаться и иным способом: редупликацией одного типа культового объекта или формированием сакрального комплекса из святынь сразу нескольких типов (ил. 3).

Святые и нечистые места формируют разные топонимические ряды: для первых актуальна сема 'святость' (*Святой ручей, Золотой ручей, Никола-ручей*), для вторых – семы 'нечисть', 'чужесть' (*Чертов ручей, Чертова яма, Чертово болото, Чудское городище, Чудские ямы*).

Фольклорные тексты разного жанрового формата, посвященные сакральному месту и по совокупности составляющие его устную «агиографию», имеют различные функциональные установки:

– поверья (краткие нормативные тексты) призваны обучить человека правильному поведению в сакральном локусе: «[А не слышали, что рядом с крестом выпугивало?] Слыхала, у Красной Веретьи. Песни запоют, и все бывало. Не знаю. Я не слыхала. Только предупреждение было, что тут идешь, дак осторожнее, девка, будь» (Пин., д. Красное, А.Е. Амосова, 1924 г.р.);

– устные рассказы (легенды, былички, предания, бывальщины) нацелены на изложение истории его возникновения и дальнейшей судьбы: «Это бабушка моя строила. Они сделали, сколотили, а тогда ведь было нельзя. Где-то в [19]70-х годах разорили всё. Утащили такие красивые иконы. Тут было распятие такое. Всё разорили коммунисты. Даки Бог их наказал. Даки правда это или не правда? Кто заболел, кто умер» (Пин., д. Марьино гора, А.Ф. Чуркина, 1945 г.р.);

– ритуальные тексты (заговоры, приговоры, молитвы) направлены на установление контакта человека с сакральным местом, а через него с трансцендентным миром: «Всё ходя [к Золотому ручью]. Маленькие такие бидончики наберут, нальют и за ручки несут. Она, хошь год держи, отстою не останется. Целебная <...> Там денежки кидают, ребяташки собирают. Всё рубли, всё рубли серебряные. Много-много накидано. Только деньги бросили и лицо помыли:

“Вода-водица, ты так бежишь, бурлишься, ницего не боишься, дай мне здоровьица”» (Пин., д. Кеврола, П.С. Фефелова, 1917 г.р.).

Обрядовая сфера «жизни» святого места осуществляется по двум моделям, описанным Ю.М. Лотманом. «Договорная» (я – тебе, ты – мне) по сути дела является магической и отличается взаимностью, принудительностью и эквивалентностью. Именно таким образом ведет себя человек в нечистом месте: «Если что случится, надо со стряпней идти в лес и положить, чтобы помог: “Вот тебе подношение, подарок и помощи найти скотинку”. Бывают моменты, находят. Да ведь не на один пенек положить. Ага. На несколько пенок <...> Леший скотину уводит. Стряпню носили, в церкву свечку святому ставили» (Афан., пос. Афанасьев, Т.С. Ичетовкина, 1928 г.р.). По договорной модели совершаются и обетные ритуалы у крестов и часовен: «На эти кресты пелены вешают, чтобы лучше здоровье было или дело поправлялось. Голова если болит, то платки вешают. Я-то плат вешала, дак мне потом легче стало. У кого ноги болят, дак те носки вешают» (Пин., д. Шотова, М.Т. Лохновская, 1923 г.р.).

По другой модели («вручение себя во власть») организованы христианские обрядовые практики – крестные ходы, молебны, паломничества, совершаемые в святых местах (нередко при участии священнослужителей).

По совокупности природный локус, культовый объект, топоним, фольклор, ритуальные практики образуют систему, отличающуюся семантическим, поэтическим и функциональным единством, благодаря чему в случае утраты одних элементов другие могут в течение какого-то времени удерживать эту целостность и инициировать их восстановление.

Территориальный аспект. Обозначим лишь два возможных вектора территориального исследования сакральной географии при посредстве категории *сакральное место*.

Первый предполагает изучение горизонтального (плоскостного) распределения мест в пространстве, которое основывается на антропоцентрической модели мира, выступающей в роли алгоритма восприятия, концептуализации и преобразования окружающего мира. Согласно ей, сакральное пространство в отличие от обыденного (селенчески и хозяйственно освоенного) не знает пустот и не может быть уподоблено лоскутному одеялу. Об этой его особенности в приватной беседе одна из жительниц архангельской деревни высказалась следующим образом: «У всего есть хозяин – у креста, дерева, камешка... Каждый кустик ночевать пустит, если попросишься у хозяина» (Пин., д. Большое Кротово, М.А. Козьмина, 1936 г.р.).

Будучи качественно разнородным, сакральное пространство не энтропийно, но определенным образом упорядочено. Одна из наиболее продуктивных моделей его структурирования носит зональный характер. Согласно ей, сакральное пространство предстает как ряд вписанных друг в друга кругов, центром которых является человек и его жилище. Центральная зона является средоточием позитивных характеристик, периферийная – негативных (причем интен-

сивность последних возрастает по мере удаления от дома). Эта универсальная для разных этносообществ модель при наложении на конкретные территории адаптируется к особенностям их культурных ландшафтов.

Например, освоение Русского Севера исторически соотносилось с речными бассейнами. Жизненная ойкумена северян имела две природных границы – реку и лес. Соответственно святые культовые объекты выносились на периферию с тем, чтобы окультурить опасное пространство, превратить его из чужого в свое (рис. 3).

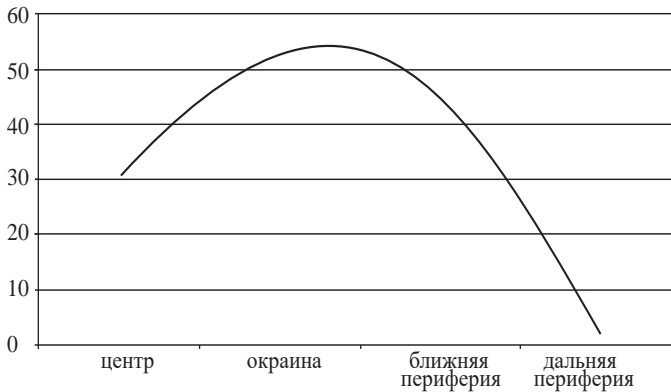

Рис. 3. Статистика распределения часовен и крестов в культурном ландшафте Пинежского района Архангельской области

Сведения о паломнических маршрутах сохранялись в разнообразных фольклорных текстах. Ниже приводятся два варианта колыбельной песни, упоминающие посещаемые кенозерами северно-русские монастыри (записаны в 1958 г. экспедицией кафедры русского устного народного творчества МГУ):

*Я тебя качаю,
К Петру, к Павлу завечаю,
Ко Макарью на пески,
К преподобным (в) Соловки,
А я ко Петру, ко Павлу,
В Ошевенском к Олександру,
А у Троицы звоня,
У Миколы говоря,
А Миколы с Панюшкой веля:
Надо, Шурушка, спать,
А не надо рано встать.
Ставало весело, порато,
Не кручиновато.*

*Не кручинься ни об чем,
Живи с матерью, с отцом,
Живи с матерью, отцом,
Со родителями*

(Пудож., д. Заозерье, Ф.С. Шпагина, 1883 г.р.).

*Спи-ко, Петя, полатня,
Будет дело поладня.
Мне не хочется кацать
Да у твоей зыбки торцать.
Я ведь Петеньку кацаю,
Ничего не полуцаю.
Кабы что бы полуцала,
Да и бы лучшие покацала.
Я кацаю, байкаю
Да указать не малтаю.
Я кацаю за луцёк,
Валю Петю на боцёк.
А мой Петенька дружок
Летом бегал на лужок, (2)
На крутой на берёжок, (2)
А на желтый на пёсок, (2)
А потерял он сапожок, (2)
Замарал белый чулок.
Придѣ Петенька домой,
У Пети батюшка рьяной,
На тебя будет ругацы,
Будут люди дивовацы, (2)
Да слезами заливацы.
Петя белый да хорош.
На кого Петя похож?
А на батюшку отца
Да на брата молодца.
Как устанѣт снеги таять,
У нас Петя будѣт баять.
Стану Петеньку кацать,
Петру, Павлу завецать,
Петру, Павлу
Да преподобному Макарию,
Еще Троицы Миколы
Под большие колоколы,*

*Еще в Ошевеньской монастырь
Да ко угодницам святым.
Я кацаю, не ленюсь,
Придѣ время – заменюсь, (2)
Сама на пецьку заберусь.
Когда реценька пройде,
Да у меня Петя пойдѣ.
Петя, баюшки, побай,
Петя, глазки закрывай,
Сапоги сошьем тоцѣны,
Прибьем скобки золоцѣны.
Будут сапожки скрипеть,
Будут скобоцки брэнцать.
Он не станет водки пить,
Не будет трубоцки курить,
Станѣ пряницки носить,
Станѣ бабушку кормить*

(Карг., д. Думино, А.Н. Филатова, 1886 г.р.).

Второй вектор изучения пространственной организации сакральной географии связан с введением еще одной (вертикальной) системы координат и соответственно с иным (иерархическим) территориальным упорядочением сакральных мест. Выделение наиболее авторитетных сакральных мест заставляет говорить о полимасштабной упорядоченности сакральных пространственных систем. Так, проекция на карту обетных крестов Пинежья в локальном масштабе представлена на рисунке 4.

Та же система, взятая в субрегиональном масштабе, сделает «невидимыми» обетные кресты, ареал почитания которых ограничен локальным (деревенским) уровнем (рис. 5).

Таким образом, укрупнение масштаба (вертикальное приближение к сакральному месту) заметно расширяет информационное поле о нем. Напротив, при «удалении» от сакрального места путем перехода на более мелкие масштабы оно вообще может исчезнуть с сакральной карты территории.

Условные сокращения

Аф. – Афанасьевский р-н Кировской обл.
Малм. – Малмыжский р-н Кировской обл.
Пин. – Пинежский р-н Архангельской обл.
Плес. – Плесецкий р-н Архангельской обл.
Пудож. – Пудожский р-н КАССР
Урж. – Уржумский р-н Кировской обл.

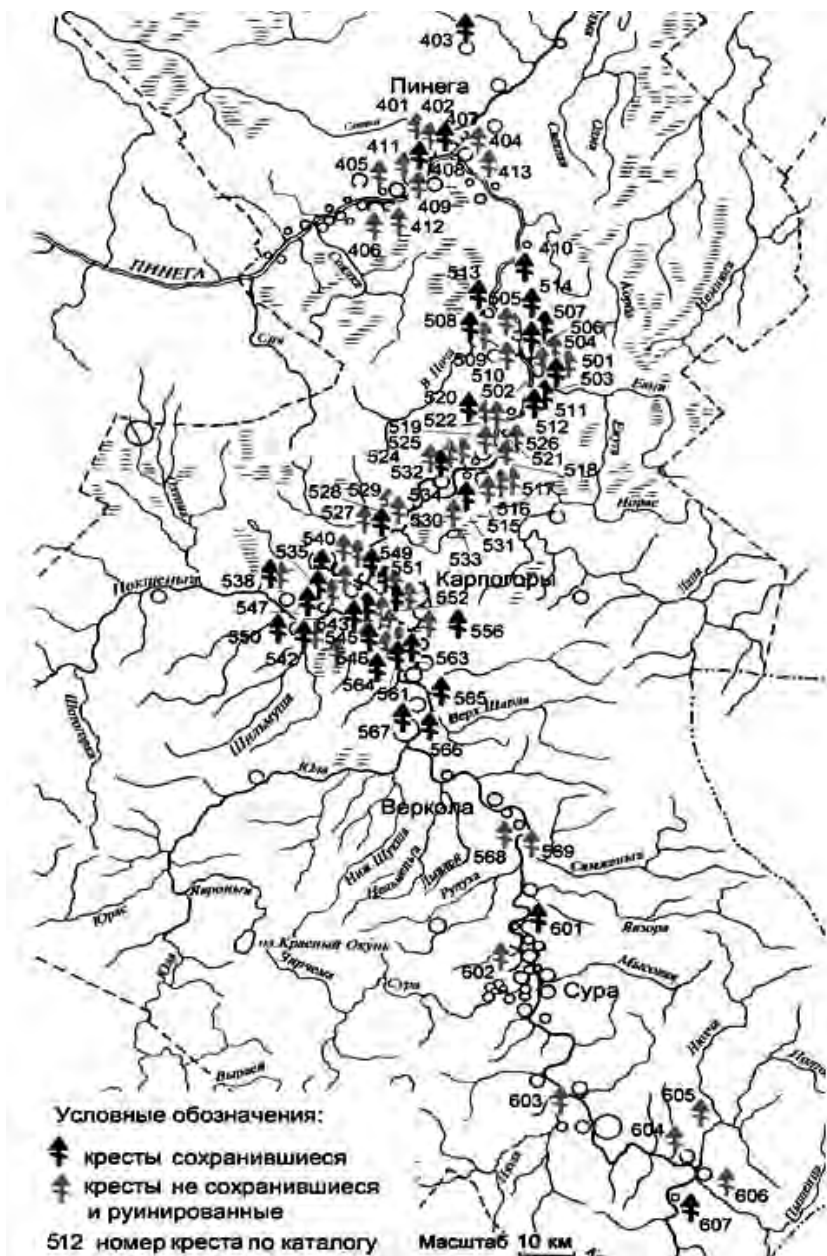

Рис. 4. Обетные кресты Пинежского района Архангельской области

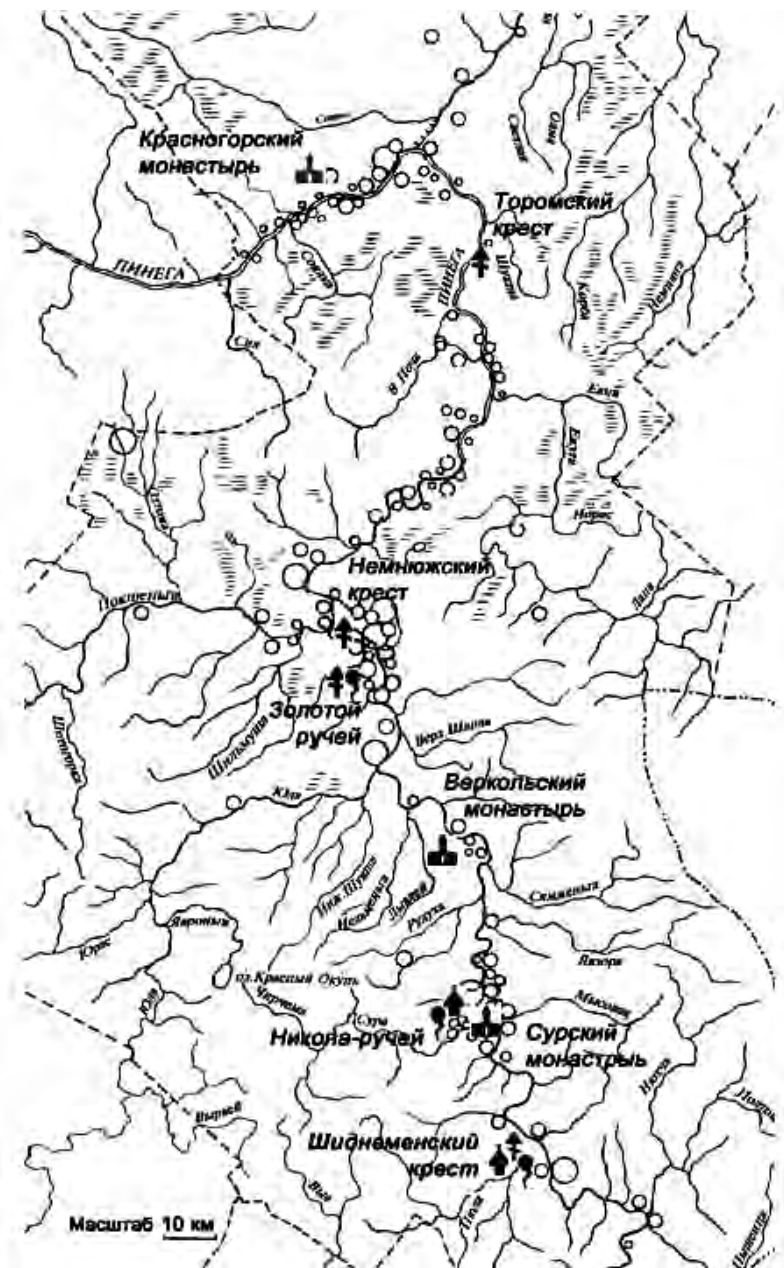

Рис. 5. Субрегиональные святые места Пинежского района Архангельской области

Примечания

¹ Морфологическая структура культурного ландшафта предполагает наличие следующих компонентов: природный ландшафт; сообщество людей, взятое в этнологическом, социальном, семейном, конфессиональном и прочих аспектах; хозяйство; селитьбу (способ пространственного вписывания в природный ландшафт); языковую систему и духовную культуру (верования, ритуальные практики, разнообразные формы народного искусства, в том числе фольклор). Системообразующим его компонентом является сообщество, которое создает/осваивает культурный ландшафт и передает информацию о нем в пространстве и времени. Подробнее о концепции культурного ландшафта см.: Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье / В.Н. Калуцков и др. М., 1998; Иванова А.А., Калуцков В.Н. Концепция культурного ландшафта в исследовании и репрезентации фольклора // Экология культуры. 2006. № 2. С. 10–23; Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008; Иванова А.А. Фольклор как форма репрезентации и интерпретации культурного ландшафта // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие. М., 2009. С. 39–45.

² Сакральное (от англ. *sacral* и лат. *sacrum* – ‘священное, посвященное богам’) – в широком смысле все, имеющее отношение к Божественному, религиозному, потустороннему, иррациональному.

³ Иеротопия (др.-греч. *ἱερός* – священный и др.-греч. *τόπος* – место, пространство) – процесс создания сакральных пространств как особый вид творческой деятельности. Концепция иеротопии и сам термин были предложены Алексеем Лидовым в 2001 году.

⁴ См. об этом: Терехин Н.М. Сакральная география Русского Севера: Религиозно-мифологическое пространство северо-русской культуры. Архангельск, 1993; Иванова А.А., Калуцков В.Н., Фадеева Л.В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (Материалы и комментарии). М., 2009.

⁵ Иванова А.А. Великорецкие святыни в фольклоре Вятского края // Живая старина. 2004. № 4.

⁶ Вятский фольклор. Мифология / вступ. ст., сост., коммент. А.А. Ивановой. Котельнич, 1996. С. 27.

Мир жителя Кенозерья (по материалам, записанным от сестер Трухиных, уроженок деревни Глазово Плесецкого района Архангельской области)

Кенозеро... Красивое и полное загадок место в Плесецком районе Архангельской области... Жизнь, духовная и материальная культура кенозер привлекают внимание многих исследователей¹.

Одно поколение людей сменяет другое, уходят в прошлое обычаи, традиции, тайны жителей кенозерских деревень; но остаются воспоминания обо всем этом, которыми делилась моя бабушка Васелова Александра Андреевна, 1926 г.р. (ее не стало в 2009 г.), а сейчас рассказывает о жизни наших предков ее родная сестра Мария Андреевна Майорихина, 1928 г.р. Обе они (в девичестве Трухины) – уроженки деревни Глазово, расположенной на берегу озера. По сей день деревню украшает часовня Сошествия Святого Духа, построенная в 1805 году (ил. 1).

Пример духовно-нравственного воспитания, сохранения семейных традиций являли собой родители моих бабушек – Прасковья и Андрей Трухины.

Вспоминаю и я нередко своего прадеда Андрея, его строгий, но в то же время добрый взгляд, гордую осанку, как он на минуту-другую замолкал, задумывался, нахмурил брови, чтобы начать повествование о Кенозере. Дети, внуки, правнуки садились вокруг и с интересом слушали...

Жизнь кенозеров удивляет сложностью и простотой одновременно. Каждая деревня отличалась своим устоем, определенными традициями. Несмотря на то, что люди уважали друг друга, помогали друг другу, ходили во время праздников (Пасха, Троица) в гости из одной деревни в другую, сидели за общим столом, они не обходились без красочных прозвищ, необычных общих прозваний жителей конкретных деревень: *Глазóвцы-овцы* (люди жили большими семьями), *Минински немýтики* (озеро от д. Минино находилось дальше, чем от д. Глазóво), *Караси́* (жители д. Минино).

Любого человека «судили по породе», т.е. по семье, из которой он вышел. До сих пор можно услышать вопрос от людей старшего поколения: «Ты чей будешь?». В 1920–1930-х годах в Кенозерье были распространены фамилии *Аникиевы* и *Трухины*. Почему-то Трухины считались трудолюбивыми, хозяйственными, а Аникиевы – нет. В настоящее время фамилия *Трухиных* редко встречается на данной территории (ил. 2, 3).

Жизнь кенозер проходила в постоянной работе (лесозаготовки, земледелие, скотоводство, сенокосные работы, рыбалка и т.д.). Мария Андреевна, рассказывающая о прошлом, часто замечает: «Как вспомнишь, так вздрогнешь».

«Мы совсем *небольшии* были, а уж в *лѣсу роботали*, в 40-градусные морозы на лесозаготовках были. Что мы, дети совсем, одному 7 лет, другому – 11, а уже *самы*, как взрослые, *роботали*. Дадут лошадь, *запрягем*, вот и тащим лес, песни орем, чтоб волки не напали. Как-то раз лошадь ногой попала в корягу, застряла нога там, мы *спужáлись*, лошадь так и погубить можно. Как ей освободить? *Нать* было веревку толстую перерезать, так бы и ногу освободили. Но у нас не было ни ножа, ни топора. Мы не растерялись: по очереди решили зубами перегрызать веревку. Больше часа грызли, перегрызли ведь. С песнями и со слезами. Спасли лошадь».

В беседах о хозяйстве, земледелии мы узнаем о бережном отношении к дарам природы, об уважении к труду: «А огурцы пойдут, ты полей, *побрызжи по кореньям*. А навозу *порáто* уж не переваливай, чтобы не *сóжгать*. Я все *лѣтушко* не поливала *сóлодью*, а золой поливала, чтобы *никака гнѹса* не ела, а то червяк может быть. Картошка еще целой месяц расти. Сейчас то время, *когда ѐна пойдѣ* как раз *в голову*». «Корову *вчерась* выгоняла. *ѐна у стогу* стояла. Говорю, пускай *заводя* пасти. Пастуху-то *нать* еды дать. Пастушок – большое дело. Вот их *колобкáмы* покормили. По дѣнкам ведь ходили. У меня папа все *вспоминает*, как пастухи за *коровами* смотрят. Раз не углядели, дак *ѐна* и *уголзону́ла* в лес. *Другу ить* корову *заговорить надоть*. *Надоть* было у старых людей учиться, знать слова».

Даже переносный смысл выражений отражает понятие труда: «Ну сѣдни, как в *отрѣпах*, запуталась. Ну *отрѣпы*, *когда* лен обрабатывают, молотят, ну со всякой *мурóй* связано, как в *отрѣпах* сидишь».

По рассказам бабушки, встреча в лесу с медведем – не редкость. «Шурка *рассказывала*, что *ей* медведь в мох закопал. Вырыл яму, закопал и ходит, *слушат*. Охотники проходили рядом, спугнули медведя. Шурка *молбда* была, а вся *седá* стала». «Мужик один через лес шел, неожиданно столкнулся с медведем. Оба *остóпались*, глаза вытарасили. А мужик медведя и *спрашивает*: “Ты *куды* пошел?” Так и разошлись в разные стороны». «Папа пастухом был. В стадо *забралси* медведь. Коровы заревели, но не убежали. Папа с трубой *подбегат*, смотрит, а медведь на *нѣтель* *забралси*, начал задира́ть, а коровы вокруг встали и *ревят*. Папа подбежал, в ухо медведю как затрубит, а труба-то громкая такая. Медведь и побежал. Папа повел коров домой. Все коровы шли рядом с той *нѣтелью*, *котора* вся была кровавая, ободранная». «Мы как по лесу идем, палочкой по дереву стучим, *э’кам*, медведь слышит и уходит. А то, *быват*, враспloch разойдутся друг на друга».

Мир реальный жителей Кенозера близко соприкасается с миром мифологическим. Образы домовых, леших, русалок часто встречаются в рассказах моих

бабушек. Домового обычно слышали, чувствовали, но не видели. Он мог показаться только в облике черной кошки, у которой на кончике хвоста была маленькая кисточка.

«Как-то, помню, папа ночью будто боролся с кем-то, будто кто-то *ёго одева́лом* душил. Домовой это был. Папа сбросил его на пол, а тот давай душить Надю, сестру мою. Видно, что-то ему не понравилось».

«В доме у нас давно *пугат*. То звуки *каки-то*, то *дверна заложка* сама *ходунóm ходит*. Страх *ощущам*, когда через коридор проходим. Помню, я одна в доме жила на Глазово, вечер уж был. Спать легла. Вдруг слышу, в дверь стучат, спросила, кто, а мне в ответ голос дяди Тихана: “Мария, открой!” Я открыла, а там и нет никого. Утром дядю встретила, спросила, почему он постучался и ушел. А Тихон сказал: “Это, девка, домовой попросил тебя двери открыть. Видимо, руки у него были заняты”. Старые люди говорили, что наш дом *когда-то* давно невестки не поделили. Одна *завиду́ща* была, решила под горницей кости закопать, *заговор сделала*. С тех пор не могли вывести ни одного колена овец (либо убежали в лес, либо погибали). Тогда и пугать в доме стало».

Образ лешего представлен в мифологических рассказах более ярко. То в виде знакомого человека покажется, то в виде странного зверя. «Мы с подругой *маленьки* были, коров пасли в лесу. Идем по дороге, вдруг нам навстречу лев с львицей выскакивают. Мы *испужáлись* не за себя, а за коров. А лев с львицей посмотрели на нас и как *сгинули*. Мы спокойно пошли дальше. Откуда они в наших лесах? Быть этого не может. Значит, это хозяева леса нам показались, раз *страху не дали*».

Мария Андреевна вспоминает одно место в лесу – Черный ручей. «*Мрачно* место, Черный ручей *нать* переходить, а вода темная, жуть. Я как-то переходила, мне подумалось что-то, ветка сзади хрустнула. И все, я заблудилась. Ушла в другую сторону за несколько километров от деревни. Спасибо ангелу-хранителю, вывел».

Леший может проучить хвастливого человека. «Наш *дедушко*, отец нашей мамы, как-то в лесу мужикам похвастал, что лошадь у него самая крепкая, *лешему не запахать*. На следующий день лошадь пропала. Дед долго искал ее, уже *отчаялси*. Стоит в лесу, и вдруг кто-то громко сказал: “Ну что, запахал я твою лошадь!” Послышался дикий хохот. Дед увидел свою лошадь, лежащую на земле, замученную, еле дышащую». «*Дедушко* не раз еще сталкивался со странными явлениями. Как-то шел на мельницу, смотрит: сенная куча катится и *пéшной* подпирается (*пéшня* – палка такая, которой зимой лед *пéшали*, прорубали). Чудеса, да и только».

Хозяин леса может предупреждать людей о предстоящих несчастьях. «Перед гражданской войной вот *како предсказаньё* было. В Кенозере строили лесные избушки для охотников, рыбаков. Так, в одной избушке мужики остались ночевать. Ночью, слышат, дверь громко открылась. Мужской голос крикнул: “Ска-

жите *Дударихе*, что *Дудора* на войне убили”. В ответ послышался женский плач. Дверь хлопнула. И тишина. В поле потом днем выстрелы слышали. Это все перед гражданской войной было».

Образ русалки редко встречается в повествованиях моих родных. Прадед Андрей видел русалку, сидящую на камне на берегу ламбушки. Заметив людей, она прыгнула в озеро.

Современные жители Кенозерья любят рассказывать разные легенды, связанные с кладбищем, которое находится около деревни Глушево. «Поведаю вам историю правдивую, не выдуманную! А случилась она в 2007 году от рождества Христова да по осени. Поведал ее нам брат двоюродный Константин, что живет на Горах. Он тогда с товарищем собрался по грибы в лес. Взяли они *коробы*, сели в лодку да поплыли искать места грибные. А не куда-нибудь, да на берег тот, что напротив деревни Горы за озером виднеется. А на берегу том кладбище есть, Глушево зовется, место мрачное, неприветное. Товарищи знали, что берег кладбищенский, и не стали приставать, а пристали в стороне от места кладбищенского. Вышли они на суху землю, взяли свои *коробы* и пошли грибницы искать. А погода была в тот день пасмурная. Серое небо висело над душой, и было беспокойно ребятам, но они не пугались этого. Вечер сумеречный близился, а товарищи шагали вдоль берега озерного, да в сторону ту, где кладбище было. Время шло медленно, а вокруг друзей то и дело по кустам шорохи разные да тресканье сучьев слышится. Не придали тому они значения, ибо не верилось им в нечистую силу, да и откуда ей взяться при свете дневном. Пробирались меж деревьев и кустарников. И вот Константин увидел под кустом гриб хороший, здоровый. Наклонился было он срезать под корень, но обомлел от недоумения. Что это? Кажется ему или взаправду, но на грибе краснеет не шляпка, на шляпке – кровь! Откуда ей взяться? Константин отпрянул, выпрямился, глаза стеклянные поднял и увидел крест за кустом. Тут совсем жутко стало товарищам, ухватили они покрепче короба свои да зашагали скорее к берегу, где лодка была. А шорохи да треск все отчетливее слышны, да ближе, будто кто-то за спиной возится, не отстаёт! Вышли они на берег к лодке, сели в нее, оттолкнулись скорее, нехорошее что-то рядом... Треск все ближе и ближе... И вот что это? Человек или нет? Женщина!!! Вся в зеленых одеждах да с бусами зелеными выплыла из-за кустов! Остановилась у кустов и смотрит на испуганных ребят. А глаз у нее нет... Пустые глазницы! Ветер поднялся, завыл в деревьях. А женщина стоит, молчит и смотрит. Товарищи чуть весла не выронили из рук, но благо, что отплыть успели на две сажени, переглянулись они да, не помня себя, на весла налегли... Сколько прошло времени, много али мало, пристали они к берегу своему благополучно. Но женщина в зеленых одеждах перед глазами стоит» (записано от Василия Ершова).

Рассказы о жизни предков, об их отношении к разным необъяснимым существам и явлениям раскрывают неразрывную взаимосвязь человека и окру-

жающего мира. Мир внешний и внутренний переплетаются в сознании жителя Кенозерья.

Тексты, представленные в данной статье, отражают богатство народной лексики, которая заслуживает отдельного внимания.

Примечание

¹ Былички о жихаре / рассказали Е.М. Мелехова, Н.М. Болознев; записала Н. Ведерникова в июле 2000 г. // Кенозерье. 2002. № 2; Ведерникова Н.М. Фольклор как способ отражения культурного ландшафта: (по материалам экспедиционных выездов 2000–2002 гг.) // Культурный ландшафт как объект наследия / науч. ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. М.; СПб., 2004. С. 286–312; Дранникова Н.В. Мифологический ландшафт Кенозерья // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2008. Вып. 3. С. 125–131; Кенозерские сказки, предания, былички / вступ. ст., сост., прим. Н.М. Ведерниковой. М.: Ин-т Наследия, 2003; Рейли М.В. Северные поверья и мифологические рассказы: (экспедиц. материалы конца 1970–1980-х гг.) // Русский фольклор: материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32. С. 396–425.

О природном и топонимическом наследии Кенозерья

В природном отношении Кенозерье характеризуется значительным разнообразием природных ландшафтов, большая часть которых сформирована в результате таяния последнего Валдайского ледника (ил. 1). Сконцентрированные на небольшой территории контрастные природные ландшафты определяют высокое биоразнообразие, живописность местности и большую рекреационную ценность.

С чем связано большое разнообразие природных ландшафтов региона? Прежде всего, с уникальным *трансграничным местоположением Кенозерья*: через его территорию проходят две важные в европейском контексте природные границы.

Первая природная и историческая граница – это *гидрологическая граница между бассейнами Атлантического и Северного Ледовитого океана*. Эту границу между речными бассейнами древние новгородцы преодолевали по Кенскому волоку, одному из трех самых важных для всего Русского Севера (в некоторых частях парка, например на Масельге, граница между бассейнами двух океанов настолько зримо выражена, что может выступать в качестве объекта туристской дестинации).

Вторая граница, определяющая значительное разнообразие ландшафтов, – геологическая граница между Русской платформой и Балтийским кристаллическим щитом. Именно по этой причине в западной части Кенозерья встречаются привлекательные озерные пейзажи, подобные карельским или финским, а в восточной его части распространены таежные ландшафты, характерные для Архангельской области.

Рассматриваемая территория характеризуется разнообразными формами ледникового рельефа – повсеместно распространены моренные холмы, округлые камы, образование которых связано с деятельностью внутриледниковых озер, озы, представляющие собой вытянутые на несколько километров гряды. Один из самых известных озоев – уже упоминавшаяся Масельга.

Другой яркий след ледника – многочисленных озерные котловины, частично заболоченные.

В почвенном отношении преобладают подзолистые почвы, типичные для средней тайги. Они занимают 75% территории. Остальное приходится на разнообразные болотные почвы.

В соответствии с ботанико-географическим районированием растительность территории относится к Кольско-Печорской подпровинции Северо-европейской

таежной провинции Евразийской таежной области. В западной, северо-западной и юго-восточной частях Кенозерья преобладают светлохвойные среднетаежные леса. Они представлены сосновыми и сосново-березовыми лесами – лишайниковыми, травянистыми, мохово-кустарничковыми, травяно-сфагновыми и сфагновыми на болотах и в приболотьях. С севера, юга и востока к озерам подходят массивы темнохвойных лесов. Среди них преобладают еловые зеленомошные кустарничковые и кустарничково-травяные сильно увлажненные леса.

Флора насчитывает свыше 500 видов, более 60 из которых относятся к редким и исчезающим охраняемым видам, в т.ч. к включенным в Красные книги Российской Федерации и Карелии. Особого внимания заслуживает семейство орхидных, многие виды которого взяты под охрану Международного союза охраны природы и природных ресурсов. Среди них в Красную книгу Российской Федерации занесены венерин башмачок настоящий (*Cypripedium calceolus*), пальцекорник Траунштейнера (*Dactylorhiza traunsteineri*), пальцекорник Руссова (*D. russowii*), калипсо луковичное (*Calypso bulbosa*).

На территории Кенозерья зарегистрировано 50 видов млекопитающих, 263 вида птиц, 4 вида рептилий, 5 видов земноводных; обнаружено 715 видов высших сосудистых растений, многие из которых занесены в Красную книгу России и Международного Союза охраны природы. В озерах и реках обитает 28 видов рыб.

Как природные ландшафты распределены по территории Кенозерского национального парка?

Моренные ландшафты (см. № 1–3 на ил. 1) повсеместно встречаются на территории Кенозерья: для них характерен холмисто-западинный характер рельефа и преобладание еловых лесов.

Камовые и озовые холмисто-западинные ландшафты (см. № 4–5 на ил. 1), покрытые сосняками, сосредоточены в южной части региона.

Здесь же, севернее и восточнее Лекшмозера, сконцентрированы плоские заболоченные *флювиогляциальные ландшафты* (см. № 6–7 на ил. 1). Среди болот преобладают сфагновые верховые болота с грядово-мочажинной слабывыпуклой поверхностью.

Озерно-ледниковые ландшафты (см. № 8–10 на ил. 1) представляют собой ландшафты, сформированные некогда огромными приледниковыми водоемами. В основном это плоские песчаные равнины, покрытые сосновыми и елово-сосновыми лесами.

К самым молодым относятся *ландшафты озерных террас и долин рек и ручьев*.

Разнообразные *озерные ландшафты* занимают важное место в структуре ландшафтов Кенозерья. Котловина самого глубокого озера Кенозеро имеет ледниково-тектоническое происхождение. Другие же озера относятся к ледниково-аккумулятивным. В образной карте региона озера занимают ведущее место.

Ландшафтным разнообразием парка обусловлено значительное биоразнообразие парка, живописность, рекреационная привлекательность Кенозерья и его высокая ценность как объекта природного наследия среднетаежной зоны Русской равнины.

Топонимическое наследие Кенозерского ландшафта – важная часть нематериального наследия, включающего также фольклор, культурные традиции, духовные практики. Подобно другим компонентам наследия топонимическое наследие Кенозерского ландшафта представляет собой продукт русской и финно-угорской этнических культур.

Значительная часть местной географической терминологии и топонимии (прежде всего гидронимия, т.е. система названий рек, озер и болот) унаследована русскими насельниками от финно-угорских предшественников, прежде всего от карел и вепсов. Другая же – русская – часть этого наследия сформирована в процессе сельскохозяйственного освоения региона, поэтому селитебная и особенно сельскохозяйственная топонимия имеет преимущественно русское происхождение. Топонимия Кенозерья носит *ландшафтный характер*. Это означает, что она ярко отражает исторические, этнические, пейзажные и морфологические особенности Кенозерского ландшафта: его земноводный характер (с обилием водных пространств), холмистый рельеф, залесенность и заболоченность территории¹, поэтому для данного региона можно говорить об *уникальной ландшафтной топонимии* как системе ландшафтных топонимов и ландшафтных топоформантов² (см. таблицу).

Основные ландшафтные топоформанты Кенозерья

Группы топоформантов по частоте встречаемости в парке	Индикаторы рельефа	Индикаторы почвенно-геологических условий	Индикаторы растительности	Индикаторы акваторий
Массовые	Гора, Наволок	–	Бор	Лахта
Распространенные	Лухта, Плоско, Кряж (Крёж), Ключеватик, Шалга	Песчаница, Песок	–	Прость, Чолма
Редкие	Горб, Лог	–	Осиновец, Березовец	–
Единичные	–	Гнилка, Гниловатики, Ил, Суть	Сосновец, Мянда, Еловец	–

Рассмотрим финно-угорские и русские географические термины и топонимы, отражающие земноводный характер Кенозерского ландшафта. Самый мощ-

ный пласт финно-угорской (вепсовской и карельской) географической терминологии сохранился применительно к водным объектам.

Среди наиболее характерных географических терминов, широко встречающихся в названиях озер, особенно в северной части парка, – *лахта*. Лакта означает залив в озере³. В регионе этот термин не имеет русского аналога. В Кенозере насчитывается несколько десятков лакт.

Близкий к лакте по написанию и звучанию финно-угорский географический термин – *лухта*. Основные значения термина: заливной берег, низкая ежегодно заливаемая внешними водами озерная терраса, используемая в качестве сенокосного угодья. Как правило, топонимы, содержащие в себе слово *лухта*, имеют отношение к территориям, расположенным недалеко от деревень, а сам термин местными жителями понимается как заливной сенокосный луг (ил. 2). Русский терминологический аналог, встречающийся в пределах Кенозерья, – *навалок*.

Еще один водный географический термин финно-угорского происхождения – *чолма*, что означает пролив или протоку. В регионе также используют и русский (точнее древнерусский, имеющий новгородское происхождение) аналогичный термин *прость*. Именно так – Прость – называется деревня, расположенная в северной части парка, на проливе, соединяющем озера.

В местной топонимике представлены русские и финно-угорские географические термины и топонимы, отражающие холмистый характер рельефа и облесенность Кенозерского ландшафта. Среди типичных для этих мест географических терминов, характеризующих рельеф и растительность региона, нужно выделить такие массовые топоформанты, как *гора*, *шалга* (*сельга*), *бор*.

Русский географический термин *гора* является наиболее массовым не только для Кенозерья, но и для всего Русского Севера (ил. 3).

В данном регионе термин сохранил архаичное значение: горой местные жители называют крутые берега рек и озер. Не случайно большая часть территорий, обозначенных топонимами со словом *гора*, расположены на крутых берегах озер и рек региона. Об этом красноречиво свидетельствует график распределения топонимов, содержащих местный географический термин *гора* (ил. 4).

Наибольшее сгущение топонимов с основой *гора* наблюдается в южной части Кенозера, где зафиксировано 12 таких топонимов: в окрестностях деревни Зехнова – 4, Майлахты – 2, Семёново – 2, вокруг деревень Ведягино, Горбачиха, Ряпусово, Спицына – по одному). Такая локализация связана с крутыми берегами в этой части озера: именно холмистые моренные равнины выходят к берегу Кенозера. В центральной части Национального парка, где озер не так много, выявлено всего два топонима с основой *гора* (см. ил. 3).

Шалга (*сельга*) представляет собой характерный местный термин финно-угорского происхождения. Он означает небольшую возвышенность, холм, грядку, часто поросшую лесом⁴. Наиболее известный топоним, включающий данный формант, – *Масельга*. Так называется деревня, расположенная в южной

части парка на залесенной моренной гряде. В качестве ландшафтного индикатора *шалга (сельга)* с высокой степенью надежности характеризует холмистые территории, поросшие еловым и сосново-еловым лесом.

Важным ландшафтно-топонимическим индикатором Кенозерья можно считать местный термин русского происхождения *бор*. Древнерусское, хорошо сохранившееся на Севере значение этого народного термина – лес. Данный термин в смысловом плане имеет существенное перекрытие с уже упомянутым финно-угорским термином *шалга (сельга)*.

И в северной и в южной частях национального парка топоформант *бор* приурочен в основном к моренным равнинам, покрытым преимущественно хвойными лесами (ил. 5).

Топонимическое наследие Кенозерья обладает уникальными свойствами. С одной стороны, будучи полиэтничным, оно отражает роль русского и финно-угорского населения в материальном и духовном освоении территории. С другой стороны, оно точно характеризует земноводный характер ландшафта, своеобразное сочетание озер, болот и возвышенностей.

Примечания

¹ Калущков В.Н., Бондарь Ю.Н. Природные ландшафты в топонимии Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения. Архангельск, 2003. С. 130–140.

² В диалектологии топоформантом называют часть топонима, которую образует местный географический термин. Пример: Иванова гора – топоним, термин *гора* в составе топонима – топоформант.

³ Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ по теме «Топонимика Кенозера» / сост. В.Я. Дерягин, З.С. Дерягина, Г.И. Манихин. Архангельск, 1987. Ч. 2.

⁴ Там же.

Геологические достопримечательности и культурное наследие геологической Кенозерской кольцевой «космической» структуры

Кенозерский национальный парк располагается непосредственно на стыке природных географических стран Фенноскандии и Русской равнины в пределах геологической Восточно-Европейской платформы, являясь отправным местом для новых открытий в географическом, геологическом и историко-культурном плане. Обоснованием этому служит обнаружение авторами на спутниковых картах *Google Earth* к юго-востоку от Кенозерского национального парка кольцевых «космических» структур: геологической Кенозерской (ГКККС), Няндомской (НКС), Лачской (ЛКС) (см. № 1–3 на ил. 1).

Наиболее перспективной для комплексного изучения представляется ГКККС. Ее контуры прослеживаются по северо-западному краю общей дугообразной формой и ленточными очертаниями заливов и проливов Кенозера (глубина – до 120 м) от юго-западной его оконечности вдоль долины реки Порженка на юг и юго-восток к озеру Лекшмозеро (глубина – до 30 м) и далее к озеру Лача (максимальная глубина – 5 м). Северный отрезок дуги «кольца» подчеркивается долиной реки Кена, а южный – краем «Каргопольской Суши» (сплошные выходы на поверхность коренных закарстованных толщ доломитов, известняков, мергелей касимовского и гжельского ярусов карбона (см. № 1 на ил. 2)), западный, менее выразительный, – болотами долин рек Б. Поржа и Волошка. Современные ландшафты¹ структуры сформированы длительной геологической историей, в том числе современной неотектоникой региона. Они образно описаны Е.Я. Черниковой: «Местность от г. Каргополя до с. Конено (на юго-западе нынешнего Плесецкого района) равнинная. Ее можно сравнить с гигантским столом, на который хозяйка положила хорошо отглаженную скатерть, но еще не везде ее расправила, и на ровной поверхности мы кое-где замечаем небольшие пологие повышения и неглубокие низины. Так выглядит территория на 25–30 км по обе стороны р. Онеги. Но на левом берегу преобладают сухие пространства, а на правом – заболоченные. Всю эту местность можно назвать Каргопольской равниной, а ее сухое левобережье – “Каргопольская Суша” (см. № 4 на ил. 1). Каргопольская равнина имеет высоту около 100—120 м над уровнем океана, немного повышаясь к западу и востоку. Если мы пойдем от р. Онеги на запад, к Кенозеру или к Лекшмозеру, то увидим, что местность постепенно повышается и становится неровной. Сначала появляются

ся небольшие холмы с пологими склонами, а возле озер Лекшмозеро и Кенозеро холмы становятся высокими и крутыми, подступают друг к другу, образуя холмистую полосу, которую называют Кенозерской возвышенностью (грядами. – *Прим. авт.*) (см. № 4–5 на ил. 1). Высота ее над уровнем моря 180–200 м. Кенозерская возвышенность протянулась от западного берега Лекшмозера к восточному побережью оз. Кенозера»².

Одним из уникальных фрагментов ГКККС является непосредственно территория Кенозерского национального парка – центрального с позиции природного (географического, геофизического, геологического, гидрогеологического, биологического) и цивилизационного наследия по сосредоточению здесь многочисленных памятников русского зодчества и культуры. Местоположение парка и его особые ландшафты, в том числе береговая линия, общая форма и изящная изогнутость Кенозера – базового объекта парка – всегда создавали элементы загадочности³. Однако основой для познания новых открытий обширной прилегающей к национальному парку с юго-востока территории, составляющей с ним единое целое, является геологическое строение (см. № 1 на ил. 2). Дополнительная информация к этому тезису может быть получена из специальных карт-схем, например карты теплового поля (см. № 2 на ил. 2), на которой контуры ГКККС контролируются максимальными значениями, или гравитационной карты (см. № 3 на ил. 2), где центральная часть представлена минимумом значений силы тяжести и где находится Ошевенский погост (см. № 6 на ил. 2)⁴. Главной достопримечательностью здесь является Свято-Успенский Александро-Ошевенский мужской монастырь, основанный в XV веке. Весь комплекс вошел в список самых красивых деревень России. Презентация Ошевенского погоста состоялась 5 июня 2016 года при участии президента Ассоциации самых красивых деревень России (АСКДР) А. Мерзлова (г. Москва) и эксперта ассоциации Жака Рагона из Франции⁵.

В геологическом строении ГКККС с учетом территории Кенозерского национального парка принимают участие докембрийские (от палео- до неогархея, палеопротерозоя, ранее нами описанные⁶, и венда), фанерозойские (девонские, карбоновые, частично пермские) и четвертичные комплексы. Ниже приводится краткое описание их вещественного состава.

Докембрий. Венд⁷. По Д.В. Гражданкину⁸, развитые здесь верхневендские отложения в целом⁹ накапливались в обстановке крупной подводной донно-флювиальной дельтовой системы, прodelьты и подводных илистых равнин. Выделены агминская (редкинский горизонт) (580–557 млн. лет (Ma)), солзенская и зимнегорская (беломорский горизонт) (557–550 Ma), а также ергинская секвенции.

Редкинский горизонт – регрессивно построенная толща: тонко переслаивающиеся алевролиты и аргиллиты (глины) пестрой, светло-серой и шоколадно-коричневой окраски с прослоями вулканических туфов, содержащая пачки

перемежающихся серых косо-волнисто-слоистых песчаников, алевролитов и аргиллитов (глин) в основании с маломощным покровом грубозернистых песчаников, гравелитов либо диамиктитов с богатыми комплексами уплощенных органостенных макрофоссилий и акантоморфных акритарх. В песчаных осадках доминируют извилистые норы с менисковым заполнением. В фации тонкослоистых песчаных отложений преобладают ископаемые микробиальные колонии. На волнистой кровле песчаных прослоев встречаются извилистые ископаемые следы в виде парных валиков (Агскаеопазза). Мощность 43–500 м.

Беломорский горизонт выделен Д.В. Гражданкиным впервые между редкинским и котлинским горизонтами как толща песчаного состава с трехчленным строением, к которому приурочено максимальное таксономическое, количественное и экологическое разнообразие ископаемых мягкотелых организмов за всю историю развития палеобассейна северо-восточной окраины Восточно-Европейской платформы. В нижней части циклиты повсеместно имеют регрессивное строение, а в верхней – прогрессивное. Средняя часть – это тонкоритмичные песчаники с грубой ровной и волнистой, местами многоэтажной косою слоистостью с текстурами подводно-оползневых деформаций. Интервалы тонкослоистых аргиллитов (глины) иногда содержат прослои вулканических туфов. Мощность горизонта 18–600 м. Возраст нижней границы беломорского горизонта 557–558 Ма, а вулканогенные цирконы из вулканических туфов, залегающих в нижней подските зимнегорской свиты юго-востока Беломорья, имеют возраст U-Pb $555,3 \pm 0,3$ Ма.

Котлинский горизонт выделяется как регрессивно построенная, пестро окрашенная толща, сложенная тонко переслаивающимися песчаниками, алевролитами и аргиллитами (глинами) и содержащая пакеты грубослоистых и косослоистых средне- и крупнозернистых песчаников. Это зеленовато-серые, буровато-серые, коричневые алевролиты и аргиллиты (глины) пестрой фиолетовой, ярко-бурой, желтой, оранжевой, красновато-серой окраски с голубовато-серыми пятнами оглеения. Фации тонкослоистых песчаных отложений имеют низкое таксономическое и количественное разнообразие ископаемых мягкотелых организмов, а ихноценозы наоборот характеризуются относительным разнообразием типов поведения и крупными размерами ископаемых следов. В фации грубослоистых песчаных отложений присутствуют петалонамы, рангеоморфы и псаммокораллы. Диагностическая группа ископаемых макроорганизмов фации косослоистых песчаных отложений представлена арумбериеморфами. Мощность горизонта 140–650 м. Возраст нижней границы котлинского горизонта изотопными методами не определен, но предположительно составляет 550 Ма.

Таким образом, поздневендские макроорганизмы выделены Д.В. Гражданкиным в четыре типа ископаемых сообществ в разных гидродинамических

условиях: а) низкоэнергетические подводные илистые равнины; б) дистальные участки зоны волнения и течений; в) каналы распределительной системы дельты; г) дистальные участки дельтовой равнины. Эти результаты важны для реконструкции ранних этапов эволюции многоклеточных животных и становления экосистем фанерозойского типа.

Фанерозой. В пределах ГКККС фанерозой залегает на докембрийском архейском метаморфическом комплексе, а также на вендских образованиях верхнего докембрия (см. № 1 на ил. 2).

Девонская система (франский ярус) представлена песчаниками, алевролитами, песками и глинами, субгоризонтально и с несогласием перекрывающими древнейшие образования докембрия, включая венд. Окраска пород преимущественно красная и желтая, в верхних частях пестрая. Разрез в районе озера Кенозеро: известняки, доломиты и мергели (около 100 м), вверху: песчано-глинистые, местами пестроцветные отложения (около 200 м). Наиболее характерная фация «древнего красного песчаника» (Old Red sandstone), широко распространенная во всех странах Северного полушария. Находки органических остатков в красном песчанике (панцирные рыбы, филлоподы) рассматриваются как результат смешения лагунно-континентальной и лагунно-морской фаций.

Девонские ландшафты поэтично описаны С. Наугольных: «Продукты разрушения гор сносились на близлежащую равнину водами рек, ручьев и временных потоков. На равнине, ближе к обширным речным эстуариям и лагунам произрастали археоптерисы с раскидистыми кронами. Их минерализованные древесины встречаются в песках Андомской горы. В низинах наше внимание привлекли бы колоннообразные плодовые тела гигантских древних грибов нематофитонов. А на поверхности закладывающихся по соседству гидроморфных подтопляемых почв мы заметили бы небольшие низкоконические возвышения с центральной впадинкой – миниатюрным «кратером», расположенным на вершине. Под этими мини-курганами эволюции, в толще почвенного профиля, скрывались в ожидании нового сезонного подъема воды двоякодышащие рыбы <...> Здесь, помимо относительно мелководных морских, лагунных и аллювиальных отложений, присутствуют и разнообразные континентальные фации (осадки), в том числе с макроостатками наземных растений»¹⁰. Мощность до 300 м. Магматизм этого периода здесь пока не выявлен, но на Зимнем берегу он проявлен в виде кимберлитов с возрастом $374 \pm 1,3 \text{ Ma}^{11}$, а на юго-западе Мурманской области и северо-востоке Финляндии известны щелочно-ультраосновные массивы Вуориярви, Салланлатва и др., возраст которых составляет $383 \pm 7 - 375 \pm 7 \text{ Ma}^{12}$.

Карбоновые отложения являются главным геологическим объектом при исследовании общей инфраструктуры и с четвертичными ледниковыми образованиями создают особенные ландшафтные контуры ГКККС. Выделено три отдела (около 220 м), залегающих трансгрессивно на размытой поверхности древних

разновозрастных отложений. Нижний (около 100 м) – это пестроцветные глины, бокситы, пески, мергели, к ним приурочены залежи бокситов Северо-Онежского бокситового района. Средний (около 100 м) – состоящий из песчаников, алевролитов, органогенных известняков. Верхний – из пестроцветных известняков и доломитов.

По Е.Я. Черниковой¹³, все эти породы размываются грунтовыми и поверхностными водами и подвергаются карстообразованию, а образование провалов и их описание красочно отражено и в местном фольклоре, и в некоторых современных обзорах¹⁴. Повсеместно закарстованные трещиноватые породы с четвертичными отложениями создают особенные отрицательные азональные известняково-гипсово-карстовые ландшафты, «вкрапленные» большими пятнами в подзону средней тайги, а также такой тип карста, как закрытый, или восточноевропейский.

По Н.А. Гвоздецкому¹⁵, длительная история и современные природные условия создали особый тип карста в виде разнообразных западных (отрицательных) форм рельефа, играющих заметную роль в исчезновении и выходе на поверхность многочисленных ручьев и рек, в изменении их режима, в формировании сухолюбивых фитоценозов и т.п. В пределах Каргопольской Суши (см. № 4 на ил. 1) известны провальные воронки, сухие долины рек или ручьев, например в русле реки Чаженьга (от оз. Малого близ бывшей Макарьевской Хеогозерской Пустыни (Лекшмозеро) в оз. Порженское сухой участок длиной 2 км; р. Безводная длиной 12 км уходит под землю за 300 м до впадения в р. Онегу (д. Усачево); приток р. Чурьегга – р. Халуй длиной 15 км на протяжении 2,5 км прячется под землей, а одноименное село стоит на берегу сухой речки). Распространены «крутаны», когда из-под плит известняка вытекает вода, образуя ручей или небольшое озерко, а в другом конце «крутана» вода уходит под землю; пещеры или выходящие на поверхность родники, воронки диаметром от 0,5 до 20 м и глубиной 0,5–7 м с крутыми склонами до 45° (например, в д. Орлова, у Челмского монастыря и др.). На северной дуге ГКККС на правом берегу реки Онеги по дороге к селу Коневу, по А. Моисееву: «в д. Марков (мест. Культура) течет река Медвежья, которая на открытой болотистой местности уходит под землю на сажень, течет под болотом четверть версты, а затем наружу бьет фонтаном. Она впадает в речку Культу, которая тоже за п. Морковской “прячется” под Землю и через 1,5 версты впадает в Онегу <...> Карстовые озера невелики, имеют округлую форму, относительно глубокие. Вода в них прозрачна и отличается повышенной жесткостью. Если есть связь с подземными потоками, то уровень воды в них подвержен резким колебаниям, напр., небольшое озеро у д. Полуборье на Ошевенском тракте (местн. “ляга”»¹⁶.

Пермские образования. На территории ГКККС пермские образования известны только в ее юго-восточной части и характеризуют западную окраину

обширного пермского поля Восточно-Европейской платформы. Они представлены нижним отделом в составе ассельского и сакмарского ярусов (см. № 1 на ил. 2). Первый сложен сильно доломитизированными, огипсованными органо-обломочными, реже хемогенными известняками и окремненными доломитами. Второй – внизу доломитами с прослоями ангидритов и гипсов (местами встречаются прослои конгломератов, песчаников и глин), а сверху – переслаиванием ангидритов, гипсов, огипсованных доломитов и каменной соли. Мощность от 50 до 200 м.

Палеорекострукция. Для ГКККС палеорекострукция со значительными допущениями может выглядеть следующим образом. К началу венда территория юго-восточной Фенноскандии представляла собой мелководье, где выделялись, как острова, древние потухшие вулканы хребта Ветреного Пояса, а также сложенные метаморфическими сильно измененными породами небольшие возвышенности в виде невысокой слабо волнистой местности. Вопрос о следах лапландского оледенения здесь пока остается открытым. С отступлением древнего карбонового моря, вероятно, вдоль Фенноскандинавского материка в пермское время происходило обмеление и закрытие прибрежных водоемов, «закольцовывание» сохранившихся осадочных толщ.

Четвертичные образования очень образно и доступно описаны П. Пятуниным в 1924 году: «Каргопольский край прежде всего интересен тем, что его поверхность покрыта сравнительно недавними ледниковыми образованиями, тогда как западная часть Олонецкой губернии (северная часть Петрозаводского уезда и западная Повенецкого) представляет из себя выходы архейских пород и, следовательно, является, вместе с Финляндией и Скандинавией, *одной из самых древнейших частей нашей планеты*. На всем протяжении поверхность его покрыта ледниковыми глинами и песками, местами с большим количеством разных размеров валунов, несомненными следами последней геологической эпохи. Местные жители передают красивые легенды об окаменелом коне Черного всадника, причудливой формы громадных валунов, на местном наречии “Конь-камень” (с. Река Ошевенской волости). Громадные пространства в волостях Лядинской, Лекшмозерской, по р. Моше и ее притоками, в В и ЮВ углу уезда занимают болота – заросшие громадные озера. В ряде мест сохранились остатки пространств воды (“окна” или “лывы”) бывшего озера, напр., Б. и М. Шуйское в Ряговской волости и множество других <...> Почти повсеместно встречаются “Великие мхи”, представляющие из себя громадные, ровные, зеленеющие пространства, засасывающие все тяжеловесное в свои бездонные пучины»¹⁷.

Гидрогеологические особенности. Данные характеристики ГКККС, как и основной территории Кенозерского национального парка, определяются ее принадлежностью к Воче-Лачскому подрайону на западном склоне Северо-Двинского артезианского бассейна Восточно-Европейской артезианской области.

Основные запасы пресных подземных вод приурочены к верхнепермским и среднекаменноугольно-нижнепермским водоносным комплексам.

Богатства природы издревле привлекали людей на эту территорию, что подчеркивается пока редкими археологическими стоянками: «Половинник», «Карпове», «Кирпич». Наиболее доступными для создания легенд были карстовые пещеры. По данным П.В. Пухова, из карстовых пещер обследована и описана спелеологами пока «Крестовая» на левом берегу реки Онеги в 6 км южнее с. Архангело (Шелуховская) на правом берегу ручья Кладовец в 90 м выше устья¹⁸. Об исследовании пещеры Крестовой известен отчет В.Ф. Лускаева (1984). В 1993–1994 годах производственным геологическим объединением «Архангельскгеология» выполнено ее обследование, проведена фотосъемка и видеосъемка. Основной достопримечательностью пещеры является надпись молитвы в дальней части пещеры на высоте 1,5–1,7 м. Рядом с молитвой на стене выбит крест (отсюда и пещера называется «крестовая», а также «посихинская» (у д. Копосиха). По сведениям С.И. Усачевой¹⁹, текст молитвы появился в период Никоновской реформы. Пещера «Крестовая» имеет большую природную и историческую ценность. А. Никитин в книге «Возвращение к Северу» описывает пещеру около д. Шелье (Троица): «К ней надо было спуститься по тропинке с обрывистого, сложенного из огромных известняковых плит берега, на зеленые пожни, потом пройти немного вниз по течению Чурьегги и подняться через кусты к обрывам. Узкий горный лаз открывался внезапно на переломе обрыва и откоса. ... Стены покрывал ровный горный налет, просачиваясь сквозь камень, мельчайшие капельки влаги приносили и оставляли здесь соли марганцевых соединений. Они сверкали в луче солнца, как микроскопические бриллианты»²⁰.

Природа не могла не вдохновлять уже далеких предков на творчество и в средние века. На территории, в целом, находится более 100 памятников истории и культуры²¹ (ил. 3). Из крупных выделяются комплексы: храмовый ансамбль XVIII века в д. Филипповской; Пятницкая церковь, звонница и мост в д. Лешино; храм Рождества Богородицы в с. Бережная Дуброва, Благовещенская церковь в пос. Пустынька, церковь Сретения Господня и Архангела Михаила в с. Красная Ляга (1655 г.), храмовый комплекс в д. Большая Шалга (пос. Казаково), деревянная шатровая церковь Рождества Христова (1745 г.) и Покрова Пресвятой Богородицы (1857 г.), деревянная шатровая церковь Иоанна Златоуста с отдельно стоящей колокольной в с. Саунино (Кипрово) (1665 г.) и др. В центре ГКККС (см. № 6 на ил. 1) в с. Ошевенский Погост²² находится Александр-Ошевенский монастырь. Исследования жизни святого²³ и народные легенды («Александр очнулся, около него никого не было <...> Дома отец рассказал ему, что это место не простое: там видели таинственный свет, слышали пение незримого хора и звон колоколов...»²⁴) позволяют предположить, что некие природные явления способствовали эмоциональному настрою для богоискательства и строительства обители. Также обращает на себя внимание тот факт, что время

строительства обителей и вся история существования монастыря находятся в зависимости от максимальной солнечной активности, как правило, вдохновляющей на духовные подвиги²⁵. Так, монастырь основан в 1465 году преподобным А. Ошевенским (1427–1479); с 1488 года игумен Максим управлял обителью до 1531 года (увеличились монастырские земельные владения, построена церковь в честь Успения Богородицы); при митрополите Филиппе в 1578-м составлена служба преподобному А. Ошевенскому, Иоанном Грозным отведены земли вокруг нее на пять верст; сгоревшие в 1540 году обе церкви вскоре восстановлены; в 1667-м проведен крестный ход из Каргополя в Ошевенский монастырь; 6 мая 1706 года монастырь целиком сгорел, но в 1707 году было выстроено здание Успенского собора с приделом в честь Сретения Господня и колокольной, а в 1834 году – надвратный Никольский храм; к 1907 году здесь насчитывается 8 человек, 30 коров и 10 лошадей, есть пахотные и сенокосные земли, лесные наделы, рыбный промысел и капитал 23 тыс. рублей и в 1907 году – собственное подворье в Санкт-Петербурге с часовней в честь Святого Пантелеимона. Монахи покинули подворье в 1919 году. С декабря 1927-го до закрытия в январе 1931-го часовня принадлежала иосифлянам. 15 марта 2001 года епископ Архангельский и Холмогорский Тихон благословил воссоздание монашеской общины Александро-Ошевенского монастыря и организацию восстановительных работ. В настоящее время настоятелем является иеромонах Феодосий, в монастыре начаты работы по восстановлению построек. Отсюда вышло немало основателей северных монастырей: преподобный Пахомий Кенский (Кенский монастырь), воспитавший Антония Сийского (Троицкий Сийский монастырь); преподобный Кирилл (Сырьинская обитель); Никодим Кожеозерский, Нифонт Кожеозерский, преподобный Иона Каргопольский, Евфросин Курженский, Макарий Высокоезерский и неизвестные основатели Вознесенской, Макарьевской, Спасской пустынь и др.²⁶

Богата земля Кенозерья на таланты: много здесь поэтов, писателей, художников, мастеровых. В д. Закумixinской (Большой Угол) Каргопольского уезда родился писатель А. Чапыгин (1870–1937); в д. Пирогово – поэт-песенник А. Чуркин (1903–1971) – автор песен «Вечер на рейде» и «Вечерняя песня» («Город над вольной Невой...»); в д. Васильевской (Малый Угол) – Ф. Чумбаров (Лучинский) (1899–1921); в д. Черноково – прозаик М. Черноков (1887–1943); в с. Богданово – поэт Д. Одинцов (1887–1975); в д. Погост Ошевенского сельсовета – Е. Богданов (1923–1999); в д. Книгино – писатель-фронтовик И. Третьяков (1922–2008); в д. Диковской – поэт А. Росков (1954–2011); в д. Няндомы – поэт В. Резник (род. 1936 г.). Не менее талантливы и сегодняшние жители Кенозерья.

Выделенная и описанная авторами ГKKКC представляет собой уникальный комплексный объект международного значения, но научное обоснование она может получить исключительно в дальнейших исследованиях профессионалов разной специализации и любознательных людей.

Примечания

- ¹ Алексеев В.П. Фациальный анализ и палеоландшафты коэволюции // Эволюция осадочных процессов в истории Земли: материалы 8-го Всероссийского литологического совещания. М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2015. Т. I. С. 40–43.
- ² Чернихова Е.Я. Каргопольская Суша: Поверхность бассейна верховьев реки Онеги и ее происхождение // География. 2008. № 22. URL: <http://geo.1september.ru/articles/2008/22/06>.
- ³ См.: Предание о провалившемся в землю доме // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 40. С. 361–362.
- ⁴ URL: http://world-maps.pro/карта_Ошевенский_Погост#И=38.783200,6.
- ⁵ URL: <http://dvinanews.ru/-5tmbppwy>.
- ⁶ Территория Кенозерского национального парка – перспективный уникальный геологический объект для экологического менеджмента / В.В. Куликова, В.С. Куликов, Я.В. Бычкова, М.Н. Мелюгина // Окружающая среда и менеджмент природных ресурсов: тезисы III международной конференции. Тюмень: ТГУ, 2012. С. 122–124.
- ⁷ См.: Соколов Б.С. О возрасте древнейшего осадочного покрова Русской платформы // Изв. АН СССР. Сер. Геология. 1952. № 5. С. 21–31.
- ⁸ Гражданкин Д.В. Хроностратиграфия верхнего венда (на примере разрезов северо-восточной окраины Восточно-Европейской платформы и западного склона Среднего Урала): автореф. дис. ... д-ра геол. наук. Новосибирск, 2011.
- ⁹ См.: Якобсон К.Э. Проблемы венда Восточно-Европейской платформы // Региональная геология и металлогения. 2014. № 60. С. 109–116.
- ¹⁰ Наугольных С. Девонские палеопочвы Андомской горы ГИН РАН. URL: http://www.ginras.ru/p-science/files/naugolnyh2014_devon.pdf.
- ¹¹ Лебедева Н.М., Ларионова Ю.О., Сазонова Л.В. Rb-Sr изотопный возраст флогопитов из кимберлитовых трубок им. В. Гриба и Карпинского – I // IV научная молодежная школа «Новое в познании процессов рудообразования». М., 2014. С. 190–192.
- ¹² Каталог геохронологических данных по северо-восточной части Балтийского щита. Геология рудных районов Мурманской области / Т.Б. Баянова, В.И. Пожиленко, В.Ф. Смолькин и др. Апатиты: КНИЦ РАН, 2002.
- ¹³ Чернихова Е.Я. Указ. соч.
- ¹⁴ Пухов П.В. Карсты Каргопольского района // Юность Поморья: материалы X юбилейной учебно-исследовательской конференции старшеклассников. Архангельск, 2007. С. 51–55. URL: <http://lib5.podelise.ru/docs/34900/index-352945.html>.
- ¹⁵ Гвоздецкий Н.А. Природа мира. Карст. М.: Мысль, 1981.
- ¹⁶ Олонецкие губернские ведомости. 1899. № 77.
- ¹⁷ Пятунин П. Каргопольщина в прошлом и настоящем (географические, исторические и этнографические очерки). Каргополь, 1924.
- ¹⁸ Пухов П.В. Указ. соч. С. 51–55.
- ¹⁹ См.: Там же.
- ²⁰ Никитин А. Возвращение к Северу. М.: Мысль, 1978.
- ²¹ Куликова В.В. Исторические памятники Кенозерского национального парка и некоторых особо охраняемых природных территорий Карело-Кольского региона как отражение влияния циклической активности Солнца и тектоно-физико-химических свойств зем-

ной коры на восприятие человеком природы // Кенозерские чтения – 2013. «Культурные ландшафты: традиции для развития». Архангельск, 2015. С. 178–183, 318–322.

²² URL: http://www.oshevskoe.ru/istoriya_monasyrua.

²³ Пигин А.В. Житие Александра Ошевенского в редакциях XIX века. URL: <http://www.nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/6354/23.pdf;jsessionid=A434DE88DEB242B46EC445308F21C414?sequence=1>; Александр Ошевенский // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru>.

²⁴ URL: <http://omsk-eparhiya.ru/orthodoxbasics/Jitiya/4/R20Aleksandr.htm>.

²⁵ История Земли в галактических и солнечных циклах. Петрозаводск: Изд-во Карельского НЦ РАН, 2005.

²⁶ URL: http://www.oshevskoe.ru/istoriya_monasyrua.

Звон в крестьянской народной культуре Русского Севера

В классификации музыкальных инструментов по общепринятой в мире системе Хорнбостеля – Закса крестьянские колокола, колокольчики, бубенцы, металлические и деревянные била относят к типу 1.1 «Ударные идиофоны». Общее качество этого класса идиофонов – издавать однотонные вибрирующие звуки, воспринимаемые как звон. Ударные идиофоны природного происхождения тоже существуют. Некоторые из них даже функционировали в крестьянской культуре. Например, «Звонкой камень» на острове Колгостров в Онежском озере или «Звонкий камень» у бывшей деревни Вама в Водлозерье (Республика Карелия)¹. В «летние святки» молодежь приходила к ним развлечь себя звенящими звуками, которые получались при ударах по поверхности другим камнем или металлическим предметом.

Древность использования ударных идиофонов уходит в отдаленные эпохи антропогенеза и этногенеза человечества². Как звон человеком воспринимается и феномен сугубо биологического происхождения, именуемый «звоном в ушах». По такому случаю полагается загадать желание и тут же спрашивать у собеседника: «В котором ухе звенит?». Правильное угадывание, якобы, способствует исполнению желания. Суеверно-магическое истолкование данного обычая зиждется на христианских поверьях, что к человеку с рождения приставляется два ангела. Добрый ангел-хранитель незримо пребывает за правым плечом, недобрый ангел – за левым, поэтому, «чтобы не сглазить», надо плюнуть через левое плечо на недоброго ангела. Предназначением этих ангелов якобы является фиксирование добрых и недобрых поступков человека в течение всей его жизни. Считается, что когда накапливается критическая масса деяний того или иного рода, ангелы отправляют «устное сообщение» в поднебесные/подземные сферы, что субъективно человеком расценивается как «звон в ушах». Прекращение звона достигается произнесением фразы: «Знаю, знаю, о чем вы там шепчетесь!». Как видим, в логике простому русскому народу на примере данного суеверия не откажешь. Ощущение звона в ушах люди испытывают и при некоторых болезнях, например при отитах. В заговорах Русского Севера болезнь «золотуху» иногда именуют «звонюхой»: «Заклинаю, заговариваю божье семя золотуху, звонюху из ушей, из мошей, из ясных очей. Аминь»³.

Простейшая конструкция ударного идиофона в крестьянском быту – это деревянная доска (*барабанка*) или металлическая пластина (*било*)⁴. По барабанке

стучали деревянными палочками, подвесив доску на веревочке на грудь, а по билу ударяли обухом топора или любым массивным металлическим предметом. Дробью барабанки пастух обозначал свое присутствие в лесу, чтобы к стаду не приближались звери, чтобы коровы знали, в какую сторону им спастись бегством во время опасности. Металлическое же било в деревне – это профанная замена в повседневном быту литых часовенных колоколов. Основные утилитарные функции била – такие же, как у часовенного колокола: подавать сигнал общего сбора селян, поднимать тревогу в случае пожара, часами издавать звуки, если была надежда, что на эти звуки выйдет из лесу заблудившийся человек или домашнее животное. Звуками била отпугивали пробравшихся в деревню хищников – зимой волков, а летом медведей. Магическая функция отпугивания этого ударного идиофона ярче всего обнаруживала себя в скотоводческих обрядах опаживания деревни от сибирской язвы (*черной смерти*)⁵. При опаживании в било стучали столь же неистово, как во время пожара. В деревне Нюхчозеро в 1929 году во время исполнения этого ритуала не только яростно звонил колокол на церковной колокольне, но и гремели сразу несколько бил, имевшихся в каждой из деревень (концов), входящих в это поселение⁶. Так что функционально звон била в указанном примере уравнивался с сакраментальностью звона церковного колокола.

Крестьянские колокола обладали более продуманной конструкцией, благодаря пустотелому резонатору, который усиливает ударный звук. Принцип извлечения звука у части крестьянских колоколов оставался тем же, что и у била. По их поверхности ударяли легким металлическим предметом. Архаический принцип звукоизвлечения таких колоколов сопрягался в крестьянской культуре с использованием их почти исключительно в обрядовых ситуациях. Крестьянские колокола издавали звон в результате ударов подвешенного внутри них металлического язычка о стенки при раскачивании. Данная конструкция колоколов в крестьянской культуре решительно преобладала.

Деревянные коровьи колокола (*ботала*), традиционные для Русского Севера, выглядят архаично, но конструктивно повторяют язычковый колокол из металла. Их стенки и верх изготовлялись из березовых пластинок, внутри подвешивался кованый железный язычок, который при утрате заменяли железным гвоздем. В конце XIX – начале XX века деревянные ботала во всех деталях воспроизводили свой прототип – уплощенный с боков «подпрямоугольной» формы колокол, изготавливаемый из жести. Деревенскими кузнецами на жестяные колокола «для красоты», защиты от ржавчины, а также для достижения более звонкого их звучания нередко наносили тонкий слой меди. В Карелии колокола из обмедненной жести называли *воркунами*. Утилитарные функции крестьянских колоколов, надевавшихся на шею домашних животных, сводились к тому, чтобы побряканью определять место нахождения этих животных, которые часто паслись в лесу сами по себе без надзора пастуха.

Литые конские поддужные колокольчики (*валдаи*) и бубенцы (*шаркунки*) крестьяне Обонежья обычно покупали на деревенских ярмарках. Крупнейшим центром производства литых изделий на Русском Севере была Выгореция. Старобрядцы отливали любые колокола, включая поддужные, и более мелкие конские *колокола-прозвонки*⁷. *Прозвонком* же звали и самый малый медный колокольчик для овец. Коней на выпас в лес отпускали только с валдаями и прозвонками, коров – и с боталами, и с воркунами. Утрата колокола даже рядовой коровой была плохой приметой. Если же его теряла корова-вожак, это рассматривалось крестьянами как предвестие крупной потравы диким зверем всего деревенского стада⁸. Всего один прозвон, а то и шаркун, исключительно из экономии, вешали только на шею барана-вожака.

Утилитарно-обрядовый характер в крестьянской культуре Русского Севера носило использование звонкого конского колокола для жестокого умерщвления медведя, задравшего сразу трех и более коров⁹. Чтобы исполнить месть, созывался местный сход, по его решению собирались деньги, на которые закупалось ведро водки. Ведро с содержимым закапывали рядом с тушами мертвых коров так, чтобы зверь не смог случайно его опрокинуть. Насытившийся медведь неизменно выпивал всю водку из ведра, после чего бесчувственно валился на землю. Тут к нему подходили следившие из-за укрытия охотники, но не убивали топором, не закалывали рогатиной, а вешали зверю на шею на крепком кожаном ремне звонкий конский колокол. Проснувшийся зверь не мог освободиться от колокола, днем и ночью беспрестанно тряс головой. В результате через четыре-пять дней медведь погибал в тяжких мучениях от изъязвления желудка и пищевода. Столь же необычно использовали мелкие бубенчики наши купцы и торговцы, когда кошки уже не справлялись с охраной съестных припасов от крыс. В таких случаях в вине намачивался хлеб или зерно в качестве приманки. Одну из захмелевших до бесчувствия крыс не лишали жизни, а привязывали ей на шею самый мелкий бубенец. Протрезвевшая крыса бежала к сородичам, а те, пугаясь звона, убегали от нее. Так склад либо сразу несколько амбаров освобождались на время от засилья грызунов. Автор этих строк с данным способом борьбы с крысами ознакомился в раннем детстве методом «включенного наблюдения».

Магические функции приобретал звон коровьих колокольчиков и овечьих прозвонков в традиционном скотоводческом обряде накануне общего для всего Русского Севера праздника Егория Весеннего¹⁰. В это утро матери будили детей младшего возраста, надевали им на шею все имевшиеся в хозяйстве колокола и колокольчики домашних животных и велели оббежать трижды вокруг дома. Если собственных деток в доме не было, о своеобразном одолжении просили соседских ребятишек. Дети трижды оббегали вокруг дома (иногда объезжали верхом на сковороднике), позвякивая колоколами. Когда пробежали мимо окна в красном углу, хозяйка в приоткрытое окно спрашивала: «Дома ли коровуш-

ка? Дома ли овечушки? Здоровы ли?». На что дети отвечали утвердительно: «Дома, дома!», «Здоровы, здоровы!». Потом дети с колоколами на шее бегали вокруг хлебов и конюшен, своих и соседских, приглашая домашних животных «к зеленой травке, к теплему летушку». Под вечер, накормив детей, хозяйки шли к реке, колодцу или лесному роднику и намывали там эти колокола и колокольчики. Они наполняли ими полный подойник ключевой воды, местами опускали лишь один-два колокола. Подойник с водой ставили на полку в кладовке, воду из колокола переливали в бутылку и хранили за иконой. В первый день реального выпаса (он на Севере редко совпадал с днем Егория Весеннего) эту воду добавляли в поило скота, остальное хранили в течение года на случай использования при болезнях домашних животных. Считалось, что при лечении животных свойства такой воды будут не меньшими, чем у освященной в церкви святой воды.

Сакраментальная и развлекательная функции крестьянских колоколов то и дело обнаруживаются в обрядах традиционного жизненного цикла. К примеру, если ребенок в полтора – два года не говорил, то знахарка шла набрать до восхода солнца воды с быстрого течения или из лесного ключа, и несла в дом, где живет такой ребенок, ни с кем в пути не заговаривая. Дома ребенку давали немного попить из колокола, после чего остатки воды выплескивали за спину левой рукой и звонили этим колоколом над теменем ребенка. Обычай принимать лекарство из колокольчика или звонить над теменем младенцев для излечения недугов, связанных с речью, известен и у других славянских народов, вплоть до южных славян¹¹.

Дети на Русском Севере нередко использовали колокол в своих играх. Например, в игре «Олени и медведь», «Волки и овцы» и др. Игру начинал звон ведущего (*атамана*) в колокольчик. Младшие дети (*олени*) начинали опасно двигаться в сторону спрятавшегося за гребень горы, камень или кочку старшего ребенка (*медведя*), припевая: «У медведя на бору, грибы-ягоды беру». При этом остальные пригибались к земле и пощипывали травку, имитируя поведение оленей¹². А было бы у них достаточно колокольчиков, то, наверное, каждый бы еще и в свой колокольчик позванивал.

Северно-русские девушки считали, что с помощью магии колоколов и колокольного звона, можно поднять *девичью славу*, чтобы ускорить замужество¹³. Так на Пасху они звонили с заветной целью: «Чтобы слава моя рабы божьей (имярек) разнеслась так далеко, как слышен этот колокольный звон». В Благовещенье под колокольный звон девушки расчесывали волосы. Забираясь тайком на колокольню, намывали колокол водой, приговаривая: «Как этот колокол далеко звенит, так моя слава далеко летит». Слитую с колоколов воду заготавливали в бутылочках впрок, чтобы, умываясь, повышать свою привлекательность для парней в дни гуляний и праздников. С той же целью они скоблили ножами упряжную дугу приезжих сватов выше крепления поддужного колокола. Водой

со стружками и древесной пылью не только умывались, но и пили ее, чтобы повысить свою славу и привлекательность.

Особая роль отводилась звонам в молодежных святочных гаданиях. Гадая на перекрестках дорог и росстанях, у прорубей и колодцев, на сарае, приезда сватов ожидали с той стороны, с которой раздавался звон колокольчиков свадебного поезда. Слушая у церковных и часовенных замочных скважин, желали услышать «Аллилуйя» и свадебные звоны, а вовсе не «Со святыми упокой» и похоронные звоны.

В ночных гуляниях ряженных на святки северно-русская молодежь в качестве ударных идиофонов использовала связанную печную утварь: вьюшки и заслонки, металлические ложки, поварешки, дуршлаг, щипцы для углей, сковороды, сковородники, ухваты. Ими могли отбивать такт для пляшущих в полнейшем молчании ряженных, некоторые из этих предметов могли побрякивать на их поясе. В Поморье ряженные могли также использовать и классические идиофоны – колокольчики или бубенчики, спрятанные в рукава или еще куда-нибудь под одежду¹⁴.

Отдельно следует отметить роль колокольного звона в архаическом обряде конских забегов, которые устраивались парнями, призываемыми в рекруты или на войну. В гривы лошадей вплетались разноцветные ленты и банты, их привязывали также и к седлам, под шеей лошади непременно крепился звонкий медный колокольчик, а сбрую могли украшать бубенцы. По команде попарно, а если участников было мало, то и гурьбой, всадники срывались с места и устремлялись в забег на две версты. Победителей у околицы встречали девушки, пели им задравные песни, обнимали и целовали победителей, дарили венки из цветов. Если во время гонки кто-нибудь не удерживался в седле и падал, считалось, что служба у него пойдет плохо или что живым с войны он может не вернуться. Говорили: «Если упал с коня, то не воин и был»¹⁵. Роль колоколов здесь была ни чисто парадной, ни чисто утилитарной¹⁶ – обряд носил исключительно прогностический характер. Скорее всего, в нем также подспудно проявлялась главная сакраментальная функция ударных идиофонов – оберегать человека от несчастий и разных злых духов и колдунов.

Весьма ярко магическая функция ударных идиофонов являла себя в северно-русском свадебном обряде. Хорошо известно, что сваты ездили со своим делом в чужие деревни, подвязав язычок поддужного колокола либо вообще спрятав его в карман, а сосватав невесту, колокол *освобождали*, возвращались домой так, что трезвон стоял на всю округу. Менее известны тайные манипуляции сватов, которыми они надеялись добиться успеха. В дорогу они брали с собой в карман заговоренный колдуном женский повойник, с заткнутыми в него английскими булавками («Чтобы вернее получилось невесту обабить»), а если надеялись сосватать невесту в один день, то и медный колокол (без подвесного язычка) с кованым стержнем для извлечения звука¹⁷. Последний

был нужен в церемонии официального подтверждения договоренности о заключении брака, именуемой *богомольем*. Как только затихал звон, железный стержень сваты вставляли внутрь колокола (имитируя будущий коитус новобрачных) и прятали себе в карман¹⁸. Далее под образами зажигалась свеча, родители жениха и невесты начинали совместное моление, а невеста принималась причитать. С этого момента девица из состояния обычной сельской девушки в глазах народа переводилась в состояние сосватанной невесты на выданье. Девушка, которую выдавали вопреки воле, могла противиться воле родителей, опрокидывая и задувая свечу. На ситуацию это радикально не влияло. Вот если ей или сестрам удавалось похитить свадебный колокольчик из кармана сватов, обряд откладывался, иначе бы сделка сватов и родителей считалась «юридически незначимой». С конца XIX века в свадебной обрядности произошла замена архаического колокола на язычковый и прежние уловки несогласных на брак невест потеряли всякий смысл: колокольчик приносили от соседей, а свечу зажигали снова и снова¹⁹. Так что невеста, волей-неволей, начинала причитывать:

*Как не в колокол ударили,
Не к обедне затрезвонили,
Мою волю обневолили...*

К венчанию в церковь жених и невеста на Русском Севере ехали каждый в своих снях, а после венчания – в снях молодого. Само венчание происходило под венчальный перезвон. К выходу новобрачных из церкви главный колокол в повозке невесты дружка перевешивал на упряжную дугу коренного коня жениха («чтобы жили дружно», «с одного голоса»). При отъезде в дом молодого одновременно радостно звонил колокол на церкви, звенели конские колокола на свадебной дуге, трезвонили бубенцы на сбруе. В первую брачную ночь колдун ходил вокруг дома новобрачных, постукивая топором по печной вьюшке, чтобы звон этот рассеял происки враждебных колдунов²⁰.

Похоронные звоны – это сфера почти исключительных забот церкви. Лишь изредка крестьянин поднимался на звонницу по печальному поводу. Вот пример из экспедиционных записей: «Зазвоню, звоню в колокол, пусть покойная матушка слышит его за лесами, за озерами»²¹. Изредка звон колокола северно-русские крестьяне практиковали в обрядовом *бужении покойных*, когда приходили навестить могилы родственников. Вероятнее всего, этот обычай возник в результате трансформации старинного «чудского» (вепсского) обычая «будить умерших» стуком (костяшками ладони) в надгробный знак. В экспедиции 1997 года мы зафиксировали, что на кладбище в селе Андома (Вытегорский р-н Вологодской обл.) колокол без язычка был прибит гвоздем к надгробному кресту несколько выше уровня перекладки, гвоздь же висел на веревочке отдельно на правой

перекладине²². В городе Вытегре на Воинском кладбище на могильном кресте одного из клана Насонковых был подвешен на гвоздик небольшой колокольчик, а к язычку его шла капроновая нитка, за которую дергали, когда требовалось позвонить. Чтобы ветер не раскачивал колокольчик и не звякал попусту, родственники, уходя с кладбища, натягивали нитку и закрепляли ее на гвоздике снизу. Как видим, и здесь архаический колокольчик заменили на исторически более поздний язычковый.

Понимание того, как и зачем был нужен колокол без язычка, все дальше уходит от нашего времени. В 2016 году наш информант В.В. Баженов из деревни Семеново на Кенозере никак не мог взять в толк, зачем вообще нужен был колокол без язычка, который он разыскал у себя в старом сарае.

Примечания

¹ Мельников И.В. Святилища древней Карелии (палеоэтнографические очерки о культовых памятниках). Петрозаводск: Кар НЦ РАН, 1998. С. 68–70; Логинов К.К. Ландшафт и легенды о назначении и принадлежности природных и каменных объектов в Обонежье // Труды Карельского научного центра РАН. Сер. Гуманитарные исследования. 2012. Вып. 5. С. 45.

² Сёке П. Происхождение музыки и три ее мира: физический, биологический и человеческий. Будапешт, 1982, Дембовский Я. Психология обезьян. М.: Наука, 1963. С. 111; Логинов К.К. Пространство народной музыки в современном мире // PAX SONORIS. 2014. Вып. VIII. С. 32; и др.

³ Логинов К.К. Семейные обряды и обычаи русских Заонежья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. С. 47.

⁴ В качестве народной терминологии в статье представлена лексика русских жителей Карелии, которая не всегда совпадает с лексикой народных говоров Архангельской, Вологодской и Ленинградской областей.

⁵ Крестьянское горе // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 85; Матросов А. Крестьянское поверье // Олонецкие губернские ведомости. 1909. № 64; Его же. Село Кузаранда // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 19; Логинов К.К. Трудовые обычаи, обряды, запреты и приметы русских Заонежья // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1986. С. 41.

⁶ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее НАКНЦ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 706. Л. 11–13.

⁷ Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Наука, 1993. С. 31, 59.

⁸ Его же. Трудовые обычаи, обряды, запреты и приметы русских Заонежья // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1986. С. 83.

⁹ Силантьев А.А. Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898. С. 118; Логинов К.К. Трудовые обычаи, обряды, запреты и приметы русских Заонежья. С. 50.

¹⁰ См. напр.: Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. С. 73.

¹¹ Колокола и колокольчики – магические и лечебные. URL: myJane.ru.

¹² Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обычаи, обряды и конфликты. М.; Петрозаводск, 2010, С. 124.

¹³ Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического общества. Пг., 1915. Т. 2. С. 909; Логинов К.К. Девичья обрядность русских Заонежья // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: Кар НЦ РАН, 1986. С. 68; Его же. Традиционный жизненный цикл... С. 191.

¹⁴ Логинов К.К. Музыкально-акустический компонент святочных традиций народов Карелии // PAX SONORIS. 2014. Вып. VIII. С. 58–62; Ковыршина Ю.И. Календарная традиция Карельского берега Белого моря // Комплексные гуманитарные исследования Белого моря / под ред. М.Г. Косменко, Н.В. Лобановой, И.И. Муллонен. Петрозаводск: Острова, 2007. С. 125–150.

¹⁵ Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл... С. 202.

¹⁶ В дороге главная утилитарная функция конских колоколов состоит в том, чтобы предупредить встречных не видимых за поворотом людей, всадников и возниц других экипажей о своем приближении.

¹⁷ Кузнецова В.П., Логинов К.К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск: Кар НЦ РАН, 2001. С. 33.

¹⁸ Бабий повойник с булавками и прозвеневший на сватовстве колокол сваты прятали в сундук у себя в доме на 40 дней, чтобы свадьбе и молодым «никакое колдовство не помешало».

¹⁹ Монахова А.С. Дивная Водла – земля. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2012. С. 55; НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 626. Л. 11.31.

²⁰ Певин П.П. Народная свадьба в Толвуйской волости Петрозаводского уезда // Живая старина. 1893. С. 247–248.

²¹ Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл... С. 389.

²² Его же. «Вепский след» в традиционной культуре русских северо-запада Вытегорского района // Вытегра 2. Краеведческий альманах. Вологда, 2001. Вып. 2. С. 137.

Дом Л.И. Федотовой для «заветных» в монастырском ландшафте Лекшмозерья: история владения и архитектурная биография

В монастырском ландшафте Лекшмозерья достаточно хорошо изучены памятники культовой архитектуры. Поселения, включающие жилые дома и хозяйственные постройки причта до сих пор остаются в тени исследований. Целью настоящей статьи является выявление и систематизация материалов по истории памятников гражданской архитектуры Лекшмозерья, а также история владения и архитектурная биография утраченного памятника начала XIX века «Дом Л.И. Федотовой», располагавшегося на территории бывшей Макарьевской Хергозерской пустыни. Деревянные жилые дома, построенные уже во время существования прихода после упразднения монастыря, а также крестьянские дома, возникшие здесь в начале XX века, несомненно, дают более цельное представление о ландшафте «Макария» (ил. 1).

Памятники гражданской архитектуры (прежде всего, традиционного жилища) Лекшмозерья не являлись предметом отдельного исследования, а лишь включались в обзорные историко-архитектурные материалы¹. Первое и наиболее глубокое описание традиционного жилища Кенозерья представлено в работе М.А. Ильина «Крестьянская изба Кенозерья»², в которой анализ дома Баженова в деревне Вершинино дополнен авторскими гипотезами по поводу происхождения пятистенка «изба-горница», что не потеряло своего значения до настоящего времени. Важным источником по теме настоящей статьи стала монография И.В. Маковецкого «Памятники народного зодчества Русского Севера»³, где впервые указаны крестьянские селения Лекшмозерья: деревни Гужово, Масьельга и др.

Несомненный интерес представляет научный отчет авторского коллектива Научно-исследовательского института историко-теоретических проблем народного зодчества под руководством В.П. Орфинского, представляющий характеристику структуры жилищной части, описание декоративных элементов и традиционных деревянных конструкций зданий⁴.

Фотографии и короткие аннотации о крестьянском жилище в деревнях Масьельга, Хижгора, Гужово, Орлово обнаружены в научном отчете Специальной научно-реставрационной производственной мастерской «Обследование памятников деревянного зодчества Каргопольского района Архангельской области», оцифрованном и хранящемся в архиве Кенозерского национального парка⁵.

Важной для данной работы являются публикации Г.Н. Мелеховой и В.В. Носова «Русские. Традиционный уклад Лекшмозерья»⁶, а также Н.Я. Ушакова и Л.И. Фарковой «Хергозерско-Макарьевская пустынь – жемчужина исцелений»⁷, где описаны дома на «Макарии», но, к сожалению, материал об интересующем нас доме Л.И. Федотовой как в этих изданиях, так и в описанных выше, отсутствует.

Источниковедческую основу работы составили документы – архивные материалы и фотографии, а также интервью со старожилами Лекшмозерья. Эти интервью собираются в рамках исследовательской программы Кенозерского национального парка «Паспортизация деревень» и хранятся в его электронном архиве (см. таблицу).

Характеристика паспорта д. Макарьевская

Информант	Год рождения	Место рождения	Исполнитель записи	Год записи
Ушаков Николай Яковлевич	1934	д. Масельга	Шевелев В.Д.	2016
Попов Николай Иванович	1959	д. Морщихинская	Мелютин М.Н.	2016
Нефедова Зинаида Яковлевна	1956	Октябрьский выселок	Мелютин М.Н.	2008, 2017
Растерхова (Ушакова) Вера Яковлевна	1946	Октябрьский выселок	Анциферова А.И.	2009
Пономарева Анна Петровна	1932	д. Хвалинская	Мелютин М.Н.	2017
Пономарев Владимир Акакиевич	1929	д. Морщихинская	Мелютин М.Н.	2017
Вавулинский Петр Дмитриевич	1939	д. Морщихинская	Мелютин М.Н.	2017
Патракева Мария Яковлевна	1931	д. Морщихинская	Анциферова А.И.	2012
Ушакова Зоя Яковлевна*	1950	Октябрьский выселок	Мелютин М.Н.	2017

Важнейшее значение как визуальный источник имеют фотографии, выявленные В.Д. Шевелевым и М.Н. Мелютиной в семейных архивах А.Б. Виноградова, Н.Я. Ушакова (г. Каргополь), Н.П. Карцевой (г. Москва).

Дом Л.И. Федотовой располагался на территории Макарьевской Хергозерской пустыни в Лекшмозерской волости Каргопольского уезда Олонекской губернии, примерно в 85 километрах от Каргополя. Макарьевская пустынь была основана в XVII веке в память преподобного Макария Желтоводского и Унженского, устроителя Макарьево-Желтоводского монастыря на берегу Волги и Унженской обители в костромских землях. Макарьевская Хергозерская пустынь – один из самых достопамятных культовых центров Лекшмозерья. К середине XVII века здесь сложился характерный для северных монастырей деревянный храмовый комплекс. Летняя церковь во имя Живоначальной Троицы с Макарь-

евским (Макарьинским) приделом была построена в 1653 году. Зимняя церковь Введения Богородицы, сооруженная в 1658 году, включала приделы Николая Чудотворца, преподобного Александра Свирского и московских святителей Петра, Алексея и Ионы. В 1764 году в связи с религиозными реформами Екатерины II Макарьевская пустынь была упразднена, а храмы переданы образованному Хергозерскому приходу. Крестьяне семи деревень, находившихся на значительном расстоянии от обители, стали его прихожанами. В конце XVIII века к приходу приписали Георгиевскую церковь в «Порженской выставке у деревни Федоровской», построенную в 1782 году. Несмотря на малочисленность прихожан, «усердием богомольцев», привлеченных на Хергозеро молвой о чудесах иконы Макария Унженского, был создан каменный приходской ансамбль, заменивший древние храмы. Первой была перестроена Введенская церковь: в 1786–1790 годах вместо деревянного храма возвели каменный с приделом в честь Николая Чудотворца. Небольшая одностолпная церковь завершалась пятиглавием, а ее алтарные апсиды покрывали килевидные деревянные рубленые бочки⁸. Введенская церковь до наших дней не сохранилась, была разобрана на кирпичи в конце 1960-х годов. Троицкий храм оставался деревянным до пожара 1857 года, во время которого погибло не только здание, но и утварь, иконы, книги. Новую пятиглавую Троицкую церковь построили по образцовому проекту из «Атласа проектов сельских церквей», альбомы которых издавались с 1838 года. На строительство храма был подрячен крестьянин Вельского уезда Вологодской губернии Петр Давыдович Шамин⁹. К 1868 году строительство одноэтажного трехпрестольного кирпичного храма было завершено. По сторонам от Троицкого престола находились Макарьевский и Борисоглебский приделы. На рубеже XIX и XX веков комплекс строений бывшей Макарьевской пустыни окружала деревянная стена. На ней была башня с флажками, которая подходила к берегам Хергозера. Вход в ограду монастыря был через большие двери, окованные железом. В центре архитектурного ансамбля располагался пятиглавый каменный собор во имя Святой Животворящей Троицы. В храм вели три входа: с западной, южной и северной сторон. Вблизи южного храмового входа отдельно была поставлена каменная восьмиугольная колокольня, высотой не более 8 сажен. Рядом с ней располагался каменный пятиглавый теплый храм во имя Введения во Храм Богородицы. Южнее храмов под большим деревянным навесом, обнесенным перилами, находился деревянный крест. Внутри ограды монастыря были построены «холодные чуланы», которые за плату сдавались паломникам (ил. 2)¹⁰.

На территории «Макария» во время существования Хергозерского прихода жили изначально священники, псаломщики и другие причетники церкви со своими семьями. «С 1783 г. земля нарезана и ею владеют священноцерковнослужители»¹¹. Документы свидетельствуют, что до революции в разные годы здесь находилось два двора¹². Нам известны имена и годы служения проживающих здесь в XIX–XX веках священнослужителей: Михаил Георгиев (1825 г.), Нико-

лай Воскресенский (до 1898 г.), Дмитрий Иванович Лебедев (1897–1914), Алексей Иванович Кипреев (1910–1911), Василий Павлович Авров, псаломщик Иван Петрович Пятницкий (1910 г.), Дмитрий Кожевников (1916 г.)¹³. Последним священником Троицкой церкви упраздненной Макарьевской пустыни, Ильинской церкви в деревне Думино и Георгиевской церкви в деревне Федоровской был Петр Алексеевич Дьячков (1886 – ?), проживавший в деревне Думино. Последним диаконом Хергозерского прихода был Стефан Федорович Морозов (1889–1975). Служение в церкви продолжалось до 1930 года¹⁴, несмотря на то, что в документах Каргопольского уездного земельного отдела от 16 августа 1919 года сообщается: «Для сведения и объявления гражданам Хергозерского прихода, что постройки и земли Макарьевской пустыни взяты на учет и там предложено открыть детскую колонию. Кроме того, гражданам Хергозерского прихода объявить, что власти на местах нет, а существует власть Советская, органом которой является земельный отдел, которому и принадлежит право распределения свободных земель и построек нетрудовых хозяйств, а поэтому постановление прихода от 17 ноября 1918 г. не должно иметь место»¹⁵. В списке деревень Лекшмозерской волости за 1919–1921 годы территория бывшего Макарьевского монастыря названа Октябрьским выселком¹⁶. В 1937 году, когда здесь был образован лесопункт, территория бывшего монастыря получила это название уже в качестве официального (З.Я. Нефедова, запись М.Н. Мелютиной, 2008 г.). После коллективизации Макарьевские угодья принадлежали Думинскому колхозу «Коммунар» (1931 г.), который позднее был переименован в колхоз «Победа». В суровую зиму 1961 года все жители «Макария» были насильно выселены приказом местных властей. «Макарий» как жилой ландшафт умолкал.

План-схема, составленная Г.Н. Мелеховой со слов Ольги Васильевны Ушаковой (1911–2003), служит ориентиром в жилой застройке «Макария»¹⁷ (ил. 3). В 1940-х годах у церкви стоял дом Родионовых Прасковьи Ивановны (по другим сведениям, Николаевны) и Ивана Васильевича – маленький, перестроенный из чулана (ил. 2, 4). Далее располагались два двухэтажных дома Басовых (ил. 5.) и Лидии Ивановны Федотовой.

В устной истории наиболее ярко сохранилась память о доме Басовых, известном под названием «Дом священников». Пока не удалось выяснить время его строительства, но известно по документам, что он в 1898 году был приобретен священником Дмитрием Ивановичем Лебедевым (годы служения – 1897–1914) от бывшего священника Николая Воскресенского за 500 рублей. Псаломщик из послушников Александро-Ошевенского монастыря жил в одном доме со священником в отдельной комнате, распложенной внизу¹⁸. Наибольшее количество воспоминаний местных жителей связано с этим домом потому, что до 2003 года была жива О.В. Ушакова, внучка священника Хергозерского прихода Д.И. Лебедева. Она с мужем Яковом Васильевичем Ушаковым и пятью детьми проживала здесь до выселения в 1961 году.

Сегодня дети Ольги Васильевны, прекрасно помнящие этот дом, с удовольствием делятся своими воспоминаниями (ил. 6). По рассказам О.В. Ушаковой, ее отец Василий Тимофеевич Басов переехал с семьей в «Макарий» из Ленинграда после 1926 года. Священников выселили из своих домов, а крестьян приглашали жить и строиться на освобожденных землях. В.Т. Басов купил двухэтажный дом священника Д.И. Лебедева (отца его жены Александры Дмитриевны Лебедевой). Строение разобрали, часть его была продана богатой семье Шевелевых из деревни Токарево. Они построили себе дом на берегу Келейного озера, а второй этаж стал основой для строительства дома Ушаковых. Затем в доме Шевелева после раскулачивания хозяина поселилась семья Подшиваловых. По свидетельству очевидцев, до 1988 года еще оставалась часть этого дома. Двухконечная, небольшая сторожка, в которой жил сторож, находилась между домами Басовых и Л.И. Федотовой. Следующим был дом староверов Марии Васильевны и Федора (?) Пospelовых, переехавших из Ошевенска. Он стоял в поле, на полянке, «на горбышке». Дом был двухконечный, в одном конце жили летом, в другом – зимой (ил. 7)¹⁹.

Были в «Макарии» и хозяйственные сооружения: две бани (Басовых и Федотовой), ледник, амбары, гумно (одно на все хозяйство). В дореволюционные и колхозные времена здесь косили сено, выращивали хлеб, держали скот. В.Я. Растерхова вспоминает: «Я пасла телят до 200 штук. Мы дома в 1950-е годы держали овец, корову, кур, свинью» (В.Я. Растерхова (Ушакова), запись А.И. Анциферовой, 2009 г.) (ил. 8).

На территории «Макария» находилось два заметных двухэтажных дома. Если о жилище семьи Басовых-Ушаковых сохранилось достаточно воспоминаний, то о доме Л.И. Федотовой и ее владелице информации значительно меньше. Архивные источники позволили обнаружить сведения об архитектурной биографии дома и истории его владения.

Строение принадлежало светскому лицу – чиновнику Василию Макарьевскому, который пожертвовал его в пользу церкви для гостиницы паломников. Вероятно, позднее дом перешел во владение вдовы хергозерского диакона – Евдокии Ивановны Поповой, а затем ее дочери – Елене Петровне Поповой и их родственнице Лидии Ивановне Федотовой (Поповой). В Государственном архиве Архангельской области удалось обнаружить следующие сведения: «здание, принадлежащее церкви: *дом, перестроенный на церковную сумму из старого дома*, пожертвованного в церковь умершим чиновником Василием Макарьевским, служил гостиницей для помещения богомольцев (весьма холодное). Одна половина служила помещением богомольцев, а вторая остается ради скудости недоделок и может иметь ночлег только в летнее время»²⁰. В документах за 1907–1910 годы сообщается, что «дом принадлежал вдовствующей Евдокии Ивановне Поповой (1826 г.р.), которая родилась в сем приходе, грамотная, состоит при сей церкви просфорней и получает вознаграждение из церковных сумм, 12 рублей

в год, а также из Епархиального попечительства, вдова умершего диакона Хергозерского прихода, *имеет собственный дом с дворовыми постройками, амбар, баню, ледник*». Вероятно, дом после передачи Василием Макарьевским церкви и дальнейшей его перестройки был отдан сиротствующей жене умершего диакона Хергозерского прихода Е.И. Поповой, и впоследствии домом владела родственница диакона – Л.И. Попова (Федотова).

О владельцах дома известно следующее: мужем Евдокии Ивановны Поповой был диакон Петр Попов, у них были дети – Елена Петровна (1868 г.р.) и Александр Петрович (1860 г.р.). Существует и более подробная информация: А.П. Попов «родился в Хергозерском приходе. По окончании курса в Каргопольском Духовном училище в 1877 г. на службе нигде не состоит и ведет бродячую жизнь по Российской Империи. Елена, девица, проживает при матери, помогает в просфоропечении и получает пособие из Епархиального Попечительства 8. р. в год»²¹. О просвирницах «Олене» Петровне, старой деве, и Лидии Ивановне Федотовой (Поповой) помнит и местная жительница З.Я. Нефедова (запись М.Н. Мелютиной, 2008 г.).

По воспоминаниям Н.Я. Ушакова (запись В.Д. Шевелева, 2016 г.), в 1930-х годах в доме жили две «монахини»: Алена (Олена Петровна, дочь диакона Петра Попова) и Серафима (1890 г.р.), по нашему предположению, дочь священника Алексея Иванова Кипреева²². После их смерти (в начале 1940-х гг.) в доме жили Мария Ивановна Попова, в отношении которой есть косвенные данные о том, что она была родственницей Кузьмы Алексеевича Попова, директора школы в Лекшмозере, и Лидия Ивановна Федотова.

О последней владелице дома Л.И. Федотовой (Поповой) известно, что она «родилась в сем приходе в 1899 г., грамотная» (в других документах дата рождения – 1887 г.)²³. По свидетельству местных жителей, Елена Петровна Попова приходилась ей тетей, и можно предположить, что она является ее родственницей, но, вероятно, дальней, т.к. сведений о других детях диакона Петра Попова обнаружить не удалось. Л.И. Федотова (Попова) вышла замуж и в 1932 году родила дочь Евдокию. После смерти мужа (по воспоминаниям, погибшего на Великой Отечественной войне), она вернулась в «Макарий» к своей тете – Елене Петровне. Евдокия, дочь Л.И. Поповой, после замужества проживала в деревне Орлово, рано умерла во время работы на лесозаготовках (А.П. Пономарева, запись М.Н. Мелютиной, 2017 г.).

По рассказам очевидцев, Лидия Ивановна была очень гостеприимным человеком, многие вспоминают ее чайный стол с красивой фарфоровой посудой. Ее дом служил паломнической гостиницей, где проживали «заветные» – странники, приходившие в монастырь «по завету». Еще в 1950-х годах в полуразрушенных храмах силами местных «набожных и знающих стариков» (их величали батюшками) и певчих совершались службы на «Макарии» (ил. 9). В доме были сделаны кельи для паломников, которые занимались обработкой земли, ухажи-

вали за скотом, выполняя работу бесплатно. Л.И. Федотова стала последней хранительницей церковных ценностей и ключей от Троицкой церкви монастыря.

В отделе научно-реставрационной документации ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря хранятся фотографии онежских экспедиций Н.Н. Померанцева – крупного теоретика и практика музейного дела, реставратора и исследователя памятников древнерусского искусства. Участники экспедиции в 1958 году под руководством Н.Н. Померанцева Н.А. Крошечкин, Г.Н. Кузнецов, И.Н. Петров вывезли наиболее ранние памятники из Свято-Троицкой церкви: северную дверь «Мария Египетская, Праведник Зосима, с клеймами жития» (XVII в.) и икону выносную «Богоматерь Знамение, избранные святые» (конец XVII – нач. XVIII в.), которые хранятся сегодня в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» (г. Архангельск). В отделе научно-реставрационной документации ВХНРЦ содержится копия документа о передаче этих памятников местными жителями Я.В. Ушаковым и Л.И. Федотовой художникам-реставраторам²⁴.

Последние годы Л.И. Федотова жила в доме-интернате в Каргополе, где умерла в начале 1960-х годов (Н.Я. Ушаков, запись В.Д. Шевелева, 2016 г.). Архив дома-интерната 1960-х годов утрачен, поэтому не удалось уточнить дату смерти Л.И. Федотовой, в ЗАГСе же информацию предоставляют только родственникам.

Дом Л.И. Федотовой представляет собой старинный тип четырехстенка с четырьмя фасадными окнами по первому и второму этажам (ил. 10). Здание относится к дому-комплексу с однорядной последовательной связью жилой и хозяйственной частей и общим направлением коньков крыши (тип «брус») (ил. 11). Строение состоит из избы, горенки, хозяйственного двора и дворовых сеней. Наличие планировочного элемента – дворовых сеней на подклети, из которых вход ведет в жилые помещения и двор, является характерным примером для Лекшмозерья. Важным признаком хозяйственной части крестьянского дома является столбовое решение двора-сарая.

По наблюдению В.П. Орфинского, в Карелии дома-комплексы с опиранием верхнего яруса двора-сарая на столбы, позволяющим заменять быстро гниющие хлева без разборки вышележащего сруба, абсолютно преобладают в Заонежье и Пудожье. Пудожский край непосредственно примыкает к Лекшмозерью, и столбовые конструкции дворов-сарая распространены на этой территории. Столбовая конструкция является более старым архитектурным решением. Серьезную конкуренцию столбовой конструкции двора-сарая составили бесстолбные решения в Кенозерье²⁵.

Специфика дома Л.И. Федотовой состоит в том, что здесь присутствует смешанный вариант, когда левая часть двора опирается на сруб, а правая – на столбы. Особенностью дома является и его высота (24 венца, более традиционный вариант: 20–22 венца) и наличие маленьких оконных проемов, что может свидетельствовать о более давнем его происхождении. По документам, полученным

из архивного отдела администрации МО «Каргопольский муниципальный район» стало известно, что дом (изба), хлев, сарай и стоящий рядом амбар были построены в 1838 году. Дата строительства бани – 1840 год. Хлев перестраивали в 1936 году²⁶. Наиболее интересным представляется балкон на фасадном брусе с ограждением из плоских дощатых балясин, который сохранялся еще в 1975 году (Н.И. Попов, запись М.Н. Мелютиной, 2016 г.). Судя по зашитым проемам, зафиксированным на фотографиях, второй балкон располагался с западной стороны дома.

Пространство избы традиционно разделялось на три части. Первая зона – у двери, где располагались хозяйственные предметы. Вторая часть парадная, где рядом с красным углом находился обеденный стол с широкими лавками. Третья часть обозначена перед печью. Здесь подвешивали детскую зыбку и производили женские домашние работы: ткали, пряли, шили. Ближе к фасаду печи находилась дверь в «прилуб», который отделялся особыми «заборженными» шкафами, декорированными олонечкой росписью (Н.Я. Ушаков, запись В.Д. Шевелева, 2016 г.). Анна Петровна Пономарева рассказала, что на двери в «прилуб» был нарисован лев. Общий цвет фона «заборки» – голубой, цветы написаны красно-бурым цветом (А.П. Пономарева, запись М.Н. Мелютиной, 2017 г.). Такие интерьерные решения с использованием «заборженных» шкафов считаются переходными к переднему жилью дома в виде пятистенка с продольным перерубом – симметричным или несимметричным, включающем избу и горницу. Однако такая эволюционная тенденция в целом оказалась в Лекшмозерье не реализованной (существуют единичные примеры зафиксированных пятистенков).

Дом имеет интересную строительную историю. По описанию свидетелей (З.Я. Ушакова, запись М.Н. Мелютиной, 2017 г.), изначально вход в дом был с восточной стороны (не со стороны церкви), где находилось широкое крыльцо. В 1955 году владелец дома Яков Васильевич Ушаков из окна с западной стороны сделал дверь в дом, т.к. крыльцо с востока было очень высокое и пожилым владельцам дома стало трудно на него входить (ил. 12). Сени разделили на две части, и в комнате с западной стороны стала проживать последняя владелица дома Лидия Ивановна Федотова. Два окна ее новой «горенки» смотрели на дом Ушаковых-Басовых. Основную избу закрыли на замок. Кельи над двором, вероятно, были сделаны значительно раньше, в конце XIX века, во время перестройки жилого дома под гостиницу. Открытием экспедиции М.Н. Мелютиной и В.В. Колтовой (2017 г.) стала информация о сохранившихся наличниках дома Л.И. Федотовой (ил. 13). Хозяйка дома разрешила Анне Петровне Пономаревой снять наличники и перевезти их в деревню Морщихинскую (А.П. Пономарева, запись М.Н. Мелютиной, 2017 г.). Они и сейчас украшают дом А.Н. Пономаревой.

На основе материалов, выявленных автором настоящей статьи, архитектору В.В. Колтовой удалось выполнить графическую реконструкцию двухэтажного дома 1838 года (в 1904 г. по документам он уже числится старым и перестро-

енным), располагавшегося на территории бывшей Макарьевской Хергозерской пустыни. Особенностью работы было то, что она выполнялась на основе редких, обнаруженных в частных архивах фотографий и устных рассказов (ил. 14). На снимках запечатлен дом, каким он был в 1960-х годах, через 10 лет он уже стоял без двора, окон, дверей и печек. Была выпилена часть стены с запада, но сохранился балкон и двери, ведущие на него.

Анализ изложенного материала позволяет расширить наше представление о монастырском ландшафте «Макария», который наряду с культовыми строениями включал жилые дома и хозяйственные постройки, принадлежащие причту. В XX веке здесь возникали новые строения, которые оживляли, меняли ландшафт, позволяя ему не оставаться в состоянии стагнации. В конце XX века все жилые дома «Макария» постепенно исчезли (ил. 15).

Проект реконструкции дома Л.И. Федотовой подготовлен для воссоздания его бревенчатого макета в архитектурном парке «Кенозерские бирюльки», расположенном на территории Каргопольского сектора Кенозерского национального парка. Миссия этой экспозиции – демонстрация уменьшенных копий архитектурных памятников, утраченных или находящихся сегодня в аварийном состоянии. Архитектурный парк позволяет показать разные типы крестьянских строений. На примере дома Л.И. Федотовой мы имеем возможность изучить двухэтажный дом первой половины XIX века, являющийся частью архитектурного ансамбля бывшей Макарьевской Хергозерской пустыни.

Примечания

¹ Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Пространственная организация, композиционные приемы, восприятие. Л., 1982; Гунн Г.П. Каргопольский озерный край. М., 1984.

² Ильин М.А. Крестьянская изба Кенозера // Институт археологии и искусствознания. Труды секции археологии. М., 1928. Т. IV. С. 241–256.

³ Маковецкий И.В. Памятники народного зодчества Русского Севера. По материалам комплексной экспедиции Института истории искусств Академии наук СССР и Государственного исторического музея. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955.

⁴ Орфинский В.П. Кенозерье: историко-архитектурное наследие. 2009 г. // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 2. Д. 465; Гришина И.Е. Архитектура жилых и хозяйственных построек Кенозерья (по материалам полевых исследований 2008–2009 гг.) // Кенозерские чтения – 2009. «Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук»: сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.Ф. Шатковская; сост. М.Н. Мелютин. Архангельск, 2011. С. 121–130.

⁵ Научный отчет Специальной научно-реставрационной производственной мастерской «Обследование памятников деревянного зодчества Каргопольского района Архангельской области» (архитекторы Суслин В.А., Гребнев А.А. Архангельск, 1972 г. № 1–939) // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 8.

⁶ Русские. Традиционный уклад Лекшмозерья: в 2 ч. М., 1993–1994. Ч. 1 / авт.-сост. Г.Н. Мелехова. М., 1993; Ч. 2 / Г.Н. Мелехова, В.В. Носов. М., 1994.

⁷ Ушаков Н.Я., Фаркова Л.И. Хергозерско-Макарьевская пустынь – жемчужина исцелений. Архангельск, 2009.

⁸ Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М.: Стройиздат, 1973. С. 179–180.

⁹ Национальный архив Республики Карелии (далее НАРК). Ф. 25. Оп. 20. Д. 50/566. Л. 123.

¹⁰ Мелютина М.Н., Терехин Н.М. Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск, 2013. С. 98–99.

¹¹ Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 104. Оп. 3. Д. 444 (1904 г.).

¹² НАРК. 1854 г. Ф. 25. Оп. 15. Д. 54/1182. Л. 82–82 об.; Российский государственный исторический архив. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 1494.

¹³ ГААО. Ф. 104. Оп. 3. Д. 44 (1910 г.).

¹⁴ Мелютина М.Н., Терехин Н.М. Указ. соч. С. 68–71.

¹⁵ ГААО. Ф. 4687. Оп. 1. Д. 40 (1919 г.). Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 48.

¹⁷ Русские. Традиционный уклад Лекшмозерья. Ч. 2. С. 78.

¹⁸ ГААО. Д. 445. Л. 1 об., 4 об.; Д. 444. 1904 г.

¹⁹ Судьба обитателей «Макария» после выселения сложилась по-разному. Печальный финал жизни был у престарелых Ивана и Прасковьи Родионовых. «Дед Иван», родом из Ошевенска, мастеровой печник (А.П. Пономарева, П.Д. Вавулинский, запись М.Н. Мелютиной, 2017 г.), пошел в деревню Думино подзаработать и найти себе жилье. Дойдя до реки Виленка, присел отдохнуть у дерева, придремал, да так больше и не встал – замерз. У «бабы Пани» от одиночества и бесконечного ожидания помутился рассудок. И только летом власти дали старушке подводу и жилье в деревне Вильно. Впоследствии ее забрала дочь Анна в Пудож, где «баба Паня» поправилась и дожила до глубокой старости (по воспоминаниям Н.А. Устимовой 2011 г., хранящимся в Научном архиве Кенозерского национального парка). Фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны Я.В. Ушаков с женой О.В. Ушаковой и малолетними детьми нашли приют в скромном домике в деревне Вильно. Мария Попова и Лидия Федотова последние годы жизни провели в доме-интернате в г. Каргополе. Подшиваловы Петр и Анна с детьми переехали в деревню Масельгу к родственникам. Иван Пospelов уехал в Каргополь.

²⁰ ГААО. Д. 444. 1904 г.

²¹ Там же. Д. 445. 1907 г.

²² Там же. Д. 446. Л. 1.

²³ Архивный отдел МО «Каргопольский муниципальный район». Ф. 131. Оп. 4. Д. 3. Л. 19.

²⁴ Мелютина М.Н. По следам старых фотографий. Небеса ручной работы: расписные потолки и иконы из храмов Кенозерского национального парка: каталог-альбом / сост.: Т.М. Кольцова, М.Н. Мелютина. М., 2010. С. 103.

²⁵ Орфинский В.П. Указ. соч.

²⁶ Архивный отдел МО «Каргопольский муниципальный район». Ф. 131. Оп. 4. Д. 3. Л. 19; Д. 13. Л. 25.

*А. Михельсон (Финляндия),
А. Нордерхауг, Х. Сикель (п. Сванвик, Норвегия)*

Присущи ли Кенозерскому национальному парку признаки «терруара»?

Терруар. Понятие «терруар» вошло в оборот благодаря французским виноделам и буквально означает «земля». Это французское слово используется при описании специфики местности и совокупности ее составляющих – почвенного покрова, климата, уникальных объектов, способов производства, а также природных и антропогенных факторов, которые по аналогии с вином и придают ему особый вкус. Эффект терруара проявляется в том, что данный конкретный сорт вина не может быть произведен ни в какой иной местности. Сегодня категориальные рамки понятия «терруар» шире: в него входят и иные продукты сельского хозяйства, в том числе сыр, мясо, травы. Терруары повышают стоимость данной продукции. Спрос на нее в странах Европы растет, что, в свою очередь, обеспечивает устойчивое развитие в сельской местности¹.

В целях недопущения смешения данной продукции с товарами недобросовестных поставщиков разработаны такие механизмы их защиты, как защищенное наименование места происхождения и защищенное графическое указание, а для самой продукции разработаны соответствующие требования и критерии.

Представляет ли рассматриваемое понятие ценность для развития сельской местности в России и, в частности, в Кенозерском национальном парке? В 2005 году на международной встрече ЮНЕСКО понятию «терруар» было дано следующее определение: «территория, имеющая определенные географические границы, на которой в ходе истории развития местного сообщества происходит производство и накопление культурно обусловленных практик и знаний, определяющих идентичность территории и являющихся результатом взаимодействия биофизических и антропогенных факторов»². Соответствует ли Кенозерский национальный парк данному определению и может ли он именоваться «терруаром»?

Кенозерский национальный парк. Национальный парк «Кенозерский» расположен в Архангельской области недалеко от Республики Карелии. Год основания – 1991, занимаемая площадь – 1396 км². Целью основания парка является сохранение природного и культурно-исторического наследия.

Рельеф местности – равнинно-холмистый. На территории парка присутствуют болота и таежные леса. Есть несколько жилых деревень, некоторые находят-

© Михельсон А., Нордерхауг А., Сикель Х., 2017

ся на большом удалении друг от друга и не имеют дорог. Деревни расположены вблизи озер. Водные объекты парка – озера, реки, ручьи и каналы – образуют разветвленную сеть, функционирующую как водные пути сообщения между деревнями.

На занимаемой парком территории издревле селились люди. Имеются артефакты, говорящие о ведении здесь человеком деятельности 6 тыс. лет назад. Современный культурный ландшафт сформировался под влиянием сельского хозяйства, а его основные характеристики получили законченный вид еще во времена Средневековья³. Территория парка имеет интересную историю становления культурной идентичности под влиянием финно-угорских племен (карелов и вепсов), новгородцев, поморов и русских⁴, следы которого прослеживаются и сегодня.

Живые традиции. Традиционные знания и ремесла передавались в Кенозерье от поколения к поколению на протяжении веков. Здесь до сих пор знают, как, например, при строительстве домов делать врубку гребнем. Это знание стало важной частью обмена опытом, происходившего в парке в 1996 году между норвежскими и российскими плотниками в рамках проектов по реставрации памятников деревянной архитектуры, реализуемых парком совместно с Норвежским директором по культурному наследию.

В национальном парке живы ремесла, традиционно считающиеся «мужскими» (берестоплетение) и «женскими» (пряжение). Здесь обнаружены два распространенных в Европе вида прялок. Местные жительницы пользуются и традиционным русским веретенем. Факт того, что прялки на Кенозерье имеют самое различное исполнение, говорит о том, что пряжение на данной территории составляло неотъемлемую часть быта и что население здесь, вероятно, в недалеком прошлом держало много овец.

Кенозерский национальный парк – территория, где живет старорусское эпическое наследие. Традиции христианства сосуществуют здесь с языческими. Последние тесно связаны с бытом местного населения и поддержанием их здоровья. Эти традиции связывают человека и природу, определяя их гармоничное сосуществование. Некоторые жители парка много знают о способах лечения дикими травами, это знание они получили от предыдущих поколений. Живут здесь и свои особенные традиции и ритуалы ухода за скотом, особенно уходящим на выпас в лес, а также знание о том, как общаться с лешими и водяными⁵.

Важная роль в сопровождении современного быта до сих пор принадлежит фольклорным традициям. Они прослеживаются в декоративных элементах зданий и различных предметах искусства⁶. Традиционное знание воплотилось во множестве памятников культуры, характеризующих уклад жизни в Кенозерском национальном парке. Наряду со светскими постройками в большом количестве присутствуют деревянные церкви и часовни XVIII–XX веков, находящиеся под охраной государства. Отличительной особенностью ландшафта являются по-

клонные кресты, священные камни и святые рощи. В большинстве деревень они расположены на границе между деревней и выходом в лес. В деревне Зехнова на таком месте стоят крест и священная сосна. В деревне Морщихинской вход в огороды предваряет рябина. Это дерево издревле считается оберегом дома, его жителей и их хозяйства. Дорога из Морщихинской ведет на Масельгу и проходит через озую гряду, разделяющую два озера. В переводе с финского языка Масельга (Meri-Maaselkä) означает «морская гряда». Это водораздел между бассейнами Белого и Балтийского морей. Этимология слова говорит о важности данного места: для празднования особых случаев у костра на Масельге собирались жители окрестных деревень⁷.

Традиционное земледелие и рыболовство. Ландшафт Кенозерья сформировался под влиянием практики традиционного земледелия, результатом которого также стало образование вокруг деревень нескольких типов зон землепользования. Пахотные земли разделялись на участки, при этом ближайшая к деревне зона представляла собой неогороженные поля и рощи. Следующая зона представляла собой участки подсечно-огневого земледелия – мозаику из просек и облесенных участков. Просеки выполняли функцию полей и сенокосных лугов, а выпас скота происходил в лесах. Участки за границей зоны подсечно-огневого земледелия – леса с топами и небольшими озерами – практически не использовались, т.е. оставались нетронутыми. Во избежание проникновения на поля скота по их периметру устанавливались ограды, при этом пограничные с внешними зонами участки были подвижными, их не расчищали. Их физические границы обычно совпадали с естественными и определялись близостью водных объектов, особенностями почвенного покрова и т.д. Деревни соединялись с такими зонами тропами и короткими дорогами⁸.

Практика традиционного земледелия в Кенозерье не утрачена, однако землю на полях больше не вспахивают: поля превратились в сенокосные луга и пастбища. В 50-х годах XX века подсечно-огневое земледелие запретили, а выпас скота теперь происходит не в лесах, как раньше, а на сенокосных лугах и пастбищах. Поскольку скот более не выходит в лес, ему необходим богатый солью и минералами прикорм. По этой причине, а также из-за прекращения подсечно-огневого земледелия и оттока населения из деревень ранее эксплуатировавшиеся пахотные участки, поля и луга зарастают деревьями и кустарниками. Однако, несмотря на то, что культурный ландшафт Кенозерского национального парка меняется по сравнению с ситуацией в средней полосе России, его признаки поддерживаются. В ландшафте прослеживается функциональная структура и история, имеются образцы традиционного домостроения. Крупные территории до сих пор представлены сочетанием естественных, полустественных и культивируемых участков, что, в свою очередь, определяет наличие местообитаний с высоким биоразнообразием орнитофауны, флоры и насекомых. Видовое разнообразие растительности присутствует благодаря известковым почвам и це-

лостности местообитаний. Ею в Кенозерье отличаются и поля, и луга, и лесные массивы. Видовой состав на богатых растительностью лугах соответствует описанию луговой растительности Карелии столетней давности. Такие луга являются ключевыми местообитаниями насекомых и светолюбивых растений⁹.

Основу системы ведения традиционного сельского хозяйства составляют виды-аборигены, и Кенозерский национальный парк в связи с этим представляет особое значение как генетический фонд сельскохозяйственных животных и растений. Большинство видов садовых цветов насчитывают более чем 100-летнюю историю выращивания. В деревне Вершинино, например, растет особый подвид *Dianthus barbatus*, отличающийся многоцветностью, присущей более древним видам цветов. Многие садовые цветы также являются съедобными видами растений и трав. Произрастающие в парке овощи пока что не стали объектом детального анализа. Отмечены соцветия картофеля различной окраски, в Морщихинской произрастает крупная черная смородина¹⁰.

Не стали объектом детального анализа и виды домашнего скота. Однако в силу схожести климатических условий наблюдения позволяют классифицировать Кенозерье как регион, показательный в данном плане для стран Северной Европы – Финляндии, Латвии, Эстонии и Швеции.

Кенозерские овцы относятся к виду североевропейских короткохвостых. Это низкорослые особи с очень коротким хвостом треугольной формы, голой головой и ногами. Самцы имеют рога, самки – обычно безрогие. Шерсть кенозерских овец двуслойная. Ее легко чесать и валять. Окрас животные имеют одноцветный – серо-белый либо с пятнами. Встречаются особи и темного окраса. Самки плодовиты (три-четыре ягненка). Подобной плодовитостью отличаются еще короткохвостые финские овцы. Некоторые кенозерские овцы способны дожить до весьма преклонного возраста. Самцов часто зовут Ванями, а самок – Ваями. И тех и других также именуют серками – от русского слова «серый», этимология которого, возможно, восходит к финно-угорскому слову со значением «растущий» (*Hannu Ahokas pers. medd.*). Когда-то давно серками (*Sirkka*) именовали овец в Финляндии. Стога сена и огороды кенозерских домов защищены от проникновения блуждающих по деревне овец оградами. Животные обычно сбиваются в одно стадо. Вечером они расходятся по своим домам¹¹.

Летом в деревнях и на островных территориях пасутся стада лошадей. Там и здесь по окраинам сел можно увидеть пасущихся коров. Семьи, проживающие в маленьких деревнях, обычно держат одну-две коровы (дойную и теленка/первотелку). Количество быков в деревне определяется количеством домохозяйств с коровами. Молоко морщихинских коров отличается приятным мягким вкусом. Хорошая свертываемость позволяет использовать его для производства молочной продукции.

Большинство живущих в Кенозерском национальном парке собак дружелюбны, в том числе к чужим. Лают они редко – ценное качество пастушьих собак.

В общей массе они относятся к северной породе лаек, помесь лайки и овчарки встречается реже.

Кухня и рацион питания местного населения являются результатом многолетней истории взаимодействия человека со средой¹². Неотъемлемым элементом кенозерской кухни является рыба. Существует несколько способов ее приготовления. Также, как карелы, жители Кенозера запекают ее в тесте (по-фински: *kalakukko*).

Можно ли назвать Кенозерский национальный парк терруаром? Как видно из вышеприведенного описания, Кенозерский национальный парк обладает всеми характеристиками терруара, согласно его определению, принятому на Международной встрече ЮНЕСКО в 2005 году. Кенозерский национальный парк, несомненно, является уникальной территорией, где сохранено природное и культурное наследие – не только здания и памятники культуры, но и ландшафт, полуестественные культуры, аборигенные виды домашних животных и растений и, что немаловажно, живые традиции. Особое значение Кенозерье приобретает в свете того, что в Северной Европе почти не осталось таких целостных территорий. Это не просто музей, а живая традиция, поддержание которой обеспечивается местными жителями, сельским хозяйством и выпасом скота. Однако, чтобы остановить отток населения отсюда, нужно устойчивое развитие. 26-я Региональная конференция Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН по европейскому развитию (2008 г.) называлась «Развитие традиционной региональной агропродукции: дальнейшие шаги к устойчивому развитию в сельской местности». Во введении к ее материалам сказано: «...местная продукция, в том числе сувенирная, определяется наличием развитой системы производства; такая система обеспечивает рабочие места и высокую добавленную стоимость, не требуя при этом больших вложений в рекламу. Представляя собой хорошую базу для управления ресурсами территории, она способствует развитию иных видов деятельности, особенно туризма. Поскольку продукция местных промыслов по большей части изготавливается женщинами, ее производство вносит вклад в гендерное равенство. Кроме того, продукция местных промыслов по сути своей связана с культурными традициями и биоразнообразием, способствует сохранению видов-аборигенов, особого знания и специфики ландшафта»¹³.

В Кенозерье производится множество продуктов регионального сельского хозяйства, которые имеют право именоваться происходящими из терруара. Развитие их производства и сбыта способно внести вклад в экономику села. В числе таких продуктов – местная рыба, мясо и молочная продукция, получаемая от домашнего скота, выпас которого происходит на полуестественных лугах с богатым видовым разнообразием; продукты, изготавливаемые по старинным рецептам; чай и травы; грибы и лесные ягоды. Право именоваться продукцией терруара имеют также местная древесина, предметы ручной работы из шерсти

и даже сама атмосфера парка. Подходящей маркировкой для них мог бы стать слоган «Почувствуй атмосферу северного терруара!».

Примечания

¹ Promotion of traditional regional agricultural products and food: a further step towards sustainable rural development. Agenda Item 11. The twenty-sixth FAO regional conference for Europe. Innsbruck, 2008.

² Rural tourism / L. Delheure et al. // Rural Economic Development in Ireland. Carlow, 2014. P. 170–221.

³ Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004.

⁴ Michelson A. Kenozero National Park – a Reference Area for North-European Traditional Rural Heritage. Travel Report 24.8–29.8.2009. HAMK, University of Applied Sciences, Finland, 2010.

⁵ Там же.

⁶ Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004.

⁷ Michelson A. Kenozero National Park – a Reference Area for North-European Traditional Rural Heritage. Travel Report 24.8–29.8.2009. HAMK, University of Applied Sciences, Finland, 2010.

⁸ Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004.

⁹ Linkola K. Einfluss der Kultur auf die Flora in den Gegenden nördlich vom Ladogasee. Allgemeiner Teil // Acta Societatis Pro Fauna et Flora Fennica 45. 1916. No. 1; Norderhaug A., Sickel H. Utvikling av tradisjonelle kulturlandskaper i Barentsregionen – KNP-modellen. Sluttrapport. DN-utredning. 2009-3.

¹⁰ Michelson A. Kenozero National Park – a Reference Area for North-European Traditional Rural Heritage. Travel Report 24.8–29.8.2009. HAMK, University of Applied Sciences, Finland, 2010.

¹¹ Op. cit.; Нордерхауг А., Михельсон А. Овцы, шерсть и ландшафты Кенозерья // Кенозерские чтения – 2011. «Человек и среда: гармония и противоречия». Архангельск, 2012.

¹² Promotion of traditional regional agricultural products and food: a further step towards sustainable rural development. Agenda Item 11. The twenty-sixth FAO regional conference for Europe. Innsbruck, 2008.

¹³ Op. cit.

Характеристика водной флоры озера Почозеро в Кенозерском национальном парке

Пресноводные озера составляют 14 % земельного балласта территории Кенозерского национального парка и занимают общую площадь 20,1 тыс. га. Эти экосистемы являются одними из важнейших в парке, поскольку служат рыбохозяйственными и водохозяйственными объектами.

В озерах высшая водная растительность занимает зону литорали. Литораль представляет собой прибрежную зону озер, занятую и ограниченную погруженной и полупогруженной водной растительностью (макрофитами), как правило распространяющуюся до глубины не более 2–3 м от береговой линии в зависимости от типа трофности и характера рельефа дна водоема¹.

Почозеро одно из крупнейших озер парка, площадь его водного зеркала составляет 380 га. Водосборная площадь озера составляет 3650 км². Озеро вытянуто с севера на юг в форме старицы. Причем средняя ширина озера – 230 м, резко уступает его длине – 9 км. Максимальная ширина – 530 м.

Экспедиционные работы по изучению фитоценозов литорали озера Почозеро на территории Кенозерского национального парка проводились в конце июня 2016 года.

Водоем принято разделять на несколько обширных частей (акваторий). На юге выделяется Летняя Лахта с крупными заливами (условная граница проводится к югу от большого полуострова, вдающегося в центр акватории озера), на севере выделяется более широкая часть (до 500 м) с мелководным кутом, именуемая Зимней Лахтой, границы которой условно проводятся по линии соединения устья реки Ундоши и истока реки Почы. Между Летней и Зимней Лахтой выделяют наиболее узкую центральную часть озера.

Берега озера преимущественно возвышенные, образованы холмами с пологими склонами высотой 80–110 м над уровнем моря. Южные берега низкие, с северо-запада и севера озера подходят низкие равнинные облесенные территории. В кутовых частях (глухих заливах) на севере и юге озера равнинные низкие берега довольно заболочены.

По характеру водообмена Почозеро является проточным: со стороны западного берега в озеро впадает малая река Ундоша (бассейн р. Онеги), со стороны восточного берега из озера напротив Ундоши вытекает река Поча, впадающая в

соседнее Кенозеро. Кроме малых рек, в озеро впадает и вытекает из него множество небольших ручьев.

Геоморфологическая структура береговой полосы, прибрежные глубины, механический состав грунта и динамичность водных масс способствуют развитию высшей водной растительности зоны литорали, а вместе с тем и зарастанию водоема. По данным гидрографических измерений, площадь зарастания водоема летом 2016 года составила 52 га, или 14,4 % от площади озера, что указывает на его эвтрофикацию. Лучше выражено зарастание, а вместе с тем и зона литорали в южной части озера (Летняя Лахта), у восточных отмельных берегов и в куте на севере озера.

Видовой состав водной и прибрежно-водной флоры Почозера представлен 36 видами высших макрофитов, относящихся к 23 родам и 19 семействам, которые являются постоянными обитателями литорали либо проникают в эту зону из береговой полосы.

Наиболее богато семейство *Potamogetonaceae*, которое насчитывает 7 видов: *Potamogeton berchtoldii*, *Potamogeton friesii*, *Potamogeton gramineus*, *Potamogeton lucens*, *Potamogeton natans*, *Potamogeton perfoliatus*, *Potamogeton praelongus*.

В семействе *Cyperaceae* насчитывается 5 видов водной флоры: *Carex aquatilis*, *C. acuta*, *C. rostrata*, *Eleocharis palustris*, *Schoenoplectus lacustris*.

Семейство *Nymphaeaceae* насчитывает 4 схожих по экологии вида: *Nymphaea candida*, *Nymphaea tetragona*, *Nuphar lutea*, *Nuphar pumila*.

По два вида насчитывается в семействах:

- *Sparganiaceae* – *Sparganium angustifolium*, *S. emersum*;
- *Lemnaceae* – *Lemna minor*, *L. trisulca*;
- *Halorogaceae* – *Myriophyllum alternifolium*, *M. sibiricum*;
- *Rosaceae* – *Geum rivale*, *Comarum palustre*.

По одному виду насчитывают семейства:

- *Equisetaceae* – *Equisetum fluviatile*;
- *Alismataceae* – *Alisma plantago-aquatica*;
- *Hydrocharitaceae* – *Hydrocharis morsus-ranae*;
- *Poaceae* – *Phragmites australis*;
- *Polygonaceae* – *Persicaria amphibia* var. *natans*;
- *Ceratophyllaceae* – *Ceratophyllum demersum*;
- *Hippuridaceae* – *Hippuris vulgaris*;
- *Ranunculaceae* – *Caltha palustris*;
- *Umbelliferae* – *Cicuta virosa*;
- *Primulaceae* – *Naumburgia thyrsiflora*;
- *Menyanthaceae* – *Menyanthes trifoliata*;
- *Lentibulariaceae* – *Utricularia vulgaris*.

В составе водной флоры озера также следует отметить два вида мохообразных. Среди них в некоторых участках мелководий литорали встречается типич-

но водный мох – *Fontinalis antipyretica*. В заболачиваемом куте северной части Зимней Лахты водно-болотный мох *Drepanocladus sp.* образует сплавины, что является признаком заболачивания экосистемы озера.

Проведенные летом 2016 года исследования показывают некоторые различия по составу макрофитов озера по сравнению с предыдущими данными, указанными в аннотированном списке видов сосудистых растений Кенозерского национального парка².

Так, в озере были обнаружены 4 новых для его экосистемы вида, на произрастание которых здесь ранее не указывалось: *Potamogeton praelongus*, *Lemna minor*, *Lemna trisulca*, *Ceratophyllum demersum*. Довольно массовый на территории парка *Naumburgia thyrsoiflora*, обнаруженный в куте Зимней Лахты, ранее не упоминался в литературе об озере. О произрастании *Hydrocharis morsus-ranae* в Летней Лахте Почозера писал Н.В. Вехов в 2010 году³. При повторном обследовании вид не был найден⁴, но в ходе нашей экспедиции 2016 года подтверждено его наличие на изучаемой территории.

Ряд видов, указанных в аннотированном списке видов (2012 г.)⁵ в Летней Лахте, в ходе экспедиции 2016 года обнаружен не был. Это *Butomus umbellatus*, *Ranunculus lingua*, *Batrachium eradicatum*.

Произрастание рясок (*Lemna*), возможно, связано с расселением этих видов из небольшой старицы и протоки рядом с мостом через протоку.

Наиболее массовыми ценозообразователями в составе высших макрофитов озера являются *Schoenoplectus lacustris*, *Phragmites australis*, *Equisetum fluviatile*, *Carex aquatilis*, *Nuphar lutea*, *Nuphar pumila*, *Nymphaea candida* и *Potamogeton lucens*. Именно эти виды макрофитов выполняют основную средообразующую роль в экосистеме Почозера.

Большинство (14 видов, или 39 %) макрофитов Почозера являются представителями бореальной широтной группы. Часть видов, нередко доминирующих в фитоценозах Почозера, являются плюризональными: *Potamogeton perfoliatus*, *Alisma plantago-aquatica*, *Phragmites australis*, *Eleocharis palustris*, *Lemna minor*, *Lemna trisulca*, *Utricularia vulgaris*. Причем некоторые из них географически широко распространены: *Phragmites australis*, *Eleocharis palustris* и настоящие космополиты *Lemna minor*, *Lemna trisulca*. Последние два вида на севере Русской равнины больше приурочены к антропогенным водоемам, обогащенным биогенными соединениями, часто к источникам загрязнения, в том числе и сброса сточных вод. Однако они могут расселяться и по естественным местообитаниям, причем нередко по местообитаниям, подверженным антропогенному воздействию⁶. В Почозере эти виды встречаются изредка и имеют небольшое обилие – 1,2 балла. Географический анализ видов долготных групп показывает, что значительную долю в формировании флористического состава озера занимают евроазиатско-американские виды – 13 (36 %), куда относится большинство рдестов (*Potamogeton*). Велика доля участия в

формировании флористического состава озера циркуммеридиональных видов, многие из которых космополиты.

Анализ водной флоры показывает, что одинаковое число видов сосудистых растений, входящих в состав разных экологических групп по отношению к водной среде обитания (гелофиты, плейстофиты и гидатофиты), могут являться как доминантами, так и субдоминантами в образовании водных растительных сообществ. Небольшое число видов – 6 (17 %) – приходится на растения группы эвгигрофитов, которые в основном являются субдоминантами литоральных сообществ озера, проникающих из заболоченных биоценозов побережья.

К гидатофитам относится большинство представителей семейств *Potamogetonaceae* и *Haloragaceae*. Все представители семейств *Nymphaeaceae*, *Lemnaceae*, *Hydrocharitaceae* относятся к группе плейстофитов.

Сравнительный анализ водной флоры Почозера, проведенный с использованием коэффициента Жаккара (K_j), на основе наших данных и литературных источников⁷, указывает на значительное сходство локальных флор с флорой озер бассейна Белого моря и прилегающих территорий: озер Кенозеро, Святозеро, Долгое, Черное, при коэффициенте Жаккара $K_j \geq 0,55$ (см. таблицу).

Сходство локальных флор озера Почозера с другими озерами Кенозерского национального парка по коэффициенту Жаккара K_j

Озеро	Число видов водной флоры	Число общих видов	K_j
Кенозеро	42	35	0,81
Черное	25	23	0,61
Святозеро	30	24	0,57
Долгое	29	23	0,55
Масельгское	25	20	0,49
Наглимозеро	27	20	0,47
Большое Лебяжье	20	17	0,44

При этом для близко расположенного мезотрофного озера Кенозеро, связанного с Почозером через реку Почу, коэффициент Жаккара заметно больше, чем для других озер ($K_j = 0,81$). Вместе с тем в Кенозере отмечены виды макрофитов, не обнаруженные в Почозере: *Isoëtes echinospora*, *Isoëtes lacustris*, *Sparganium gramineum*, *S. natans*, *Potamogeton compressus*, *Sparganium gramineum*, *Callitriche hermaphroditica*. Разницу видового состава водоемов можно объяснить значительно большими размерами Кенозера (площадь водного зеркала – 6860 га, или 68,6 км²) и соответственно большим разнообразием местообитаний.

Уменьшается сходство локальных флор для двух других менее крупных по величине эвтрофных озер Долгое у деревни Думино (площадь водного зеркала – 110 га) и Черное (площадь водного зеркала – 80 га). Для озера Долгое $K_j = 0,55$,

для озера Черное $K_j = 0,61$. В видовом составе флоры озера Долгое обнаружены виды, отсутствующие в Почозере: *Ranunculus lingua*, *Potamogeton filiformis*, *Stratoides aloides*, *Elodea canadensis*. В Почозере обнаружено 8 видов, отсутствующих в Долгом озере: *Eleocharis palustris*, *Lemna minor*; *L. trisulca*, *Myriophyllum alternifolium*, *Alisma plantago-aquatica*, *Hydrocharis morsus-ranae*, *Hippuris vulgaris*, *Utricularia vulgaris*. В свою очередь в Черном озере произрастают *Sparganium gramineum*, *Potamogeton filiformis*, которых нет в Почозере. В Почозере обнаружено 7 видов, отсутствующих в озере Черном, из них большинство встречается в соседнем с ним озере Долгом, за исключением *Myriophyllum alternifolium*.

Исследование флоры соседнего с Почозером Святозера указывает на более низкий коэффициент Жаккара ($K_j = 0,57$) по сравнению с флорами Почозера и Кенозера, что в основном связано с отсутствием в Святозере ряда видов, обнаруженных в Почозере. К ним относятся: *Sparganium emersum*, *Nymphaea tetragona*, *Hydrocharis morsus-ranae*, *Ceratophyllum demersum*, *Hippuris vulgaris*, *Naumburgia thyrsoiflora*, *Utricularia vulgaris*.

Сравнительный анализ Почозера с озерами бассейна Балтийского моря указывает на меньшее сходство их локальных флор при коэффициенте Жаккара ($K_j \leq 0,50$). Так, в отличие от озер Балтики, для озер Масельское (площадь водного зеркала – 365 га), Наглимозеро (площадь водного зеркала – 570 га), Большое Лебяжье (площадь водного зеркала – 130 га) и Почозеро характерно отсутствие ряда видов макрофитов, внесенных в Красную книгу Российской Федерации: *Lobelia dortmanna*, *Isoetes echinospora*, *Isoetes lacustris*. Данный факт мы связываем с отсутствием в экосистеме Почозера необходимых для произрастания этих видов экотопов с каменистым и каменисто-илисто-песчаным субстратом. Также следует выделить *Sparganium gramineum*, *Sparganium gramineum*, *S. natans*, отсутствующие в Почозере. При этом коэффициент Жаккара для Почозера и Масельского озера составляет 0,49, для Наглимозера – 0,47, для Большого Лебяжьего озера – 0,44. В целом же видовой состав высших макрофитов Почозера, который насчитывает 36 видов, заметно богаче, чем в озерах бассейна Балтики.

Важным ценозообразователем растительных сообществ озер бассейна Балтийского моря является *Phragmites australis*, но в Почозере по обилию и встречаемости в сообществах *Phragmites* уступает другим гелофитам – *Schoenoplectus lacustris* и *Equisetum fluviatile*.

Видовой состав флоры Почозера включает два охраняемых вида, внесенных в Красную книгу Архангельской области и в некоторые региональные источники, регламентирующие охрану в других субъектах Российской Федерации⁸: *Nymphaea tetragona* (категория 3) и *Nuphar pumila* (категория 3) (ил. 1). Вид *Nymphaea candida* включен в Приложение Красной книги Архангельской области, как довольно редкий на территории области, уязвимый к загрязнению окружающей среды.

К редким растительным сообществам в первую очередь следует относить сообщества, в состав которых входят краснокнижные виды⁹. В нашем случае к ним относятся ассоциации с наличием перечисленных выше охраняемых видов сосудистых растений (ил. 2).

Таким образом, проведя анализ флоры Почозера, мы выяснили, что видовой состав высших макрофитов Почозера сходен с другими озерами национального парка «Кенозерский». Наибольшее сходство видов флоры Почозера обнаруживается с близко расположенным озером Кенозеро. Основное место в образовании водных сообществ занимают растения экологической группы гелофитов *Phragmites australis*, *Schoenoplectus lacustris*, *Equisetum fluviatile* и растения экологической группы плейстофитов *Nymphaea candida*, *Nuphar lutea*, *Potamogeton natans*. В составе водной флоры выделено три краснокнижных вида, принимающих большое участие в образовании сообществ озер, – *Nymphaea tetragona*, *Nymphaea candida* и *Nuphar pumila*.

Примечания

¹ Гигевич Г.С., Власов Б.П., Вынаев Г.В. Высшие водные растения Беларуси. Минск: БГУ, 2001; Распопов И.М. Высшая водная растительность больших озер Северо-Запада СССР / под ред. В.М. Катанской. Л.: Наука, 1985.

² Государственный водный реестр России (Приложение к Приказу МПР РФ от 29.05.2007 № 138). URL: textual.ru/gvt/index.

³ Вехов Н.В. Макрофиты озер северной части национального парка «Кенозерский» и прилегающих территорий // География и природные ресурсы. 1994. № 4. С. 95–103; Его же. Флора озер Кенозерского национального парка (Архангельская область) // Ботанический журнал. 2010. Т. 95, № 10. С. 1380–1395.

⁴ Разумовская А.В., Кучеров И.Б., Пучнина Л.В. Сосудистые растения национального парка «Кенозерский» (Аннотированный список видов). Северодвинск: Партнер НП, 2012.

⁵ Там же.

⁶ Саяпина Н.Б. Флора и растительность водных и прибрежно-водных экосистем Оренбургского Зауралья: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Оренбург, 2013.

⁷ Разумовская А.В., Кучеров И.Б., Пучнина Л.В. Указ. соч.; Вехов Н.В. Макрофиты озер северной части национального парка «Кенозерский» и прилегающих территорий.

⁸ Красная Книга Архангельской области. Архангельск, 2008; Красная книга Республики Карелия. Петрозаводск, 1995.

⁹ Королёва Н.Е. Основные типы растительных сообществ Русского Севера // Труды Карельского научного центра РАН. 2016. № 7. С. 3–23.

К вопросу о народном судостроении и судоходстве на территории Кенозерского национального парка

Информации о традиционном судостроении и судоходстве Кенозерья в этнографической литературе встречается крайне мало, специальные исследования по теме отсутствуют. В Национальном архиве Республики Карелии, в архивах Института языка и литературы Карельского научного центра РАН, фондах и архивах Кенозерского национального парка, Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея, музея «Кижы» сохранились некоторые материалы и фотографии традиционных судов и лодок XX – начала XXI века, которые дают некоторое представление об истории судостроения и судоходства Каргополья. Первые специальные исследования лодкостроения на территории Кенозерского национального парка были проведены этнографом А.Н. Давыдовым, в его отчете 1982 года¹ есть сведения о местных лодках и их изготовлении.

В предлагаемой статье, кроме архивных сведений, главными источниками информации о местных лодках и технологии судостроения стали материалы экспедиций автора – фотографии и записи из полевых дневников. Работа в экспедициях 2007 и 2016 годов велась по методике, разработанной и используемой автором в течение многих лет². Главные информанты – оставшиеся судостроители, владельцы традиционных лодок, рыбаки и старожилы. Информация собиралась по разделам:

- типы и размеры традиционных лодок;
- технология строительства и материалы;
- оснастка и ходовые качества;
- терминология традиционного судостроения и судоходства;
- сведения о мастерах и деревнях, где строились лодки.

Такое деление на разделы позволило собрать в различных локальных центрах наиболее полную информацию о традиционном судостроении, различных технологиях и типах лодок. Исследуемый период истории традиционного судостроения и судоходства Кенозерья и Лекшмозерья – с конца XIX века по начало XXI века (ил. 1).

Национальный парк «Кенозерский» располагается на территории Каргопольского и Плесецкого районов Архангельской области с густой сетью озер и рек юго-восточного склона Балтийского щита и верховьев бассейна реки Онеги.

Кенозерье находится на перекрестке важнейших водных путей Севера России, река Онега впадает в Белое море. Водно-волоковые пути из бассейна Онеги вели к водам Северной Двины и далее в Заволочье³. До начала XX века в отсутствии дорожного сообщения по обустроенным за столетия водным магистралям через Каргополье шел традиционный обмен товарами Русского Севера с югом, перемещались основные коммерческие грузы, развивались хозяйственные связи и экономика региона⁴.

Два древних водно-волоковых пути, проходившие через Каргополье, позволили связать с центральными областями этот «медвежий угол» и развивать экономический потенциал края. Первый – известный «кенский волок» из Онежского озера по рекам Водле и Череве с небольшим волоком в реку Волошова, по ней в реку Почу и Кенозеро, из которого вытекает река Кена – приток Онеги. Второй водный путь из Белого озера проходил по реке Ухтоме Белозерской в Волоцкое озеро, через волок в Пальшемское озеро, по реке Ухтоме Лачинской в озеро Воже, затем в Лаче, из которого берет начало река Онега. Этот белозерский путь через реку Шексну соединяет Беломорье и Подвинье с ростовско-суздальским и тверским Поволжьем. Поперечный водно-волоковой путь по малым рекам соединял озеро Ильмень с Белозерьем и позволял из Новгорода и Верхнего Поволжья дойти до Каргополья.

Обилие водных ресурсов во многом определяет историю освоения территории⁵ и развитие судоходства этого края. Еще до прихода славян местные прибалто-финские племена уже участвовали в европейско-азиатских процессах торгового обмена по водно-волоковым путям. Ускорению этих процессов способствовали развитие Новгородской феодальной республики. Позднее земли Поонежья вошли в Московское государство, а древние водные пути стали основой для развития торгово-экономической деятельности и судостроения региона.

Уже во второй половине XVIII века Г.Р. Державин⁶ отмечал недостаток местного населения и обустройство всего Поонежья в сравнении с другими регионами России. В середине XIX века Каргопольский уезд, самый густонаселенный из уездов Олонецкой губернии, имеет хорошие условия для земледелия, по количеству домашнего скота занимает второе место после Петрозаводского⁷ уезда. В конце XIX века благодаря обустроенным водным путям Каргопольский уезд был одним из самых экономически развитых уездов Олонецкой губернии, тогда же составлялись планы по дальнейшему развитию здесь судоходства.

В статистических отчетах Олонецкой губернии XIX века и других архивных источниках, перечисляются коммерческие суда, перевозящие грузы по реке Онеге, возможно, что некоторые типы судов и лодок сохранились с новгородских и ростовско-суздальских времен. С 1871 по 1891 год здесь были построены 1 сойма, 238 карбасов, 5 лодок в виде парома, «причем эти типы судов в других районах не строились»⁸. Каргопольский уезд занимал второе место в губернии по количеству малых судов⁹.

Для правильной оценки традиций и направлений развития лодкостроения в районе исследований важно выявить самые ранние изображения лодок локальных центров конца XIX – начала XX века.

Важной для изучения лодкостроения является лодка из Восточного Обонежья-Поонежья (изготовленная на Кенозере или Водлозере), шитая корнем, фотоснимок которой был сделан в 1927 году и хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (ил. 2).

На средних и малых озерах и на реках Поонежья до конца XX века сохранились примитивные плавсредства (плоты, лодки-долбленки) и традиционные дощатые лодки, что подтверждается архивными документами, фотографиями и сведениями, собранными автором в экспедициях. Удалось зафиксировать некоторые традиции, местные типы плавсредств и терминологию строительства лодок разных районов.

Результаты исследований позволяют выделить локальные центры традиционного судостроения и судоходства на озерах Лача, Лекшмозеро, Кенозеро, на реке Онеге у Каргополя и в ее устье у города Онеги. В XX веке традиции малого судостроения верхнего Поонежья не прервались, лодочные мастерские были организованы в Усть-Поче, на Кенозере в промкомбинате Каргополя, есть данные и о деревенских лодочных мастерских в других локальных центрах.

В 2007 и 2016 годах автору удалось зафиксировать сведения о мастерах и записать информацию о технологиях строительства различных типов лодок и особенностях местного судоходства Лекшмозера и Кенозера. Терминология судостроения локальных центров на территории Кенозерского национального парка, несмотря на их близость, имеет отличия. В таблице 1 представлена терминологическая лексика Кенозерья и Лекшмозера, которую автору удалось собрать в процессе работы. Для сравнения представлена терминология лодкостроения соседнего Водлозерья Пудожского района Республики Карелии из монографии К.К. Логинова¹⁰ и совместной статьи¹¹.

Таблица 1

Лодочные термины русских центров народного судостроения на Северо-Западе России

Конструктивные элементы	Лекшмозеро	Кенозеро	Водлозеро
Названия и размеры дощатых лодок	Лодки. Каргопольские и наколянские. Плоскодонки. Килевые лодки с реки Водлы	Лодки. Карбаса – большие лодки	Водлозерка с двумя кокорами – «вёсельные», ходили по озеру и по рекам. Килевая , или большая (6–7 м и больше)

Конструктивные элементы	Лекшмозеро	Кенозеро	Водлозеро
Названия и размеры плотов и долбленых лодок	Чалны долбленые с досками по бокам (3,5–4 м). Чалны с широким днищем в 3 набоя (4 м). Дубаны – спаренные корыта	Плоты из сушняка. Харчева – крепкий плот на шпонках. Дубаны из толстой осины соединяли по два корытья (4–5 м)	Долбленок не помнят
Плоскодонки	Плоскодонки делали на маленькие озера и сейчас делают	Плоскодонки делали на маленькие озера и сейчас делают	Плоскодонки строили мало и только для себя
Стапель для строительства лодок	На улице у дома на бревнах	На улице у дома на бревнах	«Козлы» на сарае
Причалы для лодок	Пристань	Вместо причалов использовались плавающие «лавины» на ножках или на коргах	Мостки – лава из плах в полдерева с двумя корнями для упора. Сейчас делают на жердях или брусках
Терминология постройки	Шить «на глазок»	Шить	Шить
Киль	Днище сосновое, раньше из бревна тесали	Днище	Днище , которое раньше называли «колода»
Фальшкиль	Не делали	Не делали	Не делали
Штевни	Кокора – еловая корга – обработанная ель с корнем	Куймы, кумы пришивные из ели	Кокоры
Доски обшивки	Набой	Набой, тесьё	Набой, тес
Крепеж	Раньше прибивали подковными гвоздями. В старину корень , использовавшийся в шитье называли вицей	Раньше гвозди были дорогие: сшивали из вереса – закручивали корень или ветку – вичья	Раньше шили «вицей» , позже стали прибивать подковными гвоздями
Конопатка	Сажали набой на хвоц трубчатый , не на мох и не на паклю	Конопать – просмоленные нити – прятя	Мох, пакля

Конструктивные элементы	Лекшмозеро	Кенозеро	Водлозеро
Шпангоуты	Тогуны	Тугуны самородные из елового корня, но лучше вересовые	Упруги, или кокоры
Усиленные шпангоуты	Не было	Не было	Иногда ставили
Внутренний брус	Опорубня	Порубень	Порубень бортовой
Привальный брус	Снаружи обноски раньше доски не огибали – трудно смолить	Не было	Не было
Нос	В носу в верхний набой под обноску врезались доски или бруски (4×3 см), таскать и вытаскивать на берег	В носу в верхний набой врезались бруски (4×3 см), вытаскивать на берег, вставить удочки и привязать якорь	Редко встречались
Сиденья	Сидели и гребли на скамейках	Скамейки, беседки	Сиденья, банки
Настилы	Ставеньки – настилы между тогунами из поперечных досок	Под невода клали носилочки или доски кидали, для гребли были упоры	Мостки
Уключины	Оключины – из елки с сучками – целиковые уключины	Были упоры и съемные уключины	В порубнях было по два пальца и оключины – кольца с березовых веток
Весла	Весла были широкие (7 см) и с дыркой там, где оключина. Их сажали на сук, позже на металлический штгерь. Было по паре весел (две пары редко)	Три весла: гребли двумя бортовыми и кормовым. Кормяным веслом еще управляли	Две пары весел – носовые, нижние и одно кормовое
Мачта, парус	Мачта невысокая, парус прямой квадратный с рейкой, вместо которой иногда вставляли дерево	Паруса не ставили, их раньше не было, только вехи ставили за доску – ель, сосну или березу хорошую	Мачта в отверстии носовой доски и в кокоры, высота около 2 м. Паруса были с косым углом

Конструктивные элементы	Лекшмозеро	Кенозеро	Водлозеро
Рея косяя	Рейка	–	Рея, рейка
Слипы	Вытаскивали лодки на лѣжни	–	Сколоченные из двух жердей пока-ти (лестница)

По сообщениям местных жителей, утрата традиционного вида дощатых лодок (ил. 3) началась с конца 1960-х годов, когда стали пользоваться подвесными моторами. Конструктивный набор изменился за счет устройства транцевой кормы для крепления подвесного мотора, но это не отразилось на терминологии. Местные жители различают несколько типов лодок: «кенозерка», «лекшмозерка», «водлозѣрка», «каргополка», «пономарѣвка».

Севернее озера Лекшмозеро по невысокой гряде Масельги проходит водораздел бассейнов Балтийского и Белого морей. В южной части озера вытекает река Лекшма, которая впадает в озеро Лача. Реки северо-восточного склона Масельги текут в бассейн озера Кенозеро. Западнее Масельги расположено Колодозеро, относящееся к бассейну Онежского озера, из него вытекает река Колода – приток реки Водлы.

Деревня Морщихинская объединяет несколько деревень, расположенных на невысоких холмах вдаль от озера. Самые древние традиционные плавсредства бассейна Лекшмозера – плоты и долблѣнки. В визит-центре национального парка хранятся спаренные долблѣнки – «дубаны» – для передвижения и ловли рыбы на небольших озерах и реках (ил. 4). Эти различные по размерам катамараны местные жители делали прямо на берегу лесных озер из двух выдолбленных осиновых стволов, скрепленных борт к борту врезными шпонками или круглыми нагелями. На небольших озерах делали челны – долблѣнки длиной 3,5–4 м, на которые с обоих бортов набивали по одной доске. Были челны с широким днищем (до 40 см шириной) и бортами в 3 доски-набоя. На них занимались «торбаньем» – загоняли рыбу в сетки. Для маленьких озер делали и продолжают делать «плоскодонки».

На Лекшмозере в XX веке использовали только лодки из досок. Берег озера низкий и заболоченный, все лодки деревни стоят на песчаных пляжах близко к церкви. Почти все лодочные места для вытаскивания лодок на берег оборудованы специальными слипами из двух продольных и поперечных бревен и ручными лебедками-воротами на двух столбах. Рядом со стоянками лодок расположены сараи для хранения лодочных моторов и рыболовных приспособлений и снастей.

Раньше в Морщихинской шили лодки в основном на улице около сараев у своих домов, кили («днища») делали из целого бревна, тесали топором, а штев-

ни – из ствола ели с корнем («кокоры»). Сейчас кили делают из распиленных на пилораме досок толщиной 8–9 см, шириной 24–30 см. На дне между шпангоутами-«тогунами» укладывались настилы из поперечных досок – «ставеньки», сейчас так не делают. В корме лодки в днище – отверстие для слива воды, которое закрывается пробкой – «тычкой».

В 2007 году в беседе с Н.И. Поповым, руководителем Каргопольского сектора Кенозерского национального парка, который делает традиционные лодки, удалось записать много информации о местном лодкостроении. Попов не учился у стариков, но использовал образцы лодок постройки 1970–1990-х годов – его лодка была сделана одним из лучших мастеров В.А. Брызгуновым¹². Н.И. Попов (ил. 5) начал строить свои лодки в 1991 году и, хотя использовал в своей технологии традиционные приемы, был свободен в выборе пропорций корпуса лодки и способов ее постройки. К 2016 году он построил около 30 лодок, по заказу национального парка для туристического маршрута «Пять озер» сшил три лодки длиной 6,2–6,3 м и шириной около 1,5 м, рассчитанных на 6–7 взрослых человек.

Его сын Александр (1981 г.р.) свою первую лодку сшил в 2008 году и еще две в 2016 году. В 2005 году Н.И. Попов познакомил со своей технологией изготовления лодок В.А. Морозова (1951 г.р.), который с тех пор сшил уже больше 12 лодок (первое время делал по 2–3 лодки в год). По заказу Кенозерского национального парка сшил 2 лодки на мельницу в системе «Пять озер» и одну лодку на «Тропу предков». Всего на маршруте «Пять озер» работает 6 деревянных лодок, на маршруте «Три озера» – 2 деревянные и 3 пластиковых лодки (ил. 6).

На Лекшмозере были привозные лодки из Каргополя: «пономарёвские» (борта низкие – около 30 см, хорошие на ходу) и много лодок постройки Каргопольского промкомбината (борта высотой 40–45 см из узкой доски, покрашены масляной краской). Лодки служили до 20 лет, но высокий борт у тех из них, что были сделаны на комбинате, мешал при постановке и проверке сетей, т.к. при ветреной погоде лодка сильнее «парусит».

Деревня Орлово расположена на западном берегу Лекшмозера, под этим названием объединен куст деревьев, расположенных вдоль старого Пудожского тракта, на месте которого сейчас проложено современное шоссе, связывающее Архангельскую область с Республикой Карелией. В экспедиции 2007 года мастер-лодочник Ю.В. Макаров (1940 г.р., из д. Орлово) сообщил много общей информации о местном лодкостроении и мастерах, подтверждающей сведения Н.И. Попова. Макаров (ил. 7) учился у стариков в деревне и рыбачил на своей лодке. В экспедиции 2016 года у одного из домов зафиксирована интересная находка – заготовка для днища из ствола ели с корнем-кокорой.

Севернее Лекшмозера по речкам и протокам между озерами восточного склона водораздела Масельги на лодках можно попасть в небольшое озеро Порженское, а из него по реке Порженке дойти до озера Кенозеро. Западные при-

токи Кенозера в своих верховьях приближаются к притокам реки Водлы. До второй половины XX века по Кенскому волоку еще сохранялся традиционный товарообмен – с Водлозера, богатого рыбными ресурсами, в Кенозерье и Каргополье везли рыбу, а с реки Онеги до реки Водлы поднимались лодки с хлебом. По всем местным водно-волоковым путям шло движение, осуществлялись как внутривладельческие, так и транзитные перевозки, коммерческие и паломнические. В экспедиции 2007 года автору удалось зафиксировать у местных жителей сведения не только о Кенском волоке, но и о других малоизвестных старых водно-волоковых путях, что подтверждает использование их в конце XX века. На север от Почы по рекам Сондала и Кундала добирались до волока в реку Тамбицу или из Лахты в озеро Долгое, по речке Тамбица в Тамбич-озеро, из него – в Корбозеро и в деревню Кубово на Водле.

Географическое положение Кенозера и его размеры обусловили существование здесь развитого центра судостроения и судоходства, который сохранился до начала XXI века. Знакомство автора статьи с лодкостроением и судоходством Кенозерья началось в 2007 году в деревне Семеново, где у В.В. Баженова (1956 г.р.) была записана первая информация о плавсредствах и водных путях. Он и другие местные жители рассказывали, что еще во второй половине XX века на малых озерах и реках использовались плоты и долблѐнки. Плоты на малых озерах делали из сухого леса – сушняка (диаметр бревна – до полуметра, длина – 4 м и больше), на нем для рыбалки ставили скамейку – доску на чурбанах. Рассказывали, что один плот был сделан из двух больших смолистых бревен и хозяин пользовался им 30 лет.

Долблѐнки-«дубаны» использовали на лесных озерах, где их и делали. Иногда дубаны составляли из двух долблѐнных стволов. Были и маленькие – меньше 4 м, всего для 1–2 человек. Развернутые челны-осиновки выдалбливали из толстой осины, потом распаривали – грели камни, наливали воду и ставили распорки из веток. Длина осиновок составляла около 5 м, ширина – до метра и еще прибавляли набои – по одному, а потом в уже готовый корпус вставляли шпангоуты-тугуны. По словам информаторов основными плавсредствами на Кенозере и других озерах были разных размеров лодки из досок. Для рыбалки и перевозки грузов использовались большие с двумя парами весел лодки-«двухгребѐлки» с рулевым веслом, но лодок больше 6 м в крестьянских хозяйствах не держали.

Некоторые хозяева ставили при попутном ветре самые простые паруса из молодой березки. На маленьких озерах применялись лодки длиной до 5 м, на реке Кене были в ходу маленькие лодки 4,5–5 м для переправы, т.к. рыбалки там не было, и рыбу приходилось покупать.

Старые традиционные кенозерские лодки были длиной до 6 м, а сейчас их делают длиной 5,7 м и шириной 1,2–1,3 м. Корму делают уже, а нос – яйцеобразной формы. Киль-«днище» мастерят из сосновой доски толщиной 70–60 мм, шириной 25 см и шире – для устойчивости лодки, штевни-куймы – из

ели с корнем (ил. 8). Раньше делали киль цельный с задней куймой-корнем, а последнее время делают с транцем под мотор. Угол наклона переднего штевня к килю составляет примерно 40–45 градусов, к днищу куйму крепят «в замок» с клиньями с боков на три деревянных нагеля (2,1–2,5 см) из сердцевины сосны. Доски-набои прибивали к днищу специальными гвоздями – сначала коваными плоскими с большими шляпками, потом подковными, а сейчас используют простой круглый гвоздь с шайбами. Между набоями раньше без смолы прокладывали две льняные веревки из 6–9 ниток – «насухо», а потом просмаливали готовый корпус. Сейчас используют смоляную веревку – «каболку», смолят лодки через год – два.

Для перевозки грузов и лесосплавных работ использовались большие лодки-карбаса длиной 8 м, их шили в мастерской леспромхоза в деревне Усть-Поче. С помощью карбасов сплавленные по рекам бревна собирали в плоты и кошелю, а потом на специальном плоту с домом и кухней для сплавщиков (харчева) две недели перегоняли через систему озер до реки Кены. На карбасах доставляли на харчеву людей-сплавщиков, якоря, ворота-лебедки, канаты, лошадей и другое оборудование для сплава, завозили якоря вперед по движению плотов. Подтягивались на канатах к якорям с помощью ворота и лошадей и так перегоняли через все озера в реку Кену, где кошель открывали, и лес дальше плыл по течению до реки Онеги. Плот-харчеву, на котором размещались люди, лошади и оплотник, на веслах и с помощью якоря тянули карбасами обратно в Усть-Почу. На больших сплавных лодках пользовались рейковым парусом с косым нижним углом.

По сообщениям информаторов, не только на большом Кенозере, но и в деревнях на малых озерах – Масельском, Терехове, Долгом, Святозере, Торосозере, Порженском – были хорошие мастера, которые шили отличные от других лодки длиной до 4 м. Наличие своих мастеров-лодочников в деревнях на средних и малых озерах характерно для всего Русского Севера – каждый водоем имел свой судостроительный потенциал (ил. 9), местные жители заказывали лодки своим мастерам (табл. 2), а не привозили лодки из других мест.

Таблица 2

Лодочные мастера в окрестностях Кенозера

Фамилия, имя, отчество	Даты жизни	Примечание
Вершинино		
Лоскутов Василий Михайлович	1941– ?	Шьет для себя
Глушевский Михаил Васильевич	1930-е – ?	Хорошо шил, одна лодка прослужила 17 лет
Дружинин Николай Федорович	–	–
Вахрамеев Александр Васильевич	–	–

Фамилия, имя, отчество	Даты жизни	Примечание
Спицын Борис Константинович	–	–
Ершов Василий Степанович	1958 г.р.	–
Никифоров Сергей	–	–
Молчанов	–	На Карповой шил и в Магёрой
Глущева		
Глушевский Василий Андреевич	1870–1941	Шил для себя и для своих знакомых, не стремился продавать
Глушевский Иван Васильевич	1900-е – ?	Шил много лодок
Глушевский Степан Иванович	1900-е – ?	Шил немного для себя и в колхоз за трудодни – времени не было, да и денег
Зехнова		
Болознев Никита Максимович	1900-е – ?	Все делал, рыбачил, охотился и шил себе лодки
Болознев Николай Никитович	1947 г.р.	Лодки шьют с Мелеховым и смолу гонят
Мелехов Николай Васильевич	1945 г.р.	Лодки шьют с Болозневым и смолу гонят
Киров Василий Александрович	1934–2005	Шил много хороших лодок
Капустин Николай Николаевич	–	Шьет немного для себя и на заказ
Першлахта, где начинается река Кена (шили по всей округе)		
Тишинин	–	–
Усачев	–	Немного шил (д. Коровино)
Возле Порженского озера		
Емельянов Сергей Иванович	1915–1970	Шил лодки длиной около 4 м, для этого озера больше не надо
Пиялкин	–	Все шил раньше, мастер на все руки
Тишинин Василий Иванович (из Усть-Почи)	–	Раньше шил
Березин Владимир	–	Сейчас в Вершинино
Усть-Поча		
Калитин Федор Иванович	1900-е–1970-е	Самый лучший мастер. Шил лодки в мастерской сплавной конторы
Пиялкин Александр Сергеевич	1900-е–1970-е	Хороший мастер. Шил лодки в мастерской сплавной конторы
Новожилов Никита Тимофеевич	1912–1980	Шил в мастерской сплавной конторы, выполнял много частных заказов

Фамилия, имя, отчество	Даты жизни	Примечание
Ошонков Иван Дмитриевич (из д. Печихина в Лахте)	1934 г.р.	Делает по 2–3 «двухкуймовые» лодки в год, сшил около 12 лодок, зимует в Вершинино
Калитин Виктор Николаевич	1936–1990	Брат Федора Ивановича Калитина. Шили с сыном очень много лодок
Калитин Александр Викторович	–	Шил с отцом много лодок
Гусевы Александр и Сергей Михайловичи	–	Из новых мастеров, шьют в основном для себя, сейчас на воде 3–4 их лодки
«Мамоновцы»	–	Все время шили

Не у каждого жителя была лодка, те, кто бедно жил, собирались с соседями и ловили неводом. Тянули невод воротами на берегу, но и в некоторых лодках были небольшие, горизонтальные ворота для неводов. На Кенозере для рыбы мало корма, поэтому и мало рыбы, рыбколхозов и артелей не было, а рыбу возили на продажу с Водлозера, где до войны работала кенозерская рыболовецкая бригада. Много людей с Кенозерья ездили обозами на рыбный промысел на Белое море: кто ловил, а кто торговал.

Водлозерские лодки, на которых в Каргополье везли рыбу, часто оставляли или продавали на Кенозере, поэтому известный центр судостроения в бассейне Онежского озера мог оказывать влияние на формирование и традиции лодкостроения Кенозерья. Интересно, что и Кенозерье в свою очередь во второй половине XX века смогло повлиять на лодкостроение Водлозера. В монографии К.К. Логинава¹³ сообщается, что на Водлозере есть «кенозерки». Эти лодки появились благодаря С.И. Фофанову, переселившемуся из Кенозерья¹⁴. Хорошая остойчивость и большая грузоподъемность оказались решающими для включения данного типа лодки в традиционную культуру создания лодок, их стали здесь шить на продажу, продолжают делать и сейчас.

На традиционной для Кенозерья лодке (ил. 10) гребли парой весел, а с кормы лодки одним «кормяным» веслом гребли и управляли движением. Паруса на Кенозере не ставили: говорят, и раньше их не было, да и старики о парусах не рассказывали. При попутном ветре ставили «вехи» – срубали на берегу в лесу ель или сосну, когда лист хороший – то и березу, а потом ставили в носу за доску для вытаскивания лодки.

Поскольку берега Кенозера были чистые и песчаные, причалов на берегах не было, были плавающие «лавины» на стойках или на «коргах» – рядом с ними лодка вытягивается на катках по доскам. Сейчас все заливы замелели, их занесло песком, а берега размыты, и катера тоже без причалов встают носом в берег.

Дополнили информацию о технологии, терминологии, старых мастерах и лодках Кенозерья сообщения М.В. Глушевского (1928 г.р., д. Глущёво) и И.Д. Ошонкова (1934 г.р., д. Усть-Поча). Они рассказали о том, что старики тесали кумы, тугуны, днища из сосны. Когда не было гвоздей, лодку шили закрученным «вересовым» корнем или веткой. Делали все прочно, чтобы «вичья» не растягивались. После 1930-х годов стали специально ковать гвозди, пользовались фабричными подковными гвоздями для лошадей.

В Усть-Поче самым лучшим мастером был Ф.И. Калитин (1900-е – 1970-е), который многих научил шить лодки. Он делал много хороших двухкуймовых лодок для сплавных работ, которые было легко вытаскивать на корму или борт буксира, и для рыбалки (ил. 11). Передний штевень («куйма») длиннее, задняя – короче, весел одна пара. Тот, кто на корме, гребет и правит одним широким веслом. Мостков на дне лодки не было, ходили по днищам. Интересная особенность технологии строительства лодок-кенозерок, которая больше нигде в Каргополье не встречается, – подрезка нижней кромки досок в носовой части для более легкого прижатия при подгонке и закреплении набоев у носового штевня-куймы.

Вместе с Ф.И. Калитиным в мастерской сплавной конторы работали Н.Т. Новожилов (1912–1980) и А.С. Пиялкин (1900-е – 1970-е). Они втроем сшили множество лодок, каждую весну спускали на воду 20–30 штук для контор лесосплава, Райпотребсоюза, выполняли и частные заказы, которые поступали даже из села Конёво и деревни Першлахты. Самые большие карбаса пригоняли с реки Онеги для перевозки больших грузов (длина – 7 м, высота борта – 60 см, две пары весел). На них перевозили из Конёва продукты и товары для магазина, даже бичевой шли через пороги. Потом появились моторы, в 1950-х стали ставить стационарные – Л-3, Л-6, Л-12, СМ-557, позже появились подвесные моторы. На лесных озерах были долбленки-«дубаны» – по два «корыта», иногда зимой перевозили «подёржанные» дощатые лодки.

В 2007 году в Усть-Поче открылась лодочная мастерская, в которой молодые местные жители попытались начать постройку таких лодок по заказу национального парка для развития водного туризма. К сожалению, из-за отсутствия опыта организации лодкостроения и проблем со сбытом продукции, поработав немного, мастерская закрылась. На дворе одного из домов в Зехнове хранится хорошо сделанная старая двухкуймовая лодка, которую в этом году не спускали на воду, но в прошлом году на ней еще рыбачили – «забухнет и не течет». По словам дочери хозяина дома, эту лодку сшил в конце 1960-х ее отец В.А. Киров (1934–2005). Дочь помнит, что еще в школе (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) они на ней рыбачили.

Постепенно в деревнях, после ухода из жизни старых местных мастеров, особенно с 1990-х годов, традиционные лодки вытесняются более простыми в изготовлении деревянными лодками-плоскоднками и металлическими (в основном

дюралюминиевыми), пластиковыми и резиновыми лодками, которые не требуют бережного отношения при хранении, ежегодной подготовки к навигации и специального ухода. Но все же в начале XXI века для рыбалки местные жители предпочитают использовать не фабричные лодки, а деревянные, сделанные местными мастерами. Упадок традиционного судостроения здесь в первую очередь связан с уходом из жизни мастеров 1910–1930-х годов рождения. Там, где до конца XX века оставались старые мастера, традиционное лодкостроение сохранилось лучше.

В деревне Моршихинской на Лекшмозере благодаря Н.И. Попову не только строятся деревянные лодки, но идет процесс обучения новых мастеров, в том числе и молодых, делающих лодки с использованием местных традиций. В большинстве деревень Кенозерья подобная живая традиция лодкостроения не зафиксирована, но еще осталось много деревянных лодок, есть несколько работающих старых мастеров, а молодыми людьми делаются попытки шитья местных лодок.

Исследования позволили выделить Лекшмозеро и Кенозеро как уникальные для Архангельской области локальные центры, в которых до сих пор живут традиции местного народного лодкостроения. Можно отметить, что на территории национального парка благодаря сохранению традиций лодок изготавливают больше, чем в любом другом районе Архангельской области. К сожалению, объем статьи не позволяет сравнить продукцию этих двух локальных центров с традиционными лодками пограничных территорий – на западе – Водлозера, на востоке – верхнего Поонежья, Каргополя и озера Лача.

Примечания

¹ Давыдов А.Н. Рыболовство и изготовление лодок: Научный отчет «Разработка научной документации для проектируемого Национального парка Плесецкого района Архангельской области» // Архив Архангельского государственного педагогического института им. М.В. Ломоносова (АГПИ). 1982. Т. 2. С. 44–46.

² Наумов Ю.М. Результаты экспедиций 2000–2009 гг. по изучению истории и современного состояния традиционного народного судостроения бывшей Олонецкой губернии // Полевые этнографические исследования: материалы восьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 97–102; Наумов Ю.М. К вопросу о методике изучения народного лодкостроения // Материалы VI научно-практического семинара «Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов». Петрозаводск, 2013. С. 201–211; Naumov Ju. Results work of museum-reserve «Kizi» in studi, musealisation and preservation of national shipbuilding and navigation // Yearbook Open Air Museums. 2013.

³ «...в Заволочье... к которому относим... три земли: Двинскую, Мезенскую и Печёрскую» (Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910. С. 164).

⁴ «На долю водных путей сообщения выпало... значение первостепенного и огромной важности фактора в деле поступательно-колониационного движения и развития торгово-передаточной промышленности наших предков» (Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 1).

⁵ История Карелии с древнейших времен до наших дней / под ред. Н.А. Кораблёва, В.Г. Макурова, Ю.А. Саватеева. Петрозаводск: Кар НЦ РАН, 2001.

⁶ «Каргопольский уезд... пашнями и покосами и расставленными в приятном и частом положении деревнями многие славные реки в России превосходит. Поселяне трудолюбивы и неубоги. Пашни их могут похвастаться лучшими всех других уездов, они ласковы, но корыстолюбивы» (Державин Г.Р. Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным // Пименов В.В., Эпштейн Е.М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1986. С. 124–127).

⁷ Статистический отчет Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1866. С. 52–54.

⁸ Таблица построенных по уездам судов разных типов // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. С. 283.

⁹ «...здесь выделяются почти исключительно уже лодки – “карбасы”, стоимостью в 30–40 р., пригодные для рыболовства и речного извоза, заключающегося в перевозке по р. Онеге товаров архангельских купцов и хлеба, оправляемого в урожайные годы из Каргопольского уезда в Архангельскую губернию» (Россия. Полное географическое описание нашего отечества / под общ. рук. П.П. Семенова. СПб., 1900. Т. III. С. 174).

¹⁰ Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. С. 178–179, 193–201, 211–213, 255.

¹¹ Логинов К.К., Наумов Ю.М. Славянское и дославянское в названиях водных транспортных средств и традиционной лодкостроительной терминологии Заонежья и Водлозерья // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере». Петрозаводск, 2015. С. 125–135.

¹² Из экспедиционных дневников автора: «Лодка была – много на ней ездил, чем больше смотришь, тем лучше узнаешь лодку. Строить стал на глаз – измерил у старой лодки только высоту борта (60 см – высокогато), ширину посередине и размеры транца под мотор».

¹³ Логинов К.К. Указ. соч. С. 178–179, 193–201, 211–213, 255.

¹⁴ «Лодки, которые он начал строить были устойчивее, чем водлозерки, к боковой качке и опрокидыванию на борт, поэтому на кенозерках можно больше перевозить сена или дров, без риска опрокидывания» (Полевой дневник № 2 Логинова К.К. полевого сезона 2014 года // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 6. Д. 901. Л. 17).

**Об истоках выбора профессии:
К биографии фольклористов и этнографов
Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых**

Уже довольно много написано о выдающихся ученых братьях-близнецах Соколовых, Борисе Матвеевиче и Юрии Матвеевиче, с именами которых неразрывно связано становление и развитие русской дореволюционной, а затем и советской науки об устном народном творчестве. Естественно, основное внимание авторы уделяют их научной деятельности, которой братья посвятили свою жизнь по окончании университета. Гораздо меньше исследованы истоки их интереса к фольклору и этнографии, та научная среда, в которой росли и воспитывались будущие ученые. А между тем, именно семья и историко-филологический факультет Императорского Московского университета, где отец братьев, профессор Матвей Иванович Соколов возглавил в 1889 году кафедру истории русского языка и словесности, а с 1902 года до своей скоростижной смерти в 1906-м был деканом, сыграли главенствующую роль в выборе профессии Борисом и Юрием Матвеевичами (ил. 1).

Влияние отца на детей было огромно и в нравственном, и позже в профессиональном отношении. У четы Соколовых родилось восемь детей: четыре мальчика – Василий, Борис, Юрий, Арсений – и четыре девочки – Наталия, Ксения (умерла маленькой), Ирина (моя мама) и Татьяна. Все дети были связаны между собой теснейшими дружескими узами, особенно братья-близнецы, и постоянной взаимопомощью. Эти качества они унаследовали от родителей, которые сами росли в многодетных небогатых семьях, где поддержка друг друга была жизненно необходима. От отца Борису и Юрию передались, в первую очередь, исключительное трудолюбие и влюбленность в историю и русскую литературу, от матери, Елизаветы Павловны, дочери священника из Рыбинска, – неистребимое жизнелюбие и доброжелательность ко всем, с кем сталкивалась судьба (ил. 2).

Матвей Иванович Соколов был одним из семи сыновей причетника села Спасского на Корожичне Мышкинского уезда Ярославской губернии. Родное Спасское навсегда осталось любимым местом Матвея Ивановича и его братьев, а позже и их детей, с которыми они проводили там каждое лето. Уже будучи профессором он ежегодно приезжал помочь родителям в сельских работах, приучая потом и сыновей к сенокосу, жатве, молотьбе, так что для Бориса и Юрия

деревенский труд и быт с детства были близки и понятны. По праздникам все ходили смотреть хороводы, слушать крестьянские песни. Да не просто смотрели и слушали, а веселились вместе со всеми. Впоследствии Юрий Матвеевич так плясал русскую, когда попадал на местные празднования в деревне, что все сбегались смотреть, а вприсядку и молодые не могли его перещеголять.

Часто отец ходил с сыновьями в древний Углич, расположенный в пяти километрах от Спасского, рассказывал им о памятниках старины, о событиях, связанных с ними, знакомил с народными преданиями и летописями. Русская история с самых малых лет становилась им понятной, притягательной, почти физически ощутимой.

Любовь к фольклору тоже привил им отец, который сам, еще студентом, писал своему младшему брату: «Записывал бы для меня народные песни – точно как будут говорить, без поправок»¹. Народное творчество всегда интересовало Матвея Ивановича, и курс народной словесности, который он вел в университете, был у его студентов одним из самых любимых.

Письма и дневники моего деда Матвея Ивановича, его сыновей, переписка и многочисленные письменные и устные воспоминания их коллег и сестер (особенно моей мамы Ирины Матвеевны) все явственнее обозначают для меня проблему преемственности духовных и научных традиций, столь характерную для русской интеллигенции в целом и для семьи Соколовых в частности. Преемственности, идущей не только от отцов к сыновьям, но и от профессоров к студентам – их воспитанникам.

Эта теснейшая взаимосвязь ученых старшего и младшего поколений (а не только биографии самих Соколовых, отца и сыновей, внесших свой несомненный вклад в нашу культуру) представляет, на мой взгляд, особый интерес и несет в себе глубокий нравственный смысл.

Семья Соколовых – лишь маленькое, хоть и значимое, звено в цепи служителей русской и советской историко-филологической науки. Неразрывные нити связывают Матвея Ивановича с его основными учителями – Владимиром Ивановичем Ламанским, Александром Николаевичем Веселовским, Измаилом Ивановичем Срезневским (профессорами Санкт-Петербургского университета), со старшими коллегами по Московскому университету – Всеволодом Федоровичем Миллером, Владимиром Осиповичем Ключевским, Иваном Владимировичем Цветаевым, с младшими коллегами и учениками – Александром Сергеевичем Орловым, Павлом Никитичем Сакулиным, Михаилом Нестеровичем Сперанским, Николаем Николаевичем Дурново (ил. 3). Ученики М.И. Соколова стали в свою очередь учителями его сыновей, Бориса и Юрия, от которых тянутся нити к их коллегам – Марку Константиновичу Азадовскому, Николаю Калининичу Гудзию, Петру Григорьевичу Богатыреву, а также к ученикам – Владимиру Ивановичу Чичерову, Эрне Васильевне Померанцевой и др., а от тех – к идущим во след. Этот список, конечно же, можно было бы углублять, расширять, про-

должать, но остановлюсь, назвав лишь нескольких ученых, чьи фамилии крепко вплелись в биографии представителей соколовской семьи.

Все эти люди, тесно связанные между собой, олицетворяют поступательное движение науки и культуры. Они жили в разное время, всем хватало забот, но через все жизненные трудности, пронесли они любовь к своей земле, глубочайшую преданность науке и постоянные думы о своих учениках, о будущих поколениях.

Проблема отцов и детей вырисовывается здесь не в противоборстве, а в передаче, принятии и развитии учеными духовных ценностей, знаний, опыта, накопленных предыдущими поколениями, в активном освоении культурного наследия. Именно эта духовная общность (о научных достижениях и дискуссиях скажут специалисты), проходящая красной нитью через все архивные документы и воспоминания, представляется сейчас особенно актуальной и важной.

Академик Д.С. Лихачев писал когда-то, что культура личности формируется в результате деятельной памяти одного человека, культура семьи – как результат семейной памяти, культура народа – народной памяти. Преданно сберегая семейную память об отце, сумевшем увлечь их с детства отечественной историей и словесностью, братья Соколовы уже в юношеские годы сочли своей главной целью сохранение всего того, что народная память передает из поколения в поколение. Они твердо усвоили от отца, что обращение к культурному прошлому народа, его сохранение и изучение дает понимание своих начал, осознание своего места в истории.

В служении этому важному и интереснейшему делу Борис и Юрий обрели смысл своего существования. Это пришло к ним вполне естественно, само собой, вытекало из всего уклада жизни их семьи, глубоко демократичного (в силу происхождения и воспитания отца), насыщенного атмосферой напряженной научной деятельности. Неудивительно, что сочетание столь благоприятных обстоятельств, влиявших на воспитание сыновей и формирование их нравственных и научных идеалов, явилось почвой, которая воспитала и взрастила талантливых, влюбленных в свое дело ученых-фольклористов, этнографов, литературоведов.

Подвижническая, трудовая деятельность отца, проходившая на глазах у сыновей, стала для них самым ярким примером. Неслучайно Борис Матвеевич в своей книге «Собиратели народных песен», в очерке о братьях Петре и Иване Киреевских, проводит как одну из главных мысль об их отце и его влиянии на сыновей. Отмечая высокую образованность Василия Ивановича и его приверженность традициям, Б.М. Соколов пишет: «Если к этому прибавить еще высокую нравственную стойкость В.И. Киреевского, его моральную требовательность к себе и другим, то мы поймем, какой крепкий фундамент для своего внутреннего духовного склада получил у себя дома его сын (речь шла о Петре Васильевиче. – *И. Н.*)». И дальше: «Еще должна быть упомянута одна сторона

настроений семьи Киреевских – это удивительная по своей трогательности близость и сердечная заботливость в родственных отношениях. Эта черта... нашла особенно сильное развитие в глубокой взаимной привязанности и сердечной близости двух братьев: Петра и Ивана <...> В продолжении всей жизни, с детских лет до кончины, братья будут жить крепкой дружбой, трепетной заботой и искренней беседой друг с другом»².

Всем, кто хоть мало-мальски знал братьев Соколовых, при чтении этих слов было понятно, что Борис Матвеевич писал все это, мысленно перекидывая «мостик» к своему отцу и брату, стоило лишь заменить фамилию Киреевских на Соколовых. Неслучайно те же мысли мы находим в дневнике Юрия Матвеевича, «который давно уже превратился в письма к тебе», как писал он Борису 2 октября 1920 года, преподававшему в тот период в Саратовском университете. Делясь с братом переживаниями относительно разрыва с первой женой, Зоей Семеновной, Юрий сообщает: «Зоя не могла примириться ни с преданностью моей научным (или даже уже университетским) интересам... ни с близостью к семье, полной еще воспоминаний о папе и его заветах, ни особенно с неистребимой, неразрывной дружбой с тобою»³.

Образ Матвея Ивановича живо вырисовывается не только по воспоминаниям, но прежде всего по его собственным письмам к родителям и университетским учителям. В них с юных лет прослеживается целеустремленность в занятиях и неприхотливость в быту. Еще будучи учеником Ярославской духовной семинарии, живя впроголодь, он никогда ни о чем не просил родителей и ни на что не жаловался. Он лишь изредка испрашивал разрешение на необходимые траты и отчитывался о них. «Покорно благодарю Вас за присланные деньги 2 рубля. На эти деньги исправил свои необходимые нужды: купил картуз за 70 копеек, прочие заплатил долгу 50 копеек да сапожнику 25 копеек да еще кой-что, вот и все деньги, да нужд особенных нет».

Приведу еще две короткие выдержки из писем Матвея, уже студента Санкт-Петербургского университета: «С 1 сентября начались лекции: дождался наконец этого вождельного времени <...> К посещению лекций прибавилось еще хождение на уроки, но это не отнимает особенно много времени и не надоедает <...> Лекций у меня в этом году несколько меньше прошлого года (20 вместо 24), домашнего же дела больше, потому что большая часть экзаменов нынешнего года будет за 2 курса».

И вот отрывок из другого письма: «Дела делать – не переделаешь <...> Вы однако не подумайте, чтоб мне было тяжело: я говорю о деле, которое сам выбираю, следовательно работаю не по принуждению, а по охоте. В тысячный раз повторяю, что теперешнее время для меня – почти рай, если б только это состояние не омрачалось мыслью о Вашем незавидном положении и о невозможности помочь <...> Я не говорю о своем материальном благосостоянии: его вовсе нет, но я привык давно относиться невзыскательно к этим предметам; сыт, угол имею –

вот и ладно <...> Впрочем, я предпочитаю, оставаясь при этом, употреблять время на свои занятия, а не на изыскание средств».

Так было в молодости, так было всю его жизнь. Главное – научная работа и занятие со студентами; быту, одежде уделялся минимум внимания. Нравственная основа, заложенная еще в родительской семье, была необычайно крепка. Среда сельского духовенства, в которой вырос Матвей Иванович, стояла наиболее близко к крестьянству. Сызмальства приученные к постоянному труду, воспитанные родителями в строгих христианских правилах, сыновья церковнослужителей с детства полюбили книги, читавшиеся в их домах по вечерам, увлекались историческими легендами, отличались жаждой к знаниям. (Первым подарком, вызвавшим, по воспоминаниям, восторг моего деда, тогда только окончившего двухклассное церковно-приходское училище, явилась «Одиссея» в переводе Жуковского.)

В подтверждение сказанного хочется привести краткие суждения о двух коллегах деда по Московскому университету – заслуженных профессорах И.В. Цветаеве и В.О. Ключевском, вышедших из такой же духовной среды.

Вот небольшой отрывок из воспоминаний Марины Цветаевой об отце, Иване Владимировиче Цветаеве. Начинается он разговором профессора с сыном Андреем. Цветаев хочет пиджак перелицевать.

«– Купи себе лучше новый!

– Купи, купи... Это ты привык, с колыбели нужды не знаешь. А я учился на медные деньги и не привык бросаться тем, что еще может послужить.

Поймите меня: это не было скупостью. Вернее было. Скупостью в превосходной степени. Скупостью сына бедных родителей, стеснявшегося тратить на себя то, чего не могли на себя тратить они, трудившиеся до последнего вздоха. Итак – скупость, являющая собой сыновнее уважение <...> Итак – верность своей юности. Скупость земледельца, знающего, с каким трудом земля родит деньги. Итак – верность земле. Скупость аскета, которому все лишнее для себя-тела и всего слишком мало для себя-духа; аскета, сделавшего выбор между вещью и сутью»⁴.

Трудно создать образ более емкий и точный. Каждое слово можно отнести и к М.И. Соколову. Недаром около 20 лет они поддерживали не только деловые отношения как коллеги по факультету, но и дружеские, семейные. Дед был таким же, как Цветаев. Таким же был и Василий Осипович Ключевский (Соколовы жили по соседству с ним в Замоскворечье). «Поколения сельского духовенства скопили привычки бедняцкой, простой жизни, неприятзательной до некоторого уничтожения скромности и оставили свою особую печать на внешности Ключевского и на его быте, – писала академик М.В. Нечкина. – Знаменитый профессор, давно уже не стесненный нехваткой денег, ходил в “старенькой, поношенной до предела шубе”... предпочитал черные сюртуки, но шил их у дешевых портных»⁵. Наука – вот главное, что их волновало.

Сыновья этих профессоров, естественно, уже иначе относились к своему внешнему виду и бытовой обустроенности, жизнь шла вперед, многое менялось, но важнейшие качества – трудолюбие и влюбленность в науку, перенятые детьми от отцов, – были ими сохранены. Братья Соколовы – ярчайший тому пример.

Интересно, что именно люди, вышедшие из духовного звания, активно дополнили собой во второй половине XIX века историко-филологический факультет Московского университета: С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, И.В. Цветаев, И.М. Соколов, М.Н. Сперанский и др. (ил. 4). Возможно, именно это обстоятельство во многом способствовало тому, что в описываемый период как раз московская историко-филологическая школа уделяла наибольшее внимание отечественной истории, литературе и славянству в целом.

Впрочем, что касается Матвея Ивановича, то его пристрастие к древнерусской и славянским литературам было взлелеяно не только домашним воспитанием, но главным образом влиянием ведущих славистов петербургского университета – В.И. Ламанского и А.Н. Веселовского – его поводырями на пути в науку.

Уже на студенческой скамье М.И. Соколов заявил о себе капитальным научным трудом «Из древней истории болгар». В январе 1878 года он писал родителям: «Теперь уже вполне известно, что за сочинение мне назначена золотая медаль <...> Отзыв о моем сочинении профессора В.И. Ламанского – отзыв лучше которого не знаю, что и придумать. Мне приятно не то, конечно, что я получу медаль, а то, что теперь я могу убедиться, что труд мой был не напрасен, не бесплоден... факультет определил напечатать мое сочинение на казенный счет, что бывает очень редко».

Работа деда была напечатана в 1879 году, получила прекрасные отзывы в русской и зарубежной печати и создала автору почетную известность среди славистов. Матвей Иванович был оставлен при кафедре славянской филологии для подготовки к магистерской степени. «О себе ничего не могу сказать. Оставшись в университете для науки, наукой и занимаюсь, – сообщал он родителям. – Здоров вполне. Жизнь веду домоседом. Хожу только три раза в неделю на урок, по вечерам в субботу к профессору Ламанскому, да по воскресеньям обедать к Соколовым (родственники, жившие в Петербурге. – *И. Н.*)».

Владимир Иванович Ламанский, чье имя постоянно встречается в письмах деда, – историк, филолог, этнограф, общественный деятель, позже академик, почетный член многих зарубежных академий и университетов – читал в Санкт-Петербургском университете лекции по славянскому языку и этнографии славянских народов. Он был для Матвея Ивановича любимым наставником и руководителем, огромным научным авторитетом, человеком, двери дома которого всегда были открыты для студентов, советником и другом на протяжении всей жизни.

«Приезжайте-ка Вы ко мне пообедать в среду, любезнейший Матвей Иванович, – писал профессор в январе 1881 года, – <...> Аксаков мне прислал дове-

ренность на магазин Нового Времени получить для Вас деньги (очевидно, за очередную публикацию. – *И. Н.*). Сумму представляет вписать мне. Приезжайте, поговорим, а после обеда заедем в Новое Время, а оттуда, если хотите, к Пржевальскому в Географическое общество. Ваш В. Ламанский»⁶.

Профессор привлек талантливого студента к работе во многих научных обществах, к делам кафедры, к работе в «Славянском обозрении» «Санкт-Петербургских ведомостей». Когда Матвей Иванович был приглашен профессором (еще до окончания срока подготовки к профессорскому званию) на кафедру русской словесности Нежинского историко-филологического института князя Безбородко, Ламанский продолжал поддерживать молодого профессора советами, регулярно писал ему.

«Радуюсь за Вас, что Вы очевидно довольны Вашим местом и занятиями. Древняя и старинная русская литература и история последнее время мало имела хороших исследователей... особенно литература <...> Человек, знакомый с западнославянскими письменностями, обратясь к древней и старой Руси, на многое в ней взглянет иначе. Вы, конечно, Матвей Иванович, нередко теперь заглядываете и в исторические труды о западноевропейской словесности», – тактично подсказывает учитель своему бывшему ученику путь новых занятий. М.И. Соколов, став профессором, сам также внимательно и участливо относился к своим студентам, стараясь с максимальной тщательностью и полнотой передавать им полученные знания, направляя их научные поиски.

«Профессор М.И. Соколов – одно из самых светлых воспоминаний юности, годов студенчества, – вспоминал В.И. Резанов, ученик деда в Нежинском институте. – Человек серьезного научного труда, чуждый стремления к внешнему блеску <...> был личностью в высокой степени симпатичною. Нежинские студенты любили его и ценили его лекции <...> записывали почти слово в слово». Когда же в 1889 году Матвея Ивановича пригласили в Московский университет, «студенты всех курсов в полном составе, – пишет В.И. Резанов, – явились на вокзал железной дороги и на руках внесли профессора в вагон»⁷. Подобная любовь студентов к своему руководителю сопровождала деда всю жизнь, и он для многих становился другом до конца своих дней, как В.И. Ламанский для него.

«Прежде всего позвольте Вас поздравить с новорожденным, мальчиком Васею. Желая Вам его вырастить, воспитать и видеть в нем на старости Вашу опору и утешение, – летит письмо из Петербурга в Нежин в январе 1884 года. – Новое чудесное чувство появляется в человеке, когда он становится отцом. Не так ли? Как здоровье жены Вашей? Особенно лекарствами не пичкайте ни ее, когда хворает немного, ни маленького». О рождении первенца дед написал в первую очередь родителям и Ламанскому. Отец родной и отец духовный оставались для деда всегда самыми близкими людьми из старшего поколения.

В том же 1884 году М.И. Соколов едет в Петербург сдавать магистерский экзамен, а в 1886-м уезжает в командировку за границу. В Праге, Белграде, Со-

фии, Вене он около полугода занимается изучением старинных славянских рукописей. Вернувшись, продолжает читать лекции и одновременно занимается обработкой собранного. К началу 1888 года работа была закончена. Исследование «Материалы и заметки по старинной славянской литературе», как назвал молодой ученый свою диссертацию, появилось в апреле в «Известиях историко-филологического института кн. Безбородко» в Нежине, а затем было напечатано в 1888 году в Москве отдельной книгой. Диспут (защита диссертации), состоявшийся 1 мая 1888 года в Санкт-Петербургском университете, прошел блестяще. Двое ведущих филологов Петербурга Ламанский и Веселовский, бывшие оппонентами на диспуте, высоко оценили работу, и Матвей Иванович получил степень магистра.

Знаменитый славист И.В. Ягич, хорват по происхождению, член Венской и Петербургской академий, организатор славянского семинария в Вене, ставшего на долгие годы международным центром славяноведения, дал общее подробное заключение в труде М.И. Соколова, закончив тем, что «он безусловно достоин награждения одной из премий, находящихся в распоряжении Императорской академии наук»⁸. Профессору Соколову была присуждена Уваровская премия.

Замечу, что И.В. Ягич, как и М.И. Соколов, был многим обязан в свое время И.И. Срезневскому, а по смерти последнего заменил его на кафедре в Санкт-Петербургском университете и в Академии наук. Его учеником, в свою очередь, стал А.А. Шахматов, тоже будущий академик, известнейший ученый, с которым Ягич также не прерывал теснейших научных и дружеских связей в течение всей жизни, как Ламанский с Соколовым, как Шахматов и Соколов со своими учениками. Это было нормой, неписанным этическим законом.

Во время магистерского диспута Ламанский пожелал Матвею Ивановичу скорее перейти в один из столичных университетов. Настаивал на этом и в письмах: «Вам нужно выбраться из Нежина. Это непременно. Вам нужны библиотеки и рукописи. То и другое Вам могут дать только Петербург и Москва <...> Москва еще лучше, и Вы Москве нужны <...> С Вами войдет в университет на историко-филологический новая мысль, новое направление».

Пожелание Ламанского скоро сбылось, замечу, что не без доброго участия его и Веселовского. В августе 1889 года Соколов был назначен профессором на кафедру русской литературы и языка историко-филологического факультета Московского университета. «Назначение это было для Матвея Ивановича полной неожиданностью, – писал Н.Н. Дурново, ученик деда, будущий академик. – Человек от природы тихий и скромный, чуждый всякого искательства, он и не думал хлопотать о переводе из Нежина куда-либо»⁹. Ему казалось, что он обосновался в Нежине прочно и надолго. Разрослось семейство, у них с женой было уже пятеро детей. Двоим младшим, близнецам Борису и Юрию, родившимся 7/19 апреля 1889 года, к моменту переезда в Москву еще не исполнилось пяти месяцев. Назначение отца станет для них судьбоносным, навсегда свяжет их

жизнь со старой столицей, с университетом, со светилами филологической науки и, тем самым, определит их профессиональный выбор.

Однако для Матвея Ивановича московский период начался с трудностей. Он явился в Москве человеком «пришлым», лично никому из московских профессоров не известным, назначенным Петербургом, в отношении которого Москва всегда была в некоторой оппозиции. К тому же, он сменил на кафедре знаменитого академика Николая Саввича Тихонравова, крупнейшего представителя культурно-исторической школы, оставившего кафедру весной 1889 года после серьезного конфликта с В.О. Ключевским, тогдашним деканом факультета (с сентября 1887 по март 1889 г.). Разлад двух крупнейших научных авторитетов негативно сказался на всем профессорском коллективе, разделившемся на группы. Предложить на освободившуюся кафедру кого-либо из своей среды в результате внутренних споров москвичи не сумели. Ситуация для вновь назначенного Петербургом профессора сложилась крайне неблагоприятная.

Грустные письма идут от него к Ламанскому. Владимир Иванович всячески старается поддержать своего бывшего ученика.

«Ваше письмо от 1 ноября <...> меня очень огорчило, хотя я опасался и почти предвидел, что Вам в Москве предстоят большие неприятности... за это назначение помимо их. Я говорил, что Вы слишком порядочный человек, чтобы они, москвичи, разузнав Вас, не разубедились скоро в противном и не стали Вас уважать».

«Как у Вас сложились Ваши отношения со студентами? Как они Вас встретили, как проводили? <...> Всякий профессор сидит крепче и внушает товарищам и начальству больше к себе уважения, когда возникает власть над умами известной части молодежи. Все, впрочем, Вы сами это хорошо понимаете».

«Работайте больше – в труде лучшее утешение и забвение дрызг житейских. Старайтесь превзойти себя на лекциях и дайте молодежи скорее понять, что в Вас она найдет хорошего профессора и руководителя <...> Прежде займите внимание, поднимите мысль, а потом вводите в дело и заинтересовывайте частностями и подробностями и так каждый раз».

Все эти умные, добрые советы В.И. Ламанского в его многостраничных теплых письмах, полагаю, очень помогали деду пережить сложное время вхождения в новый научный коллектив, состоящий из многих уже прославленных профессоров с большими амбициями.

«Мало-помалу недоверчивость или, лучше сказать, та осторожность, которой окружали себя те, с кем пришлось столкнуться Матвею Ивановичу, стала рассеиваться, – писал В.М. Истрин, ученик Тихонравова, а затем Соколова, академик с 1907 года. – В Матвее Ивановиче стали ценить его строгую научность, его вдумчивость, его знания и, наконец, его полную неспособность к искательству»¹⁰.

В том же 1889 году М.И. Соколов публикует новую работу «Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками». Тотчас посылает

ее другому своему бывшему руководителю, академику Александру Николаевичу Веселовскому, также занимавшемуся апокрифами. «Очень благодарю Вас за Вашу работу об амулетах, – отвечает Веселовский. – Я бегло просмотрел и на днях проштудирую, потому что, отдохнув <...> вновь возвращаюсь под сень апокрифа. Может быть обращусь к Вам с кое-какими запросами». Их переписка продолжается. Теперь это уже общение двух ученых, разрабатывающих одну проблему. Изучение, сравнение древних рукописей, введение их в научный оборот интересны для обоих.

Исследования деда, в большинстве своем посвященные неизвестным или мало изученным до него памятникам старинной литературы, выполнены с большой тщательностью. Публикациям текстов всегда предшествовала огромная предварительная текстологическая, аналитическая работа (этой тщательности в научных делах он станет позже учить своих сыновей и, конечно, студентов), а выводы были сжаты, логичны, точны. «Пустоты содержания органически не выносил, – писал о М.И. Соколове В.М. Истрин. – <...> Непосредственное изучение первоисточников, точная филологическая разработка текста, строгая проверка данных, ясное понимание тех пределов, которые отделяют научный вывод от гипотезы, – все эти качества придают работам Матвея Ивановича устойчивость и солидность»¹¹.

Предельная добросовестность в научных делах и прекрасные человеческие качества, как и предполагал В.И. Ламанский, привлекли к деду сердца его коллег и студентов. Особенно тесные связи установились у Матвея Ивановича с профессорами В.Ф. Миллером, И.В. Цветаевым, Р.Ф. Брандтом, А.И. Соболевским, Ф.Е. Коршем. Приезжали друг к другу и с деловыми визитами, и просто по-семейному, с женами. «Многоуважаемая Елизавета Павловна! Не будете ли Вы свободны вечером 4 января? Мы с мужем были бы очень рады видеть Вас и Матвея Ивановича. Приезжайте совсем запросто попить чайку часам к восьми. Преданная Вам М. Цветаева»¹².

Обстановка при таких встречах складывалась непринужденная, творческая. Очень часто собирались у Соколовых. Какие только проблемы не обсуждались! Обилие сохранившихся писем позволяет хоть немного окунуться в атмосферу интересов русской гуманитарной профессуры, какой она была с конца XIX до конца XX века. В этот период происходил активный процесс изучения и осмысления отечественной истории, словесности, культуры в целом, осознания национальных корней.

Приведу несколько выдержек из писем к М.И. Соколову.

В.И. Ламанский (10 марта 1890 г., Петербург):

«Благодарю Вас, милейший Матвей Иванович, за хлопоты с моей корректурой, за письмо и за любопытные сведения <...> Прочел недавно Барсукова “Погодина” 3 ч. Длинно правда, но интересно <...> Погодина я лично знавал. Узнаю теперь еще лучше. Станный был человек. Способный, выдающийся, но

не ученый. В нем не было искренней, беззаветной преданности науке, но была несомненно любовь к России, к ее литературе и к ее ученой славе».

В.И. Ламанский (22 марта 1890 г., Петербург):

«Дорогой Матвей Иванович! Вчера я отправил к Вам корректуру и покорнейше Вас прошу не отказать в окончательном просмотре ее <...> Оставьте, когда получите, несколько оттисков для себя, Ключевского, Павлова, Чупрова, Миллера, Корша, Лаврова, Д.Ф. Самарина, Платонова, Забелина <...> У нас были сходки и арестованы 268 студентов. Все это очень грустно. “Живая Старина” наша с будущего года станет выходить 4 раза в год <...> Главным помощником моим по редакции будет очень милый, способный и сведущий ученик Минаева, наш приват-доцент санскритского языка Ольденбург...».

В.И. Ламанский (21 октября 1890 г., Петербург):

«Вышел 1 вып. нашей “Живой Старины”. Попрошу у Вас каких-нибудь замечаний, особенно библиографических или каких пожелаете».

И.В. Цветаев (21 января 1891 г., Москва):

«Простите меня, голубчик Матвей Иванович, что я по своему беспамятству доселе не прислал Вам обратно Вашу рукопись <...> Присылайте, пожалуйста, если что случится еще. Не нужно ли перевести эти документы целиком (дед не знал итальянского, и Цветаев переводил для него некоторые слова и выражения. – *И. Н.*)? Пожалуйста, не стесняйтесь»¹³.

М.Н. Сперанский (3 апреля 1891 г., Вена):

«Я успел кое-что устроить для Вас: снял фотографии (древней рукописи. – *И. Н.*), которые и посылаю Вам. После долгих споров с Ягичем помирился на половине XIII века – времени рукописи <...> Погрузился в изучение Амартола (древнегреческий автор. – *И. Н.*). Но самое лучшее мое приобретение, это пропущенный Васильевым текст “Видения Даниила”, полный, очень идущий к нашим, т.е. обычным (а не тому, что напечатан мною по Чудовск<ой> рук<описи> <...> Напишите, пожалуйста, не нужно ли Вам этих Даниилов: я с удовольствием поделюсь с Вами <...> всего не переделать»¹⁴.

М.Н. Сперанский (10 мая 1891 г., Вена):

«Прежде всего большое спасибо за Ваше доброе письмо, давно уже не получаю я из Москвы писем о том, что делается в среде занимающегося люда <...> Письмо ваше утешило меня и подбодрило <...> Спасибо Вам также за Ваше участие в моих работах»¹⁵.

И.В. Цветаев (22 апреля 1903 г., Неаполь):

«Посылаем всем Вам наш сердечный привет с последнего этапа моего удаления на юг. Кланяется Вам жена и дочь, приехавшие сюда из Рима провести Пасху вместе со мною. Работы моей тут на десять дней (Цветаев заказывал в Италии слепки для музея изящных искусств, первоначально задуманного как университетский музей античных слепков. – *И. Н.*) <...> Здесь я скоро увидел, что месячного моего оклада по Румянцевскому музею и пенсии не хватает <...>

Особую статью расходов составляют постоянные платежи в музеях, церквах, гробницах и т.д. <...> Хотя я не езжу иначе, как в 3 классе и останавливаюсь в гостиницах бесклассных, не зная никаких капризов в столе и комфорте, словом, путешествую тут “da contadino” (как крестьянин. – *И. Н.*), как назвал мое путешествие знаменитый археолог Helbig, думающий, что профессор, собирающий памятники искусств для музея императора Александра III, пользуется как посланец и деньгами императорскими. Но довольно об этом. Радует меня главным образом то обстоятельство, что главная цель путешествия удалась как нельзя более. Законтраковано такое количество статуй, бюстов, рельефов разных эпох, что в ближайшие два года мы то и дело будем получать большие транспорты из всех значительных городов Италии».

В.И. Ламанский (16 марта 1906 г., Петербург):

«В кадетах мне многое не нравится, и тут я расхожусь с моими товарищами и ближайшими знакомыми – Фортунатовым, Шахматовым и Лавровым».

В.И. Ламанский (без даты, вероятно, 1906 г.):

«Теперь время критическое, время зачатия и рождения нового <...> Чувствуется большая потребность в новом большом журнале. Нужна критика литературы и направлений 60–70-х годов <...> Мне бы хотелось завести журнал в ином совершенно роде, т.е. учено-литературный и политический <...> Мне хотелось бы раскрыть всю несостоятельность так называемой с легкой руки Каткова национальной политики... глупость этих обычных жалоб наших и славянских патриотов и националов, что вот де усилилась Германия, все де наделал Бисмарк. Глупцы! Точно если завтра умрет Бисмарк... не останется 50 млн. немцев со своими капиталами, трудолюбием, энергиею и образованностью <...> Так называемое русское дело ведется глупо и грубо <...> Толкуют об усилении власти и забывают мысль, общественный дух, попирают... университеты, портят семинарии и гимназии <...> Наше общество положительно падает... Нужна критика историческая, общественная, литературная. Мне бы хотелось сгруппировать понемногу разных молодых людей, способных и понимающих беду, из занимающихся русской литературой, славянщиной, государством, политической экономией, статистикою... Но все это одни мечты... все еще у нас спит».

Из писем понятно, что исключительно научные интересы, преобладавшие в 1890-х годах несколько отступают перед политическими и общественными проблемами 1900-х. Особенно это становится заметно в период революции 1905 года и связанных с ней студенческих волнений.

В.И. Ламанский призывал Матвея Ивановича «прокладывать новую дорогу и заводить свою школу» в духе программы, изложенной в его письме. Настаивал, что «обработка древней и старой русской словесности, русской истории» требует нового подхода». Дед, монархист по убеждению, хоть и понимал неизбежность перемен, но считал, будучи деканом, что студенческие беспорядки мешают учебному процессу, а порой и останавливают его, отвлекают от серьезной

науки. При этом он хлопотал о ряде учеников, отчисленных из университета, в частности о родном племяннике, замешанном в беспорядках. Пересматривать же подход к изучению русской словесности и истории под давлением происходящих событий полагал недопустим, противоречившим научному анализу памятников и событий.

В домашних встречах и разговорах профессора с коллегами, студентами все эти вопросы поднимались еще чаще, чем в письмах, звучали еще активнее и громче. Подрастающие сыновья, гимназисты Борис и Юрий, постоянно присутствовали при таких обсуждениях. Мальчики старались разобраться, кто прав в этих дискуссиях. У нас хранился небольшого формата альбом Бориса с его стихами, написанными в 12–15-летнем возрасте. Основной пафос их – желание «жизнь отдать работе и труду» и трудиться так, «как трудится мужик». В конце 1960-х годов я отдала этот альбомчик сыну Бориса Матвеевича Льву. Куда альбом делся после его смерти (наследников он не имел) я, к сожалению, не знаю.

В дневниках шестнадцатилетнего Юрия все размышления также посвящены народу¹⁶. Юноша хочет понять его стремления, идеалы и служить им. Но революционное движение не находит у братьев сочувствия, как и у отца, к которому они всегда прислушивались. В то же время еще в гимназии, где тоже были волнения, братья отстаивают свою внутреннюю свободу и называют себя демократами.

К 1905 году они уже прочитали множество серьезных книг по русской словесности, которые давал им отец: труды Веселовского, Буслаева, братьев Grimm. Моя мама, которая была младше братьев на 7 лет, вспоминала, что одной из любимых ими книг был сборник, составленный Н.С. Тихонравовым и Вс.Ф. Миллером «Русские былины старой и новой записи». Братья знали множество былин наизусть, и она часто просила их рассказать то одну, то другую. Направленность их интересов – русский фольклор – была уже определена, поэтому их и волновало настроение народных масс, особенно крестьянства. Им важно было понять, кто же прав: восстающий народ или их отец, осуждающий революционные волнения.

Ближайший друг близнецов Б. и Ю. Соколовых мой отец Сергей Алексеевич Ненарокомов, студент того же факультета, только романо-германского отделения (на свадьбе Юрия в 1911 г. он был шафером, а в 1912-м ездил вдвоем с Борисом в Германию для занятий в Гейдельбергском университете), рассказывал, что и в гимназические, и, тем более, в студенческие годы их бурные обсуждения происходящего затягивались иногда до поздней ночи, когда уже уходили все гости.

Что же касается вопросов профессиональных, здесь все было давно определено. «Интерес к русской народной словесности, языку и древней литературе зародился еще в гимназические годы, – писал Борис Матвеевич в автобиографии 1918 года. – Этому интересу в сильной степени благоприятствовала атмос-

фера в доме моего отца. Помимо его невольного личного влияния, объясняемого близким и дружеским отношением его к нам, сыновьям, на сложении моих интересов не могло не отразиться постоянное общение нашей семьи с другими учеными, постоянно бывавшими в нашем доме. Особенно большое влияние нужно приписать покойному Всеволоду Федоровичу Миллеру, с которым еще гимназистом имел счастье вести долгие и интересные беседы о народной словесности. В нашем доме наряду с учеными исследователями (В.М. Истрин, А.И. Соколевский, Р.Ф. Брандт, П.Л. Лавров) встречал молодых ученых – учеников отца: А.С. Орлова, С.К. Шамбинаго, Н.Н. Дурново и многих других; часто бывали этнографы-собиратели, как Е.В. Барсов, Ф.М. Истомин, А.Д. Григорьев и др. Интерес к народному творчеству и русской старине естественно поддерживался также ежегодными поездками на летние каникулы в родную родителям Ярославскую губернию»¹⁷.

Таким образом Борис Матвеевич четко обозначил все три причины, повлиявшие на выбор братьями профессии. И думается, было очень важно, что в доме Соколовых постоянно находилась занимавшаяся наукой молодежь по возрасту не намного старше братьев, а не только именитые профессора.

«Ученики Матвея Ивановича, студенты университета, очень любили бывать у него, нередко, может быть, даже злоупотребляя его досугом и покоем, – вспоминал профессор Варшавского университета А.В. Михайлов. – Сюда их влекло радушие и приветливость их доброго учителя, который относился к ним, как старший брат и товарищ, всегда готовый оказать им деятельную помощь во всех их нуждах <...> Двери дома Матвея Ивановича для студентов, как и вообще для всех, кто в нем нуждался, были всегда открыты»¹⁸.

Заслуженный профессор Вс.Ф. Миллер свидетельствовал, что М.И. Соколовым «велись многочисленные семинарии со студентами всех курсов, дававшие прекрасный результат в виде солидных студенческих рефератов, обсуждавшихся по всем правилам научного диспута»¹⁹. Также вдумчиво и серьезно руководил он занятиями Бориса и Юрия, чувствуя в них продолжателей своего дела.

Однако научно-педагогическая деятельность, проводимая только в стенах университета, казалась деду, члену многих научных обществ, недостаточной. В 1892 году он стал одним из организаторов и бессменным (до самой смерти) председателем Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества, руководимого графиней П.С. Уваровой. Комиссия не только сблизила всех славистов и явилась крупным научным центром славяноведения, но и привлекла к своей работе большое число студентов, впервые попробовавших здесь свои научные силы в присутствии известных ученых. Эту часть деятельности дед считал чрезвычайно полезной. Наряду с такими корифеями, как Н.С. Тихонравов, Вс.Ф. Миллер, В.О. Ключевский, Ф.Е. Корш, в работе комиссии участвовали, начиная там свою научную работу, Н.Н. Дурново, С.К. Шамбинаго, А.С. Орлов, В.Н. Щепкин, А.Е. Крымский, П.Н. Сакулин, М.Н. Сперан-

ский. Большинство из них стали потом академиками, внесли серьезный вклад в нашу науку.

«Многоуважаемый Матвей Иванович! С глубокой благодарностью возвращаю Вам тетрадь. Свою программу я буду считать установленной именно в том смысле, как Вы говорили в последний раз <...> Я был бы весьма признателен Вам, если бы Вы нашли возможным сделать распоряжение о присылке мне повесток на заседания Славянской Комиссии», – писал студент П.Н. Сакулин, будущий советский академик, в 1900 году²⁰.

«Для студенческой молодежи эта Комиссия можно сказать была вторым историко-филологическим факультетом, – писал профессор А.В. Михайлов, – завершавшим ее образование по славистике. М.И. Соколов нес сюда с полной готовностью и весь свой досуг, и всю свою заботливость и энергию <...> Но особенно приятно было видеть, как умел М.И. Соколов заохотить и побуждать к научной работе своих учеников, студентов университета, всегда окружавших его дружной толпой и в университете и в Комиссии»²¹. Позже подобное умение «заохотить и побудить к научной работе», перенятое Борисом и Юрием Соколовыми от отца, отмечали все их студенты и коллеги.

В круг научных интересов славистов, принимавших участие в деятельности Славянской комиссии и публиковавших свои доклады в ее «Трудах», входило изучение уже известных и вновь найденных памятников древнерусской и славянской литературы, памятников древнего и церковно-славянского языка, народной словесности, истории создания отдельных произведений. Изучались вопросы иконографии, старинные русские миниатюры, некоторые языковедческие и исторические проблемы.

Назову для примера лишь несколько интереснейших докладов, прочитанных и обсуждавшихся на заседаниях Комиссии (позже многие из этих трудов изучали студенты Б. и Ю. Соколовы и их однокашники):

- акад. Н.С. Тихонравов «Новый памятник русской паломнической литературы “Хождение иеромонаха Варсанофия в Св. Землю в 1456 г.”»;
- проф. Вс.Ф. Миллер «Наблюдения над географическим распределением былин», а также несколько его работ, посвященных конкретным былинам: о Соловье Будимировиче, об Иване Гостинном сыне и др.;
- А.Е. Крымский «О похоронных причитаниях северного края»;
- А.Д. Григорьев «Описание рукописей, вывезенных докладчиком из Поморья. Рукописи, привезенные с реки Пинеги»;
- В.М. Истрин «Палейные сказания о столпотворении Вавилонском и об Аврааме»;
- П.А. Лавров «На каком языке были писаны грамоты султана Селима великому князю Василию Иоанновичу?».

За 14 лет работы Славянской комиссии под руководством М.И. Соколова им самим было сделано много докладов о старинных рукописных сборниках,

русских и славянских, проведено большое количество исследований и научных диспутов. Подробный перечень его научных трудов и прочитанных им лекционных курсов дан в «Очерке десятилетней научной деятельности Славянской комиссии», изданном Археологическим обществом в 1902 году к празднованию ее десятилетнего юбилея (естественно, работы 1902–1906 годов следует смотреть в более поздних протоколах Комиссии и отчетах других научных обществ) (ил. 5). А тогда, в 1902 году, юбилей Славянской комиссии фактически вылился в чествование ее председателя. В теплых «адресах», приветствиях, телеграммах от других научных обществ, от академиков Ф.Е. Корша, А.А. Шахматова и профессоров Московского и других университетов, в речах выступавших отмечалось, что М.И. Соколов «вдохнул в Славянскую комиссию свойственный ему дух высокой научности, чуткости и отзывчивости к научным потребностям и исключительной благожелательности к людям»²².

1902 год был значительной вехой в биографии деда. Он стал ординарным профессором. Петербургский университет поднес ему степень почетного доктора (*honoris causa*) русской литературы и языка. Он был назначен деканом историко-филологического факультета Московского университета. Когда в 1905 году в связи с автономией, данной университетам, были произведены перевыборы, Юрий Матвеевич записал в дневнике: «Папа оказался выбранным вновь деканом почти единогласно»²³.

Матвей Иванович был главным человеком в жизни всех детей Соколовых. В их сохранившихся дневниках и сочинениях – постоянные отсылки к отцу. Что он говорил, что любит, когда у него очередное заседание и т.д. Вот передо мной сочинение моей мамы, Ирины Соколовой (ил. 6), ученицы 3-го класса гимназии под названием «Мое детство»²⁴. Приведу короткие отрывки из него.

«В пять лет я уже хорошо читала. Я любила взять книгу, спрятаться где-нибудь и читать до вечера. Такая любовь к книгам у меня развилась, вероятно, вследствие того, что у нас было множество книг и еще потому, что папу я всегда видела с книгой».

«Из летних занятий я больше всего любила рыбную ловлю <...> Рыбу почти каждый день ездил ловить папа, это было его любимым отдыхом. Он иногда брал меня с собой».

А в альбоме стихов Бориса, для которого всегда было особенно важно знать мнение отца, сохранилась веселая запись Матвея Ивановича: «Стихи порядочные есть, но плохо знаешь ять и есть». Теплота отношений в семье, серьезность в делах, искрящееся юмором дружеское общение – все это формировало характеры детей, навсегда сделало их доброжелательными, общительными, увлеченными своим делом людьми.

Весной 1906 года Борис и Юрий окончили экстерном гимназию (ил. 7). Им не терпелось поскорей поступить в университет и поскорей заняться самостоятельной работой, к которой они уже были хорошо подготовлены. В июне, как

обычно, семья перебралась на дачу. Матвей Иванович приехал позже остальных, т.к. в тот год он был назначен председателем Совета Государственной испытательной комиссии университета. Навалившаяся в связи с этим большая дополнительная ответственность плюс дела деканские на фоне по-прежнему беспокойной политической обстановки окончательно подорвали его силы. На следующий день по приезде на дачу (было 17 июня), мечтая отдохнуть за любимым занятием – рыбалкой, он собрал удочки, шагнул к двери и упал замертво. Ему был 51 год.

«Можно сказать без преувеличения, – писали А.С. Орлов и Д.Н. Ушаков, – что Матвей Иванович умер так рано <...> от такой траты духовных сил на воспитание нового ученого поколения, которая совершенно подорвала запас жизненности, отпущенный на долю этому самоотверженному труженику науки»²⁵.

«Детство мое кончилось очень печальным событием – смертью папы, который умер совершенно внезапно», – заключила моя мама свое детское сочинение. Удар для семьи был огромен. Нельзя не сказать о том, что кроме постигшего семью глубочайшего горя, остро вставал материальный вопрос: Елизавета Павловна осталась одна с семью детьми, из которых даже старший, студент Василий, еще не зарабатывал. Казалось, рушится мечта семнадцатилетних братьев об университете. Нужно было искать работу. И все же на семейном совете было решено поступать в университет, как хотел отец, а начать зарабатывать уроками. Вскоре и факультет стал хлопотать о пенсии вдове.

Стояло лето. Почти все профессора и студенты разъехались на отдых. Газеты дошли до них не сразу, и бабушка еще долго получала письма от коллег и учеников деда со словами сочувствия и признания его заслуг. Слова из письма профессора К.Я. Грота выражают общее настроение: «Помимо Вашего личного горя и нашего, его друзей и товарищей, что за великая новая потеря для русской науки, для университета, для молодежи»²⁶.

И все же два письма к бабушке мне хочется привести более полно, потому что в них знаменитые профессора уже говорят о братьях-близнецах, очевидно понимая, что они продолжают дело служения отечественной науке (и даже упоминается их сестра Ирина, моя мама, которая 30 лет проработает научным сотрудником в Государственном историческом музее; ее страсть к истории – тоже от отца). При чтении этих писем я остро ощущаю связь времен. Благодаря семейной памяти история для меня оживает.

Одно письмо – от Ивана Владимировича Цветаева (21 июня 1906 г., Таруса, Калужская губ.):

«...Как ударом сразило нас с женою газетное известие о Вашем несчастье. Первым словом моей безнадежно, с каждым днем гаснущей Марии Александровны при этом было: “Бедная Елизавета Павловна, какой ужас она в эту минуту испытывает”. Стоя одной ногой уже “по ту сторону”, она относится к Вам с чувством глубокой симпатии и соболезнования. Уже давно лишенная сил даже

присесть на постели, вся высохшая до невозможности, до неузнаваемости, она весь нынешний день (газета пришла к нам утром) вспоминает Ваших детей – Арсения, Ириночку, великолепных близнецов. Ей... кажется, что Вы уедете с младшим поколением в Рыбинск к Вашим родным, где и учебные заведения и сравнительная дешевизна жизни. А такие студенты, как Ваши, с пути не сойдутся да при энергии устроят свою судьбу в Москве.

Все эти... думы М. А-ны я сообщаю Вам как доказательство ее памяти о Вас и участия в Вашем горе, когда волею судеб она неизбежно сама скоро оставит мир (жена Цветаева умерла через несколько дней, в том же июне. – *И. Н.*), а в нем двух девочек-сиротами <...>

Сам я не стану говорить Вам утешений, зная, что всякие слова в такие минуты излишни. Господь да подкрепит Вас и всех Ваших милых детей <...>

Я сижу возле нее (жены. – *И. Н.*) неотступно, исполняя все обязанности сестры милосердия. В этой тяжкой доле я лишь сердцем присутствую на последнем поклоне и при последнем лобзании дорогого Товарища.

Сердечно преданный *И. Цветаев*²⁷.

И вот еще одно письмо – от академика *В.И. Ламанского*, учителя, пережившего своего любимого ученика.

«6 июля 1906, Швейцария.

<...> В продолжении недель мы не видали русских газет и не получали никаких писем. Наконец, поселившись на днях здесь <...> получил я открытку из Берлина от моего младшего сына <...> (написал мне по прочтении “Русских ведомостей”) о смерти дорого мне и горячо любимого мною и высоко уважаемого *Матвея Ивановича*. Боже мой, так рано и так <...> неожиданно! Никогда я не думал, не ожидал, что я могу прочесть известие о его кончине. Следовало бы как раз наоборот <...> Наши профессора и я в том числе считали *Матвея Ивановича* самым серьезным, основательным и добротным ученым, вышедшим из нашего факультета. Все близкие к нему высоко его ценили как деятеля научного и горячо любили как прекрасного человека <...> Добрые и умные старшие дети Ваши будут Вам утешителями и помощниками. Передайте им мой поклон и мое искреннее соболезнование»²⁸.

Земной путь *Матвея Ивановича Соколова* окончился, но ученый продолжал жить в своих научных трудах, учениках, детях. «Добрые и умные» «великолепные близнецы» *Борис* и *Юрий Соколовы*, уже давно хорошо знакомые университетским профессорам, поступили в том же 1906 году на историко-филологический факультет – пошли по стопам отца, посвятили себя делу служения русской филологической науке (ил. 8).

Они учились у именитых профессоров, коллег отца – *Ф.Е. Корша*, *Р.Ф. Брандта*, *Д.Н. Ушакова* и *Вс.Ф. Миллера*, оказавшего, как уже говорилось, основное влияние на братьев. Его лекции, как писал *Борис Матвеевич*, были полны «живого, захватывающего интереса к русскому эпосу»²⁹. Слушали братья Соко-

ловы и лекции молодых ученых – учеников отца. Трое из них – А.С. Орлов, Н.Н. Дурново и М.Н. Сперанский – посвятили свои первые серьезные исследования М.И. Соколову. Сперанский читал курс русской устной словесности, наиболее важный для Бориса и Юрия.

На факультете все понимали, что Соколовы, несмотря на юный возраст, прочно входят в научную филологическую среду; поэтому неудивительно, что уже после второго курса в 1908 году они совершают первую свою фольклорную экспедицию «за былинами» в Кирилловский и Белозерский уезды, входившие тогда в Новгородскую губернию (ил. 9). В 1909 году братья повторяют поездку в Белозерский край (отчет об этой экспедиции Б. и Ю. Соколовых передан мною открывшемуся в Кенозерском национальном парке в 2016 г. музею фольклора «В начале было Слово», вместе с живописным портретом Ю.М. Соколова и рядом фотоматериалов).

Мысль об этих первых экспедициях была обсуждена братьями Соколовыми с Всеволодом Федоровичем Миллером, горячо поддержана им как руководителем. Миллер добился субсидий от Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (он возглавлял этнографический отдел), Московского археологического общества и Диалектологической комиссии Академии наук. Следует отметить, что научные общества и комиссии играли очень существенную роль в воспитании молодых научных кадров, как мы убедились на примере деятельности Славянской комиссии.

В эти две первые экспедиции братья Соколовы записали более тысячи произведений устного народного творчества – цифра более, чем внушительная. Далее предстояла обработка и научный анализ собранного материала. Так началась исследовательская, а позже и преподавательская деятельность фольклористов Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых, которой с неутомимой энергией они занимались всю свою, увы, короткую жизнь.

Примечания

¹ Российская государственная библиотека, отдел рукописей (далее РГБ ОР). Ф. 468. Карг. 3. В 1960-х гг. я передала почти всю личную и деловую переписку М.И. Соколова, а также семейные хроники, дневники и пр. в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина. Из этого архива сложился фонд 468. Все дальнейшие цитаты из писем М.И. Соколова и писем к нему приводятся по материалам этого фонда. Кроме того, небольшой архив М.И. Соколова с включением дневников Ю.М. и Б.М. Соколовых хранится в Государственном историческом музее в отделе письменных источников (ГИМ ОПИ), куда он был передан еще Ю.М. Соколовым; ГИМ ОПИ. Ф. 38.

² Соколов Б.М. Собиратели народных песен. М., 1923. С. 13.

³ ГИМ ОПИ. Ф. 38. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 312.

⁴ Цветаева М. Избранная проза: в 2 т. Нью-Йорк, 1979. Т. 2. С. 342.

⁵ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 317.

-
-
- ⁶ РГБ ОР. Ф. 468. Карт. 6. Далее все цитаты из писем Ламанского приводятся по материалам этого фонда и этого картона.
- ⁷ Резанов В.И. Памяти Матвея Ивановича Соколова. Нежин, 1907. С. 321.
- ⁸ Очерк десятилетней научной деятельности Славянской комиссии. М., 1902. С. 24.
- ⁹ Дурново Н.Н. Матвей Иванович Соколов // Отчет Императорского Московского университета за 1907 год. М., 1907. С. 11.
- ¹⁰ Истрин В. М.И. Соколов // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. № 9. С. 45.
- ¹¹ Там же. С. 46.
- ¹² ГИМ ОПИ. Ф. 38. Ед. хр. 62.
- ¹³ Там же. Ед. хр. 60.
- ¹⁴ РГБ ОР. Ф. 468. Карт. 10.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Дневники хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Ф. 483.
- ¹⁷ Цит. по: Иванова Т.Г. Русская фольклористика в биографических очерках. СПб., 1993. С. 63–64.
- ¹⁸ Михайлов А.В. Памяти М.И. Соколова. Владимир, 1908. С. 6–7.
- ¹⁹ РГБ ОР. Ф. 468. Карт. 6.
- ²⁰ Там же. Карт. 8.
- ²¹ Михайлов А.В. Указ. соч. С. 5.
- ²² Очерк десятилетней научной деятельности Славянской комиссии. С. 14.
- ²³ РГБ ОР. Ф. 468. Карт. 1.
- ²⁴ Семейный архив.
- ²⁵ Семейный архив.
- ²⁶ РГБ ОР. Ф. 468. Карт. 4.
- ²⁷ Там же. Карт. 11.
- ²⁸ Там же. Карт. 6.
- ²⁹ Живая старина. 1913. Вып. 3–4.

*Л.В. Пархуць (г. Львов),
А.Б. Котлярчук (Львовская обл.)*

Опыт сохранения и использования культурного наследия Государственного историко-культурного заповедника «Тустань»

Государственный историко-культурный заповедник «Тустань» создан Постановлением Кабинета министров Украины 5 октября 1994 года. Созданию заповедника «Тустань» предшествовали долголетние исторические, археологические и архитектурные исследования града-крепости возле села Урыч, проводившиеся Михаилом Федоровичем Рожком начиная с 1971 года и Карпатской архитектурно-археологической экспедицией, которой он руководил, с 1982 года. Большая часть материала и результаты многолетних исследований М.Ф. Рожка были представлены в монографии, которая вышла из печати в 1996 году¹.

На время становления заповедника функции дирекции были возложены на Львовский исторический музей. Только 17 октября 2005 года была сформирована дирекция, а заповедник перешел в подчинение отдела (теперь управления) охраны культурного наследия Львовской областной государственной администрации. С этого времени началась новая страница деятельности заповедника «Тустань».

За последние десять лет работа по сохранению культурного наследия проводится по четырем основным направлениям: административно-правовому, научно-исследовательскому, по реставрации и использованию памятников культурного наследия, популяризации и просвещению. Под охраной заповедника находятся археологические и архитектурные памятники. Первым шагом в деле охраны и использования культурного наследия стала работа по формированию территории заповедника, учету и паспортизации объектов наследия. В 2006 году проектантами архитектурной мастерской «Симметрия» была разработана документация под названием: «Проект определения и обоснования границ Государственного историко-культурного заповедника “Тустань” в селе Урыч Сколевского района Львовской области». Согласно этому проекту, 410 га земли отводилось под территорию заповедника и еще 1190 га для охранных зон. Площадь заповедника с охранными зонами на 90% покрывала площадь села Урыч в его территориально-административных границах, а также часть национального природного парка «Сколивские Бескиды». В состав заповедной территории также предлагалось включить небольшую часть центральной застройки села с церковью Святителя Николая – памятником деревянной архитектуры начала XX века.

На этапе утверждения проекта его разработчики столкнулись с двумя проблемами: с одной стороны, большая территория заповедника требовала большого количества штатных сотрудников, а с другой стороны, возник конфликт с общиной села из-за передачи огромного количества земель заповеднику. Руководство на уровне Министерства культуры и искусств Украины приняло решение уменьшить границы заповедника и откорректировать охранные зоны. К этому времени (2008 г.) уже были составлены и утверждены учетная карточка и паспорт объекта культурного наследия, в которых четко определялись составные части комплекса. Храм Святителя Николая и ценная деревянная застройка не вошли в состав объектов охраны, поэтому в 2009–2010 годах сотрудники НИИ памятникоохранных исследований разработали и утвердили документацию под названием «Корректирование границ Государственного историко-культурного заповедника “Тустань” и определение границ и режимов использования охранных зон на памятники культурного наследия в районе села Урыч Сколевского района Львовской области». Проектанты использовали предыдущие наработки, которые касались пространственно-композиционного анализа, видового раскрытия и визуального восприятия памятников Тустани, ее ландшафтного окружения, а также исторического агроландшафта села Урыч, поскольку они были выполнены на высоком уровне (по методике М. Пурвинаса). Авторы нового проекта обосновали размеры и границы территории заповедника с учетом эффективного решения задач, возложенных на историко-культурный заповедник, и полноценного раскрытия туристического потенциала этой местности.

Согласно новой документации, территория заповедника уменьшилась до 45,1586 га. Отдельно была определена зона охраны комплекса памятников археологии. Почти без изменений была оставлена зона охраны ландшафта, однако зоны регулирования застройки и зона охраны археологического культурного слоя претерпели сильные изменения. Зона регулирования застройки предназначалась для сохранения исторически сформированной архитектурно-пространственной организации села и традиционного характера среды, которые составляют окружение памятников Тустани. В соответствии с взаимным влиянием памятников Тустани и сельской застройкой зону регулирования застройки разделили на две части в зависимости от режима использования территории: зона строгого регулирования застройки и зона умеренного регулирования застройки.

В части строгого режима предусмотрено сохранение планировки и усадебного характера застройки, характерных элементов исторического ландшафта. Здесь допускается строительство и реконструкция существующей застройки при условии сохранения в новых и реконструируемых строениях стилистики, формы, масштаба, колористики, плотности, которые отвечают традиционной бойковской народной архитектуре. Высота строений не должна превышать 7 м от поверхности земли, а длина фасадов – не более 20 м. В части умеренного

режима предусмотрены те же позиции, что и для строгого режима, за исключением граничного параметра высоты строений, который составляет 10 м.

Зона охраны ландшафта предназначена для обеспечения неприкосновенности природного окружения памятников культурного наследия. В этой зоне кроме лесных насаждений находятся остатки исторически сформированного агроландшафта, который выражен в характере землепользования. На узких и длинных полосах индивидуальных участков располагаются усадьбы, а за ними чередуются пахатные поля, сенокосы и пастбища, что создает неповторимый колоритный горный ландшафт. До сих пор этот культурный ландшафт сохраняется в неизменном виде и вместе с традиционной застройкой выражает сущность освоения территории бойковским этносом. В этой зоне запрещено строительство, но допускается лесохозяйственная деятельность непрямоугольного характера, природоохранные мероприятия, рекреационная деятельность и археологические исследования с обязательной последующей рекультивацией земель.

Зона охраны археологического культурного слоя определена вокруг охранной зоны комплекса памятников археологии и территории, где размещены отдельные до сих пор не исследованные археологические объекты. В состав этой зоны вошла большая часть земель, которым угрожали сильные изменения, связанные с новым строительством. Корректирование границ было своевременным и крайне необходимым, потому что во время разработки охранных зон вблизи храма Святителя Николая уже построили дом в новых нетрадиционных для этой местности формах с использованием шлакобетона и композитных материалов, а через три месяца после утверждения документации непосредственно перед скальным комплексом Камень в зоне охраны археологического культурного слоя возникло новое незаконное строительство с грубым нарушением режима. Дирекция заповедника начала судебное разбирательство, и после двухлетних тяжб суд постановил запретить незаконное строительство и ликвидировать постройки.

Благодаря режимным зонам, а также координации действий с органами архитектуры и Львовского областного управления культурного наследия дирекция заповедника может контролировать процесс новой застройки в селе Урыч. Глубокое исследование планировки и традиционной архитектуры села дало возможность выработать подходы для формирования новой застройки. Сейчас разрабатываются правила создания архитектурных форм, размещения строений на участке, принципы использования материалов и цветовые решения. Спрос на новые проекты для Урыча сильно возрос в 2016 году.

Два следующих проектных документа появились в 2011–2012 годах. Сотрудники НИИ памятникоохранных исследований разработали «Концепцию плана организации территории Государственного историко-культурного заповедника “Тустань” в селе Урыч Сколиковского района Львовской области». Основным чертежом стала «Схема функционального зонирования территории заповедника»,

в которой определены следующие зоны: экспозиции археологических объектов, музейных и выставочных экспозиций под открытым небом, рекреации и проведения массовых мероприятий, обслуживания посетителей и другого назначения. Через год проектанты Научно-исследовательского и проектного института градостроительства был разработан детальный план территории Государственного историко-культурного заповедника «Тустань». Однако зонирование (ил. 1), разработанное в этих двух документах, распространяется только на территорию заповедника и не имеет сильного влияния на организацию села Урыч.

В рамках европейского проекта «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности» разрабатывается регламент планирования и застройки села, который войдет в генеральный план Урыча как составная часть. Базой для регламента и генплана стал альбом результатов исследования ландшафта, планировки и архитектуры села Урыч, выполненного в 2016 году. В состав альбома вошли картографические, иконографические, архивные, графические и фотоматериалы многолетних исследований, а также исследований 2016 года.

Одним из важных направлений научно-исследовательской деятельности заповедника является изучение истории развития культурного ландшафта, планировки и традиционной архитектуры села Урыч, а также соседних поселений. Об истории села писал Р. Щур². Две публикации Л. Пархуця³ затрагивают вопросы ландшафтно-пространственной организации территории Тустани и села Урыч в историческом развитии. Проблемы сохранения архитектурного наследия во взаимосвязи с культурным ландшафтом, реставрации памятников архитектуры поднимал А. Котлярчук⁴. В работе Т. Бобровского об организации территории Государственного историко-культурного заповедника «Тустань» затронуты вопросы регулирования застройки Урыча в охранных зонах⁵.

Деятельность заповедника направлена также на реставрацию памятников традиционной деревянной архитектуры. В частности, при научно-методической поддержке сотрудников заповедника религиозная община церкви Святителя Николая в 2011–2012 годах отреставрировала фасады храма, который долгие годы был обшит металлическими оцинкованными листами (ил. 2, 3). Консервационную обработку деревянных стен выполнили по методике, предложенной Государственным научно-техническим центром «КОНРЕСТ»⁶.

Еще одной важной работой стала реставрация и обустройство покинутого дома возле ручья Глубокий. По предварительным исследованиям, дом был построен в середине XIX века, а потом несколько раз достраивался. Вначале были выполнены обмерные чертежи и составлен перечень работ, которые необходимо было выполнить в первую очередь. Следующим шагом стал проект реставрации дома и реализация этого проекта. Сейчас дом используется как культурный центр села и музей истории Урыча (ил. 4, 5). Здесь проводятся мастер классы народных умельцев, литературные и тематические вечера, просмотр кинофильмов, читаются лекции.

В заповеднике ведется работа по выявлению и сохранению новых памятников архитектуры и ценных ландшафтных объектов. На протяжении некоторого времени исследуется здание сельской школы, которое предлагается отнести к памятникам архитектуры местного значения. Здание школы решено в духе европейских вил, распространенных в Словакии, Польше и Галиции в конце XIX – начале XX века. В 2016 году выполнены обмерные чертежи объекта культурного наследия, составляется учетная карточка.

Администрация заповедника добивается того, чтобы исторический агроландшафт Урыча, который сформировался в XVI–XVII веках (ил. 6), был отнесен к числу ландшафтных памятников культурного наследия. В этом направлении ведется исследовательская работа по сбору необходимого иконографического, картографического и архивного материалов. В основе первоначальной структуры землепользования был использован лан – мера площади (чуть больше 22 га), которой пользовались для определения верличины налога. К началу XX века лановая структура претерпела сильные изменения, в частности произошло дробление лана на малые парцели в ходе появления новых семей и усадеб. Характер землепользования, каким оно было в XIX веке, с изменениями, последовавшими в новом столетии, отражен в ландшафте, и именно это имеет ценность как объект культурного наследия.

Особое внимание уделяется традиционным деревянным постройкам. В 2012 и 2015 годах научными сотрудниками заповедника «Тустань» проводились этнографические экспедиции с целью выявления особенностей традиционной архитектуры, ее связи с ландшафтом, а также получения новых данных об истории села Урыч, его быта и культуры. Проблема сохранения культурного ландшафта как единства традиционной деревянной архитектуры и агроландшафта проявляется сегодня, во-первых, в физическом старении построек и упадке хозяйства; а во-вторых, в появлении новой застройки и облагораживании усадеб в духе урбанистических традиций.

Безработица и резкое уменьшение численности села Урыч негативно отобразились на возможности сохранить старинную архитектуру. Хотя традиционные дома и не подвергаются перестройкам в отсутствие хозяев, они быстро стареют и приходят в упадок (ил. 7). Более 20 таких домов было утрачено в период с 1992 по 2012 год⁷. Сотрудники заповедника в первую очередь зафиксировали аварийные дома на фото и методом фотограмметрии создали их виртуальные изображения, в которых можно определить общие параметры и посмотреть объект с разных сторон.

Также изменения происходят в культурном ландшафте. Многие поля не обрабатываются и зарастают травами; неиспользуемые сенокосы и пастбища вытесняются кустарниками и деревьями. Раньше берега речки Уричанки регулярно очищались от поросли, а сейчас буйная растительность закрыла обзор домов, расположенных на правом берегу реки.

Второй фактор, влияющий на состояние ландшафта, – это появление городских жителей, которые купили старые дома с участками и перестраивают их на новый лад (ил. 8). Большинство использует дома временно как дачи, меньшинство – как постоянное жилье. Приводя в порядок усадьбу, новые частники используют приемы организации ландшафта, присущие городской культуре. В результате городские традиции озеленения и благоустройства сильно изменяют облик усадеб. На примере села Урыч можно проследить, как урбанизационные процессы повлияли на сельскую жизнь.

Заповедник сотрудничает с Львовскими университетами, выступая в качестве базы для дипломного проектирования и учебных практик. В июне 2016 года была проведена учебная практика со студентами специальности «архитектура и городское планирование» Национального лесотехнического университета Украины, в результате заповедник «Густань» получил обмерные чертежи традиционных деревянных домов. На их основе построена типология домов, которые наиболее часто применяются в народном строительстве, и сформирован раздел типовых традиционных строений на территории села Урыч, который вошел составной частью в альбом, отражающий результаты исследования, проводившегося в рамках европейского проекта «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности» за 2016 год.

Примечания

¹ Рожко М.Ф. Густань – давньоруська наскельна фортеця. К.: Наукова думка, 1996.

² Щур Р. Урич: сторінки історії. Львів: Новий час, 2005.

³ Пархуць Л. Розвиток історичного ландшафту «Урицька котловина» // Історична топографія і соціотопографія України: збірник наукових праць. Львів: Літературна агенція Піраміда, 2006. С. 103–134.

⁴ Котлярчук А. Охорона історико-архітектурного середовища села Урич. Перші кроки Державного історико-культурного заповідника «Густань» // Фортеця: збірник заповідника «Густань». Львів: Колір ПРО, 2012. Кн. 2. С. 52–59.

⁵ Бобровський Т. До створення Плану організації території Державного історико-культурного заповідника «Густань» // Там же. С. 104–120.

⁶ Котлярчук А. Указ. соч. С. 57.

⁷ Там же. С. 55.

Роль национальных парков Словакии в охране культурного ландшафта

Необходимость разработки «Программы мероприятий по охране ландшафтного заказника» и «Плана развития национального парка» диктуется общестратегическими задачами по сохранению наследия заказника и парка, в том числе путем выделения охранных зон с учетом средоформирующих особенностей территорий, а также реализации на них полноценных охранных и мероприятий по землепользованию с учетом тех видов деятельности, которые осуществляются на данных территориях. В общем управлении национальным парком программа охранных мероприятий представляет собой основной механизм.

Разработка эффективной программы по охране земельных ресурсов («Программа мероприятий по охране ландшафтного заказника» и «План развития национального парка») – не компромиссная мера, а результат совпадения интересов заинтересованных сторон.

Стратегические задачи охранных мероприятий сформулированы с учетом специфики объекта. Обширные охраняемые территории Центральной Европы представляют собой сочетание полудиких и культивированных ландшафтов. В ходе многовековой эксплуатации сельских угодий первозданный вид «дикого» ландшафта в той или иной степени претерпел изменения. В связи с этим первоочередной задачей является сохранение дикой природы на всех территориях, где она есть. Не менее важно сохранить и «полудикие» территории, а выполнение данной задачи, возможно, потребует гораздо больших усилий.

Своеобразным полем боя за сохранение уникальных территорий Европы являются Татры, где расположен Татранский национальный парк. Являясь частью Карпат, данный регион отличается неповторимостью и особым символизмом. Это самая выразительная географическая доминанта Словакии и Польши, без которой их восприятие было бы уже совсем иным.

Геологические и географические факторы сформировали здесь особую форму рельефа и структуру растительного покрова. Их эволюция происходила на всей территории Татр, проявляясь в различной интенсивности формирования дикого ландшафта. Практика землепользования расширялась, однако ее интенсивность определялась возможностью ведения хозяйства. В качестве собственников земли в Татрах выступали государство, муниципалитеты небольших городов и частные лица. Осуществлялся выпас скота и лесозаготовительные работы

(для нужд местного населения), начался процесс урбанизации. Наличие лесных ландшафтов обусловило строительство курортов и, уже в более поздний период, туристической инфраструктуры. Санаторные учреждения привлекали красотой и умиротворенностью окружающей природы.

Ведение сельского хозяйства с выпасом скота впоследствии стало экономически выгодным. То, что мы наблюдаем на местности сегодня, – это результат изменения ее структуры под воздействием расширения альпийских пастбищных угодий за счет древостоев, в том числе виргинской сосны. Потенциал санаторно-курортного лечения, повлекшего за собой рост урбанизации, почти исчерпан.

Программа охранных мероприятий национального парка разработана его руководством, представлена на рассмотрение Министерства окружающей среды и утверждена Правительством Словацкой Республики. В ней изложены задачи реализации охранных мероприятий на территории парка и охранных зон. В качестве стратегически важных территориальных единиц выступают зоны ведения хозяйственной деятельности, на которых действуют определенные правила землепользования. К зонам высокого класса охраны относятся территории с сохранившейся дикой природой («Зона А»). Участки «Зоны В» представляют собой защитные пояса вокруг «Зон А», критериям сохранности они не соответствуют. Участки «Зоны С» представляют собой территории, частично нарушенные хозяйственной деятельностью, туристами, и тоже являются буферными зонами парка, подлежащими проведению на них восстановительных мероприятий. «Зоны D» – урбанизированные территории, активно используемые туристами (лыжни).

Разработка документа была сопряжена с временными затратами, поскольку он является долгосрочным – с перспективой на 30 лет, а не на 10, как в случае краткосрочных стратегий. Он имеет четкую адресную направленность. Его разработка началась в 2000 году после завершения реализации программы предыдущего периода. Руководством национального парка совместно с Данией был запущен проект опроса общественного мнения на предмет того, что конкретно и где должно быть покрыто охранными мероприятиями. Были проведены общественные слушания (при этом общественность к разработке самой программы не привлечена). Окончательный вариант программы появился в сентябре 2004 года. Он отражает мнения и требования всех заинтересованных сторон, главным образом общественности.

К разработке «Программы охранных мероприятий» руководство Татранского национального парка привлекло учебные учреждения: расширилась область исследования по вопросам сельских и урбанизированных территорий в составе защитной зоны парка. Применена новая методика проведения исследований и оценки состояния сельских территорий. Объектами рассмотрения стали виды ландшафта Верхних Татр, структурное разнообразие местности, законодатель-

ные основы развития в высокогорных поселениях кемпинга, произведено картирование уязвимых участков.

19 ноября 2014 года от прошедшего в Татрах урагана пострадало 25% древостоя. Вместе с тем, данное событие стало поворотным моментом в деле разработки стратегии и программы охранных мероприятий. Серьезность произошедших изменений имела различную оценку, единства мнений на предмет направления дальнейшего развития не было. Национальный парк испытывал давление – особенно со стороны государственной лесоохраны и строительных компаний, намеревавшихся изменить его миссию. Сокращение лесных угодий, которые так или иначе могли бы быть использованы, связывалось с обесцениванием национального парка. Главной задачей стало устранение последствий стихийного бедствия. На сегодняшний момент вырублено свыше 60% девственных лесов. Кроме того, давление оказывается и со стороны «курортного» сектора как глобального тренда: его сторонники стремятся получить разрешения на застройку предгорных областей. Произошедшие после урагана изменения стали предметом отдельного анализа по выявлению факторов, препятствующих строительству спа-рекреационных объектов. Татры стали ареной для апробации методик исследования того, что составляет специфику их местности.

Динамика изменений в данном регионе не является естественной и поступательной. Наблюдаемые здесь изменения носят коренной характер и являются результатом бесконтрольной купли-продажи. Татры стали товаром, который можно приобрести для дальнейшей перепродажи...

На календаре уже 2016 год, а у национального парка до сих пор нет концепции сохранения природных ресурсов.

Культурно-историческое наследие сельского ландшафта Словакии*

Представление об историческом наследии культурного ландшафта Словакии и современных практиках землепользования. Культурные ландшафты – это географические единицы с заданными, четко обозначенными границами, характеризующиеся наличием на их территории разнообразных объектов и элементов визуального проектирования, возникших в результате многовекового присутствия и деятельности человека¹. Формирование ландшафта под влиянием человеческой деятельности легко читается в практике землепользования. Обращаясь к визуальной характеристике и пространственному расположению ландшафта, можно говорить о двух основных типах его формирования – в результате образования поселений и в результате мероприятий по культивации открытого ландшафта².

Разнообразие и уникальность культурных ландшафтов определяется их региональной принадлежностью, а именно: особенностями эволюции ландшафта в конкретном регионе, наличием природных ресурсов, историческим, социально-экономическим и культурным контекстами развития региона. Культурное и природное наследие – важный актив капитала территории, которым определяется идентичность проживающих на ней поселений и целых народов. Структура культурного ландшафта является результатом влияния на него человека, и поэтому каждый культурный ландшафт уникален как в плане источника происхождения, так и в плане функционального назначения и морфологических характеристик³.

В определении, данном Европейской конвенцией о ландшафтах, ландшафт представлен как предмет интереса человека к культурной, экологической и социальной сфере в целом, который, кроме того, является ресурсом, способным привести положительный экономический эффект. Необходимость в реализации мероприятий по охране, планированию и управлению ресурсами ландшафтов создает рабочие места, способствует формированию местной культуры,

© Тош А., 2017

* Настоящее исследование проведено при финансовой поддержке Агентства по субсидированию проектов в области культуры и образования (KEGA) Министерства образования, науки и спорта Республики Словакия (Программы № 001SPU-4/2014 «Зеленая инфраструктура и городская агрокультура» и № 008SPU-4/2016 «LandArch Studio: новое содержание и инновационные методы преподавания»).

укреплению благосостояния человека, общеевропейской идентичности и многообразия⁴.

На иллюстрации 1 представлен многоплановый культурный ландшафт, расположенный в предгорном регионе Словакии с типичными для него природными объектами и динамичной геоморфологической структурой. Присутствуют объекты культурно-исторического наследия, в том числе в форме урочищ, типичных для эпохи Средневековья (замок Спишский Град, на заднем фоне – искусственно воссозданный средневековый пейзаж). Место обитания человека – деревня – органично встроено в структуру ландшафта с помощью облесенных участков. Целостность и непрерывность ландшафтных угодий, по сути, является собой еще одну форму существования наследия – сельскохозяйственную (на заднем плане) и животноводческую (на переднем плане).

Религиозные традиции как важный элемент культурно-исторического наследия сельского ландшафта. Предметы религиозной культуры – распятия, храмы, женские и мужские монастыри – представляют собой неотъемлемую составляющую ландшафта⁵. Они являются выразителями идей христианства, формируя культурную самоидентичность народа. Помимо больших храмов существует множество менее масштабных объектов обрядовой культуры, которые, будучи частью культурного ландшафта, передают его духовный посыл⁶. К ним относятся, например, поклонные кресты, скульптуры святых и изображения мучеников, часовни. Их можно смело назвать сокровищами культурного ландшафта. Обычно обрядовые и культовые объекты располагаются на фоне живописной природы, формируя таким образом само восприятие ландшафта, символизируя суть его человеческого измерения и религиозной идентичности местности.

История объектов обрядовой архитектуры всегда определяется их местоположением. Причиной их большой численности является распространение католицизма в период контрреформации на начальном этапе Средневековья, когда основными объектами религиозного поклонения являлись Святая Троица и Непорочная Дева Мария. В XVII и первой половине XVIII века отмечается увеличение численности крестов, распятий и иных скульптур – теперь уже на территории малых поселений. Максимальной численности обрядовые постройки достигли в период барокко.

На иллюстрации 2 представлен типичный ландшафт, главным обрядовым объектом которого является распятие на вершине холма. Место его расположения выбрано не случайно: здесь распятие воспринимается как самый значимый объект в пространстве, главенствующий над всем ландшафтом. Видно, что объекты природного и культурного наследия органично вписаны друг в друга: распятие находится в роще. При анализе данного ландшафта с объектами религиозного наследия необходимо учитывать наличие в его структуре двух плоскостей. Первая сочетает в себе сам ландшафт и его главную составляющую – распятие. Вторая отражает местный колорит – духовную атмосферу конкретного поселе-

ния. Особенностью мозаики данной местности является сочетание разнообразных и как бы отдельно стоящих друг от друга элементов, которые в то же время находятся в неразрывной связи, что визуально прослеживается, если соединить их воображаемыми осями.

Объекты, расположенные в исторических центрах деревень и небольших городов, их функция на открытом и застроенном ландшафте. Историческим и территориальным центром большинства словацких деревень и небольших городов является церковь. Обычно церковь окружена дворовой территорией или садом, а сама она располагается на площади или широкой улице. На протяжении веков церковь являлась местом сбора жителей, играя роль важного культурно-исторического и архитектурного объекта, определяющего эстетику поселения. Церковь как исторический центр поселения окружали здания общественного назначения – школы, приходские постройки, нотариальные конторы, городские власти, почта, гостиницы, на место которых сегодня пришли дома культуры, кафе, бары, рестораны и магазины. Центр населенного пункта обычно является местом сосредоточения различных памятников, скульптур и иных объектов архитектуры. В плане застройки и использования территории большинство таких центров представлено городским пейзажем с широкими улицами, площадью, озелененными участками или выходом к водному объекту.

На уровне ландшафта центр деревни или небольшого города легко узнается благодаря присутствию церкви – неотъемлемого элемента визуального восприятия сельского ландшафта.

На иллюстрациях 3 и 4 представлен исторический центр города, в котором основной архитектурной достопримечательностью является церковь начала XVIII века. В городе она видна отовсюду, будучи расположена на площади, являющейся частью городского пейзажа. Рядом с церковью разместились исторические здания общественного назначения, в том числе бывшая школа для мальчиков, а также мемориал, установленный в память о жертвах событий 1940-х годов. В агрокультурном же ландшафте, типичном для территорий в нижнем течении Дуная, визуально и пространственно прослеживается органичное слияние открытых угодий и территории застроек. В такой перспективе церковь представляет собой важный объект культурно-исторического наследия всего ландшафта.

Природное и культурное наследие, деревянная архитектура словацких деревень и небольших городов. Типичным для большинства поселений Словакии является смешение объектов природного и культурного наследия. Архитектура помещичьих усадеб с ландшафтными садами относится к стилям ренессанса, барокко и классицизма. Это частично объясняется тем, что в Словакии (ранее входившей в состав северной части Венгрии) предпочитала селиться или проводить лето венгерская знать. Некоторые из сохранившихся резиденций являются архитектурными образцами эпохи ренессанс, однако большинство строилось или перестраивалось по канонам барокко или классицизма⁷. Усадьбы в стиле

барокко традиционно обрамлялись барочными садами правильной формы, почти все из них в XIX веке становились ландшафтными садами. Здесь до сих пор сохранились ценные составляющие словацкого природного наследия – деревья возрастом старше 150 лет. Усадьбы и прилежащие к ним сады имеют статус объектов культурного наследия, охраняемых государством, а мероприятия по охране озелененных территорий и старовозрастных деревьев регулируются законом «Об охране природных и ландшафтных угодий», что в некоторых случаях вызывает противоречия и конфликт интересов.

На протяжении веков дерево являлось основным строительным материалом. Сохранены деревянные дома, мосты, мельницы, водонапорные башни и иные инженерные объекты; деревянные часовни, церкви и прочие объекты религиозного наследия, считающиеся важными объектами культурного наследия.

Дерево используется и в современном обустройстве общественных пространств небольших городов и поселений – в строительстве террас, беседок, бельведеров, скамеек и других объектов. Из дерева строятся статуи, применяется резьба по дереву.

Иллюстрация 5 представляет типичный образец визуально-пространственного расположения ландшафтного сада – аксиальную проекцию заднего фасада с прилегающей лужайкой в обрамлении старых деревьев, на которой произрастают многолетние растения. Рядом с усадьбой расположена недавно отреставрированная водонапорная башня – уникальный образец инженерного творчества, являющийся объектом культурного наследия, охраняемого государством (ил. 6).

Регионально обусловленное разнообразие и роль местной архитектуры. Неотъемлемым элементом сельского культурного ландшафта являются архитектурные объекты. Они формируют визуальное восприятие деревни и общий колорит местности⁸. При описании объектов местной архитектуры на уровне ландшафта принято говорить о структуре застройки – расположении домов, дворовых территорий, улиц; о высоте зданий, угле их наклона, материале, цвете кровли и т.д.

На уровне городского пейзажа к числу основных визуально-пространственных характеристик местной архитектуры относятся направление улиц и то, как на них смотрятся дома; а также архитектура и исполнение кровель, фасадов, оконных и дверных проемов, оград и калиток⁹.

Особенности здешней архитектуры имеют региональную обусловленность, а сами строения весьма разнообразны как в плане визуального восприятия, так и в технике исполнения (ил. 7, 8).

Примечания

¹ Bell S. Elements of Visual Design in the Landscape. Second Edition. London and New York: Spon Press, Taylor & Francis Group, 2005; Emanuelsson U. The Rural Landscapes of Europe: How man has shaped European nature. The Swedish Research Council Formas, 2009.

-
-
- ² Burggraaff P., Kleefeld K.-D. Historische Kulturlandschaft und Kulturlandschaftselemente. Bonn-Bad Godesberg: Bundesamt für Naturschutz, Angewandte Landschaftsökologie Heft 20, 1998.
- ³ Supuka J. Tradície, prístupy a možnosti obnovy a rozvoja vidieka // *Životné prostredie: revue pre teóriu a starostlivosť o životné prostredie*. 2012. Vol. 46, N 4. P. 171–175.
- ⁴ Council of Europe. European Landscape Convention // *European Treaty Series*. 2000. N 176. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800805ce>; Jančura P. European Landscape Convention in Slovakia. Banská Bystrica, 2008.
- ⁵ Halajová D. Pietna zeleň v súčasnej záhradno-architektonickej tvorbe. Nitra: FZKI SPU, 2010.
- ⁶ Hájek T., Bukačová I. Geschichte der kleinen Denkmäler: Von der Interesselosigkeit zur Faszination. Pressath: Bodner-Verlag, Studio JB Jaroslav Bárta, 2004.
- ⁷ Feriancová Ľ., Schlampová T., Štěpánková R. Kúrie ako špecifické objekty záhradnej architektúry na Slovensku // In *Životné prostredie: revue pre teóriu a starostlivosť o životné prostredie*. 2005. Vol. 39, N 3. P. 133–137.
- ⁸ Štěpánková R., Feriancová Ľ. Znaky a hodnoty ľudovej architektúry súčasného vidieckeho sídla // In *Životné prostredie: revue pre teóriu a starostlivosť o životné prostredie*. 2011. Vol. 45, N 1. P. 48–52.
- ⁹ Kuczman G. Hodnotenie vizuálnej kvality vybraných prvkov v sídle vidieckeho typu // *Acta horticulturae et regiotecturae*. 2008. Vol. 11, mimoriadne číslo. P. 31–35.

Сохранение и устойчивое управление культурными ландшафтами Почезерского культурно-ландшафтного комплекса Плесецкого сектора Кенозерского национального парка

Деревня Филипповская относится к Почезерскому культурно-ландшафтному комплексу. Он является наиболее доступным в транспортном отношении в Плесецком секторе Кенозерского национального парка. Особенности данного объекта являются полуостровное положение (участок расположен меж двух озер Почозеро и Святозеро, соединенных протоками) и их окрестности (через центр ландшафтного комплекса по возвышенности проходит автомобильная дорога круглогодичного действия).

Для обеспечения разнообразия естественных и культурных ландшафтов необходимо осуществлять их планирование и формирование, т.к. происходит постоянное их изменение. Как правило, для поддержания и сохранения агрокультурных ландшафтов требуется меньше материальных и денежных затрат, чем для восстановления агрокультурных ландшафтов, которые раньше были на территории национального парка и которые были утрачены или не сохранились ввиду изменения социально-экономических условий жизни сельского населения. Для сохранения ландшафтов важно их изучение, оценка динамики их развития, возможностей сохранения среды и формирования новых интересных туристических маршрутов. Ландшафтные рубки, нацеленные на формирование единого историко-культурного и природного ландшафта, позволят существенно повысить ценность и привлекательность территории. Необходимо срочно принять меры по сохранению открытых ландшафтов, которые окружают деревни в окрестностях Филипповской, т.к. происходит интенсивное зарастание бывших сельскохозяйственных угодий древесно-кустарниковой растительностью.

В 2015 году исследования проводились в Почезерском культурно-ландшафтном комплексе на маршруте Поча – Будылгино – Филипповская, по берегам озер Почозеро и Святозеро.

Цели проекта:

1. Сбор литературных, лесоустроительных и полевых материалов об агрокультурных ландшафтах, окружающих деревню Филипповскую.
2. Определение местоположения и современных границ отдельных компонентов для формирования единого комплекса.

3. Анализ состояния природных объектов, изучение их динамики и перспектив развития агрокультурных ландшафтов.

4. Разработка рекомендаций по формированию природного комплекса, включающего в себя бывшие поля с характерными для данного района почвами, сенокосы, бывшие пастбища, естественно зарастающие новины и другие антропогенные территории.

5. Описание агрокультурных объектов и нанесение их на картографические материалы для изучения их динамики.

6. Экономические расчеты затрат на сохранение и поддержание культурных ландшафтов.

7. Разработка туристического маршрута.

Методика проведения работ. Для характеристики агрокультурных ландшафтов использовались материалы Государственного архива Архангельской области, информация из архива Кенозерского национального парка, материалы ранее проведенных исследований и зонирования территории. Принадлежность насаждений к той или иной категории устанавливали по косвенным признакам, а также по материалам, полученным в ходе лесоустройства и при полевых исследованиях.

Участки сельскохозяйственного пользования должны соединяться с селением дорогами, а через реки и протоки должны прокладываться мосты. Наличие таких объектов можно обнаружить при полевых исследованиях и по документальным (архивным) данным. Для детального обследования выбирали участки, которые явно просматривались на картах и на общедоступных космических снимках как открытые пространства.

Все материалы обследования привязывались к лесотаксационным выделам (для того, чтобы легче было ориентироваться и иметь привязки к картографическим материалам). В объект исследования вошли 19, 20, 21, 33, 34 и 35 кварталы Плесецкого сектора Кенозерского национального парка в окрестностях деревни Филипповской.

Полевые исследования заключались в обследовании участков сельскохозяйственных (освоенных или безлесных) земель, уточнении границ участков, установлении года окончания использования участка как сельскохозяйственного угодья. С этой целью уточнялась таксационная характеристика участков, делались почвенные прикопки для выявления нарушенных почвенных горизонтов. При этом применялись принятые в ландшафтной таксации методы¹.

Для исследования процессов зарастания древесно-кустарниковой растительностью территории в районе деревни Потеряева нами было срублено и обмерено модельно дерево ольхи серой в насаждении, примыкающем к проточному водотоку. Материалы, описывающие процесс роста дерева, были обработаны и использованы в работе.

При проектировании мероприятий учитывались перспективы развития экологического туризма, для чего были проработаны различные варианты использования лесных дорог в районе поселка Поча, деревень Будылгина и Филипповская, а также водных объектов в качестве туристических маршрутов.

Общая характеристика объектов. Историко-культурные ландшафты Европейского Севера России формировались на протяжении вековой истории освоения Севера. Их ценность заключается в том, что они связаны с культурными корнями русского народа: являясь интереснейшим объектом туризма, эти ландшафты представляют достойный пример постоянного неразрушительного гармоничного природопользования.

В 2015 году исследования проводились в окрестностях деревни Филипповской. Основная деятельность в Почезерском культурно-ландшафтном комплексе должна быть направлена на сохранение открытых культурных ландшафтов, формирование привлекательных пейзажных композиций для обозрения с воды и дороги, которая проходит по гряде. При этом необходимо использовать преимущества натуральных объектов, состоящих из мозаично расположенных, чередующихся лесных и нелесных участков среды, открытых пространств, и создавать места отдыха для организованного и неорганизованного туризма.

В книге Ю.С. Ушакова «Ансамбль в народном зодчестве русского Севера» о деревне Филипповской говорится: «Если двигаться к селу с юга, от Кенозера, то дорога, выходя из леса, приводит к мосту через озерную протоку, возле которого стояла часовня (не сохранилась). Отсюда открывалась панорама села с вертикалями храмов в центре; и дорога, и мост ориентированы на них (рис. 1). Далее дорога поднималась на гребень полуострова и превращалась в улицу между порядками домов, перспектива которой замыкалась вертикалью шатровой церкви (рис. 2). Затем улица-дорога выходила на площадь села, огибала с востока храмовый комплекс и уходила дальше, к северу»².

На приведенных в книге рисунках ничего не говорится о трех деревнях, которые последовательно расположены вдоль дороги, ведущей к деревне Филипповской: Коковиченской, примыкающей к мосту, Дедовой Горке и Строевой Горке (ил. 1).

Анализируя имеющиеся на данную территорию картографические материалы, можно отметить, что основные сельскохозяйственные участки располагаются на расстоянии не более 2–3 км по сторонам озер, окружающих Почезерский культурно-ландшафтный комплекс. Эти участки были описаны в материалах лесоустройства как сенокосы или обозначены специальным знаком и нанесены на план лесонасаждений. На расстоянии более 3 км сельскохозяйственное пользование носило фрагментарный характер. За пределами этой зоны участки со следами сельскохозяйственного использования встречаются крайне редко, занимая незначительную площадь, или тяготеют к другим населенным пунктам.

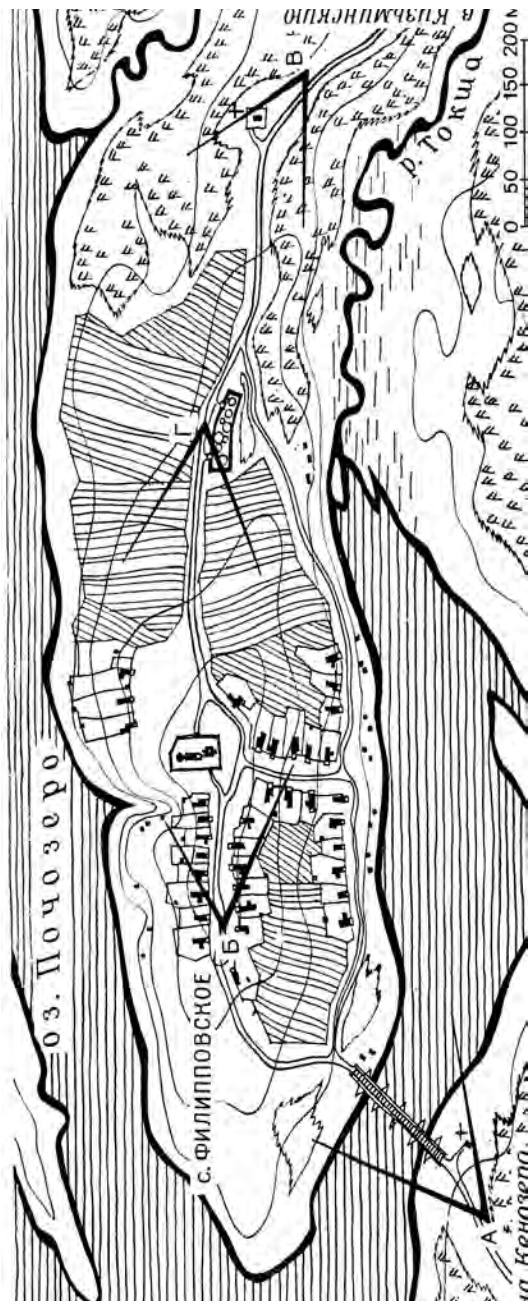

Рис. 1. Село Филипповское на Почозере (Ушаков, 1982)

А

Б

В

Г

Рис. 2. Вид селения в последовательном восприятии в соответствии с точками, указанными на рисунке 1, по исследованиям Ю.С. Ушакова в 1966–1978 гг.

Работы по поддержанию современного состояния культурных ландшафтов Почезерского культурно-ландшафтного комплекса складываются из уборки древесной растительности в местах интенсивного зарастания полей. В основном возможно использование кусторезов, только в отдельных случаях применяется бензопила. В дальнейшем необходимо ежегодно выкашивать сенокосы и формировать открытые ландшафты в местах, описанных лесоустройством как сельхозугодья. Скрытые за лесом места, не просматривающиеся с дорог и водных поверхностей, где не планируются в дальнейшем туристические маршруты, биотехнические мероприятия и использование участков в качестве сельскохозяйственных угодий, можно оставить для естественного зарастивания.

Процесс зарастания территории древесной растительностью. Для характеристики процесса роста древесных растений на открытых территориях бывших сельскохозяйственных угодий нами было срублено модельное дерево – ольха серая *Alnus incana* (L.) Moench. Ход роста по высоте этого дерева приведен на рисунке 3.

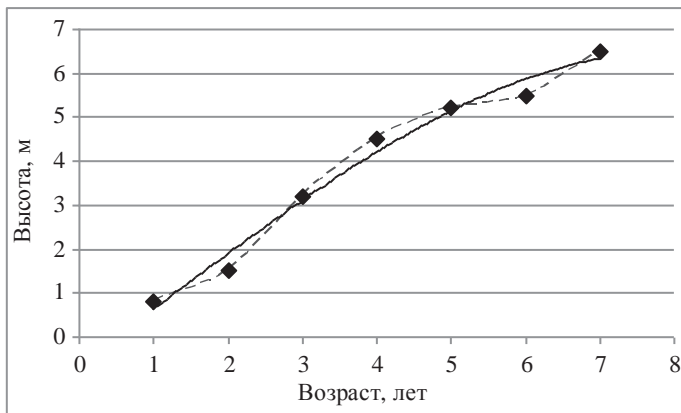

Рис. 3. Процесс роста в высоту ольхи серой на территории бывших сельхозугодий (пунктиром обозначены фактические данные, сплошной линией – выровненные полиномиальным уравнением связи)

Ход роста ольхи серой по высоте выражается полиномиальным уравнением связи:

$$y = -0,0184x^3 + 0,1477x^2 + 0,777x - 0,1356,$$

где y – высота ствола, м; x – возраст дерева, лет.

При этом достоверность аппроксимации $R = 0,98$.

На рисунке 3 видно, что ольха серая – быстрорастущая порода, на рост которой в условиях проточного увлажнения не оказывают влияние отрицательные факторы. Деревья за 7 лет достигают высоты 6,5 м. В этом возрасте диаметр

шейки корня у срубленной модели составляет 6,4 см. Таким образом, в течение 7 лет открытые пространства могут превратиться в покрытую лесом территорию. Для поддержания и сохранения открытых ландшафтов необходимо постоянно убирать эту растительность с открытых пространств. Многие исследователи отмечали интенсивный рост насаждений по старым пашням³.

Оценка современного состояния насаждений. Для восстановления агрокультурных ландшафтов проводятся ландшафтные рубки, направленные на реконструкцию или перевод (переформирование) закрытых и полуоткрытых ландшафтов в открытые пространства.

На первом этапе проводятся работы по идентификации, группировке и описанию свойств объектов, а также картографирование местоположения.

На все территории имеются современные лесоустроительные материалы, материалы прошлого лесоустройства, топографические карты свободного пользования и старинные карты, где есть информация о населенных пунктах, которых нет в настоящее время.

При проведении очередного лесоустройства оценивается состояние и динамика насаждений, связанных с сакральными объектами – святыми рощами⁴.

Динамика природных территорий происходит естественным путем, без воздействия человека или под влиянием его воли и разума. Природные процессы протекают медленно, стремясь к определенному равновесию. Воздействие человека, как правило непродолжительное, но мощное, для природы сравнимо по последствиям только со стихийными бедствиями (ураганы, пожары и т.д.). Человеческое влияние на окружающую среду не всегда благоприятно для экосистемы.

Исследование проводилось на площадях, входящих в рекреационную зону парка. Для использования участков в качестве объектов туристической инфраструктуры требуется проведение мероприятий по восстановлению ландшафтов при сохранении их эстетических качеств. Чтобы оценить динамику культурных ландшафтов, в первую очередь рассмотрим современное состояние этих объектов. Получив современную оценку и сделав анализ изменений, можно охарактеризовать процессы развития этих территорий для выработки конкретных рекомендаций по их сохранению. Основным показателем для покрытых лесом участков прежде всего служит продуктивность древостоев, произрастающих на них, а в пределах рекреационной зоны парка – их эстетическая привлекательность.

Рекомендации по развитию природных территорий и агрокультурных ландшафтов в окрестностях деревни Филипповской. Проектирование и проведение ландшафтных рубок связано с тем, что вдоль транспортных путей и по границе с водными объектами произошло зарастание древесной растительностью ранее использовавшихся агрокультурных ландшафтов, постепенно закрывались пространства, привлекательные для восприятия.

Эти мероприятия планируются в лиственных малоценных древостоях, возникших на старопахотных землях в последние годы. Реконструкция ландшафтов проводится путем сплошной рубки древостоя или вырубке тонкомера и подроста, при которой остаются отдельные крупные деревья. Полученная при этом древесина используется для нужд местного населения и для отопления туристических стоянок и домиков, а порубочные остатки сжигаются на месте заготовки. В дальнейшем эти площади можно использовать для сенокосения.

Ниже приведен перечень участков (объектов), которые в прошлом использовались для сельскохозяйственных целей. Рекомендуется их сохранение как открытых агрокультурных ландшафтов в окрестностях деревни Филипповской на основе проведенных полевых изысканий и анализа полученных материалов. Всего были разработаны рекомендации по 26 объектам. При проведении работ планируется использование техники.

Проектируемые мероприятия для поддержания объектов в окрестностях деревни Филипповской в устойчивом состоянии.

Объект 1. Квартал 35, выдел 1. Площадь 1,7 га. Зарастающий сенокос, бывшая пашня, частично выкашивается. В центре участка проходит дорога к озеру (рыбаки проезжают на мотоциклах). В северной части стоит баня.

Рекомендации: участок расчистить от древесной поросли мотокусторезом и выкашивать ежегодно косилкой навесной сегментно-пальцевой КС-Ф-2.1Б в агрегате с трактором МТЗ-82.

Объект 2. Квартал 21, выдел 59. Площадь 1,1 га. Небольшой участок, бывший сенокос, активно зарастает ольхой. Располагается по обе стороны моста через протоку на дороге (Вершинино – Филипповская – Кузьминская).

Рекомендации: а) провести ландшафтную рубку древесной и кустарниковой растительности мотокусторезом; б) вырубить тонкомер и подрост; в) отдельно стоящие крупные деревья спилить бензопилой; г) для фрагментации природных объектов можно оставить несколько отдельно стоящих деревьев; д) сохранившийся сенокос ежегодно выкашивать.

Объект 3. Квартал 21, выдел 57. Площадь 1,0 га. Деревня Коковиченская (нежилая). Земля вокруг домов зарастает травой и кустарниками.

Рекомендации: участок расчистить от древесной поросли и выкашивать ежегодно ручной косилкой.

Объект 4. Квартал 21, выдел 58. Площадь 3,4 га. Небольшой сенокос, частично зарастающий сосной, ольхой и березой. Расположен вдоль берега Святозера.

Рекомендации: участок расчистить от древесной поросли и выкашивать ежегодно косилкой навесной сегментно-пальцевой КС-Ф-2.1Б в агрегате с трактором МТЗ-82.

Всего рекомендации разработаны по 26 объектам. Определены объемы проектируемых работ и сделан расчет фонда заработной платы на поддержание и восстановление агрокультурных ландшафтов окрестности деревни Филиппов-

ской, включая расчистку объектов от древесной растительности, сенокошение, вспашку участка и посев овса, проведение ландшафтных рубок и закупку необходимого оборудования. Проведен расчет затрат на содержание техники, применяемой на работах по поддержанию и восстановлению агрокультурных ландшафтов в окрестностях деревни.

Рекомендации по формированию туристического маршрута Поча – Будылгина – Филипповская. На дорогах и тропах, используемых в качестве туристических маршрутов, рекомендуется убирать упавшие и представляющие опасность деревья, а также валежник в непосредственной близости к объектам инфраструктуры. Древесину следует использовать для обеспечения дровами туристических стоянок.

Маршрут проложен по старой тракторной дороге (зимник). В целом дорога проходима на всем протяжении. Возможно несколько вариантов маршрута. Первый туристический маршрут (вариант 1) – короткий маршрут с названием «Тропой “Серогонов”» протяженностью менее 5 км до первой стоянки с возвращением пешком вдоль линии ЛЭП в поселок Поча.

Второй туристический маршрут (вариант 2) – длинный маршрут с началом у поселка Поча и окончанием на окраине Филипповской у часовни Кирика и Улиты. Первый этап – пеший переход от Почы до деревни Будылгина. Далее возможно два способа попасть в Филипповскую: сухопутный и водный. Для организации водного маршрута планируется организовать причал для лодок или катеров в деревне Будылгина. Тогда можно будет продолжить маршрут водным путем на катере или лодке до деревни Дедова Горка, где оборудуется причал. По водному маршруту открывается живописный вид на деревню Филипповскую (ил. 2).

По берегу Почозера проложен сухопутный маршрут, который предполагает преодоление узкого водного препятствия при помощи деревянного наплавного моста или переправы.

Проектируемый объем работ составляет тот минимум, который необходимо выполнить для устойчивого управления территориями в окрестностях деревни Филипповской, а также для формирования туристического маршрута между объектами Поча, Будылгина, Филипповская.

Сохранение агрокультурных ландшафтов и поддержание их в должном состоянии, привлекательном для организованного экологического туризма, – сегодня одна из важнейших задач. Об этом свидетельствуют проведенные в парке полевые исследования процессов зарастания открытых пространств.

При отсутствии планомерной работы открытые ландшафты будут безвозвратно утрачены, что существенно обеднит ландшафтное разнообразие парка. Выполнение всего комплекса работ даст возможность для организации дополнительного спектра туристических услуг. Организация экологического туризма – важное направление работы парка. Разнообразие флоры и фауны делает этот

уникальный уголок северной природы привлекательным для туристов, учащихся и ученых разных стран. Расширение сферы услуг, в том числе в виде издания фотоматериалов, буклетов, CD-дисков с фотоматериалами и другой сувенирной продукции может содействовать развитию устойчивого управления ландшафтами, их сохранению и поддержанию.

Примечания

- ¹ Ландшафтная таксация и формирование насаждений пригородных зон. Л.: Стройиздат, 1977; Громцев А.Н. Ландшафтная специфика структуры и динамики среднетаежных сосновых лесов Карелии: автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. Л., 1989; Его же. Динамические аспекты ландшафтной специфики типов леса // Проблемы динамической типологии леса: тезисы докладов Всероссийского рабочего совещания. Архангельск, 1995. С. 10–12; Атрохин В.Г., Курамшин В.Я. Ландшафтное лесоводство. М.: Экология, 1991.
- ² Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). Л.: Стройиздат, 1982. С. 150–151.
- ³ Соколов Н.Н. Рост и продуктивность сосновых древостоев по старым пашням // Лесной журнал: Изв. высш. учеб. завед. 1978. № 4. С. 22–25.
- ⁴ Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство северо-русской культуры). Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993; Святые рощи и деревья как элементы природных и историко-культурных ландшафтов Кенозерского национального парка / С.В. Третьяков и др. // Экология северных территорий России. Проблемы, прогноз ситуации, пути развития, решения: материалы международной конференции. Архангельск, 2002. Т. 2. С. 1079–1083.

Визуализация истории Почезерского погоста: фотоматериалы и документы

Любой музей имеет своей задачей культурную коммуникацию, осуществляемую в первую очередь путем зрительного восприятия экспозиционных предметов. По этой причине важными становятся фотоматериалы, ценные своей информативностью – способностью выступать как источник знания о людях, среде бытования, событиях. Фотоматериалы приобретают значение документа, отражающего события реального мира и являющегося звеном в цепочке документирования действительности. Как материальный фрагмент прошлого, фотография оказывает эмоциональное влияние на зрителя, способствует трансляции последующим поколениям исторической памяти.

Важным элементом, формирующим зрительный образ, выступает видеоряд. В связи с этим фотоматериалы, представленные в экспозиции Кенозерского национального парка «Почезерский погост: история, архитектура, приход», распределены по тематическим зонам, освещающим тот или иной период прошлого храмового ансамбля. Снимки, представленные в экспозиции, можно подразделить на публичные, отображающие историческую и социальную реальность, и семейные, воспроизводящие групповую идентичность жителей деревень прихода.

Первая тематическая зона, расположенная в галерее, погружает зрителя в историю деревянных ансамблей – «тройников», одним из которых является Почезерский храмовый комплекс. Храмовые ансамбли, состоящие из двух церквей и колокольни, – явление исключительное, характерное только для Русского Севера. До революции существовало более 150 подобных комплексов, располагавшихся на территории Архангельского Севера, Карелии, побережья Белого моря. Многие из них формировались на протяжении нескольких веков, объединяя летнюю и зимнюю церкви с колокольней, построенные в разное время, иногда на месте обветшавших или утраченных культовых зданий.

Сегодня сохранилось шесть деревянных храмовых комплексов – на погосте Кижы (Республика Карелия), в селах Варзуга (Мурманская обл.), Ворзогоры, Нёнокса, в поселке Малошуйка (Архангельская обл.). В течение последних десятилетий полуразрушенные здания этих ансамблей восстанавливались, а иногда, как в случае с колокольней в селе Варзуга, возводились вновь на месте полностью утраченных. Рассказ о каждом из них сопрово-

ждается демонстрацией дореволюционных и современных изображений памятников.

Экспозиция «Почезерский погост: история, архитектура, приход» рассказывает и об утраченных деревянных храмовых комплексах. В экспозиции представлены фотографии ансамблей-«тройников», располагавшиеся в Поонежье – районе бассейна реки Онеги. Выбор этой территории не случаен, т.к. система Кенозерских озер является частью бассейна реки Онеги.

Храмовые ансамбли в Поонежье складывались в течение XVII–XIX столетий. Фотографии наиболее интересных комплексов – в селах Усть-Кожа, Верхняя Мудьюга, Вазенцы, Пияла, Турчасово, Подпорожье, Чекуево, Лядины – размещены в экспозиции. В течение XX века большинство ансамблей-«тройников» Поонежья систематически разрушались. Безвозвратно утрачены комплексы погостов Усть-Кожа, Вазенцы, Верхняя Мудьюга. От храмовых ансамблей в селах Турчасово, Чекуево, Подпорожье, Пияла и Лядины в настоящий момент сохраняются лишь фрагменты. Представленные изображения утраченных памятников деревянной архитектуры дают возможность реконструировать недавнее прошлое, с помощью фотоисточников восстановить историко-архитектурный контекст.

Фотоматериалы для этой части экспозиции были выявлены в различных музеях и архивах страны. Снимки дореволюционного и советского периодов хранятся в Институте истории материальной культуры (Санкт-Петербург), Мурманском областном краеведческом музее (Мурманск), «Научно-производственном центре по охране памятников истории и культуры» (Архангельск), Музейном объединении «Художественная культура Русского Севера» (Архангельск), Музее деревянного зодчества «Малые Корелы» (Архангельск), Архангельском областном краеведческом музее (Архангельск), Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), Государственном историко-архитектурном и этнографическом музее-заповеднике «Кижы» (Республика Карелия).

История строительства и бытования храмового комплекса Почезерского погоста в XVIII–XX веках показана во второй тематической зоне экспозиции. Это выставочное пространство, расположенное в трапезной, подразделено на несколько частей, каждая из которых содержит информацию о том или ином этапе истории ансамбля. Документальным отражением исторической реальности здесь также выступают фотографии. Снимки Почезерского храмового комплекса, сделанные в 1903 году Иваном Яковлевичем Билибиным¹, а также копия открытого письма с автографом художника² иллюстрируют рассказ о дореволюционном периоде существования погоста. Документом, подтверждающим интерес к изучению Почезерского храмового ансамбля, является копия удостоверения, выданного Этнографическим отделом музея Александра III в апреле 1903 года И.Я. Билибину³ для участия в Олонецкой экспедиции⁴.

Фотографии погоста, сделанные в XX столетии, иллюстрируют советский период истории Почезерских храмов. 1920–1940-е годы стали роковыми для

храмового ансамбля. В это время подверглась разорению зимняя церковь Обретения Главы Иоанна Предтечи. Летнюю церковь Происхождения Честных Древ Креста Господня в 1929 году перестроили под избу-читальню, а с 1936 года в ней разместился клуб. Запрет совершения богослужений, отсутствие церковной общины и неиспользование храмов по назначению послужило поводом к официальному закрытию церкви погоста и использованию помещений под хозяйственные нужды колхоза. Значительный урон ансамблю был нанесен в 1949 году. «Погодушкой пала» обветшавшая колокольня, ее шатер был снесен бурей. С этого момента колокольня несколько десятилетий находилась в полуразрушенном состоянии (воссоздана Кенозерским национальным парком в начале 2000-х гг.). Сохранить здания погоста от полного разрушения позволило то, что в 1948 году Почезерский храмовый ансамбль был поставлен под охрану государства⁵.

Представленные в этой части экспозиции иллюстрации включают в себя изображения Почезерского погоста в 1940–1990-х годах – это пейзажи, видовые фотографии деревни Филипповской, снимки для реставрационной и научно-проектной документации. Особый интерес представляют фотографии Филипповской с видом на церковь Происхождения Честных Древ Креста Господня⁶, сделанные архитектором А.В. Ополовниковым в 1946 году во время Каргопольской экспедиции Московского института истории и теории архитектуры по Северу России (ил. 1)⁷. Внимание привлекает также снимок П.И. Шармина 1984 года, на котором изображены «небеса» молельного зала церкви Происхождения Честных Древ⁸. Эта фотография является одним из последних изображений, запечатлевших «небо» молельного зала до реставрации.

Значимыми для воссоздания церкви Происхождения Честных Древ стали фотографии интерьеров храма, на которых хорошо видны правый и левый клиросы (ил. 2), части иконостаса⁹. Ценность для исследования истории Почезерского погоста представляет изображение алтаря шатровой церкви. На фотографии запечатлен подпрестольный крест¹⁰ – вещественный памятник освящения престола церкви Происхождения Честных Древ. Обычно на памятных крестах, устанавливаемых в алтаре храма в день освящения, фиксировали дату данного события. Надпись, просматриваемая на снимке подпрестольного креста церкви Происхождения Честных Древ, также должна была содержать информацию о моменте освящения храма. Хранящийся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва) документ подтвердил это предположение и помог узнать точную дату освящения – 4 января 1783 года¹¹.

Важную часть экспозиционного пространства трапезной занимают копии икон из церкви Происхождения Честных Древ Креста Господня. Во второй половине XX века состояние храма было аварийным – кровля протекала, оконные стекла отсутствовали. Храмовые иконы были вынуты из иконостаса и киотов, лежали на полу «вперемешку с мусором»¹². Некоторые иконы были похищены. В 1962 году церковь обследовала экспедиция Государственного

Русского музея (Санкт-Петербург). Члены экспедиции описали редкие сохранившиеся предметы, среди которых – на престольное Евангелие 1776 года¹³. В 1971 году Почезерский погост осмотрели научные сотрудники Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (Москва). Они вывезли в столицу иконы, которые на их взгляд представляли интерес для музея. Всего их оказалось одиннадцать. Сотрудники музея, исследовав иконы, атрибутировали их и определили место каждой в иконостасе храма¹⁴. В экспозиционном пространстве трапезной представлена копия одной из этих икон – «Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня» (XVIII в.) неизвестного автора¹⁵. Кроме нее посетители могут увидеть копию храмового образа «Воскресение Христово» (XVII в.), сфотографированного в 1903 году И.Я. Билибиным¹⁶, и копию храмовой иконы «Троица», сохранившуюся в частной коллекции¹⁷. Копии еще четырех Почезерских икон¹⁸ украшают иконостас шатровой церкви.

В полукилометре от храмового комплекса Почезерского погоста у часовни Святых Кирика и Иулитты долгое время находился поклонный крест. Он представлен в экспозиции. Сделанные в 1940–1980-х годах фотографии креста дали возможность расшифровать сохранившиеся на нем криптографические надписи. Эти надписи, содержащие церковные песнопения и общепринятые христианские высказывания, размещены в инфографическом изображении¹⁹.

В экспозиции рядом с поклонным крестом представлена информация о деревянной рубленой ограде кладбища (XVIII в.), которая является частью Почезерского историко-культурного комплекса (ил. 3). Важными визуальными документами этой части выставки являются планы и обмеры ограды, сделанные в 1946 году архитектором А.В. Ополовниковым²⁰. До этого времени никаких сведений об уникальной деревянной ограде в литературе не имелось²¹. Материалы А.В. Ополовникова представляют значительную ценность для воссоздания Почезерского храмового ансамбля.

Отдельный раздел в экспозиционном пространстве трапезной посвящен хранителям погоста. Сотрудникам Кенозерского парка удалось выявить материалы о ктиторе Почезерских церквей, уроженце деревни Коковиченской Иване Николаевиче Краскове (1827–1890-е). Ведя торговые дела в Санкт-Петербурге, Иван Николаевич в 1860–1880-х годах жертвовал средства на устройство, реставрацию и ремонт храмового ансамбля. Документальным отражением его благотворительной деятельности служит датированная 1861 годом «Опись вещам, жертвованным в разное время крестьянином Иваном Николаевым Красковым в Почезерскую Спасскую церковь»²². Копия документа представлена в экспозиции.

В советское время забота о сохранении Почезерского погоста как архитектурного памятника приобрела особое значение. В этот период надзор за сохранностью церквей осуществлялся преимущественно местными жителями.

В 1992–1998 годах по инициативе Кенозерского национального парка погост хранила Анна Ефимовна Патракеева (1933–2005). Оставаясь до 1998 года единственным постоянным жителем деревни Филипповской, Анна Ефимовна была зрителем храмового ансамбля, кладбища и часовни Кирика и Иулитты. На переломе XX и XXI столетий за храмом смотрел Николай Васильевич Попов (1932–2004), проживавший в деревне в летнее время после выхода на пенсию. Многие поколения семьи Поповых жили в Филипповской в двухэтажном фамильном доме, который до сих пор стоит напротив храмового ансамбля. Воспоминания Николая Васильевича о престольных праздниках, разорении церковей, повседневной жизни деревни послужили ценным источником информации для экспозиции²³. Фотографии Анны Ефимовны и Николая Васильевича, находящиеся в Научном архиве Кенозерского национального парка, вошли в экспозицию (ил. 4, 5).

В притворе, соединяющем трапезную с колокольной, расположена экспозиционная зона, рассказывающая о процессе реставрации Почезерского храмового комплекса. Консервационно-реставрационные работы на объектах Почезерского погоста впервые проводились в конце 1980-х годов. С 2001 года реставрация храмов и колоколни выполнялась Кенозерским национальным парком в рамках российско-норвежской программы по сохранению культурного наследия (ил. 6). Фотоматериалы, представленные в притворе, иллюстрируют почти тридцатилетнюю деятельность по сохранению Почезерских памятников деревянной архитектуры организации «Спецпроектреставрация» (Москва), норвежских плотников-реставраторов (ил. 7), ООО «Мастерская Зодчего» (Архангельск), «ООО «Модуль-Р» (руководитель А.Н. Сулицын, бригада плотников-реставраторов Е.Б. Силинского, Архангельск). Авторами проектов выступили архитекторы Л.А. Ткаченко, А.Н. Волков, В.Э. Яндовский.

Благодаря восстановительным работам удалось вернуть как внешний, так и внутренний облик храмов. Например, в алтаре церкви Происхождения Честных Древ Креста Господня на полу были обнаружены следы от престола. Это помогло не только восстановить престол, но и воссоздать в историческом виде интерьер алтарной части.

Фотографиями наполнена выставочная зона, расположенная в колокольне. На трех ярусах и в звоннице размещены четыре информационные зоны, освещающие жизнь Почезерского прихода. Снимки в этом экспозиционном пространстве образуют «общественную иконосферу», материальной базой которой выступают снимки из семейных архивов местных жителей²⁴. Значительный объем фотодокументов позволяет визуализировать образ прихода как большой семьи. Они знакомят зрителей с историей общественной и частной жизни почезерских крестьян, проживавших в 23 приходских деревнях.

На первом ярусе колоколни представлен «деревенский иконостас» – снимки местных жителей, сделанные в 1920–1990-х годах (ил. 8, 9). На фотографиях

оживает история почезерских деревень. Большинство снимков предоставлены из семейных фотоальбомов – уникальных источников «воспроизводства групповой идентичности»²⁵. Визуально представить ареал поселений, входивших в Почезерский приход, помогают карты, размещенные рядом с фотоизображениями.

Несколько стендов следующего яруса посвящены церковному клиру. Найденные архивные документы, самый ранний из которых датируется 1648 годом²⁶, содержат информацию о служивших в Почезерском приходе священниках: Тарасе Васильеве, Василии Яковлеве, Иване Алексееве, Иване Иванове, Иоанне Васильеве, Петре Кудряшове, Петре Фомине и последнем настоятеле прихода Василии Любимском. Церковные переписи сохранили также имена дьяков (Олешка Попов, Максим Семенов, Николай Иванов, Александр Почезерский, Иоанн Попов, Никандр Павловский), пономарей (Алексей Иванов, Иван Васильев, Дмитрий Аменов, Иван Фомин) и псаломщика (Михаил Велеславов) прихода²⁷. В экспозицию включены фотографии из семейного фотоархива В. Новожилова (Мурманск), на которых предположительно изображены священнослужители Почезерских храмов²⁸. Благодаря личному архиву Г.Ф. Новожиловой (Мурманск) удалось найти изображения членов семьи последнего почезерского священника Василия Любимского. Это снимок его зятя, священника Ошевенского прихода Алексея Даманского, и сестер – Марии Даманской и Раисы Лазаревской (ил. 10)²⁹. Кроме того, в семейном архиве Г.Ф. Новожиловой сохранились дореволюционные фотографии прихожан почезерских храмов. Дарственные надписи на некоторых снимках³⁰ дают возможность предположить, что на изображениях запечатлены духовные дети о. Василия Любимского.

На верхнем ярусе колокольни представлена информация о часовнях, приписанных к Почезерскому приходу. Официальные церковные документы конца XIX века фиксируют десять часовен – в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы в д. Коковиченской (ил. 11), Великомученика Георгия Победоносца в д. Першинской, Святителя Николая Чудотворца в д. Кузминской и Усть-Поче, Вознесения Господня в д. Пехтусовской, Пророка Илии в д. Преснецевской и Свиное Озеро, Воздвижения Креста Господня в д. Будылгино, Преподобного Макария Египетского в д. Осташевской, Благоверного князя Александра Невского в д. Суетин Остров³¹. Однако кроме них на территории прихода было построено еще две часовни – часовня Святых Кирика и Иулитты в полукилометре от храмового комплекса, и часовня Иоанна Предтечи на Почезерском кладбище. Проиллюстрировать историю бытования часовен Почезерского прихода стало возможно благодаря частным фотоархивам местных жителей. На фотографиях запечатлены уже исчезнувшие часовни, а также отреставрированные и вновь отстроенные в 2000-х годах.

Открытая звонница колокольни использована как смотровая площадка, в нескольких зонах которой размещены информационные планшеты с фотографиями деревень Почезерского прихода. Из 23 приходских деревень

11 находились на нынешней территории Кенозерского национального парка. На сегодняшний день из этих 11 деревень жилой остается только одна (Усть-Поча). Самый густонаселенный куст деревень (12 селений), располагавшийся на северо-востоке прихода, лежит за пределами парка. Только в пяти деревнях (Першинская, Ларионовская, Пехтусовская, Козьминская, Преснецевская) остались местные жители. Посетители могут представить удаленные от погоста, сохранившиеся и утраченные селения, являющиеся частью истории прихода, благодаря фотосъемке, сделанной по заказу парка московским фотографом Константином Кокошкиным³², а также с помощью фотографий, собранных в семейных архивах.

Фотография в музейной практике, отражая различные аспекты прошлого и настоящего, помогает активизировать процесс визуальной коммуникации и предлагает зрителям смоделировать личное восприятие выставочного фото-материала. Сохраняя воспоминания о Почезерском приходе – людях, их среде бытования и происходивших событиях, снимки, представленные в экспозиции «Почезерский погост: история, архитектура, приход», способствуют актуализации культурного наследия и позволяют сберечь «перспективу памяти».

Примечания

¹ Почезерский погост. Фото И.Я. Билибина, 1903 г. Институт истории материальной культуры. Санкт-Петербург. Шифр О.645/9; О.645/11; О.645/76.

² Почезерский погост. Рисунок И.Я. Билибина, 1904 г. Институт истории материальной культуры. Санкт-Петербург. Шифр О.309/44.

³ Удостоверение, выданное Русским музеем императора Александра III И.Я. Билибину для производства научных этнографических изысканий в северных губерниях. Апрель 1903 г. Российский этнографический музей. Санкт-Петербург.

⁴ Шангина И.И. Памятники традиционной культуры русских Каргополя и Пудожья в собрании Российского этнографического музея // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск, 2009. С. 315–319.

⁵ Заручевская Е.Б. Историческая записка. Храмовый комплекс Почезерского погоста в с. Филипповское Архангельской области. Научно-проектная документация // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 17.

⁶ Дудина Т.А. Обзор материалов по Кенозерью в собрании Музея архитектуры имени А.В. Щусева // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск, 2009. С. 169–178.

⁷ Небеса молельного зала церкви Происхождения Честных Древ Креста Господня Почезерского погоста. Фото П.И. Шармина. 1984 г. // Научный архив Кенозерского национального парка. Папка № 4. Храмовый ансамбль Почезерского погоста д. Филипповской.

⁸ Интерьеры церкви Происхождения Честных Древ Креста Господня Почезерского погоста. Фото Е.И. Фокина. 1972 г. Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера». Архангельск.

⁹ Алтарь церкви Происхождения Честных Древ Креста Господня Почезерского погоста. Фото Е.И. Фокина. 1972 г. Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера». Архангельск.

¹⁰ Сведения о Почезерском погосте // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 450. Ед. хр. 698. Л. 192 об.

¹¹ Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Филипповская. Информант: Попов Н.В. (1932 г.р., д. Филипповская), запись Гусевой М.С., 2003 г.

¹² Архив Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». Ф. 3-Н. Д. 16. Л. 3.

¹³ Нечаева Т.Н. Группа северных икон из Почозера // Кенозерские чтения – 2009. «Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук». Архангельск, 2011. С. 342–348.

¹⁴ Икона «Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня», XVIII в. Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Москва. Инв. номер КП 1597.

¹⁵ Икона «Воскресение Христово». Церковь во имя Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня. Институт истории материальной культуры. Москва. Шифр О.645/12.

¹⁶ Икона «Троица». Частное собрание В.П. Привалихиной (пос. Поча, Плесецкий р-н, Архангельская обл.).

¹⁷ Икона «Воскресение – Сошествие во ад, Троица», XVIII в. (инв. номер 1600); икона Происхождение честных древ Животворящего Креста Господня, 1778 г., Богданов-Карбатовский (инв. номер 1598); икона «Даниил столпник, святители Модест и Власий, мученица Анастасия», XVIII в. (инв. номер 1599); икона «Апостол Петр», XVIII в. (инв. номер 1601). Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Москва.

¹⁸ «Крест – хранитель всей Вселенной», «Крест – красота Церкви», «Крест – царей держава», «Крест – верным утешение», «Крест – ангелам слава», «Крест – бесам язва», «Бич Божий бьет бесов», «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Воскресение Твое славим».

¹⁹ Ограда кладбища д. Филипповская (КП 110/614); домовина кладбища д. Филипповская (КП 110/621); ворота ограды кладбища д. Филипповская (КП 110/611); ворота ограды кладбища д. Филипповская (КП 110/617); кладбище д. Филипповская (КП 110/618); домовина кладбища д. Филипповская (КП 110/620); ограда кладбища д. Филипповская (КП 110/613); обмерный чертеж ворот ограды кладбища д. Филипповская (РВ 3829-3); ограда кладбища д. Филипповская (РВ 3829-2). Государственный музей архитектуры им. А.В. Щусева (г. Москва).

²⁰ Забелло С. Каргопольская экспедиция // Архитектурное наследие / под общ. ред. П. Максимова, А. Прибытковой, А. Чинякова. М., 1955. С. 10.

²¹ Национальный архив Республики Карелии (далее НАРК). Ф. 25. Оп. 5. Д. 5. Л. 14–16.

²² Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Филипповская. Информант: Попов Н.В. (1932 г.р., д. Филипповская), запись Гусевой М.С., 2013 г.

²³ Материалы собраны в рамках программы «Паспортизация деревень». Собиратели: М.С. Гусева, В.А. Калитин, М.Н. Мелютин, Я.Э. Харитонов.

-
-
- ²⁴ Захарова Н.Ю. Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2008. Т. XI, № 1. С. 153.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 168. Л. 383 об.
- ²⁶ НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 38/886. Л. 248–251; Там же. Оп. 8. Д. 4/33. Л. 19–21; Там же. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 28; Там же. Д. 8/8. Л. 27–30.
- ²⁷ Фотографии неизвестных священников. Личный архив В. Новожилова (Мурманск).
- ²⁸ Фотография неизвестной семейной пары с надписью: «На добрую память, на воспоминание о. Василию с супругою Клавдие Апполосовне Любимским». Личный архив Г.Ф. Новожиловой (Мурманск).
- ²⁹ Ведомость о церкви Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня Олонецкой епархии Пудожского уезда, в погосте Почезерском, за 1890 год // НАРК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 27 об. – 28.
- ³⁰ Имеется в виду экспедиция 2013 года на Почозеро, в которой участвовали: М.Н. Мелютин, А.Л. Марденский (Кенозерский национальный парк), К.П. Кокошкин (Москва).

Деревянная архитектура в культурном ландшафте Кенозерья

Картину сельского культурного ландшафта веками создавали крестьяне. На этой картине были видны расчищенные участки леса, возделанные поля и луга, запруженные ручьи и речки, линии протоптанных тропинок и наезженных дорог.

Однако главным видимым доказательством участия человека в формировании сельского культурного ландшафта всегда служили и служат постройки. Архитектурное своеобразие конкретному культурному ландшафту они придают преимущественно при пространственно-планировочном объединении в деревни и села, а также в ансамбли приходских храмов, стоящих или посреди селений, или в стороне от них. Иногда строения кажутся обособленными от основной застройки крестьянского селения. Например, так воспринимаются водяные мельницы, некоторые часовни, небольшие монастыри – пустыни. На самом деле и они играют важную роль в цельном архитектурном облике сельского культурного ландшафта конкретной местности.

В наши дни, когда сельскохозяйственная деятельность населения северных областей Европейской России, непрерывно продолжавшаяся сотни лет, сходит на нет (поля не пахутся и не засеваются, луга не скашиваются, и все уголья постепенно зарастают лесом), последним признаком существования в прошлом культурного ландшафта в подобных местах остается сельская архитектура.

Собственно, архитектурное своеобразие культурного ландшафта – результат взаимодействия разных факторов. Это расположение на местности селения в целом и каждой из составляющих его построек в отдельности. Это композиционно-пространственные связи построек селения с природным окружением, с ближайшими и отдаленными, но находящимися в пределах видимости строениями. Это также внешний вид и внутреннее устройство построек.

На обширной территории вокруг Кенозера и прилегающих к нему землях при Лекшмозере и Почозере четко проявляется связь архитектурно-планировочных свойств селений с природными особенностями их месторасположения. Неровная береговая линия этих озер, в первую очередь Кенозера, то выступающая мысами, то вдающаяся заливами, а также формы прибрежного рельефа способствовали образованию небольших селений и препятствовали их слиянию¹. Осмысленное, целесообразное размещение селений и отдельных построек очень хорошо выявляет приемы народной градостроительной культуры – умение с наибольшей выразительностью, впечатляюще использовать свойства местности.

По естественной причине – существование в лесной (таежной) географической зоне – почти все строения в Кенозерье и окрестностях – деревянные, как в любом северорусском селе. Именно деревянная архитектура составляет одну из главных частей культурного ландшафта этих мест. Крестьяне, постоянно жившие на землях вокруг Лекшмозера, Кенозера и Почозера, издавна рубили постройки любого назначения, необходимые в сельской жизни: жилища, клети-амбары, бани, мельницы, мосты, церкви, часовни, ограды церковных погостов, обетные кресты и другие сооружения. Многие часовни, церкви, избы украшались искусной резьбой и красочными росписями снаружи и внутри. Достигнув пика развития к рубежу XIX и XX веков, это наследие дошло до наших дней.

Вследствие некоторых обстоятельств, в частности, создания Кенозерского национального парка 25 лет назад, на вошедшей в его границы территории сельская архитектура сохранилась лучше, чем во многих других местах Русского Севера. Этот национальный парк можно рассматривать как своего рода музей-заповедник, в котором деревянные архитектурные экспонаты остаются на своих изначальных местах – *in situ*.

У многих деревень Кенозерья и окрестностей хорошо сохранился их исторически сложившийся внешний вид. Такие деревни дают возможность понять, как зрительно создавался их архитектурно-ландшафтный (архитектурно-пространственный) образ, хорошо запоминавшийся и местными жителями, и приезжими людьми. При этом важную роль играл панорамный вид селения, а именно изменения этого вида по ходу движения путника либо по сельской дороге, либо по озеру.

Исследователь архитектурно-планировочных традиций расположения и застройки селений на Русском Севере Ю.С. Ушаков отметил различные примеры «архитектурно-природных комплексов» в Кенозерье и окрестностях. Один из них – деревня Семеново (ил. 1). Расположенная на одном из мысов южной части Кенозера, эта деревня, по заключению Ю.С. Ушакова, «имеет сравнительно редко встречающуюся на Русском Севере замкнутую форму планировки. Здесь этот прием был вызван природными условиями: узкий безлесный мыс, выбранный для заселения, был удобен, но открыт ветрам. Поэтому основной порядок тесно расположенных домов был обращен не к воде, а внутрь мыса и укрыт за невысокой грядой. Дома, расположенные напротив этого порядка, стоят под прямым углом к нему и ориентированы на юг. С противоположной стороны разрывы между домами прикрыты от северо-западных ветров пристроенными поперек зимними избами так, чтобы создать максимальную зону ветровой тени. Образовался хорошо защищенный от ветров замкнутый комплекс. В центре селения осталась вытянутая площадь: с юга она замыкалась двумя общественными амбарами (сохранился один) и часовней в роще, а с севера – лицевым торцом жилого дома»².

Иначе образован архитектурно-природный комплекс деревни Глазово, расположенной в южной части Кенозера на полуострове, выдающемся в залив Серозеро (ил. 2а, 2б). По наблюдению Ю.С. Ушакова, «в целях защиты от ветров и создания замкнутого пространства место для заселения было выбрано на склонах холмов, обращенных друг к другу так, что дома Глазово с северо-востока и юго-запада оказались укрыты за холмами полуострова, с юго-востока деревню прикрывал противоположный берег Шуйлахты, а с северо-запада – лесистый остров Павшино. Таким образом отличие от деревни Семеново, где защищенность от ветров обеспечивалась только планировочным приемом, здесь замкнутость селению создавала умело использованная природная ситуация.

Оригинально и точно было выбрано место общественного центра: клетская часовня св. Духа (XVIII в.) (по данным Кенозерского национального парка, это часовня во имя Сошествия Святого Духа (1801–1804 гг., вторая пол. XIX в., нач. XX в.). – *И. Ш.*) с высокой шатровой звонницей поставлена была в самом узком и низком месте полуострова. Такой прием дал возможность всегда видеть часовню от деревень, лугов и полей на противоположных склонах холмов. Все вместе рождало ощущение защищенности, масштабности и уюта. Селения и часовни просматривались извне только с двух сторон – с запада от деревни Лепехтино и с востока от деревни Рыжково. Находясь здесь, просто трудно представить решение более логичное в функциональном отношении и более интересное в художественном»³.

Третий пример формирования архитектурно-природного ансамбля – еще две деревни в той же южной части Кенозера. Это – Зехнова и Спицына (ил. 3а, 3б). Согласно исследованиям Ю.С. Ушакова, «два широких мыса, с двух сторон замыкавших один из заливов Майлахты... на которых разместились деревни Зехнова и Спицына, хорошо укрыты от ветров высокими лесистыми грядами морен. Помимо самой Майлахты селения имеют еще “свой” залив («озерко»), защищенный тремя островами. Открытый к заливу природный “карман” образовал масштабную жилую зону для двух селений в пределах 1–1,5 км. В отличие от Семеново, в данном случае существуют два селения – почти равноправные части архитектурно-природного ансамбля...»⁴.

«Буева “гора” – самое высокое место в центре деревни Зехнова – поднялась на 10 м над уровнем озера. Она и была увенчана часовней (во имя Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова (1846 г.). – *И. Ш.*). На склоне “горы”, где проводились все праздники, и сейчас сохранились остатки древней языческой рощи. Это центр всего жилого пространства, подчинивший себе бухту, и основной ориентир с дорог и с воды при входе между островами из залива Майлахты. Центр деревни Спицына был более скромн и выделен только вертикалью (7 м) квадратного шатра Георгиевской часовни (не сохранился. – *И. Ш.*), верх которой всегда был виден из-за домов. Третьим композиционным элементом была часовня с обетным крестом, стоявшая на росстани между двумя деревнями у дороги в лес (не сохранилась)»⁵.

Вид каждой деревни и села индивидуален. Эта индивидуальность в значительной степени связана с общественными зданиями – церквями и часовнями, в частности, с их расположением в ландшафте и архитектурными формами. В ландшафте Кенозерского национального парка наиболее значительные и впечатляющие архитектурные памятники – храмовые комплексы двух древних погостов, Порженского и Почезерского. К сожалению, культурный ландшафт вокруг них значительно изменился за последние два десятилетия. Сильно оскудела архитектурная часть ландшафта – исчезли многие деревни, располагавшиеся вблизи погостских церквей. Но даже в таком виде культурный ландшафт каждого из этих погостов обладает исключительным своеобразием, ибо создавался много столетий. Храмы поставлены сообразно очень давним традициям: в Порженском погосте – у «святой» лиственничной рощи, в Почезерском погосте – на берегу озера, которое в XII–XV веках служило частью водного пути, связывавшего Древний Новгород с Белым морем⁶.

Тридцать лет назад на берегу озера Порженского в 8 км от Кенозера еще сохранялось одноименное село, состоявшее из двух деревень, Федоровской и Окатовской, разделенных оврагом. Ю.С. Ушаков, исследовавший эти деревни в конце 1970-х годов, отмечал: «В деревне Федоровской планировка смешанная: прибрежно-рядовая и “на лето”, в Окатовской – “на лето”. Таким образом, все дома имеют благоприятную ориентацию на восток и юг (ил. 4). Центр села – клетская церковь Георгия... стоит в роще, обнесенной рубленой оградой»⁷.

Деревни и церковный комплекс села Порженского составляют «композицию с преобладающим полукруговым восприятием». Подобная пространственная композиция характерна для селений, которые Ю.С. Ушаков относит «к подгруппе *приозерно-прибрежных*»⁸.

«Место для погоста было выбрано очень умело: он поставлен... на самом гребне пологого холма так, что со стороны села, озера и реки Виленги четко вырисовывается на фоне неба, причем вечером, от деревни Федоровской и от озера, – на закатной стороне. Изящный силуэт церкви, поддержанный высокими лиственницами рощи, организует все пространство жилой среды и воспринимается с юга, востока и севера. Дорога, идущая через село к Кенозеру, также ориентирована на вертикаль погоста»⁹.

Церковь во имя Георгия Победоносца построена на средства ее прихожан – крестьян деревень Федоровской, Окатовской и Турова Сельца в 1792 году¹⁰ (по другим данным – в 1782 г.¹¹). Она вместе с сохранившимся при ней кладбищем окружена бревенчатой оградой с башенками (ил. 5). Церковь относится к одной из древних разновидностей деревянных храмов клетского типа. Ее основная (и первоначальная) часть представляет собой клеть – прямоугольный в плане сруб. С востока в него врублен со смещением к южной стене второй прямоугольный сруб, но значительно меньшего объема. Большая клеть служит собственно церковью, меньшая – алтарем (ил. 6). Северная и южная стены обеих клеток вверху

имеют повалы. Архитектурно-типологическая особенность храма – устройство завершения. По исторической плотничной терминологии оно называется клинчатым с полницами в основании и представляет собой двускатную бревенчатую конструкцию с крутыми скатами (клин), у основания каждого ската переломленную в пологую часть (полицу). Именно так завершаются в отдельности собственно церковь и алтарь. С запада первоначально существовала рубленая паперть с крыльцом, обращенным в южную сторону.

В 1875 году в паперти был устроен теплый придел в честь Собора Пресвятой Богородицы. Стены церкви снаружи закрыла дощатая крашенная обшивка. В начале XX века паперть была расширена и превращена в трапезную с придельной церковью и печью. Ее сруб свободно приставлен к срубам церкви. С запада к трапезной пристроена одной с ней ширины новая паперть, ставшая основанием восьмигранной двухъярусной шатровой колокольни. Затем храм вновь был обшит тесом и покрашен. При этом южный и северный фасады церкви приобрели декоративные портики с фронтонами и пилястрами. Охлупни на клинчатых крышах храма увенчались решетчатыми гребнями, а повалы превратились в карнизы, украшенные модульонами. После всех перестроек первоначальная часть храма оказалась в составе плано-объемной композиции, называемой «кораблем» – то есть вытянутой по продольной оси запад-восток.

Ограда, окружающая церковь и кладбище (ил. 5), построена на рубеже XIX и XX веков. Ее конструктивную основу составляет ряд клеток, поставленных на расстоянии одна от другой. С лицевой стороны в каждом прясле ограды клетки внизу связаны сплошной стенкой из нескольких бревен, а сверху – одним бревном-прогоном. Между стенкой и прогоном врублены с просветами стойки-бруски. Второй прогон на уровне с первым связывает клетки с внутренней стороны ограды. На эти прогоны опираются нижние края двускатной кровли, стропильные фермы которой установлены на клетях. Четыре угловых клетки возвышаются над остальными в виде башенок, покрытых четырехскатными шатрами с полницами в основании и резным шпилем в вершине.

В середине южной стороны ограды находится вход на территорию храма и кладбища. Он устроен между двух клеток, которые с этой целью срублены с небольшим промежутком-проходом между ними. В проходе одна стена у каждой из этих клеток выше остальных. Концы бревен возвышающейся части обеих стен симметрично выступают над клетями. На эти бревна опирается низкий сруб, накрытый четырехскатным шатром с полницами в основании и крестом в вершине. Осененный шатром с крестом вход на погост закрывается двустворчатыми дверями.

Все угловые соединения конструкции ограды срублены «в лапу».

Завершение первоначальной части церкви Порженского погоста соответствует одному из древнейших храмов – церкви 1485 года из деревни Бородава Белозерского района Вологодской области (ныне – в Кирилло-Белозерском му-

зее-заповеднике). Церквей, имевших клинчатое завершение с полицами в основании, уже к началу XX века на Архангельском Севере было мало, и стояли они в основном на землях, пограничных древнему Белозерскому уезду, откуда, по всей вероятности, и пришли в Каргополье¹², в места, близкие к Кенозеру. К этой группе храмов относятся, например, церковь в честь Богоявления в Елгомском погосте (1643 г.)¹³ и церковь в честь Успения Богоматери в селе Задняя Дуброва (1675 г.)¹⁴ (обе утрачены). Теперь же храм Св. Великомученика Георгия (1782 г., 1854–1855 гг., нач. XX в.) Порженского погоста остался единственной подобной церковью в Архангельской области, если не считать храм во имя Василия Великого в Чухчерье, который, вероятно, был перестроен в 1824 году¹⁵.

В наши дни, когда другие церкви, обладавшие клинчатым завершением с полицами в основании, на Каргопольщине не сохранились, Георгиевский храм в Порженском остался единственным из ряда тех, которые могли послужить образцами-источниками для подобных им часовен. Эти часовни – самые репрезентативные памятники из числа ныне существующих в Кенозерье и ближайших окрестностях. К ним относятся: Покровская часовня в поселке Конево, Никольская в деревне Вершинино, Святодуховская в деревне Глазово, часовня во имя святых Фрола и Лавра в деревне Карельской.

Еще один пример связи архитектуры с окружающим ландшафтом сохраняет церковный комплекс Почезерского погоста, стоящий в одном из приозерных селений – деревне Филипповской. Селение расположено «на полуострове, против впадения в озеро реки Почы... Позднее через село прошел тракт с юга от Кенозера к селениям на северных озерах. Вдоль тракта и сложилась система общественных сооружений, последовательно организующих пространство полуострова. Характерно, что наличие вертикалей храмового комплекса, предшествующих существующим, повлияло на трассировку тракта»¹⁶.

Храмовый комплекс Почезерского погоста состоит из двух церквей – Происхождения Честных Древ Животворящего креста (1785 г., 2-я пол. XIX в.) и во имя Обретения Честных Глав Иоанна Предтечи (XVIII в., 2-я пол. XIX в.). Рядом существует небольшое кладбище. Храмовый комплекс и кладбище окружает бревенчатая ограда (ил. 7а, 7б).

Документальная история построек Почезерского погоста начинается с 1758 года. Это дата первого упоминания в бумагах Новгородской духовной консистории о существовании на погосте деревянной церкви во имя «Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Спаса и Бога нашего Иисуса Христа»¹⁷.

В 1783 году на месте старой почезерской церкви был срублен новый храм с таким же посвящением. Сообщение об этом событии содержала надпись на кресте, который находился в алтаре церкви, как известно из «Клировых ведомостей за 1851 год». В архивных церковных документах первой половины XIX века есть еще сведения о том, что Спасский храм¹⁸ 1783 года завершался шатром, и в нем существовал «теплый придел во имя Обретения Честных Глав Иоанна

Предтечи». Последнее сообщение позволяет полагать, что храм имел в своем составе трапезную, которая примыкала к церкви с запада. Именно в трапезной, обычно в ее северо-западном углу, стояла печь, а в юго-восточном углу размещался придел, как после перестройки Георгиевской церкви в Порженском и в ряде других каргопольских теплых храмов¹⁹. Вероятно, тогда же вокруг Спасской церкви и расположенного при ней кладбища была сооружена ограда. На ее существование в первой половине XIX века косвенно указывают сведения из документов 1854 года, составленных на строительство новой «решетчатой» ограды «вместо обветшавшей». В одном из документов 1861 года сообщается об обветшавшей колокольне, стоявшей отдельно от храма, но связанной с ним переходом. Время постройки колокольни не указано.

Архитектурный облик, соответствующий его нынешнему виду, Почезерский погост получил в 1882–1883 годах. Вместо одного здания, вмещавшего и главную, и придельную церкви, появился храмовый комплекс. Его составили три строения: две церкви и колокольня, связанные крытыми переходами. В частности, была перестроена Спасская церковь. Она стала холодной, без трапезной. Близ ее юго-западного угла появилась теплая Предтеченская церковь, в сруб которой вошла и трапезная старого Спасского храма. Короткий переход между папертью Спасской церкви и трапезной Иоаннопредтеченской связал оба здания. Другой переход соединил паперть Предтеченской церкви с колокольней.

После перестройки летняя (холодная) Спасская церковь в значительной степени сохранила прежний облик. Восьмерик с широким повалом поставлен на высокий четверик церкви и покрыт шатром, увенчанным крупной главой луковичной формы и крестом. Таким же широким повалом завершается прямоугольный прируб алтаря, покрытый большой бочкой килевидного профиля, с полницами в основании пучин и главой с крестом, врезанной в киль бочки. С западной стороны храма устроена тесовая галерея-паперть под односкатной кровлей. Она опирается на выпуски бревен основного сруба. На паперть ведет крытое одновходное крыльцо. Интерьер церкви перекрыт «небом» – каркасной конструкцией в форме многогранной усеченной пирамиды. Согласно стилистическим исследованиям Т.М. Кольцовой, роспись «неба» относится к 1880-м годам, т.е. ко времени перестройки почезерского храмового комплекса²⁰.

Предтеченская церковь – это зимний (теплый) храм. Центральная часть его объемной композиции представляет собой четверик, целиком покрытый большой бочкой килевидного профиля с полницами в основании пучин. Гребень бочки совпадает с продольной осью здания. К четверику с востока прирублен прямоугольный алтарь, а с запада – трапезная, паперть и двувходное крыльцо. Алтарный прируб завершается бочкой с тремя полницами: эта бочка короче накрываемого ею алтарного прируба, поэтому его восточный край накрыт третьей полницей. На бочках четверика и алтаря установлены луковичной формы главы с крестами. Главы обиты лемехом. У трапезной и паперти – общая двускатная кровля.

Колокольня срублена шестигранной (шестериком) с широким поваломверху каждой грани. Шесть столбов открытой площадки яруса звона несут высокий шатер с полницами в основании и главой луковичной формы с крестом в завершении. Глава обита лемехом.

Церкви с колокольней и расположенные около них захоронения окружает бревенчатая ограда (ил. 7б). Она, как и ограда Порженского погоста, состоит из ряда клетей, которые в каждом прясле связаны внизу сплошной стенкой, а сверху прогонами из круглых бревен. С лицевой стороны ограды между бревенчатой стенкой и одним из прогонов врублены с просветами стойки-бруски. Эта бревенчатая конструкция покрыта на два ската. Над угловыми клетями и над входами на территорию погоста возвышаются четырехскатные шатры с полницами в основании; однако в отличие от Порженского погоста в ограде Почезерского погоста сделаны два входа (не только с юга, но и с севера), шатры угловых башенок, как и входы, венчают кресты, пропорции клетей и оформление входов иные.

Здесь следует обратить внимание на особенность мировоззрения крестьян Пудожского уезда, к которому относилась деревня Филипповская. Даже в конце XIX века этнограф Н.И. Харузин отмечал исключительную преданность пудожских (и в их числе почезерских) крестьян старинному укладу, недоверие ко всему постороннему и новому. Причина такого консерватизма заключалась не только в удаленности края от больших дорог, огромных лесных и болотных территориях (некоторые крестьяне имели довольно тесные хозяйственные связи с Санкт-Петербургом), но и в приверженности многих прихожан Почезерского погоста старообрядчеству Даниловского согласия. Они, по выражению современника, с чувством благоговения относились к Чаженгскому и Выгорецким скитам, располагавшимся относительно близко от Почозера²¹. Приведенные факты, вполне возможно, служат объяснением того, что после перестройки почезерский храмовый комплекс по архитектурным формам оказался гораздо ближе церквям, срубленным до середины XVIII столетия, а не в 1880-х годах.

Действительно, как заметила Е.Б. Заручевская, облик Спасской церкви во многом повторяет известную Крестовоздвиженскую церковь Усть-Кожского прихода в селе Макарыно на реке Онеге²², построенную в 1769 году.

Покрытие бочкой основного сруба, как у Предтеченской церкви, известно только в двух храмах: Троицком, срубленном в 1714 году в Елгомской пустыни²³, и Благовещенском, срубленном в 1719 году в Ямецкой пустыни²⁴. Это очень редкий архитектурно-конструктивный прием устройства завершения церкви, в то время как в покрытии алтарных прирубов и часовен бочки килевидного профиля почти повсеместно встречаются на Каргопольщине и в Поонежье.

Памятникам XVIII столетия, а не последней четверти XIX века очень близка и почезерская колокольня. По архитектурным формам она соответствует, например, колокольне в селе Саунино Каргопольского района Архангельской области²⁵, которая тоже срублена в виде шестигранного столпа.

Вместе с тем, в почезерских храмах все же проявляются архитектурно-строительные признаки, присущие 1880-м годам, несмотря на явное стремление мастеров-плотников следовать старым церковным образцам. В отличие от соответствующих частей Спасской церкви четверик и алтарь Предтеченского храма срублены без повалов, а алтарь покрыт бочкой не целиком, а частично. Подобные архитектурно-строительные приемы плотники стали использовать, соответственно, только в XIX и XVIII веках.

В наши дни архитектура сооружений Почезерского погоста уникальна. Не существует ни одного памятника – архитектурного комплекса, объединившего в одно сооружение объемно раздельные две церкви и колокольню. Архитектура этого храмового комплекса характеризуется единством разнообразия. По верному замечанию Ю.В. Линника, Почезерский погост – это ансамбль архитектурных форм единой постройки, а не ансамбль отдельных зданий²⁶. В нем использованы три разных типа завершений: шатер, двускатная кровля, бочка. Части внутри целого организованы нераздельно и, вместе с тем, неслитно.

Архитектурное разнообразие облика этого сооружения сопоставимо со знаменитым деревянным дворцом царя Алексея Михайловича, построенным в последней четверти XVII века в подмосковной царской вотчине селе Коломенском²⁷.

В церковном комплексе Почезерского погоста ярко представлен один из характернейших приемов художественной выразительности древнерусской деревянной архитектуры – ассиметричное построение объемной композиции. Ассиметрия также – одно из естественных свойств природного окружения деревянных архитектурных памятников. Архитектура и природа, дополняя друг друга, создают уравновешенную, гармоничную картину культурного ландшафта.

Уместно отметить, что на территории Кенозерского национального парка находятся три редких памятника деревянной архитектуры – бревенчатые ограды. Они окружают два церковных комплекса (Порженского и Почезерского погостов) и кладбище близ деревни Филипповской (ил. 8), составляя вместе с ними своеобразные архитектурные ансамбли. Ограды как бы «вычерчивают» рельеф по границе участка, на котором расположен комплекс памятников, и который на чертежах «поднимают» отмывкой. В XIX веке подобные бревенчатые ограды окружали большинство церковных погостов на Севере. Теперь их осталось меньше десяти, и три из них – на территории Кенозерского национального парка. Не случайно, что они вместе с оградой Водлозерского погоста, расположенного недалеко от Кенозерья в Карелии, послужили образцами для реконструкции А.В. Ополовниковым в 1960-х годах ограды архитектурного ансамбля Кижского погоста²⁸, который состоит в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО.

Среди разнообразных произведений народной архитектуры Кенозерья важное место занимают деревянные часовни²⁹. В недавнем прошлом они по одной или две стояли в каждом селении либо рядом с ним. В Кенозерье часовни фик-

сируют структуру общего взаиморасположения и визуальные взаимосвязи селений.

Часовни, как функциональный тип культовой постройки, издавна были распространены по всему Русскому Северу, но в XVIII – начале XX века (в пределах именно этого периода датируются рассматриваемые ниже памятники) их концентрация на компактной территории нигде не была столь плотной, как в Кенозерье³⁰.

В XVIII–XIX веках понятие «часовня» объединяло сооружения, весьма различные как по назначению, так и по внешнему виду. Согласно словарю В.И. Даля, это, во-первых, «молитвенный дом, храмик без алтаря, где можно только служить часы (не литургию)»; во-вторых, «отдельное маленькое строение или пристрой, с иконами и лампадой; часовни этого рода ставятся в виде памятника, или на распутьях, на родниках, или над престолом бывших церквей»³¹.

Часовни первого рода не были редкостью в приходах, подчинявшихся официальной церкви, но главными культовыми постройками они являлись только у старообрядцев-беспоповцев Даниловского согласия – поморцев-выговцев.

На Русском Севере в XVIII – первой половине XIX века в селениях, жители которых придерживались старообрядческого вероучения, часовни ставились не только без разрешения светских и церковных властей, но даже вопреки неоднократным запретам со стороны последних, всячески борющихся с церковным расколом³². Есть основания считать, что, устраивая свои часовни без официального разрешения, крестьяне непосредственно продолжали древнюю традицию самоуправления в религиозной жизни, особенно укрепившуюся на Севере в период со второй половины XVI по XVII век. В то время часовни, подобно церквям, играли роль не только религиозных, но и общественных центров³³.

В XVIII–XIX веках, как и в предшествующее время, большинство часовен строилось по обетам, дававшимся ради избавления от многочисленных невзгод: неурожая, падежа скота, болезней и т.п. Строителями-заказчиками могли быть как жители всего селения, так и несколько крестьян или вовсе один человек. В двух последних случаях часовни принадлежали только этим людям³⁴.

Наряду с часовнями, срубленными как «храмик без алтаря», по определению В.И. Даля, в XVIII–XIX веках были распространены и имевшие вид столбов и крестов. В народе их называли уменьшительно «часовенками», и, как уточнил в 1870-х годах этнограф П.С. Ефименко, «в крестах просто вырезаются изображения Распятия, а в столбах вкладываются литые, медные воздвигательные кресты, иконы задергиваются пеленами; сверху их иногда привешиваются куски разной материи, узорчатого полотна или холста, на которых вышиваются кресты»³⁵.

По наблюдению М.В. Красовского, подобные часовни формально (и, следует добавить, генетически³⁶) связаны с надгробными памятниками старообрядческих кладбищ³⁷.

Таким образом, если часовни-храмы в большей степени представляют христианскую сторону народной культуры, то часовни-памятники, судя по их внешнему облику и отношению к ним местного населения, являются пережитками языческих верований.

Среди существующих часовен Кенозерья можно найти соответствие большинству из вышеперечисленных примеров их функциональных разновидностей. Это часовни-кресты у деревни Тамбич-Лахта (ил. 9) и в центре деревни Тарасова (ил. 10). К этим памятникам прикреплены куски белой материи с вышитыми крестами. Высокий крест, но не открытый, а заключенный в маленькую клеть, расположен при деревне Тырнаволок, у лесной тропы (ил. 11, 12).

Однако большинство культовых памятников на Кенозере – это именно часовни-храмы, архитектурно-строительной основой которых является клеть – прямоугольный четырехстенный сруб под двускатной кровлей. Подобные строения находятся в лесу (у деревень Бор, Горбачиха, Тамбич-Лахта (рис. 13), у воды (деревня Минино), в поле (деревни Немята, Бухалово, Карпова) или в центре селений (Вершинино (ил. 14), Тарасова (ил. 10).

Если все часовни Кенозерья расположить в один архитектурно-типологический ряд, то первыми в нем окажутся простейшие постройки, такие, например, как часовня, поставленная при дороге у деревни Тырышкино (ил. 15). Она настолько мала, что входная дверь заняла всю ее западную стену, и не хватило высоты для устройства потолка. Внутри на полке у восточной стены стоит всего одна икона, из-под которой спускался плат с вышитым крестом, а рядом и ниже были развешаны полотенца. Сходна с тырышкинской элементарностью формы, но крупнее ее часовня в деревне Шишкина – чистая клеть, увенчанная главой с крестом на коньке кровли.

Постройки в виде деревенских амбаров: четырехстенный сруб с бревенчатым фронтонным навесом и предместьем перед входом, построенные при деревнях Шлепино (Косицына), Городок (Городское) (ил. 16) – занимают следующее место архитектурно-типологического ряда. По существу, их разновидностью являются памятники, конструктивно усложненные и архитектурно обогащенные трехсторонними галереями и небольшими колокольницами над западной частью последних (деревни Горбачиха, Зехнова (ил. 17).

Часовни с сенями или притвором (в деревне Карпова), а также с восьмигранной колокольней над западным отделением (у деревень Тамбич-Лахта (ил. 13), Бор, Бухалово, Горбачиха, Немята замыкают архитектурно-типологический ряд безалтарных храмов Кенозерья. Интерьер таких часовен обладает завершенностью: восточную стену полностью закрывает иконостас, который дополняется иконами так называемого «неба» – каркасного потолка в форме низкой усеченной пирамиды.

Среди памятников этой группы особой архитектурной выразительностью выделяются часовни с высокой клинчатой кровлей с полками в ее основании,

которые опираются на развитые повалы сруба. Они увенчаны главой на цилиндрической шее и крестом. Это памятники в деревне Вершинино (ил. 14) и деревне Глазово (ил. 18).

Регионом с большой концентрацией часовен в XVIII–XIX веках было также Прионежье, на востоке граничащее с Кенозерьем. В деревнях его восточной части – Пудожского края – стоят часовни, совершенно аналогичные кенозерским. Кроме того, на кладбищах деревень, расположенных на пути к Кенозеру, в 1970-х годах еще можно было встретить большие намогильные срубы, которые только по высоте немного уступали одночастным клетским часовням и не имели входной двери (ил. 19).

С севера к Пудожью прилегает другая часть Прионежского региона – Заонежье. Там сохранились известные клетские часовни, архитектурно более развитые и выразительные, чем в Пудожье и Кенозерье. В частности, в Заонежье распространены большие часовни, двух- и трехчастные (с трапезной и притвором), с высокими восьмигранными шатровыми колокольнями над западными отделениями. Они богато украшены резьбой, покрывающей детали двускатной кровли, которая иногда в нижней части каждого ската усложнена уступом (часовня из деревни Леликозеро, перевезенная в Музей-заповедник «Кижы», и часовня в деревне Селецкое³⁸). Принимая во внимание такие факты, как, с одной стороны, сходство архитектурных форм, а, с другой, большее развитие и совершенство последних в Заонежье по сравнению с Пудожьем и Кенозерьем, логично заключить: архитектурный импульс развития клетских часовен на этих землях исходил именно из Заонежья³⁹.

К выводу о том, что в Заонежье трехчастные часовни сформировались раньше, чем в Кенозерье, приводит и сопоставление датировок часовен этих двух регионов. В Заонежье первоначальные части многих часовен относятся к XVII веку, в Кенозерье почти все часовни были срублены позднее, во второй половине XVIII – XIX веке.

Но, вместе с тем, в Кенозерье четко проявляется архитектурная особенность часовен, совсем неизвестная в Заонежье. Ряд из них обладает двускатными клинчатыми кровлями с полницами в основании. Вероятно, на распространение подобной формы завершений часовен повлияла местная архитектурная традиция, представленная Георгиевской церковью Порженского погоста. По-видимому, в процессе формирования трехчастной планово-объемной композиции заонежский импульс развития кенозерских часовен сменился непосредственным влиянием Каргополя – исторического региона, в состав которого прежде входило и Кенозерье. Именно близ Каргополя в XVII веке строились церкви, завершавшиеся клинчатой кровлей с полницами в основании: Богоявленская (1643 г.) – в Елгомском погосте, Успенская (1675 г.) – в селе Задняя Дуброва.

Вполне возможно, что сохранение в начале XX века обычая строить часовни – свидетельство влияния старообрядчества, сохранявшего архитектурные тра-

диции XVII–XVIII веков⁴⁰. В Заонежье и Пудожье с конца XVII до середины XIX века располагались центры староверия поморского толка (Палеостровский монастырь на одном из островов Онежского озера, Даниловский монастырь-скит около реки Выг). Ближе от Кенозера, на Каргопольщине существовал Чаженьгский скит, подчинявшийся Даниловскому монастырю-скиту. Исследователями старообрядческой художественной культуры установлен факт влияния произведений искусства, созданных в скитах Выгореции (икон, книжной миниатюры, резьбы по дереву и др.), на крестьянское искусство Заонежья, в частности, на росписи бытовых предметов (мебель, прялки и др.⁴¹) и резьбу намогильных деревянных столбиков, по формам очень близким вышерассмотренным часовенкам⁴². Данный факт в свою очередь дает основание предположить, что и архитектура Выговских скитов могла оказать влияние на крестьянское церковное строительство.

Судя по известным изображениям XVIII–XIX веков, в центре Даниловского и Лексинского монастырей-скитов находились часовни – крупные постройки, состоявшие из двусветной молельни, обширной трапезной и сеней, но при этом остававшиеся клетскими. Рядом с часовней стояла большая колокольня, сруб которой – восьмерик на четверике – завершался ярусом звона под высоким шатром⁴³.

Принимая во внимание характер архитектуры культовых построек в Выговских скитах, представляется неслучайным, что в Заонежье и Пудожье, а также в Кенозерье почти не встречается часовен других архитектурных типов, кроме клетских. Вместе с тем часовни в скитах и заонежских деревнях отличаются расположением колокольни: в скитах колокольня – отдельное сооружение, в деревнях Заонежья – композиционно активная часть единого строения. Причина отличия состоит, вероятно, в том, что в деревнях Заонежья часовни испытывали влияние архитектуры как старообрядческих центров, так и ближайших православных церквей. От первых они восприняли размеры колокольни, иногда даже гипертрофированные⁴⁴, от вторых – прием соединения колокольни и храма в единое здание. Родившись в Заонежье в XVIII веке⁴⁵, в следующем столетии эта архитектурная композиция распространилась на земли Пудожья и Кенозерья – регионы, тесно связанные с Заонежьем, в частности, и узлами старой веры.

Но влияние старообрядчества на крестьянскую культуру Русского Севера было гораздо шире: оно дало идеологическую опору для сохранения стародавних традиций, в том числе и церковного самоуправления, что и выражалось в самовольном строительстве часовен. В Кенозерье эта традиция сохранялась дольше, чем в других местах, вероятно, потому, что в XVIII–XIX веках этот район был весьма далек от административных и официально-религиозных центров.

Наряду с уникальными церковными ансамблями и разнообразными часовнями в составе архитектурного наследия Кенозерья значительный интерес пред-

ставляют крестьянские жилища. Кенозерье относится к зоне распространения дома-двора (жилищно-хозяйственного комплекса) с двухъярусной хозяйственной частью. Дома в деревнях, расположенных вокруг Кенозера, Лекшмозера и Почозера, представляют собой в основном два типа связи жилища (избы) и крытого двухъярусного двора. По терминологии этнографов эти типы называются однорядной и поперечной связью. Также есть варианты обоих типов с Г-образным (глаголеобразным) планом. В одном случае Г-образный план образуется при более широком дворе, чем жилая часть, которая с одной стороны сдвинута к краю двора. В другом случае двор, перпендикулярно примыкающий к двухконечному жилищу (две избы через сени), сдвинут к краю одной из изб. Кроме того, в деревнях южной части побережья Кенозера при однорядной связи основных частей дома рядом с входом в сени ко двору перпендикулярно пристраивалась «зимовка» – низкая (без подклети) изба, в которой жили зимой. В Кенозерье также долго сохранялись «рудные» избы, т.е. избы с курными (или черными) печами.

Почти все перечисленные признаки домов кенозерских селений присущи жилищно-хозяйственным комплексам Каргополья⁴⁶ и большей части Пудожья⁴⁷. Вместе с тем именно дома Кенозерья сохранили уникальное свидетельство зарождения и развития одного из типов избы – пятистенка, который к началу XX века широко распространился в селах и деревнях Северной и Центральной России, потеснив другие типы.

Однако следует принять во внимание, что первоначальные конструктивные предпосылки образования пятистенного жилища были выявлены не в кенозерских деревнях, а в селе Верховье Онежского уезда Архангельской губернии⁴⁸. Еще в 1910 году это открытие сделал этнограф Л.В. Костиков⁴⁹ при исследовании курной избы 1765 года. Старинная изба входила в состав большого дома, стоявшего в Верховье (ил. 20а, 20б, 20в)⁵⁰. В своей статье Л.В. Костиков подробно рассматривает ее устройство: «...к чисто техническим способам скрепления постройки относятся также находящиеся на нижних венцах лицевого фасада, равно, как и в верхнем этаже повети, как бы поперечные бревна срубов; это – так называемый заугол, представляющий обрубки бревен длиной от 2 до 3 аршин, врубленные в длинные бревна, как в данном случае, на лицевом фасаде, чтобы их от времени не выпирало и не коробило, а также для скрепления коротких бревен, как это сделано при постройке сарая (иначе – повети, или верхнего яруса двора. – И. Ш.). Свободные концы этих обрубков, и теперь внутри строения не отпиливающих и не обравнивающих, производят впечатление чего-то недоконченного и, в то же время, создают в сараях удобные уголки, куда можно припрятать разную мелочь <...> Перпендикулярно лицевой стороне избы, т.е. со стороны фронтона, на высоте оканчивающегося *заугола*, *прирубана* – врублена поперечная пятая стена, отделяющая шомнушу – хозяйственную комнату от чистой половины жилой избы. В курных избах чистая половина или совсем не

отделялась от хозяйственной (шомнуши), или прикрывалась занавесками, или, наконец, отгораживалась досчатыми перегородками, не доходящими до потолка, для того, чтобы дым мог проникать за перегородку и нагревать вторую половину. В описываемой же нами постройке переборка врублена при самой постройке избы, доходит до потолка и представляет, очевидно, прототип пятой стены так называемой *двойной* или *пятистенной* избы»⁵¹.

В домах Кенозерья существование «скрытого» пятистенка (в котором торцы бревен пятой стены-переруба не выходят наружу) первым из исследователей обнаружил М.А. Ильин в 1927 году (ил. 21а, 21б, 21в)⁵². «Обследование, хотя и небольшого района на Кенозере, дало очень интересные результаты, которые главным образом сосредоточиваются на типе избы с “прилубом” (шомнушей, по Л.В. Костикову. – *И. Ш.*). Открытие этого типа, относящегося к самым древним постройкам озера, указывает на совершенно иное понимание в данном районе пятистенка и может существенно изменить общую гипотезу его образования. Пятистенок на Кенозере явился результатом внутреннего членения пространства, и его развитие было обусловлено ростом хозяйства избы, а не исканием внешней группировки отдельных клетей»⁵³.

Выводы, к которым пришел М.А. Ильин в результате исследования изб Кенозерья, позднее поддержала этнограф Е.Э. Бломквист. «Теории возникновения пятистенка из двух срубов (признающей исчезновение одной из двух смежных стен)... М.А. Ильин противопоставляет свою, утверждая, что пятистенок образовался из одного сруба, имевшего внутри неполную перегородку (из нее-то и возникла пятая стена). Он ссылается на старинные курные избы начала XIX в., сохранившиеся до сих пор в Приозерном районе Архангельской обл. (в настоящее время Приозерного района нет, относившиеся к нему земли вокруг Кенозера и Почозера входят в состав Плесецкого района Архангельской области. – *И. Ш.*). В этих избах боковая часть (за печью) отгорожена длинным шкафом из пяти отделений и носит название *прилуб*; в нее ведет дверка около фасада печи; в прилубе производится вся домашняя работа женщин: в нем стоят ручные жернова, здесь мелют и просеивают муку, месят тесто и пр. Промежуток между шкафом и потолком забран стенкой из четырех бревен, врубленных в стены избы под потоком. Вот эта-то висячая заборка из бревен при своем развитии – опускания до низа всей избы – и дает пятую стену пятистенка; при этом размер прилуба увеличивают, и он превращается в самостоятельное помещение. Такое объяснение появления пятистенка наиболее убедительно (тем более, что сплошная передняя стена из целых бревен тут уже имеется)»⁵⁴.

Материалы исследования Л.В. Костиковым дома в Верховье использовал И.В. Маковецкий при составлении схемы «Развитие пятистенной избы»⁵⁵ (ил. 22). В пояснениях к схеме он, в частности, отметил: «В конструкцию жилого сруба (дома в селе Верховье. – *И. Ш.*) введены две поперечные стенки.

Одна из них находится в центре постройки и служит опорой для пола и печи. Вторая значительно смещена в сторону и отделяет от жилого помещения так называемый заулк (шомнуша, по Л. В. Костикову, или прилуб, по М. А. Ильину. – *И. Ш.*) <...> Таким образом, в избе села Верховье дополнительные стенки еще различны по своему назначению и конструктивному характеру. Они не образуют единой капитальной “пятой стены” сруба и, следовательно, не создают нового типа жилой постройки, но полностью предвосхищают ее основные особенности. Традиционное для Прионежья смещение печи из угла к средней части задней стены способствует выделению заулка в хозяйственную комнату, освещенную самостоятельным окном»⁵⁶.

И хотя И.В. Маковецкий не включил в свою таблицу материалы М.А. Ильина по кенозерским домам, есть достаточно оснований считать, что в Кенозерье на территории национального парка до наших дней сохранились (или только недавно утрачены) крестьянские жилища, отражающие путь образования пятистенка. Эти дома позволяют составить типологический ряд-схему, демонстрирующий этапы формирования пятистенка: от «скрытого» в начале развития типа, до полного выхода на передний (фронтонный) фасад пятой стены-переруба – в конце, а также варианты связи пятистенной избы с хозяйственной частью дома⁵⁷.

Такой типологический ряд-схем начинается домом с курной избой В.А. Сидорова в деревне Майлахта⁵⁸ (ил. 23а, 23б). Единственная в этом доме изба-четырёхстенок обогревалась черной печью, которая была сдвинута к середине стены со входом. При таком положении печи образуется свободное пространство между печью, боковой и передней стеной избы, размеры которого позволяют выделить его в отдельное помещение. Тем самым создается предпосылка образования пятистенка. В передней (фронтонной) стене избы В.А. Сидорова равномерно расположены четыре окна, из которых одно крайнее освещает выделенное в интерьере боковое пространство. Сзади к избе примыкает двухъярусная хозяйственная часть дома, которая, будучи шире жилища, выступает с одного боку от избы. В этом выступе устроены ворота во двор.

Отмеченные архитектурные особенности избы В.А. Сидорова – четырёхоконная композиция главного фронтонного фасада и значительная сдвигка печи от боковой стены в сторону входа в основном жилище – свойственны подавляющему большинству четырёхстенных изб не только Кенозерья, но и соседних с ним территорий Каргополя и Пудожья.

Следующему месту в типологическом ряде соответствует дом Баженова из деревни Вершинино (ил. 21а, 21б, 21в), который подробно рассмотрен в упоминавшейся статье М.А. Ильина. Постройки, подобные дому Баженова, не сохранились до наших дней не только в Вершинине, но и во всем Кенозерье. Однако чертежи этого дома, сделанные М.А. Ильиным по его собственным обмерам начала 1920-х годов и включенные им в статью, содержат достаточно сведений для

реконструкции жилой части постройки. В то время в ней еще сохранялась курная изба. Особенность ее внутренней планировки состояла в выделении прилуба – шомнуши, что выявлялось на главном фронтонном фасаде ассиметричным расположением окон: три проема равномерно смещены к одному из углов сруба. Их назначение – освещать только парадную часть избы – с красным углом. В той же части стены, которая относится к прилубу – шомнуше, окна еще нет: оно появится на последующих этапах развития пятистенка.

Третье место в типологической схеме занимает дом В.М. и А.М. Вахрамеевых в деревне Карпова (ил. 24а). Эта постройка образована поперечной связью жилья (из двух изб, разделенных сенями) и двора; но в плане она имеет не Т-образную, а Г-образную конфигурацию: двор сдвинут к краю меньшей по площади избы (ил. 24б). Конек кровли хозяйственной части дома перпендикулярно примыкает к скату жилья. Жилая часть дома состоит из зимнего (меньшего по площади) и летнего (горница) помещений, которые разделены сенями. На главный фасад дома Вахрамеевых в отличие от двух первых построек типологической схемы выходят обе избы с сенями между ними под общим скатом крыши, а не фронтовая стена одной из изб.

Зимняя изба внутри – скрытый пятистенок, но три его окна во фронтовой стене расположены иначе, чем в доме Баженова: два смещены к одному углу сруба, третье – к другому. Эта асимметрия в расположении окон указывает место врубки между ними сплошной пятой стены, которая, не выходя наружу, делит избу внутри на две неравных части. Меньшая часть освещается одним окном, прорубленным во фронтовой стене. Это окно нельзя сделать с другой стороны, как в доме Баженова, потому что там стена закрыта примыкающим к ней двором. Большую часть зимней избы освещают четыре окна: два выходят на боковой (фронтовой) фасад, два проема – на переднюю сторону.

Вторая, большая по площади изба (летняя) – четырехстенная. Внутри нее нет пятой стены-переруба, но помещение функционально разделено на две половины перегородкой из шкафов. Одна половина парадная. Ее освещают четыре окна: два на переднем фасаде и два на боковом (фронтовом). Вторая половина избы – заулочек, равный по площади парадному помещению. Заулочек освещают два окна в боковой (фронтовой) стене. У этой избы все окна боковой стены расположены равномерно. Таким образом, внутренняя структура летней избы снаружи не выявлена, хотя в ней есть все предпосылки для устройства полного пятистенка с двумя равными помещениями.

Четвертым в типологической схеме стоит дом А.В. Дмитриева из деревни Першлахты (ил. 25а). Он относится к типу построек с однорядной связью двухэтажного жилища и двора с поветью. Как и в доме из Майлахты, в доме А.В. Дмитриева двор с поветью с одной стороны шире жилища, отчего постройка в целом получила Г-образную планировку. В образовавшемся выступе расположены ворота во двор.

Первый этаж представляет собой пятистенок, в котором пятая стена разделяет два одинаковых по размерам помещения, но не выходит наружу (ил. 25б). Второй этаж – четырехстенный с внутренней заборкой из шкафов, отгораживающих помещение типа шомнуши, или прилуба. В передней стене прорублены четыре окна, из которых одно крайнее смещено к углу сруба. Подобное расположение окон – следствие врубки в простенок внутри избы, над заборкой бревен неполной пятой стены, концы которых не выходят наружу. Подобный конструктивно-композиционный прием уже известен: он использован в летней избе дома В.М. и А.М. Вахрамеевых. Сзади к четырехстенку примыкают парадные сени и горницы на повети.

Пятым в типологический ряд-схему включен дом из деревни Зехнова (ил. 26а, 26б). Он отличается от предшествующих ему построек. Во-первых, его основная жилая изба как бы повернута в плане на 90°; поэтому на главный (фронтонный) фасад выходит четырехоконная стена без переруба, а на боковую сторону – торцы бревен пятой стены, вероятно, отделяющей «кухню» от чистого помещения. Во-вторых, хозяйственная часть дома, соединяющаяся с жилым пятистенком однорядной связью, не превышает габариты собственно жилища, как в домах из Майлахты, Вершинина, Першлахты, а образует с ним композицию типа «чистый брус». В-третьих, в доме есть низкая зимняя изба (зимовка), конек крыши которой перпендикулярно примыкает к стене повети. Зимовка пристроена рядом со входом в сени основной постройки.

Замыкает типологический ряд-схему дом из деревни Нямыты (ил. 27). Это самая большая постройка типологической схемы. В доме все жилые помещения двухэтажные, причем они занимают три четверти площади и объема постройки в целом, а хозяйственные – только четверть. По типу общей планировки дом показывает редкий пример открытой двурядной связи жилья и двухъярусного двора. Все жилые помещения – законченные пятистенки с выходящими на фронтонные фасады бревнами пятой стены.

Следует отметить, что сохранение всех без исключения архитектурных памятников Кенозерья на присущих им местах на территории национального парка без перемещения обеспечивает им неоспоримое достоинство – обладание высокой степенью аутентичности. Их культурно-историческое значение еще больше возрастает от признания того факта, что эти памятники являются хранителями ряда особенностей, которые были широко распространены или, не исключено, даже сложились именно в архитектуре Кенозерья и окрестностей. Повторим, что к таким особенностям относятся существование храмовых комплексов-ансамблей типа Почезерского погоста, традиция повсеместного строительства разнообразных часовен, устройство расписных потолков пирамидальной формы, получивших название «небеса» в церквях и часовнях клетского типа, образование избы-пятистенка.

Еще одна заметная черта местной архитектуры – приверженность традиции⁵⁹. Особенно ярко традиционность проявилась при создании Почезерского архитектурного комплекса и строительстве часовен.

Названные факторы свидетельствуют в пользу признания Кенозерья в пределах национального парка уникальной территорией народной культуры – историко-архитектурным заповедником.

Примечания

¹ В облике крупных селений воздействие особенностей ландшафта менее заметно. Количество строений переходит в качество – сама градостроительная ситуация начинает влиять на решения новых архитектурно-планировочных задач.

² Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера. Л., 1982. С. 30–31.

³ Там же. С. 52–53.

⁴ Там же. С. 32–33.

⁵ Там же С. 35.

⁶ Забелло С. Каргопольская экспедиция // Архитектурное наследство. М., 1955. № 5. С. 10, 12; Критский Ю.М. Кенозерье. Архангельск, 2005. С. 21–22.

⁷ Ушаков Ю.С. Указ. соч. С. 66–67.

⁸ Там же. С. 66.

⁹ Там же. С. 68.

¹⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 40. Д. 13: Ведомость о приписной церкви великомученика Георгия Победоносца... состоящей при деревне Федоровской (см.: Критский Ю.М. Указ. соч. С. 131, сноска 2).

¹¹ [Заручевская Е.Б.] Церковь Георгия Победоносца деревни Федоровская на Порженском озере // Небеса и окрестности Кенозерья. [М., 2009] С. 474. Там же содержатся все нижеприводимые сведения о строительной истории Георгиевской церкви.

¹² Бодэ А.Б. Храмовое зодчество Кенозерского края // Небеса и окрестности Кенозерья. [М., 2009]. С. 68; Его же. Деревянные храмы Русского Севера. Архитектура и местное своеобразие. М., 2011. С. 24–26.

¹³ Территория Няндомского района Архангельской области. См.: Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 79.

¹⁴ Вахрамеева Т.И. Реконструкция Ильинской церкви в деревне Задняя Дуброва // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей: межвузовский сборник. Петрозаводск, 1985. С. 65–67; Марков Б.Г., Сацук Е.Ю., Степанова О.А. Графическая реконструкция погоста Задняя Дуброва // Там же. С. 77–79; Ансамбль в селе Задняя Дуброва. Фото из архива Каргопольского музея (См.: Русское деревянное зодчество. Произведения народных мастеров и вековые традиции. М., 2012. С. 343).

¹⁵ Территория Холмогорского района Архангельской области. См.: Забелло С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 78; Русское деревянное зодчество. Произведения народных мастеров и вековые традиции. М., 2012. С. 461–462.

¹⁶ Ушаков Ю.С. Указ. соч. С. 151; см. также рис. 101.

¹⁷ Заручевская Е.Б. Историческая записка. Храмовый комплекс Спасского Почезерского прихода по архивным источникам // Научный архив Кенозерского национального парка.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 144: Почезерский приход. Научно-проектная документация. С. 2. Здесь же содержатся все ссылки на источники приведенных ниже сведений о строительной истории Почезерского храмового комплекса.

¹⁸ В церковных документах XIX века храм во имя Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Спаса Бога нашего Иисуса Христа именовался сокращенно Спасским.

¹⁹ Например, в церквях Каргопольского района: во имя Иоанна Златоуста (1665 г.) в селе Саунино (см.: Гунн Г.П. Каргополье – Онега. М., 1989. С. 61), во имя Рождества Христова (1745, 1759–1762 гг.) в селе Большая Шалга (см.: Шургин И.Н. Деревянная церковь во имя Рождества Христова на погосте Большая Шалга. Результаты новых исследований памятника // Русский Север. По страницам летописи веков Каргополья. М., 2014. С. 77–80).

²⁰ Небеса и окрестности Кенозерья. [М., 2009]. С. 412, 420.

²¹ Выговский скит – центр старообрядческого Даниловского согласия – находился на реке Выг в Пудожском уезде, а Чаженгский скит, подчинявшийся Выговскому, – в Каргопольском уезде. Ныне это местности, соответственно, в Пудожском районе Республики Карелии и Няндомском районе Архангельской области.

²² Территория села Макарьинского Онежского района Архангельской области. Храм не сохранился. См.: Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1911. Вып. 41. С. 98.

²³ Территория Няндомского района Архангельской области. Храм не сохранился. См.: Забелло С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 80.

²⁴ Территория села Пустынька Плесецкого района Архангельской области. См.: Русское деревянное зодчество. Произведения народных мастеров и вековые традиции. М., 2012. С. 344.

²⁵ См.: Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. М., 1986. С. 56.

²⁶ Линник Ю.В. Поэтика Почезерского ансамбля // Экология северных территорий России. Архангельск, 2002. Т. 2. С. 198.

²⁷ Забелло С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 50–51, 208–212; [Суздаев В.Е.] Русское чудо. Царский дворец в Коломенском – шедевр русского деревянного зодчества второй половины XVII – первой четверти XVIII века. [М., 2005]. С. 132–135.

²⁸ Ополовников А.В. Указ. соч. С. 297.

²⁹ Содержащийся в настоящей статье материал о часовнях впервые опубликован: Шургин И.Н. Кенозерские часовни // Живая старина. М., 1999. № 2 (22). С. 18–21.

³⁰ Кроме Кенозерья, местами большого распространения часовен в XVIII–XIX веках был, например, бассейн реки Пинеги, где население придерживалось старообрядчества беспоповского направления. См.: Лютикова Н.П. Пинежские часовни по письменным источникам XVIII–XIX вв. // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 148–164.

³¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. 4. С. 584.

³² Указы Синода о регламентации строительства часовен см.: Никольский К. О часовнях // Церковные ведомости. СПб., 1889. Прибавление № 10. С. 251–261.

³³ Богословский М.М. Земское управление на Русском Севере в XVII веке. М., 1912. Т. 2. С. 48–52.

³⁴ Яницкий Н.Ф. Северно-русская часовня в конце XVII века: по переписи часовен 1692 года // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при университете Св. Владимира. Киев, 1914. С. 123–143.

³⁵ Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Известия Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1878. Т. 30. С. 4–8.

³⁶ Фрейман Н. Придорожные часовни – пережиток древнего «погребения на столбах на путях» // Советская этнография. 1936. № 3. С. 86–91.

³⁷ Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Пг., 1916. С. 123–124.

³⁸ Оба селения относятся к Медвежьегорскому району Республики Карелии. Их изображения см.: Ополовников А.В. Указ. соч. С. 162–163, 190–191.

³⁹ Это заключение косвенно подкрепляют исследования Т.М. Кольцовой, выяснившей, что традиции устройства потолка-неба родилась тоже в Заонежье. См.: Кольцова Т.М. «Небо» и его росписи в памятниках деревянной культовой архитектуры Русского Севера // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1994. С. 53–68. Позднее к такому же заключению пришел петрозаводский исследователь А.В. Орлов. См.: Орлов А.В. Типологические исследования часовен: Кенозерье и Заонежье // Кенозерские чтения – 2009. Архангельск, 2011. С. 214–221.

⁴⁰ Интересен вопрос: повсеместное строительство часовен в XIX веке – новое явление для Кенозерья, или наиболее репрезентативные памятники (например, в селах Вершинино, Коневе) стоят на древних местах?

⁴¹ Капуста Л.И. Народное искусство Карелии и художественные традиции Выга // Культура староверов Выга: каталог. Петрозаводск, 1994. С. 38–41.

⁴² Воробьева С.В. Крестьянские намогильные памятники Заонежья и Поморья // Заонежский сборник. Заонежье. Петрозаводск, 1992. С. 163–166.

⁴³ Культура староверов Выга: каталог. Петрозаводск, 1994. Ил. 50–52, 63, 67; Озерцовский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. С. 173–174.

⁴⁴ Например, часовня из деревни Кавгора в Музее-заповеднике «Кижы». См.: Ополовников А.В. Указ. соч. С. 164–169.

⁴⁵ Орфинский В.П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С. 62.

⁴⁶ Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1973. С. 106–117.

⁴⁷ Вахрамеева Т.И. Создание Пудожского сектора (Восточное Обонежье) в музее-заповеднике «Кижы» // Архитектурное наследие и реставрация. М., 1986. С. 175–177.

⁴⁸ Ныне Онежский район Архангельской области.

⁴⁹ Л.В. Костиков, заведующий русским отделом этнографического отдела Русского музея им. Императора Александра III (ныне Российский этнографический музей), совершил ряд экспедиций в Онежский и Кемский уезды Архангельской губернии. Одна из экспедиций в Онежский уезд состоялась в 1910 году.

⁵⁰ Дом не сохранился. См.: Костиков Л. Изба семи государей // Материалы по этнографии России. СПб., 1914. Т. II. С. 1–11.

⁵¹ Костиков Л. Указ. соч. С. 3–4.

⁵² М.А. Ильин (1903–1981) – один из крупных исследователей древнерусской архитектуры и искусства. В 1927 году участвовал в совместной фольклорной экспедиции Государственной академии художественных наук с Центральным музеем народоведения, обследовавшей и район Кенозера. По материалам экспедиции опубликована статья: Ильин М.А. Крестьянская изба Кенозера // Российская ассоциация научно-исследователь-

ских институтов общественных наук. Институт археологии и искусствознания. Труды секции археологии. М., 1929. Вып. IV. С. 241–256.

⁵³ Там же. С. 255.

⁵⁴ Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточно-славянский этнографический сборник. М., 1956. С. 150.

⁵⁵ Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962. С. 89.

⁵⁶ Там же. С. 87–88.

⁵⁷ Материалы о формировании пятистенка в Кенозерье были собраны автором настоящей статьи в процессе разработки научной концепции проекта «экспозиции уменьшенных копий архитектурных сооружений», частично реализованного под названием «Кенозерские бирюльки» в лекшмозерской части Кенозерского национального парка.

⁵⁸ Мильчик М.И., Шевелева Е.В. Краткий каталог расписных домов Каргопольского, Плесецкого и Няндомского районов Архангельской области // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 2. Д. 186.

⁵⁹ Приверженность традиции характеризует в целом культуру Кенозерья как части Каргопольского и Пудожского историко-культурных регионов. Так, например, именно в Кенозерье были найдены архаичные варианты текстов былин и других видов фольклора.

Сведения об авторах

Агафонова Ирина Святославовна – главный архитектор ООО «Научно-исследовательское предприятие “Этнос”» (г. Нижний Новгород).

Анциферова Анна Ивановна – главный хранитель музейного фонда Кенозерского национального парка (г. Архангельск).

Белова Светлана Юрьевна – исполнительный директор некоммерческой природоохранной организации «Махаон Интернешенел» (г. Попрад, Словакия).

Веденин Юрий Александрович – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН (г. Москва).

Ведерникова Наталья Михайловна – кандидат филологических наук (г. Москва).

Власова Марина Никитична – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (г. Санкт-Петербург).

Гроза Алексей Борисович – директор Историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Град Китеж» (с. Владимирское, Нижегородская обл.).

Гудима Тамара Михайловна – кандидат философских наук, профессор Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Джулиано Роберта – архитектор, IRIS Ltd. (г. Турин, Италия).

Докучаева Ольга Владимировна – кандидат искусствоведения, заместитель генерального директора по научной работе Государственного историко-архитектурного, художественного и ландшафтного музея-заповедника «Царицыно» (г. Москва).

Дровнина Светлана Игоревна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, начальник отдела изучения природных комплексов и объектов Кенозерского национального парка (г. Архангельск).

Ежов Олег Николаевич – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экологии популяции и сообществ Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Ермолин Борис Васильевич – кандидат географических наук (г. Архангельск).

Жданова Людмила Львовна – заместитель директора по просвещению и туризму национального парка «Угра» (г. Калуга).

Иванова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Илгунова Елена Арвидовна – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 20 (г. Петрозаводск).

Иняев Александр Александрович – директор ООО «Творческая мастерская архитектора Иняева А.А.» (г. Нижний Новгород).

Калитин Владимир Александрович – кандидат технических наук, краевед (г. Санкт-Петербург).

Калуцков Владимир Николаевич – доктор географических наук, профессор, доцент кафедры факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Карпова Валентина Петровна – помощник директора по биосферному резервату ЮНЕСКО, главный специалист Национального парка «Угра» (г. Калуга).

Колбовский Евгений Юлисович – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры физической географии мира и геоэкологии МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Коптев Сергей Викторович – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры лесной таксации и лесоустройства Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Коромыслов Евгений Васильевич – старший государственный инспектор по землеустройству национального парка «Угра» (г. Калуга).

Котлярчук Андрей Богданович – директор Государственного историко-культурного заповедника «Тустань» (Львовская обл., Украина)

Кулешова Марина Евгеньевна – кандидат географических наук (г. Москва).

Куликов Вячеслав Степанович – доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент РАЕН, главный научный сотрудник Института геологии Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск).

Куликова Виктория Владимировна – доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии Карельского научного центра РАН, руководитель группы РПС по Северо-Западу России (г. Петрозаводск).

Лаптева Галина Яковлевна – эксперт Министерства культуры Архангельской области (г. Архангельск).

Логинов Константин Кузьмич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск).

Максаковский Николай Владимирович – кандидат географических наук (г. Москва).

Махнович Наталья Михайловна – научный сотрудник Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН (г. Архангельск).

Мелютина Марина Николаевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, начальник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия Кенозерского национального парка (г. Архангельск).

Михельсон Анника – Университет прикладных наук (г. Хяменлинна, Финляндия).

Мосеев Дмитрий Сергеевич – старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Викинг» (г. Архангельск).

Наумов Юрий Михайлович – старший научный сотрудник Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижы», член Межведомственной комиссии по морскому наследию Морской коллегии Правительства РФ (г. Петрозаводск).

Нордерхауг Анн – бывший сотрудник Норвежского института биоэкономических исследований (п. Сванвик, Норвегия).

Пархуць Любомир Васильевич – старший преподаватель кафедры ландшафтной архитектуры, садово-паркового строительства и урбоэкологии Национального лесотехнического университета Украины (г. Львов, Украина).

Поташ Антон – ландшафтный эколог Государственной службы охраны природы национального парка «Пьянины» (г. Спишска-Стара-Вес, Словакия).

Севан Ольга Георгиевна – кандидат архитектуры, президент Российского Комитета по селам и малым городам – ЕКОВАСТ (г. Москва).

Сикель Ханне – Норвежский институт биоэкономических исследований (п. Сванвик, Норвегия).

Тош Атилла – профессор Словацкого аграрного университета (г. Нитра, Словакия).

Третьяков Сергей Васильевич – доктор сельскохозяйственных наук, доцент, заведующий кафедрой лесной таксации и лесоустройства Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Харитоновна Яна Эдуардовна – старший научный сотрудник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия Кенозерского национального парка (г. Архангельск).

Шатковская Елена Флегонтовна – директор Кенозерского национального парка, почетный гражданин Архангельской области, заслуженный работник культуры РФ (г. Архангельск).

Шургин Игорь Николаевич – управляющий Фондом «Поддержка памятников деревянного зодчества» (г. Москва).

Иллюстрации

Иллюстрации к статье Е.Ф. Шатковской

*Ил. 1. Тихо Богу
помолюсь.
Фото
М. Нитишинского*

*Ил. 2. Время собирать
камни. Никольская
часовня в д. Вершинино.
Фото Е. Мазилова*

*Ил. 3. Сенокос в д. Тырышкино.
Фото К. Кокошкина*

*Ил. 4. Специфика Парка – сохранение всех видов наследия.
Фото Ю. Ломакова*

*Ил. 5. Консервация
Сретенской
церкви местными
плотниками
в рамках российско-
норвежского проекта*

*Ил. 6. Порженский погост (XVIII в.).
Фото К. Кошкина*

Ил. 7. Слева направо: губернатор Архангельской области И.А. Орлов, митрополит Архангельский и Холмогорский Даниил, министр природных ресурсов и экологии РФ С.Е. Донской. Фото В. Штрика

Ил. 8. Местные жители на открытии Порженского погоста. Фото Н. Гернета

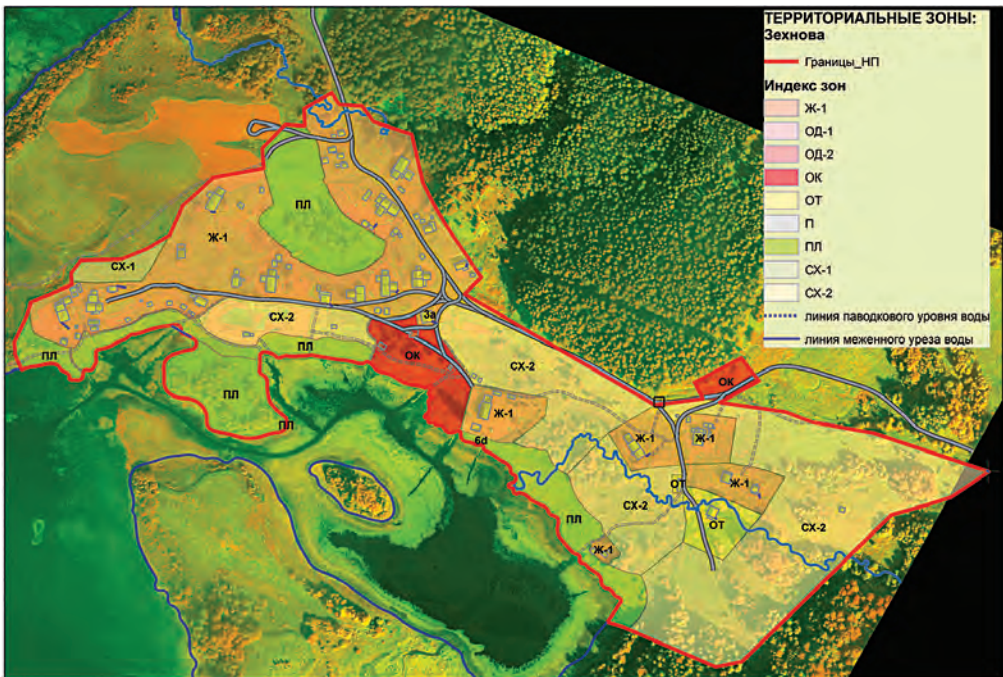
*Ил. 9. Почезерский погост (XVIII–XIX вв.).
Фото К. Кокошкина*

*Ил. 10. Волонтеры
на консервации
часовен Кенозерья.
Фото К. Кокошкина*

Ил. 11. Северная деревня – единство красоты Земли и красоты творения рук человеческих. Фото К. Кокошкина

Ил. 12. ПЗЗ. Территориальные зоны д. Зехнова

Ил. 13. Культурный ландшафт – украшение Земли. Фото К. Кокошкина

Ил. 14. Сохранение коренного населения – вектор развития парка. Фото К. Кокошкина

Ил. 15. Семинар по овцеводству для местных жителей. Фото Е. Креханова

Ил. 16. Лов рыбы – традиционный вид хозяйственной деятельности. Фото Н. Чеснокова

Ил. 17. Гостевой дом «Как у бабушки». Фото А. Паршакова

Ил. 18. Мастер-класс Ю. Тишина по бересте. Фото К. Кокошкина

Ил. 19. Музей «В Начале было Слово». Фото Е. Мазилова

Ил. 20. На экологической тропе «Система 5 озер». Фото А. Паршакова

Ил. 21. Юные экскурсоводы Кенозерского национального парка. Фото Е. Мазилова

Ил. 22. Радость – быть в Кенозерье (проект «Друзья для Друзей»). Фото Е. Кузнецовой

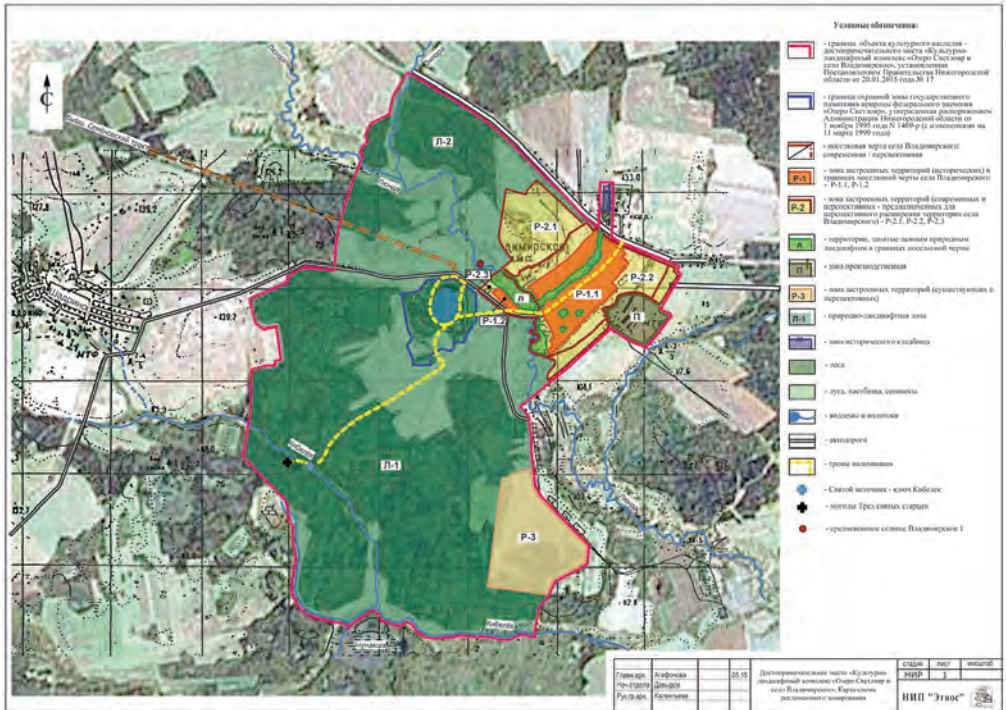

Ил. 23. Хан Чунли в Кенозерье. Фото Е. Мазилова

Ил. 24. Преемники традиций. Фото Д. Бастега

Иллюстрации к статье И.С. Агафоновой

Ил. 1. Карта-схема регламентного зонирования культурно-ландшафтного комплекса «Озеро Светлояр и село Владимирское»

Ил. 2. Историко-градостроительный опорный план с. Владимирского

Ил. 3. Фрагмент исторической застройки ул. Советской

Ил. 4. Общий вид в сторону ул. Пролетарской и Школьной

Ил. 5. Владимирская церковь (1766 г.)

Иллюстрации к статье М.Н. Власовой

Ил. 1. Деревня Умба, расположенная при впадении
р. Умба в Белое море, 2008 г.

Ил. 2. Вышка с резным балкончиком. Дом
в д. Умбе (время постройки – 1950-е гг.), 2008 г.

Ил. 3. Перевоз через р. Варзуга. На заднем плане – Успенская церковь до реставрации, 1984 г.

Ил. 4. Успенская церковь после реставрации (справа – восстанавливаемая Афанасьевская церковь, новодел), 2009 г.

Ил. 5. Восстановленная церковь во имя Тихвинской иконы Божией Матери, д. Кашкаранцы, 2008 г.

Иллюстрации к статье Р. Джулиано

Ил. 1. Деревня Амборнетти

Ил. 2. Образец старой застройки на фоне горы Монviso

Ил. 3. Архитектурный проект ресторана

Ил. 4. Проект внутренней отделки номеров

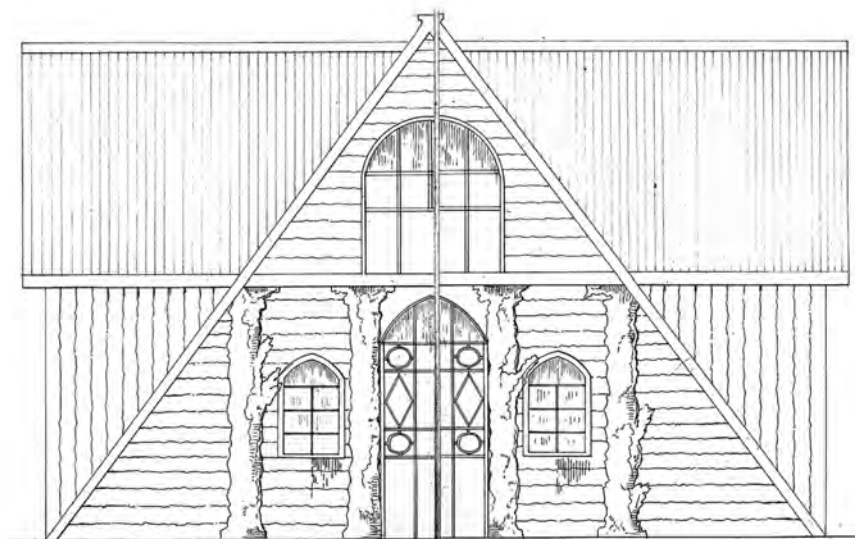

Ил. 5. Балки, изготовленные из каштана

Иллюстрации к статье О.В. Докучаевой

Ил. 1. План Царицынского сада. Начало XIX в. Из фондов ГНИМА им. А.В. Щусева

Ил. 2. Хижина в царицынском парке. Фасад. Начало XIX в. Из фондов РГИА

Иллюстрации к статье О.Г. Севан

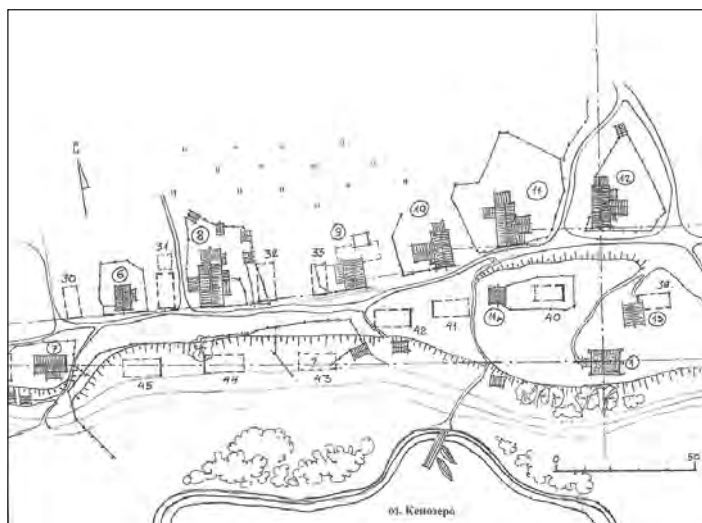
Ил. 1. Общий вид д. Зехнова с часовней Иоанна Богослова. Фото О. Севан, 2006 г.

Ил. 2. Опрос местных жителей в д. Зехнова. Местная жительница А.А. Капустина с Н. Денисовой и Д. Садковым, 2006 г.

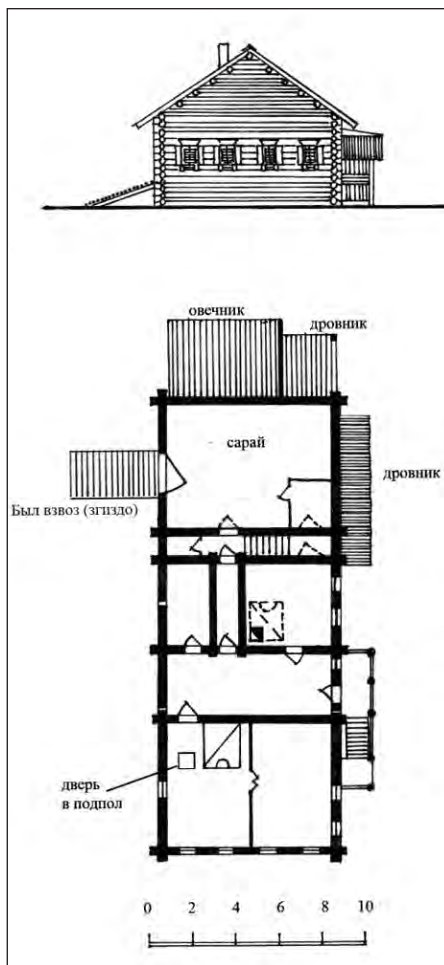
Ил. 3. Семинар с местными жителями в д. Зехнова, 2006 г.

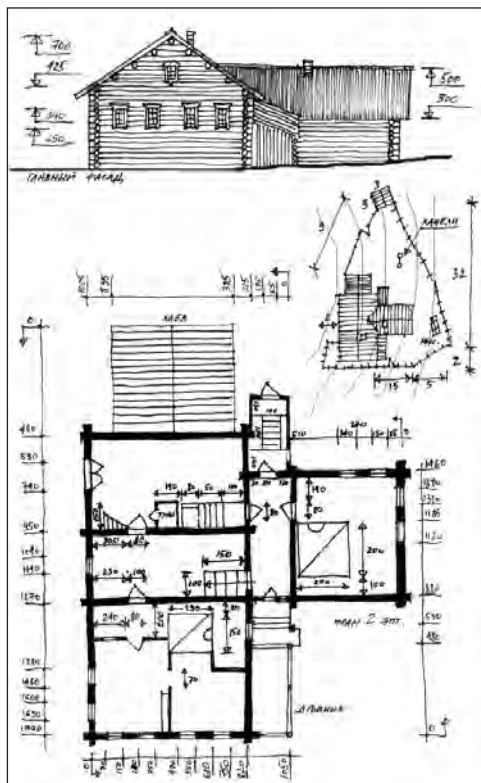
*Ил. 4. Схематический
план центра д. Зехнова
с часовней.
Обмер О. Севан, 2006 г.*

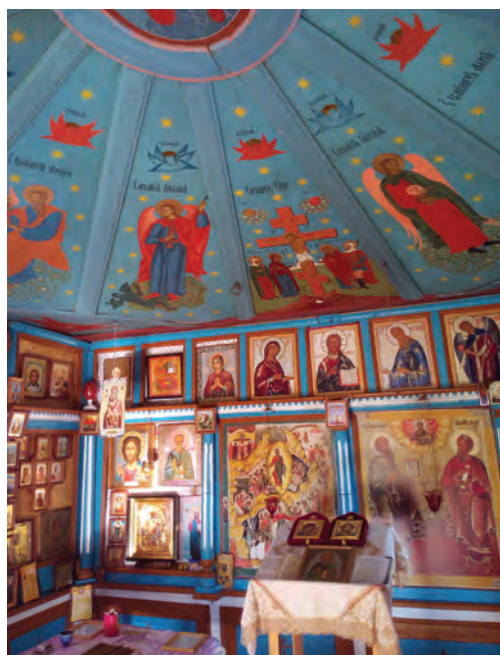
Ил. 5. Схематический план д. Семеново.
Обмер О. Севан, 2006 г.

Ил. 6. Схемы дома-двора с зимовкой
и усадьбы М.В. Капустиной в д. Зехнова.
Обмеры О. Севан, И. Митяшина,
Н. Денисовой, 2006 г.

Ил. 7. Схемы дома-двора
Н.А. Третьякова в д. Семеново.
Обмеры О. Севан, И. Митяшина,
Н. Денисовой, 2006 г.

Ил. 8. Интерьер часовни Иоанна Богослова
в д. Зехнова.
Фото О. Севан, 2016 г.

Ил. 9. Часовня Флора и Лавра
в д. Семеново.
Фото О. Севан, 2006 г.

Ил. 10. Дома в д. Семеново.
Фото О. Севан, 2006 г.

Ил. 11. Общий вид
и ландшафты
д. Семеново.
Фото О. Севан, 2006 г.

Иллюстрации к статье А.А. Иньева

Ил. 1. Двухэтажный деревянный на каменном этаже дом с размещением кафе «Тип 1»

Ил. 2. Двухэтажный деревянный жилой дом на каменном этаже «Тип 2»

Ил. 3. Одноэтажный деревянный на каменном фундаменте жилой дом «Тип 3»

Ил. 4. Двухэтажный с мансардой деревянный на каменном этаже дом «Тип 4»

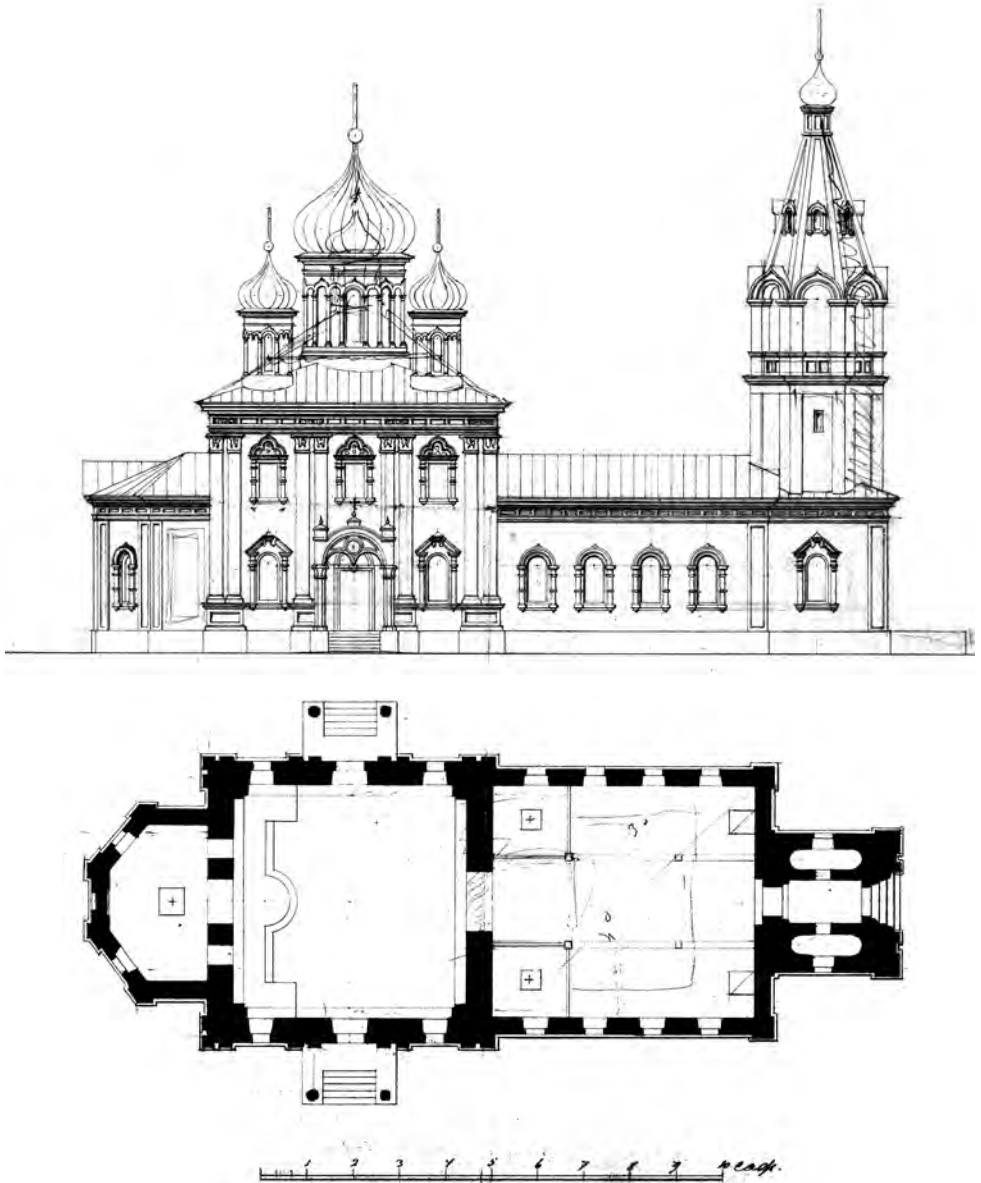

Ил. 5. Двухэтажный деревянный каркасный жилой дом «Тип 5»

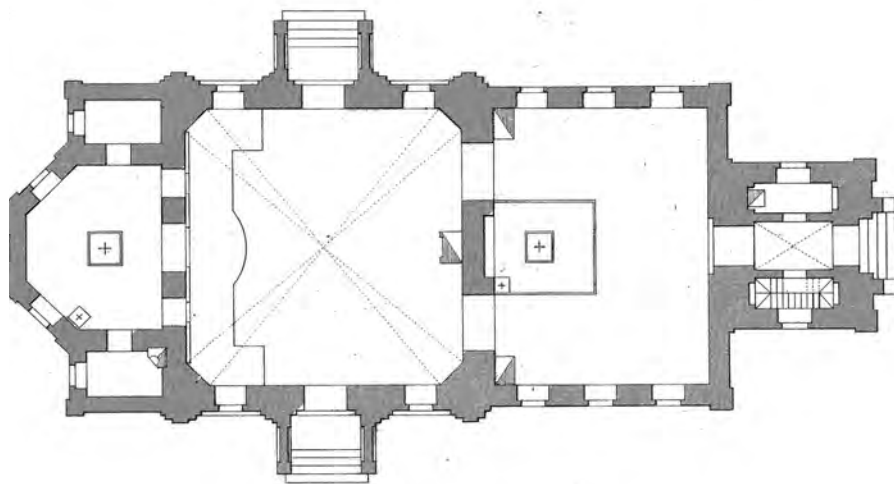
Иллюстрации к статье В.А. Калитина

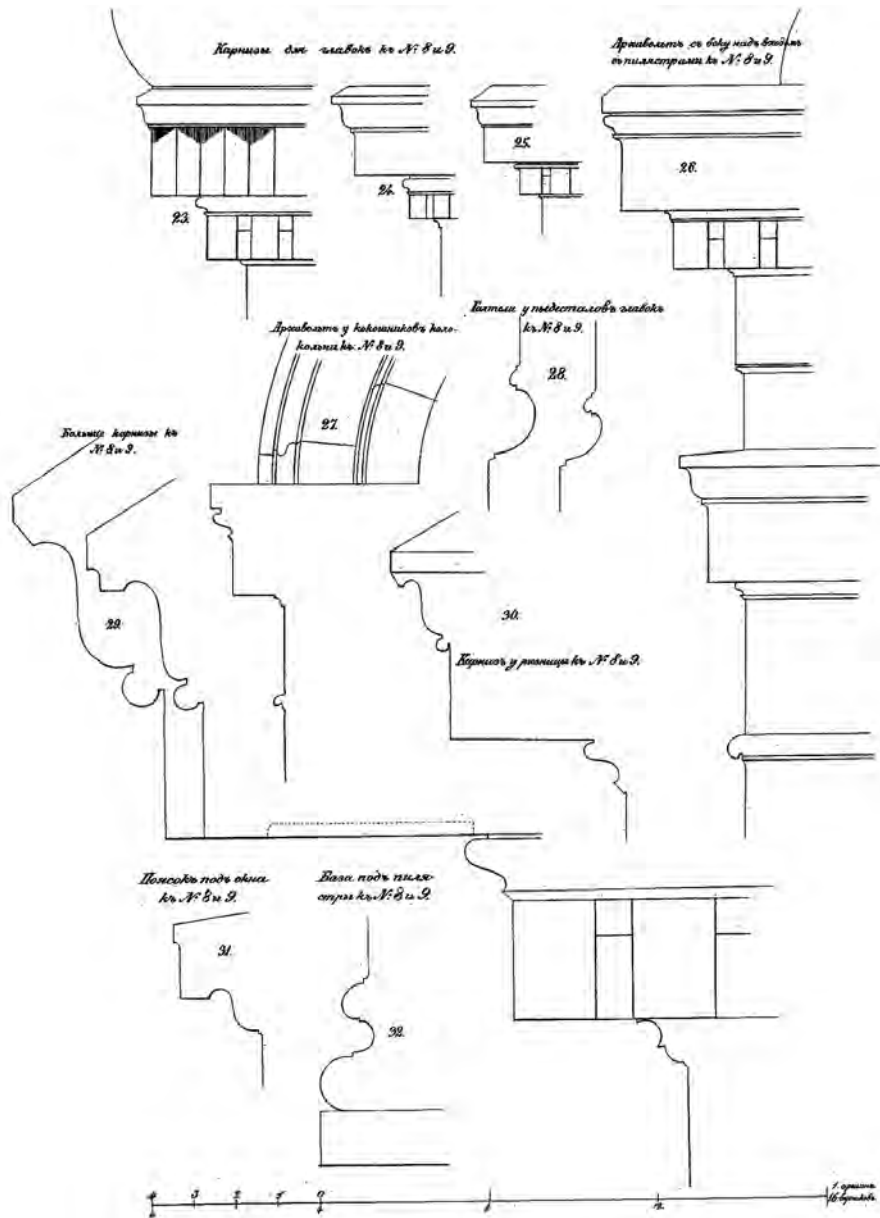
Ил. 1. План и фасад церкви в селе Федосьине Балахнинского уезда ведомства Нижегородской удельной конторы на 500 душ. Архитектор Н.С. Забнин. 1843 г. (РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 786. Л. 83)

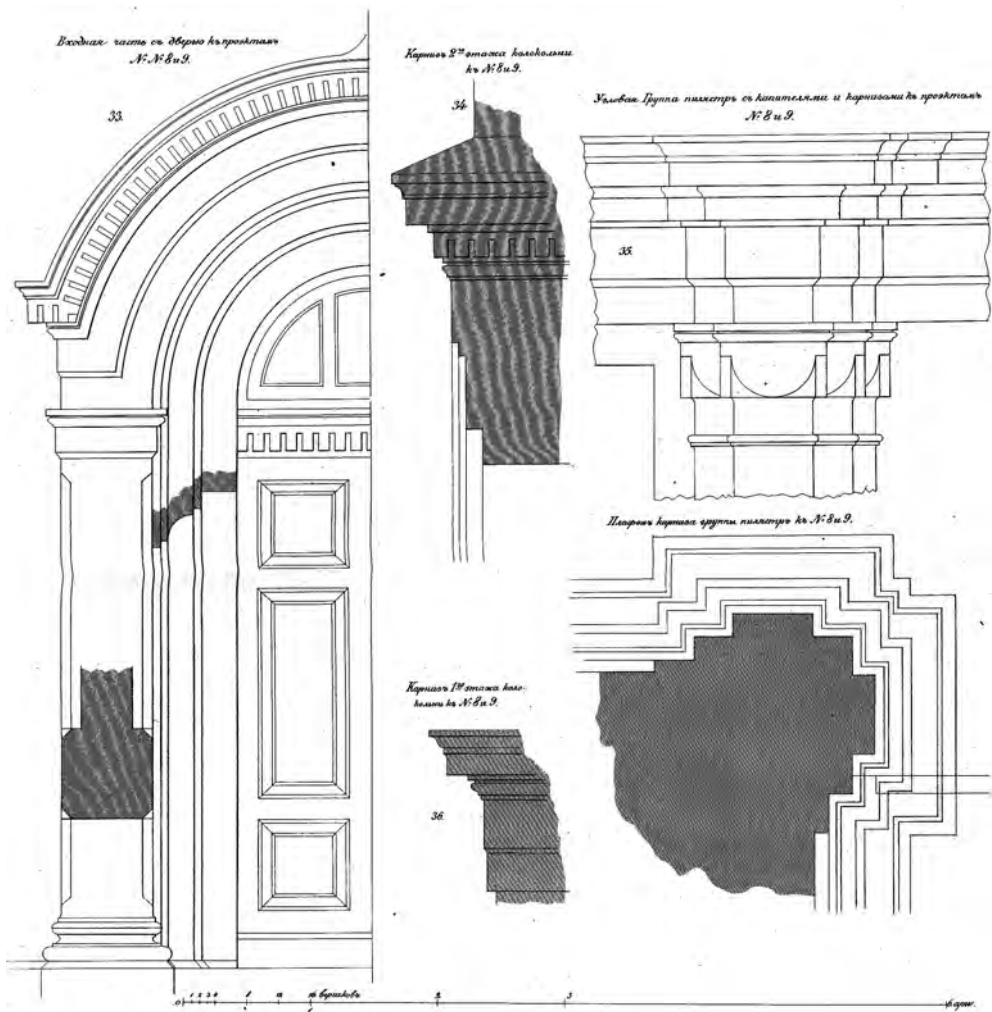
Ил. 2. План и фасад каменной церкви в селе Федосьине ведомства Нижегородской удельной конторы на 700 человек. Архитектор Н.С. Забнин. 1843–1844 г. Копию снял архитектор Б.К. Пуншель в 1857 г. (РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 1987. Л. 33)

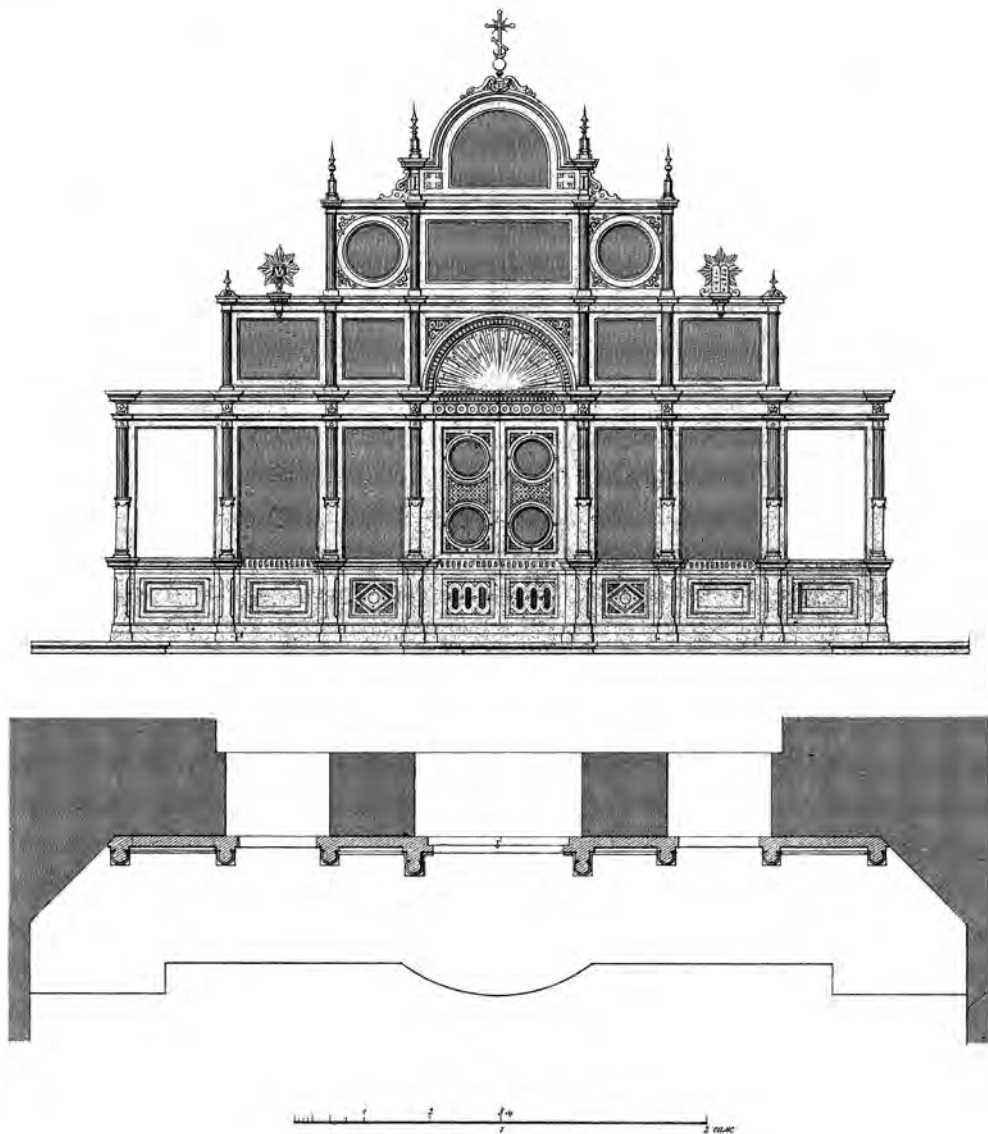
Ил. 3. Проект каменной церкви № 9 вместимостью до 700 человек. [План].
Продольный фасад. Продольный разрез. Архитектор И.И. Связев. 1858 г.
(РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 2373. Л. 16)

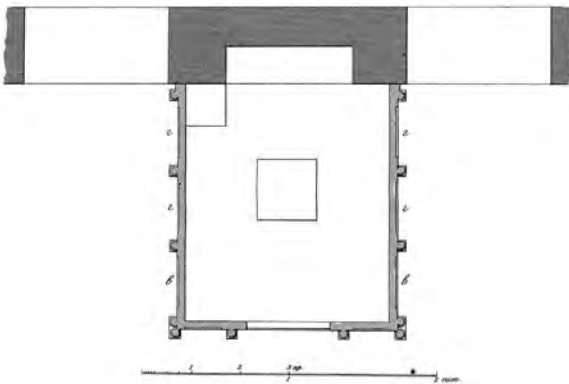
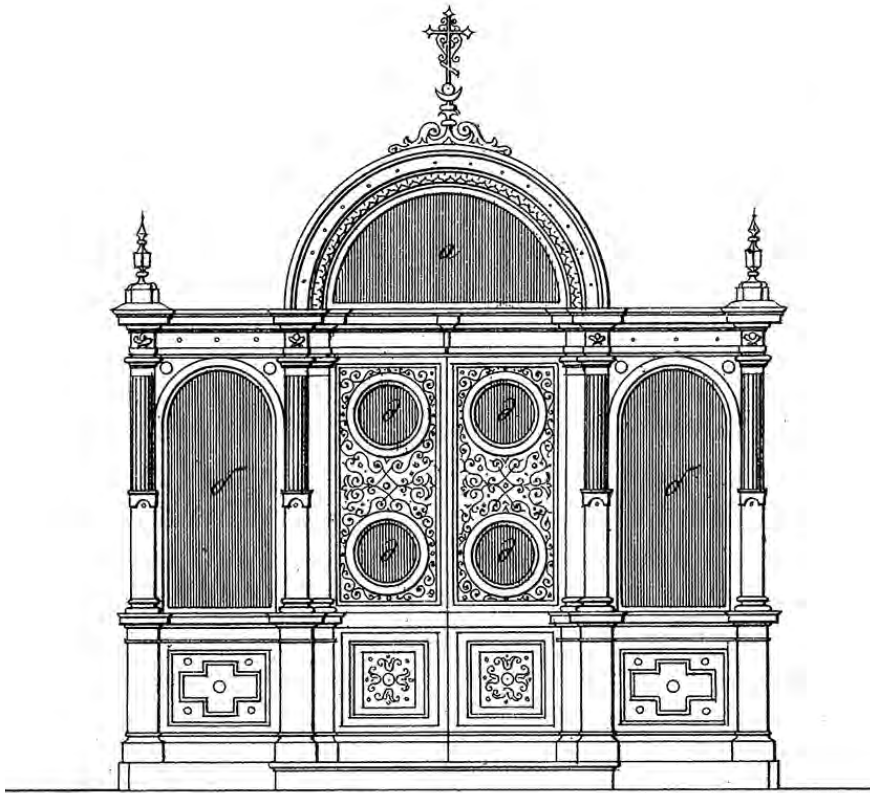
Ил. 4. Детальные чертежи (лист «г») проекта каменной церкви № 9 вместимостью до 700 человек. Архитектор И.И. Связев. 1861 г. (РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 2373. Л. 34)

Ил. 5. Детальные чертежи (лист «д») проекта каменной церкви № 9 вместимостью до 700 человек. Архитектор И.И. Связев. 1861 г. (РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 2373. Л. 35)

Ил. 6. Иконостас (под литерой «З») к проекту каменной церкви № 9.
Архитектор А.И. Резанов. 1858 г. (РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 2373. Л. 29)

ИКОНЫ:

- а, Тайный вечер
- б, Лазаря
- в, на Свирском и Успенском восточном
- г, златою оправею и фризом по желанию приделов, все с пидорными верками
- д, Боговоцены и св. великомученицы, фризом в диаметре

Размеры иконъ			
Высота и широта		Широта	
Ар	Вер	Ар	Вер
-	-	1	1
1	12	-	11
-	-	-	7

Ил. 7. Проект иконостаса (под литерой «И») для церкви № 9. Архитектор А.И. Резанов. 1858 г. (РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 2373. Л. 30)

Иллюстрации к статье В.П. Карповой, Е.В. Коромыслова

Ил. 1. Экспедиционное обследование традиционных построек на территории национального парка «Угра»

Ил. 2. Обмеры традиционных построек с будущими архитекторами

Ил. 3. Модельный дом в традиционном стиле с размещенными в нем визит-центром и Галкинским лесничеством парка

Ил. 4. Усадьба в традиционном стиле с размещенным в ней информационно-методическим центром Оптинского лесничества парка

Иллюстрации к статье А.И. Анциферовой

Ил. 1. Прялка детская.
Первая треть
XX в. Поступила
в музейный фонд
от М.С. Гусевой,
д. Усть-Поча
Плесецкого р-на
Архангельской обл.
(КП-1311)

Ил. 2. Прялка. Конец XIX
в. Поступила
в музейный фонд из
с. Олема Лешуконского
р-на Архангельской обл.
(НВ-1336)

Ил. 3. Прялка. Конец XIX –
начало XX в. Поступила в
музейный фонд из
д. Часовенской Плесецкого р-на
Архангельской обл.
(НВ-1341)

Ил. 4. Прялка. 1880 г. Поступила в музейный фонд от Н.Ф. Старицыной, д. Першлахта Плесецкого р-на Архангельской обл. (КП-2241)

Ил. 5. Прялка. 1936 г. (НВ-1337)

Ил. 6. Прялка.
Начало XX в.
Поступила в музейный фонд от Н.А. Назарова, п. Поча Плесецкого р-на Архангельской обл. (КП-1659)

Ил. 7. Прялка. Первая треть XX в. Поступила в музейный фонд от М.М. Тряпицной, д. Горбачиха Плесецкого р-на Архангельской обл. (НВ-144)

Ил. 8. Прялка. Первая треть XX в. Поступила в музейный фонд от А.Ф. Тряпицной, д. Семеново Плесецкого р-на Архангельской обл. (НВ-142)

Ил. 9. Прялка. Поступила в музейный фонд от З.И. Вахрамеевой, д. Вершинино Плесецкого р-на Архангельской обл. (ВХ-253)

Ил. 10. Прялка. XIX в. Поступила в музейный фонд от М.И. Тряпицной, д. Горбачиха Плесецкого р-на Архангельской обл. (КП-61)

Ил. 11. Прялка.
Конец XIX – начало XX в.
(НВ-318)

Ил. 12. Прялка. Начало XX в.
Поступила в музейный фонд из музея
Кенозерской средней школы (НВ-318)

Ил. 13. Прялка. XX в. Мастер –
А.И. Филиппов,
д. Горбачиха Плесецкого р-на
Архангельской обл.
Поступила в музейный фонд
от автора (КП-74)

Ил. 14. Прялки из музейного фонда парка.
Конец XIX – начало XX в. (КП-689, НВ-144, ВХ-204, НВ-314,
КП-326, КП-61, ВХ-203, ФОИ-290)

Ил. 15. Прялка. Конец XIX – начало XX в. Поступила в музейный фонд от М.И. Тряпицкой, д. Горбачиха Плесецкого р-на Архангельской обл. (КП-99)

Ил. 16. Расписные прялки из Кенозерья. Конец XIX – начало XX в.

Ил. 17. Прялка. 1928 г.
Поступила в музейный фонд от Т.А. Сивцевой, д. Першлахта Плесецкого р-на Архангельской обл. (КП-2276)

Ил. 18. Прялка. 1902 г.
Поступила в музейный фонд из д. Ожегово Каргопольского р-на Архангельской обл. (КП-256)

Ил. 19. Прялка.
Конец XIX – начало XX в.
Изъята при попытке вывоза с территории Кенозерского национального парка (ВХ-206)

Ил. 20. Прялка. 1913 г.
Поступила в музейный фонд
от Л.М. Ножкиной,
д. Горбачиха Плесецкого р-на
Архангельской обл. (КП-326)

Ил. 21. Прялка из частного
собрания Ю.В. Линника
(г. Петрозаводск)

Ил. 22. Шкаф-заборка. Конец XIX в. Поступила в музейный фонд от Т.Ф. Прокопьевой, д. Рыжково Плесецкого р-на Архангельской обл. (КП-2352)

Ил. 23. Киот. Конец XIX–начало XX в. (КП-488)

Ил. 24. Расписной сундук и расписной возок в музее «Рухлядный амбар», д. Погост Плесецкого р-на Архангельской обл.

Иллюстрации к статье С.Ю. Беловой

Ил. 1. Пленэр «Территория вдохновения» в национальном парке «Словенский рай». Фото С. Беловой

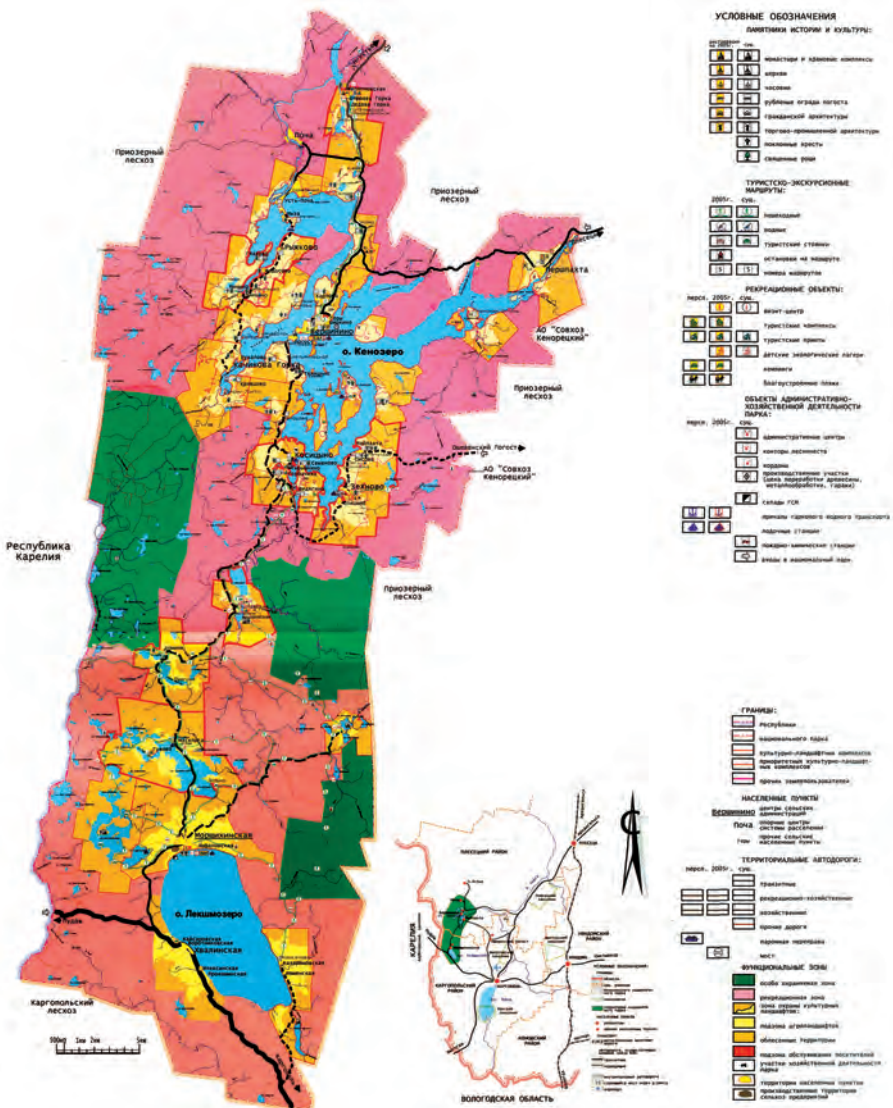

Ил. 2. Банер «Гановце – территория вдохновения». Фото С. Беловой

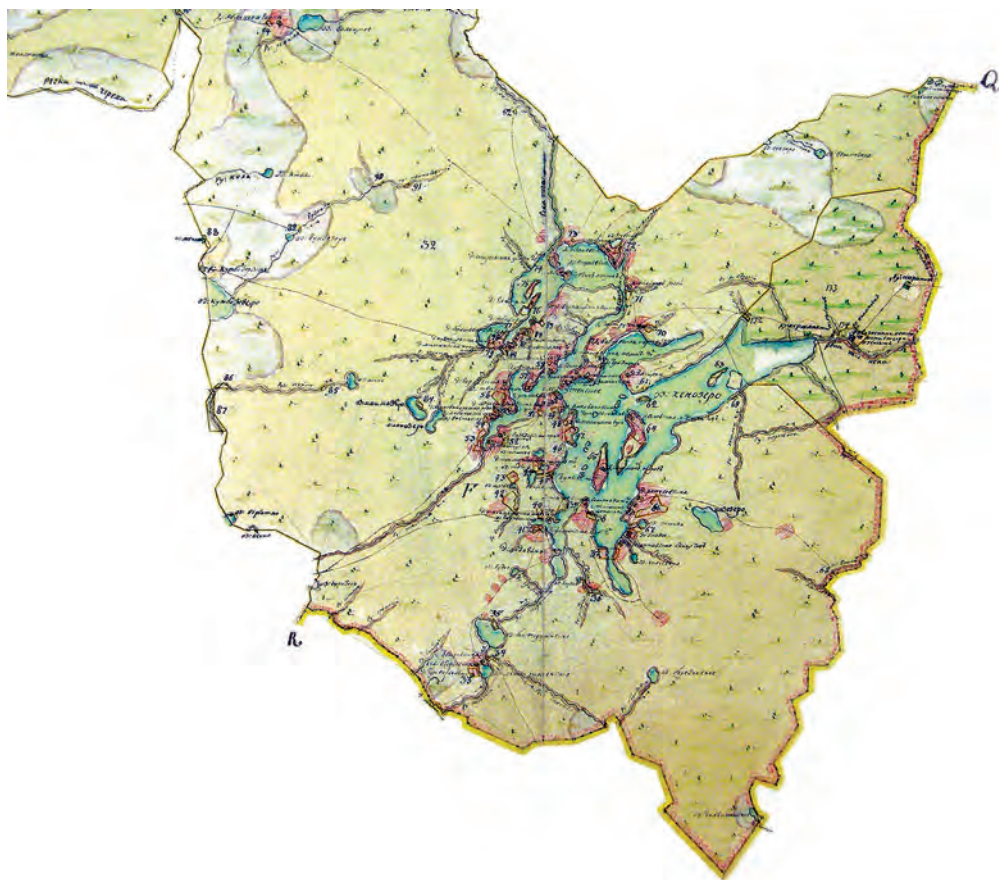
Ил. 3. Местная жительница счастлива увидеть свой портрет на вернисаже. Фото С. Беловой

Иллюстрации к статье Ю.А. Веденина, Н.М. Ведерниковой, Е.Ю. Колбовского, М.Е. Кулешовой, Н.В. Максаковского

Ил. 1. Схема функционального зонирования в составе Плана управления и развития Кенозерского национального парка на период 2001–2005 годов с указанием границ культурно-ландшафтных комплексов, включая приоритетные

Ил. 3. Структура землепользования Кенозерской волости на 1788 год. Генеральный план (атлас) Пудожского уезда (ч. 7, фрагмент). Из фондов РГИА

Ил. 4а. Фрагмент топографической карты в районе Ведягина-Тырышкинского приоритетного культурно-ландшафтного комплекса, показывающий соотношение лесных и полевых угодий в конце XX века

Ил. 4б. Фрагмент карты Олонецкой губернии Пудожского уезда с указанием деревень, вошедших в современный Ведягина-Тырышкинский приоритетный культурно-ландшафтный комплекс (1860 г.).
Из фондов Национального архива Республики Карелии

Ил. 5а. Фрагмент космоснимка Ведягина-Тырышкинского приоритетного культурно-ландшафтного комплекса, показывающий процесс дешифрирования ландшафтной дифференциации угодий

Ил. 5б. Фрагмент культурно-ландшафтной карты, показывающий культурно-ландшафтную дифференциацию территории, включая оценку состояния и угроз по отдельным выделам

Иллюстрации к статье А.Б. Грозы

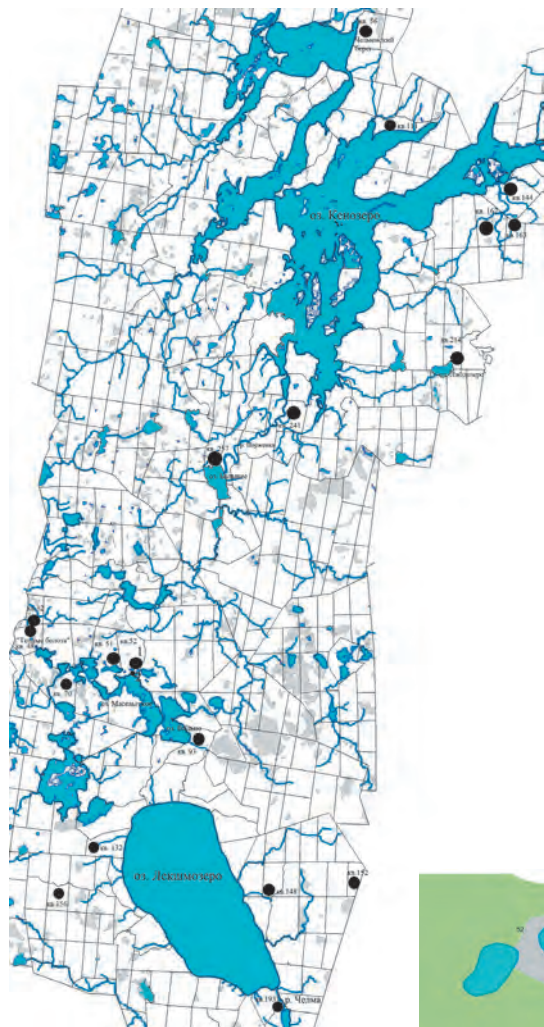

Ил. 1. Храм Казанской иконы Божией Матери, с. Владимирское. Фото А. Грозы

Ил. 2. Фольклорный праздник «Светина». Фото А. Грозы

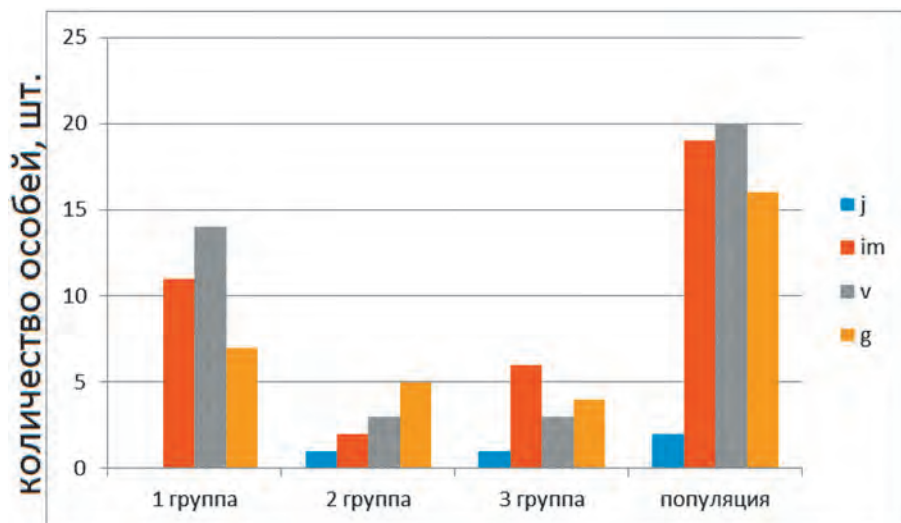
Иллюстрации к статье С.И. Дровниной, Н.М. Махнович

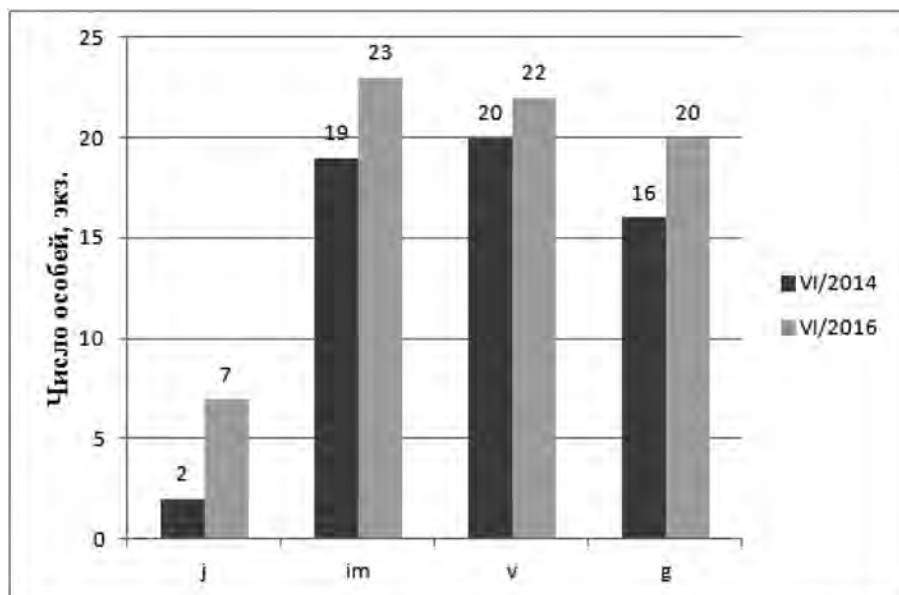
Ил. 1. Места произрастания *Sargipedium calceolus* в Кенозерском национальном парке по данным 1991, 2004–2005, 2013, 2014, 2016 гг. Условные обозначения: 1 – пробная площадь № 1 (2014 г.), 2 – пробная площадь № 2 (2016 г.)

Ил. 2. Места произрастания популяций *Sargipedium calceolus*:
1 – популяция № 1 (2014 г.);
2 – популяция № 2 (2016 г.)

Ил. 3. Возрастной спектр популяции № 1, июнь 2014 г.

Ил. 4. Динамика численности и возрастного состава ценопопуляции *Cyntripedium calceolus* в июне 2014 и 2016 гг. Возрастные состояния особей: j – ювенильное, im – имматурное, v – виргинильное, g – генеративное

Иллюстрации к статье О.Н. Ежова

Ил. 1. Leptoporus mollis

Ил. 2. Antrodia heteromorpha

Ил. 3. Postia placenta

Ил. 4. Peniophora septentrionalis

Ил. 5. Polyporus melanopus

Иллюстрации к статье А.А. Ивановой

Ил. 1. Обетная часовня в д. Ёркино (Пинежский р-н Архангельской обл.)

Ил. 2. Внутреннее убранство обетной часовни

Ил. 3. Сакральный комплекс «Золотой ручей»
(Пинежский р-н Архангельской обл.)

Иллюстрации к статье Е.А. Илгуновой

Ил. 1. Часовня Сошествия Святого Духа в д. Глазово. Фото И. Шпиленка, 2004 г.

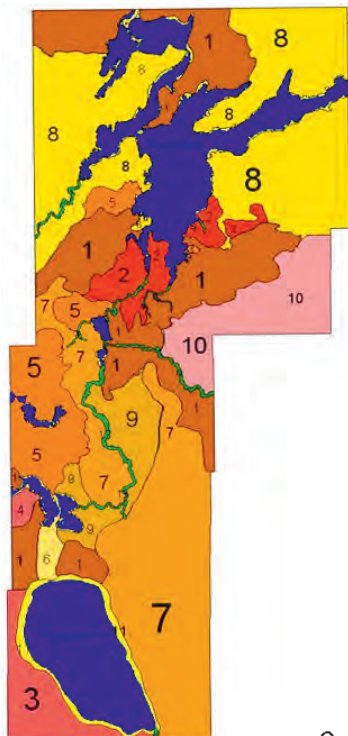

Ил. 2. В доме Трухиных (д. Глазово, 2014 г.)

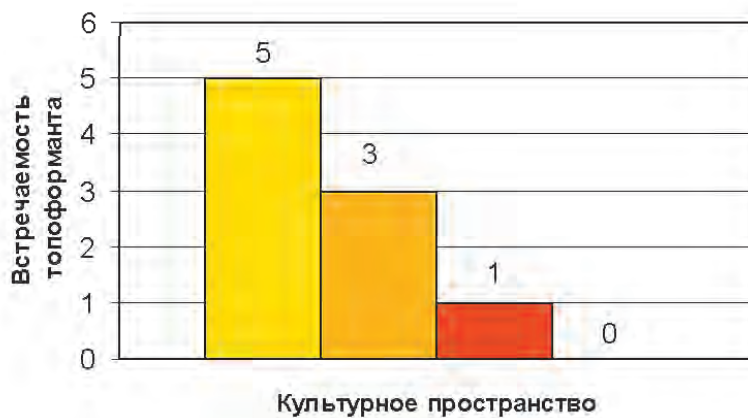

Ил. 3. Печь в доме Трухиных (д. Глазово, 2014 г.)

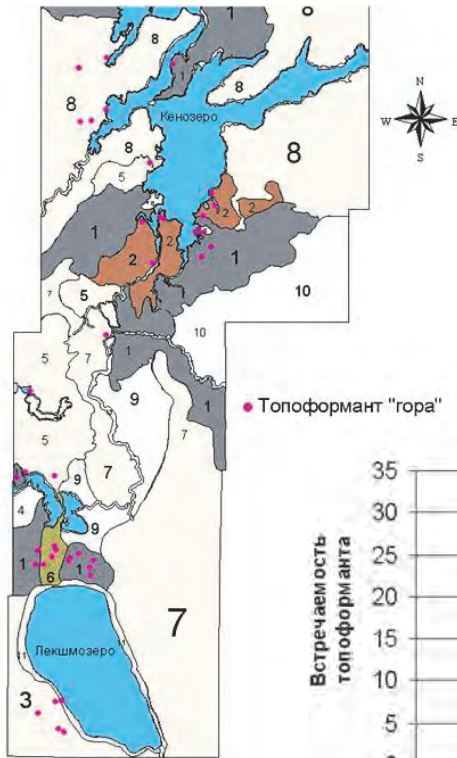
Иллюстрации к статье В.Н. Калущкова

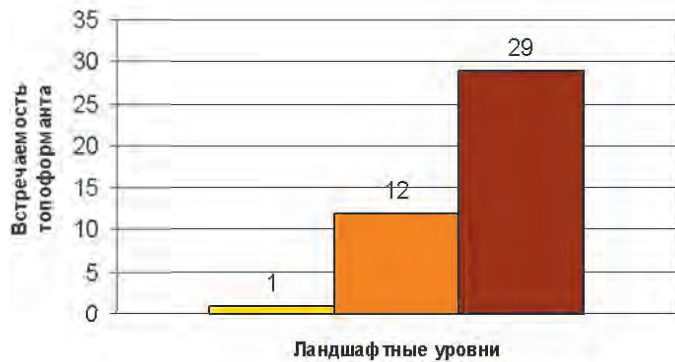
Ил. 1. Ландшафтная карта Кенозерского национального парка

Ил. 2. Распределение местного географического термина «лухта» в культурном пространстве Кенозерья (финно-угорский компонент Кенозерского культурного ландшафта)

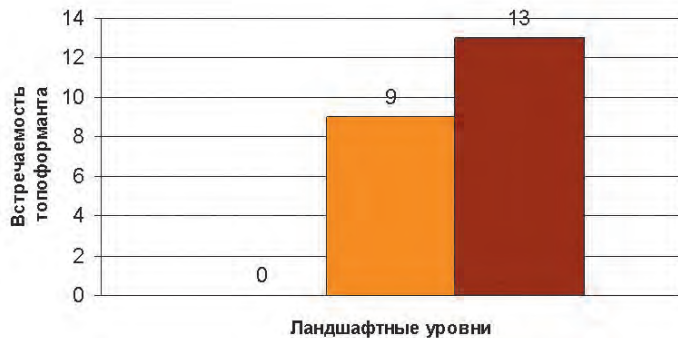

Ил. 3. Распределение местного географического термина «гора» по территории Кенозерья (русский компонент Кенозерского культурного ландшафта)

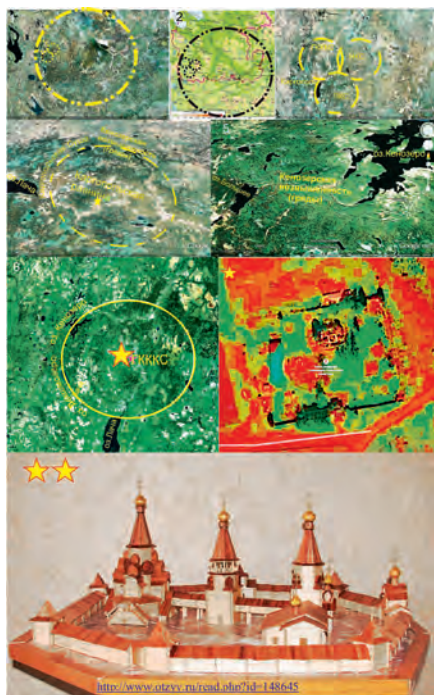

Ил. 4. Распределение местного географического термина «гора» по ландшафтным уровням (русский компонент Кенозерского культурного ландшафта)

Ил. 5. Распределение местного географического термина «бор» по ландшафтным уровням (русский компонент Кенозерского культурного ландшафта)

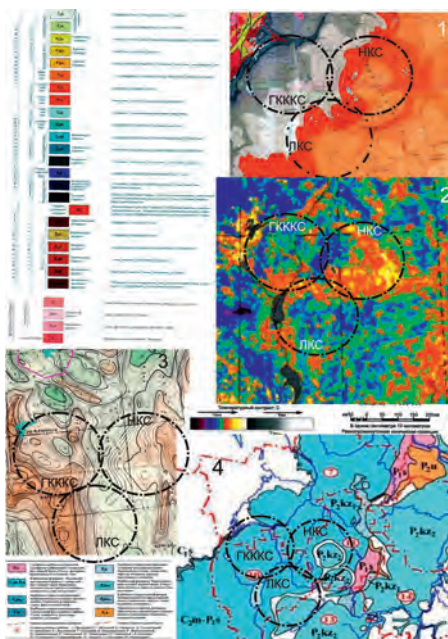

Иллюстрации к статье В.В. Куликовой, В.С. Куликова

Ил. 1. Кольцевые структуры юго-западной части Архангельской области: 1 – вид кольцеобразных структур 2-го порядка в региональной структуре 1-го порядка со спутника в системе Google Earth; 2 – то же на географической карте; 3 – локальные кольцевые структуры: ГКККС – геологическая Кенозерская кольцевая «космическая», НГС – Няндомская, ЛГС – Лачская; 4 – Каргопольская равнина, «Каргопольская Суша» и Кенозерская возвышенность (гряды) в ГКККС, звездочка – местоположение поселения Ошевенский Погост; 5 – ландшафты Кенозерской возвышенности (гряд) в межозерье Большое – Кенозеро; 6 – Свято-Успенский Александра Ошевенского монастырь в центре ГКККС (одна звездочка – план монастыря из Google Earth, две звездочки – макет монастыря – <http://www.otzyv.ru/read.php?id=148645>)

Ил. 2. ГКККС, НГС, ЛНС: 1 – на фрагменте геологической карты (Государственная геологическая карта дочетвертичных образований. Масштаб 1: 1 000 000. Петрозаводск, 2000. Л. Р35–Р37); 2 – на фрагменте карты теплового поля (Карта некоррелированного конвективного теплового потока Северо-Запада России. Масштаб 1:1 000 000. Архангельск, 2000. Л. Q37–Q38); 3 – на гравитационной карте территории; 4 – на карте подземных вод (Государственная геологическая карта подземных вод. Масштаб 1: 1 000 000. Петрозаводск, 2000. Л. Р35–Р37)

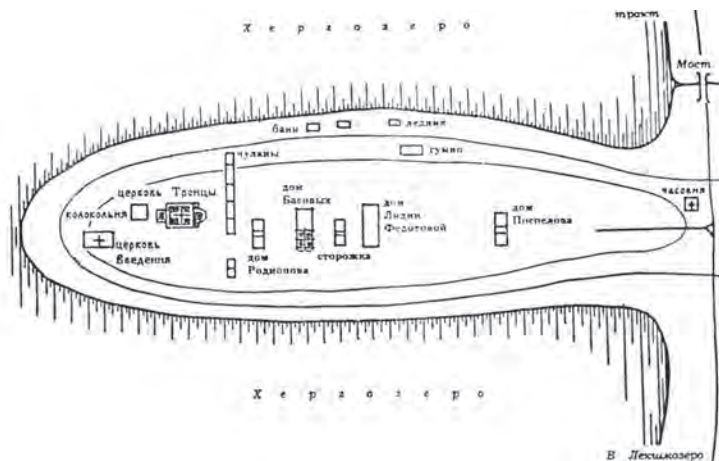
Ил. 3. 1 – красота исчезающего зодчества (www.kenozero.ru);
2 – архитектурные и природные памятники Каргополя (www.pomorland.info)

Иллюстрации к статье М.Н. Мелютиной

Ил. 1. Макарьевская
Хергозерская
пустынь.
Фото Н. Карцевой,
1959 г.

Ил. 2. Макарьевская
Хергозерская
пустынь. 1960-е гг.
Из личного архива
З.Я. Нефедовой

Ил. 3. План
«Макария»
(Мелехова Г.Н.,
Носов В.В. Русские.
Традиционный уклад
Лекшмозерья.
М., 1994. Ч. 2. С. 78)

*Ил. 4. Прасковья Ивановна (Николаевна?)
и Иван Васильевич Родионовы.
Фото Н. Карцевой, 1959 г.*

*Ил. 5. О.В. Ушакова возле
дома Басова. 1960-е гг.
Из личного архива
Н.Я. Ушакова*

*Ил. 6. Ольга Васильевна
и Яков Васильевич Ушаковы.
Справа – Марфа Павловна
Подшивалова. 1960-е гг.*

Ил. 7. Дом Поспелова (слева). 1965 г. Из личного архива И.А. Пономарева

*Ил. 8. Хозяйственные
постройки.
Фото Н. Карцевой, 1959 г.*

Ил. 9. Паломники у дома Л.И. Федотовой. 1960-е гг. Из личного архива Н.Я. Ушакова

Ил. 10. Дом Л.И. Федотовой
(справа). Конец 1960-х гг.
Из личного архива
Н.Я. Ушакова

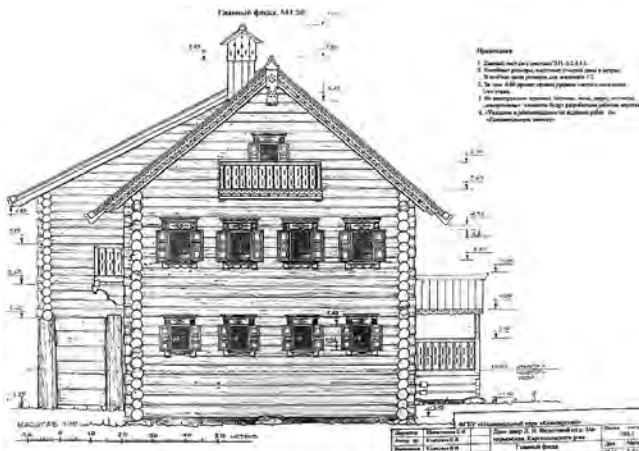
Ил. 11. Дом Л.И. Федотовой.
Фото Н. Карцевой, 1959 г.

Ил. 12. Дом Л.И. Федотовой
с западной стороны.
Слева – Анатолий Борисович
Виноградов. 1960-е гг.
Из личного архива
А.Б. Виноградова

Ил. 13. Наличники из дома Л.И. Федотовой.
Фото В. Колтовой. 2017 г.

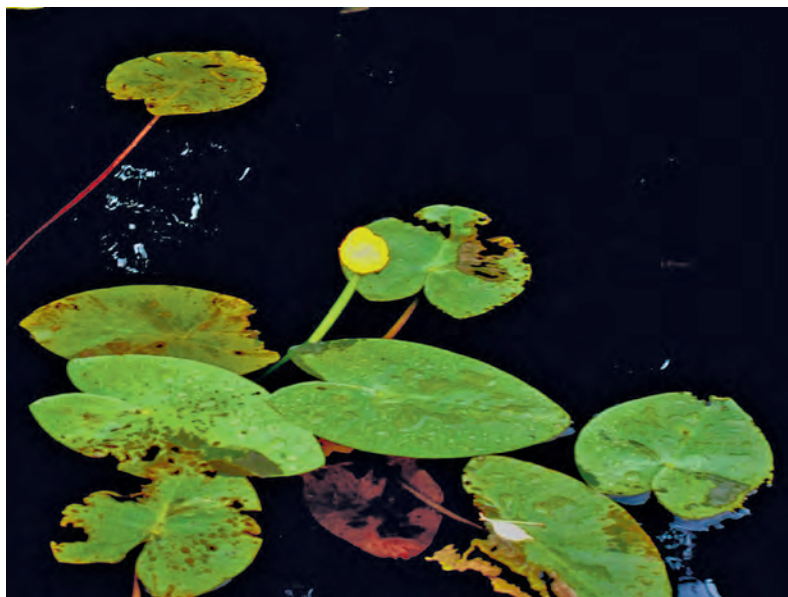

Ил. 14. План реконструкции дома Л.И. Федотовой.
Автор – В.В. Колтовой. 2017 г.

Ил. 15. Макарьевская Хергозерская пустынь. Фото В. Штрика. 2015 г.

Иллюстрации к статье Д.С. Мосеева

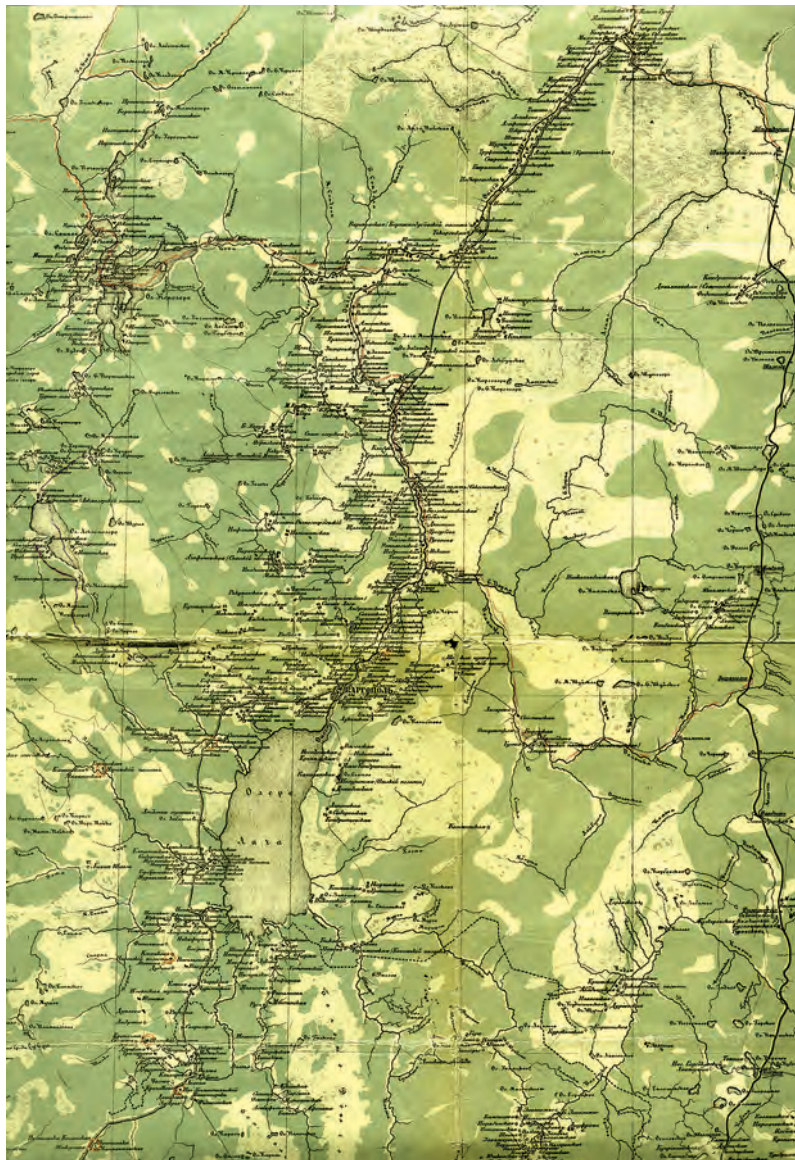

Ил. 1. Кубышка
малая – вид,
внесенный
в Красную книгу
Архангельской
области

Ил. 2.
Сообщество
кувшинки
чисто-белой
в кутовом заливе

Иллюстрации к статье Ю.М. Наумова

Ил. 1. Карта района исследований, 1918 г.
Из Научного архива Кенозерского национального парка

Ил. 2. Лодка на берегу
(Кенозеро или Водлозеро).
Фото из фондов РГАЛИ, 1927 г.

Ил. 3. Традиционная лодка
на р. Онеге в Каргополе.
Фото из фонда Каргопольского
государственного историко-
архитектурного
и художественного музея,
не позднее 1920 г.

Ил. 4. «Дубаны». Фото В. Пучкина, 2010 г.

Ил. 5. Н.И. Попов у ворота для вытаскивания лодки на берегу Лекшмозера (д. Морщихинская).
Фото Ю. Наумова, 2007 г.

Ил. 6. Лодки на туристическом маршруте.
Фото Ю. Наумова, 2016 г.

Ил. 7. Мастер Ю.В. Макаров у своей лодки с парусом (д. Орлово).
Фото Ю. Наумова, 2007 г.

Ил. 8. Двухкуймовая кенозерка
(д. Вершинино).
Фото Ю. Наумова, 2007 г.

Ил. 9. Трехнабойная лодка
и долбленка-«корыто» малых озер
(оз. Хергозеро).
Фото Н. Померанцева из фондов
ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря, 1958 г.

Ил. 10. Традиционная лодка-
кенозерка на маршруте Кенозерского
национального парка (оз. Порженское).
Фото Ю. Наумова, 2007 г.

Ил. 11. Двухкуймовая новая лодка
(д. Зехнова). Фото Ю. Наумова, 2016 г.

Ил. 12. Лодка у плота-лавы
(д. Усть-Поча)

Иллюстрации к статье И.С. Ненароковой

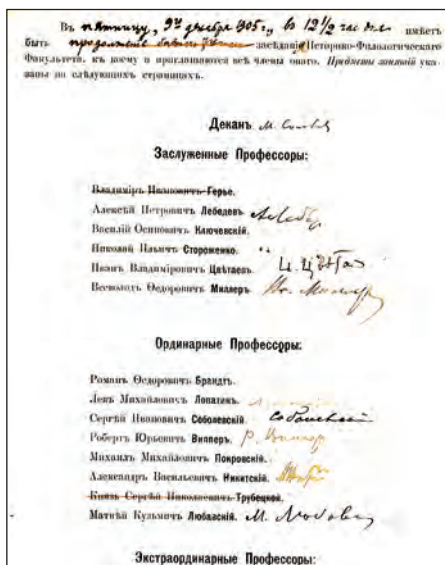
Ил. 1. Профессор Императорского
Московского университета
М.И. Соколов. 1890-е гг.

Ил. 2. Елизавета
Павловна Соколова
со своими детьми.
Слева направо:
Татьяна, Ирина,
Наталья, Арсений,
Юрий, Борис,
Василий. 1910 г.

Ил. 3. Группа профессоров, приват-доцентов и магистрантов филологического отделения Московского университета. В центре, сложивший пальцы в замок – М.И. Соколов, справа от него – Р.Ф. Брандт. В заднем ряду: 3-й слева – А.С. Орлов, 4-й – П.Н. Сакулин

Ил. 4. Ведомость профессуры историко-филологического факультета Московского университета с автографами ведущих профессоров. 1905 г.

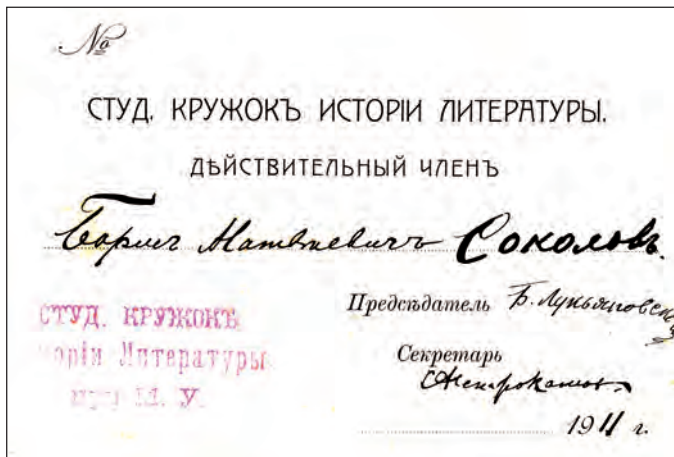
Ил. 5. Издание, посвященное 10-летию Славянской комиссии с обзором научных трудов ее председателя профессора М.И. Соколова (М., 1902)

Ил. 6. Ирина Соколова по окончании гимназии. 1913 г.

Ил. 7. Братья-близнецы Борис и Юрий Соколовы. На обороте фотографии надпись, сделанная Борисом: «Собственная карточка. Снимались в апреле 1903 г.»

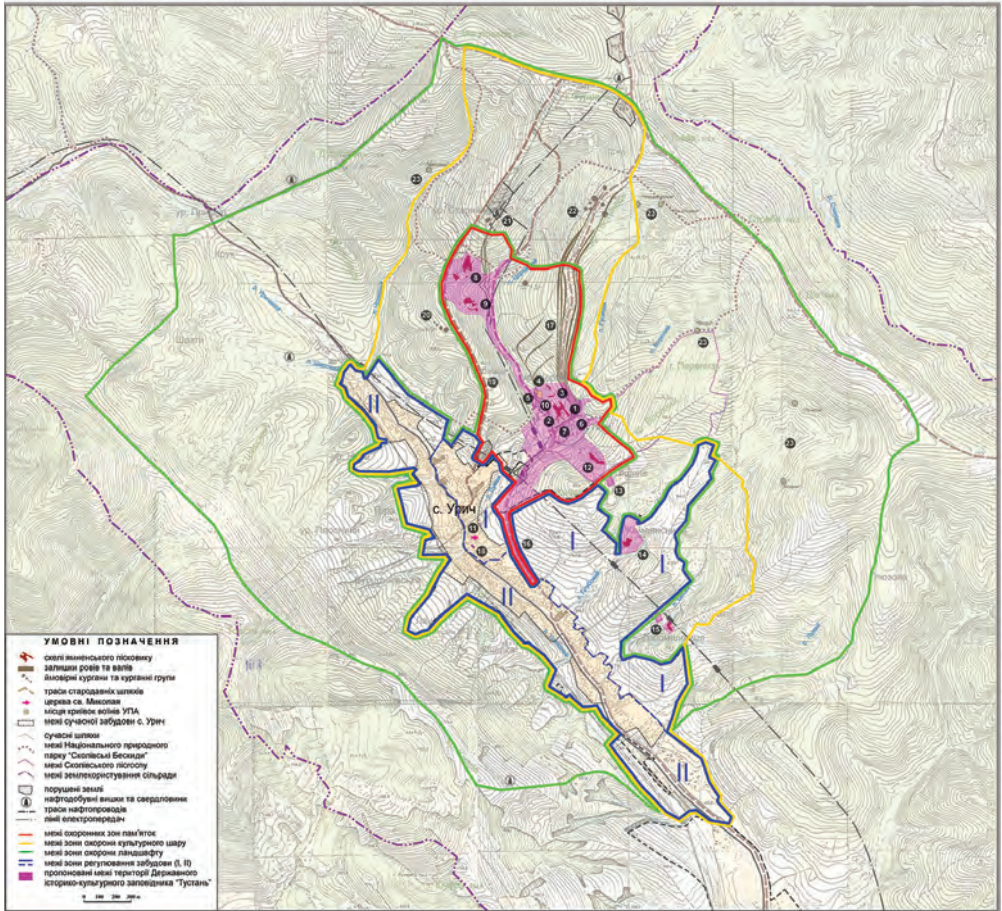

Ил. 8. Билет члена университетского литературного кружка Бориса Соколова. Секретарем значится Сергей Ненарокомов, студент того же факультета. 1911 г.

Ил. 9. Братья готовятся дома к первой своей экспедиции. Слева направо: Арсений и Борис Соколовы, Сергей Ненарокомов (ближайший друг братьев-близнецов, женившийся на их сестре Ирине), Юрий Соколов. 1908 г.

Иллюстрации к статье Л.В. Пархуця, А.Б. Котлярчука

Ил. 1. Схема території і охоронних зон Государственного историко-культурного заповідника «Тустань»

Ил. 2. Храм Св. Николая до реставрации (слева) и после

Ил. 3. Ход реставрационных работ

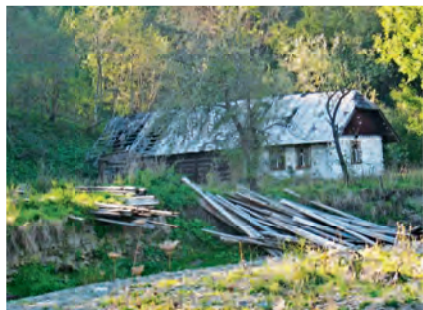
Ил. 4. Дом в Глубоком до реставрации (слева) и после

Ил. 5. Реставрационные работы

Ил. 6.
Традиционный
агрландшафт,
который
сформировался
в XVI–XVII вв.

Ил. 7. Состояние покинутых домов

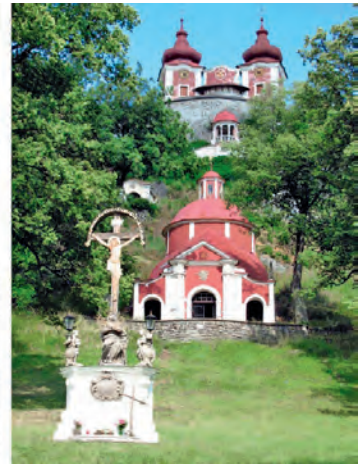

Ил. 8. Новостройки Урыча, изменяющие культурный ландшафт

Иллюстрации к статье А. Тоша

Ил. 1. Культурный ландшафт – продукт традиционной и современной деятельности человека и практик землепользования. Спишский Град, Словакия.
Фото А. Тоша, 2011 г.

Ил. 2. Объекты религиозного поклонения, обогащающие духовную самоидентичность и раскрывающие ценность культурного ландшафта. Банска-Шт'явница, Словакия. Фото А. Тоша, 2014 г.

Ил. 3. Исторический центр небольшого торгового города Тврдошовце, Словакия. Фото А. Тоша, 2014 г.

Ил. 4. Вид со стороны ландшафтных угодий на город, где маркером исторического центра является церковь. Тврдошовце, Словакия. Фото А. Тоша, 2014 г.

Ил. 5. Ландшафтный сад перед образцом архитектуры эпохи классицизма – усадьбой графской семьи Каройи в Полариково, Словакия. Фото А. Тоша, 2016 г.

Ил. 6. Водонапорная башня XIX в. Палариково, Словакия. Фото А. Тоша, 2016 г.

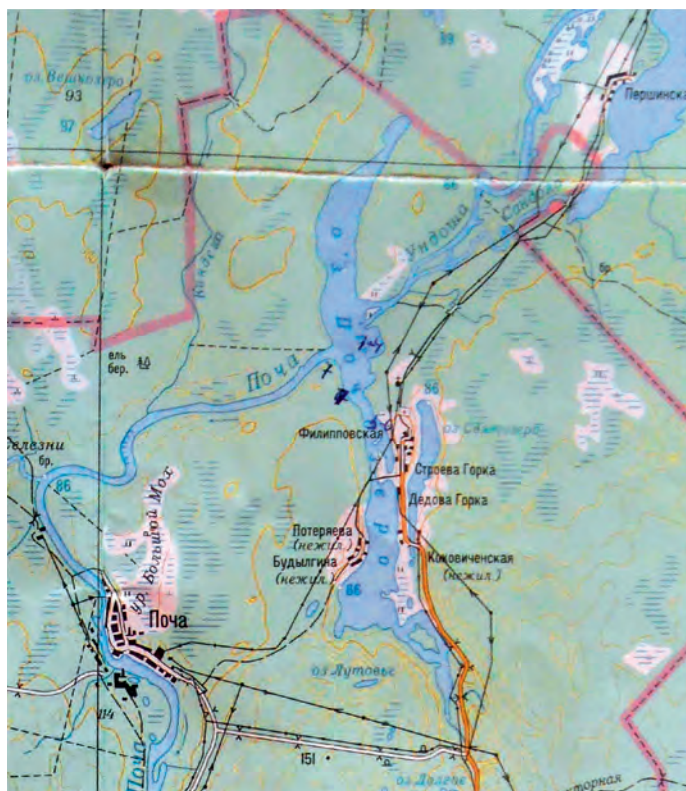

Ил. 7.
Деревенский
дом на юго-
западе страны.
Тврдошовце,
Словакия.
Фото А. Тоша,
2014 г.

Ил. 8. Кластерное
расположение
деревенских
домов
на севере страны.
Влколинец,
Словакия.
Фото А. Тоша,
2008 г.

Иллюстрации к статье С.В. Третьякова, С.В. Коптева,
В.В. Морозова, Н.С. Новиковой

Ил. 1. Фрагмент карты с населенными пунктами Почезерского культурно-ландшафтного комплекса

Ил. 2. Вид на д. Филипповскую с Почозера

Иллюстрации к статье Я.Э. Харитоновой

Ил. 1. Улица в д. Филипповской. Фото А.В. Ополовникова, 1946 г.
Из фондов ГНИМА им. А.В. Щусева

Ил. 2. Левый клирос в церкви
Происхождения Честных Древ Креста
Господня Почезерского погоста.
Фото Е.И. Фокина, 1972 г.
Из фондов Государственного
музейного объединения
«Художественная культура Русского
Севера»

Ил. 3. Ограда кладбища
в д. Филипповской.
Фото Е.И. Фокина, 1972 г.
Из фондов Государственного
музейного объединения
«Художественная культура
Русского Севера»

Ил. 4. Анна Ефимовна Патракеева
(1933–2005) – хранитель Почезерского
храмового комплекса в 1992–1998 гг.
Начало 2000-х гг.
Из Электронного архива Кенозерского
национального парка

Ил. 5. Николай Васильевич Попов
(1932–2004) – хранитель Почезерского
погоста в 2000–2004 гг. Начало 2000-х гг.
Из Электронного архива Кенозерского
национального парка

*Ил. 6. Реставрация храмового комплекса Почезерского погоста.
Фото К. Кокошкина, 2008 г.*

*Ил. 7. Норвежские
специалисты-
реставраторы.
2002 г. Из Научного
архива Кенозерского
национального парка*

Ил. 8. Марфа Дмитриевна Богданова
(д. Дедова Горка). Фото А.Н. Фурсова, 1993 г.

Ил. 9. Николай Григорьевич Велеславов с внучкой Маргаритой Валерьевной
Велеславовой. 1960-е гг. Из личного архива Р.Н. Велеславова

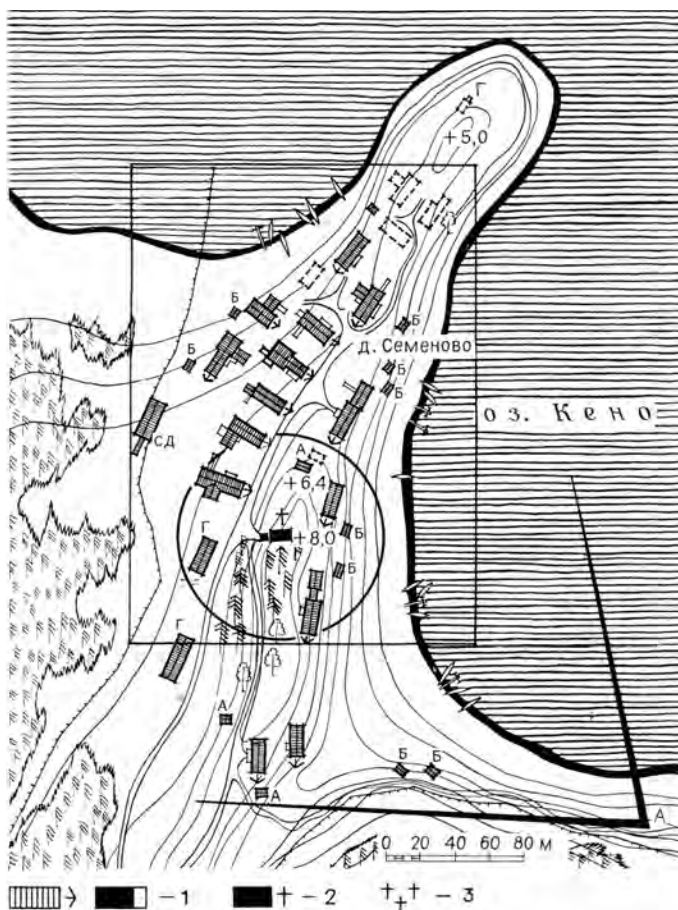
Ил. 10. Родственники священника
Василия Любимского:
сестра Раиса Лазаревская (справа) и сестра
Мария Даманская с детьми и мужем –
диаконом Алексеем Даманским. 1908 г.
Из личного архива Г.Ф. Новожиловой

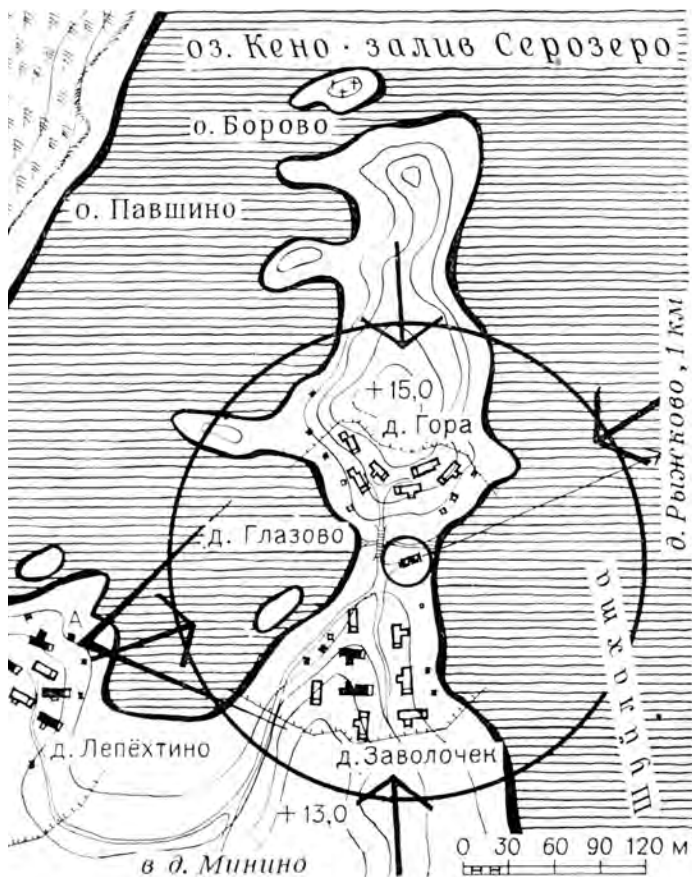

Ил. 11. Часовня в честь иконы Казанской Пресвятой Богородицы в д. Коковиченской.
1950-е гг. Из личного архива Л.В. Красковой

Иллюстрации к статье И.Н. Шургина

Ил. 1. План и панорама
д. Семеново с юго-
востока. Реконструкция
Ю.С. Ушакова
(Ушаков Ю.С. Ансамбль
в народном зодчестве
Русского Севера. Л., 1982.
С. 29)

Ил. 2а. План д. Глазово.
 Реконструкция
 Ю.С. Ушакова (Там же.
 С. 52)

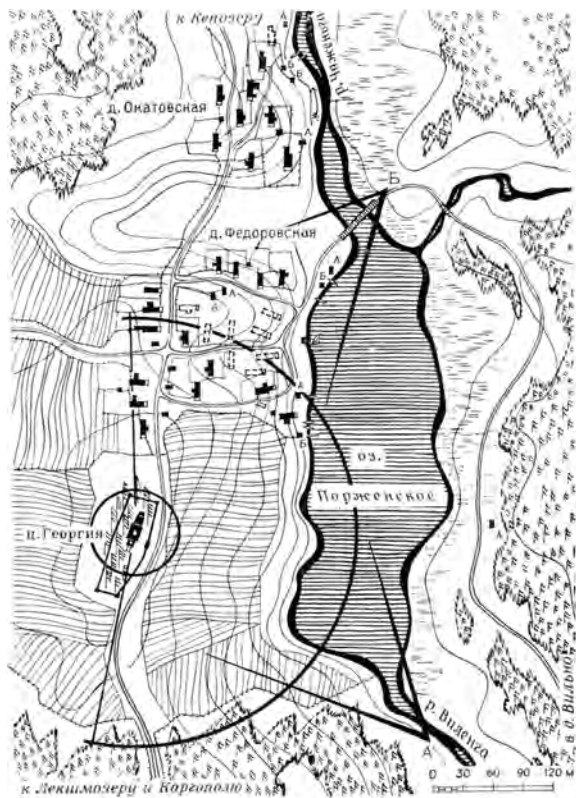
Ил. 2б. Панорама д. Глазово. Реконструкция Ю.С. Ушакова (Там же. С. 52)

Ил. 3а. План д. Зехнова и Спицина. Реконструкция Ю.С. Ушакова (Там же. С. 33)

Ил. 3б. Панорама от д. Зехнова. Реконструкция Ю.С. Ушакова (Там же. С. 33)

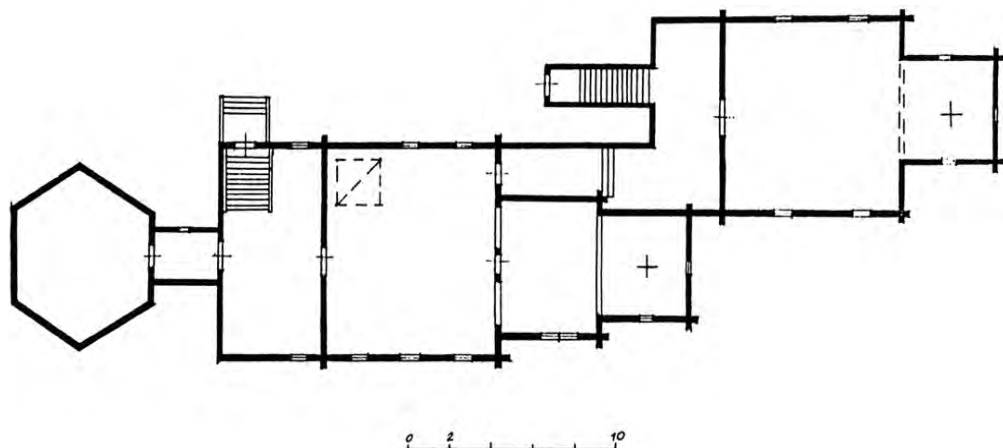
*Ил. 4. План с. Порженского.
Реконструкция Ю.С. Ушакова
(Там же. С. 68–69)*

*Ил. 5. Общий вид церковного ансамбля Порженского погоста с северо-запада.
Фото Е. Мазилова, 2016 г.*

Ил. 6. Церковь Георгия Победоносца на Порженском погосте.
Фото Е. Мазилова, 2016 г.

Ил. 7а. Схематический план архитектурного комплекса Почезерского погоста
(Уткин Н.Н. Теплые церкви Архангельского Севера (предварительный обзор) //
Памятники архитектуры Русского Севера. Архангельск, 1998. С. 103)

Ил. 7б. Общий вид Почезерского погоста. Фото И. Шургина, 2009 г.

Ил. 8. Ограда кладбища д. Филипповской. Фото И. Шургина, 2009 г.

Ил. 9. Поклонный крест на опушке
священной рощи в д. Тамбич-Лахте.
Фото И. Шургина, 1976 г.

Ил. 10. Часовня во имя Афанасия
Архиепископа Александрийского и кресты
в д. Тарасова. Фото И. Шургина, 1976 г.

Ил. 11. Часовня с крестом у дороги
в д. Тырнаволок. Фото И. Шургина, 1976 г.

Ил. 12. Крест на восточной стене часовни с крестом у дороги в д. Тырnavолок.
Фото И. Шургина, 1976 г.

Ил. 13. Часовня во имя Рождества Пресвятыe Богородицы в д. Тамбич-Лахте.
Фото И. Шургина, 1976 г.

Ил. 14. Никольская часовня в д. Вершинино.
Фото И. Шургина, 2009 г.

Ил. 15. Часовня («Успенская») в д. Тырышкина.
Фото И. Шургина, 2003 г.

Ил. 16. Часовня во имя Дмитрия Солунского в д. Городское. Из Научного архива Кенозерского национального парка

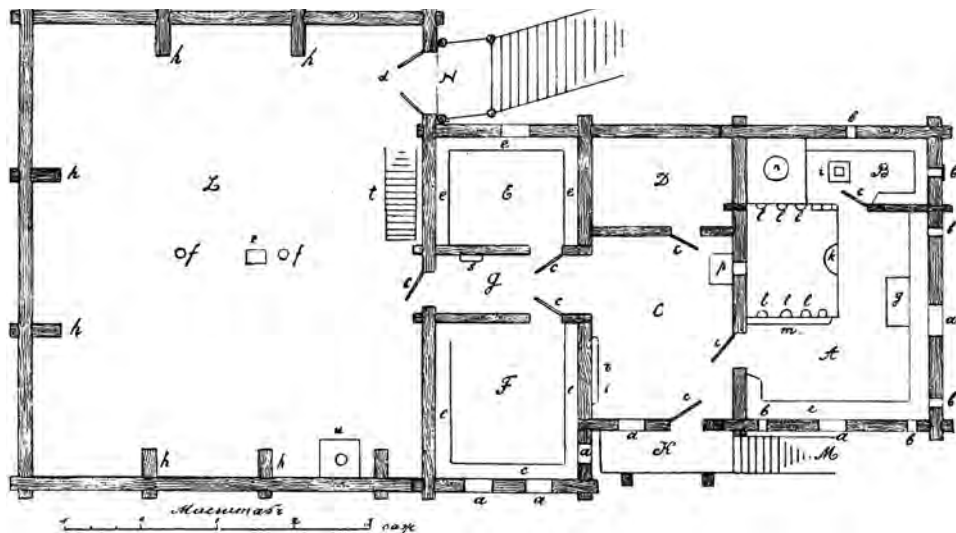
Ил. 17. Часовня во имя Иоанна Богослова в д. Зехнова.
Фото И. Шургина, 2003 г.

Ил. 18. Часовня во имя Сошествия Святого Духа в д. Глазово.
Фото А. Никитина, 2014 г.

Ил. 19. Намогильный сруб на кладбище в д. Корельское. Фото И. Шургина, 1976 г.

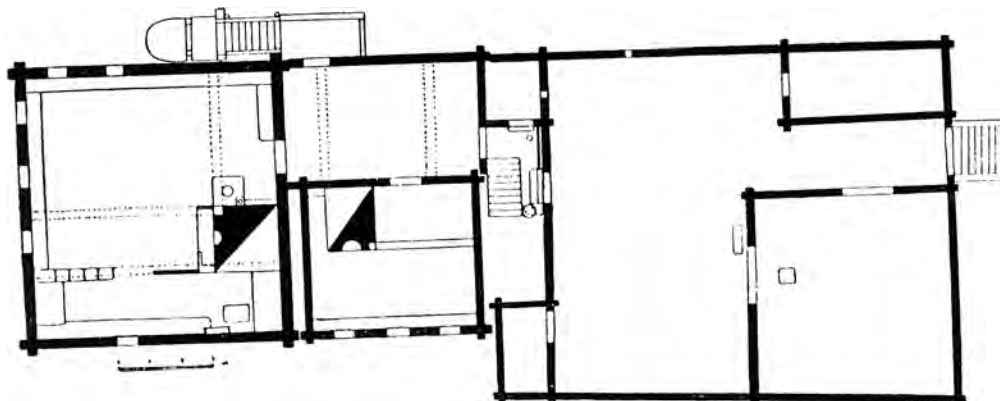
Ил. 20а. План «Избы семи государей» в с. Верховье Онежского уезда на уровне окон (Костиков Л. Изба семи государей // Материалы по этнографии России. СПб., 1914. Т. II. С. 1–3)

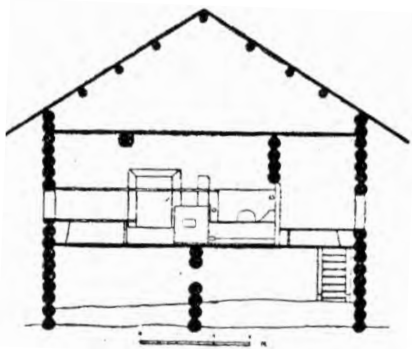
Ил. 20б. Фасад «Избы семи государей» (Там же)

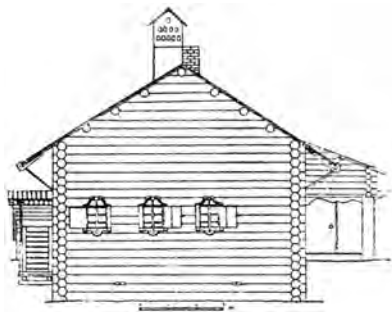
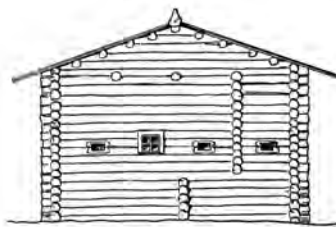
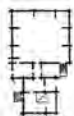
Ил. 20в. Передний (торцовый) фасад «Избы семи государей» (Там же)

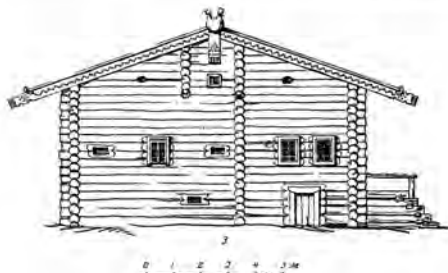
Ил. 21а. План дома Баженова в д. Вершинино на уровне окон (Ильин М.А. Крестьянская изба Кенозера // Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук [РАНИОН]. Институт археологии и искусствоведения. Труды секции археологии. М., 1929. Вып. IV. С. 241–256)

Ил. 21б. Поперечный разрез дома Баженова (Там же)

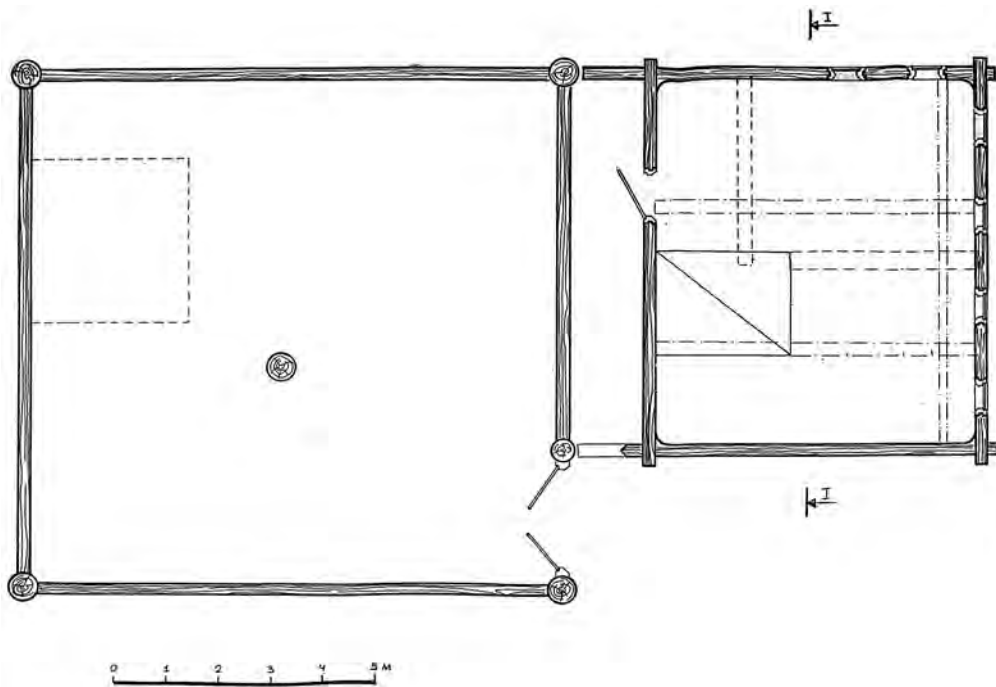
Ил. 21в. Передний фасад дома Баженова (Там же)

Ил. 22. Схема развития пятистенной избы (Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962. С. 89)

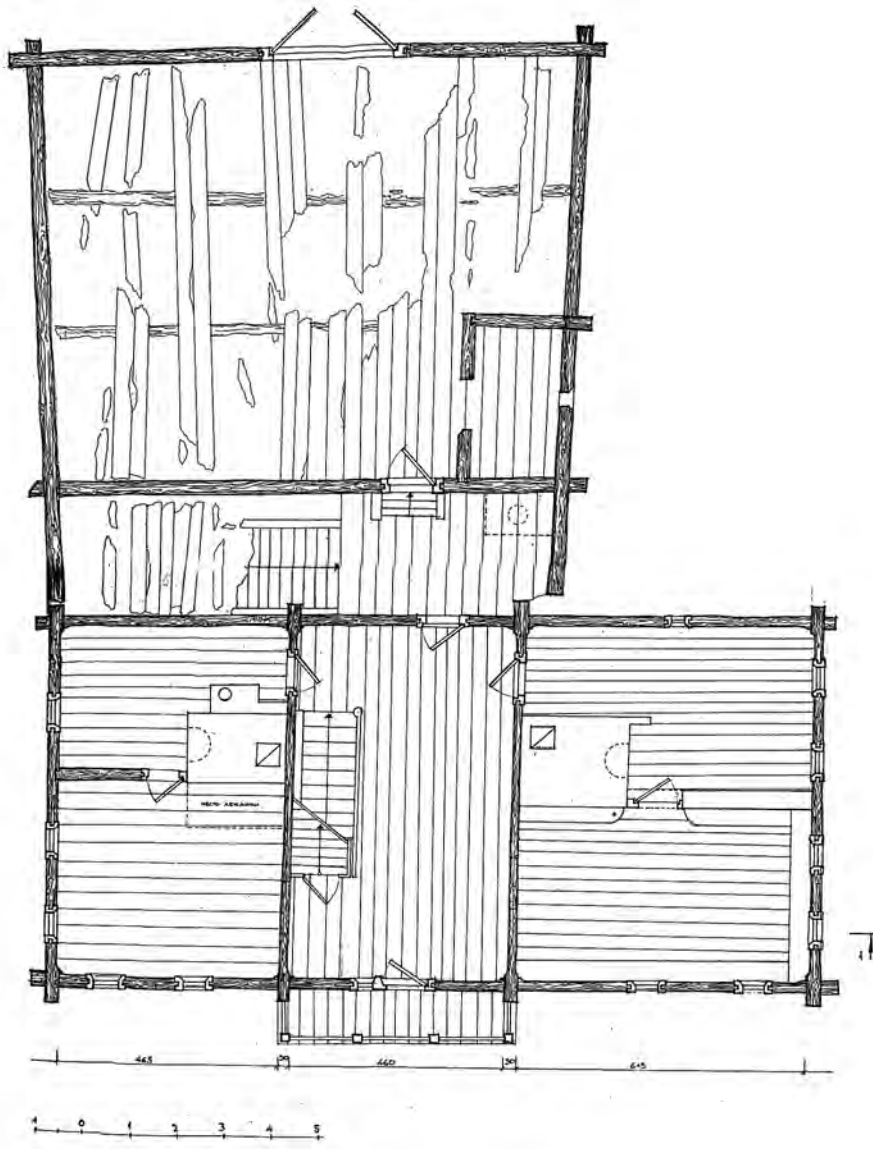
Ил. 23а. Передний фасад дома с курной избой В.А. Сидорова в д. Майлахте.
Фото М. Мильчика, 2003 г. (Мильчик М.И., Шевелева Е.В. Краткий каталог расписных домов Каргопольского, Плесецкого и Няндомского районов Архангельской области // Научный архив Кенозерского национального парка. Ф. 1. Оп. 2. Д. 186)

Ил. 23б. План дома В.А. Сидорова на уровне окон (Там же)

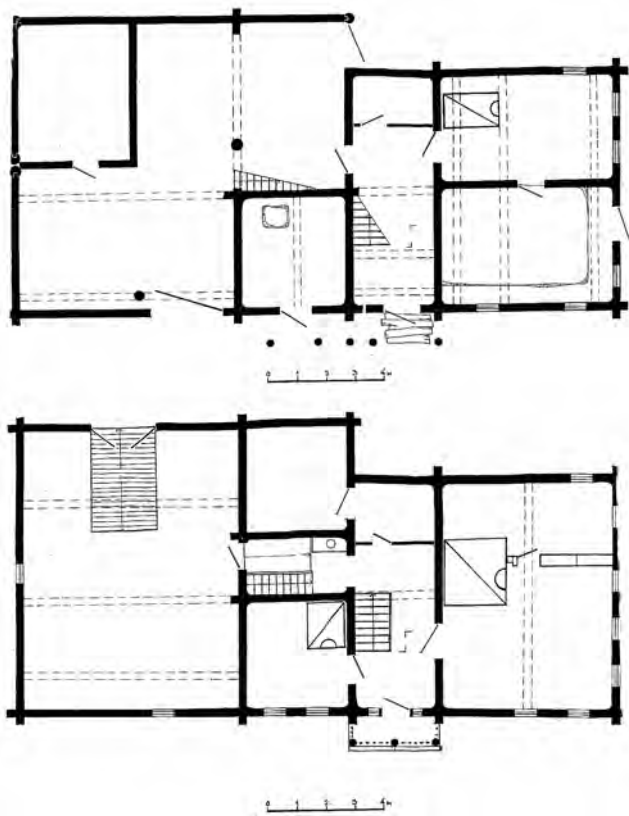
Ил. 24а. Общий вид дома Вахрамеевых в д. Карпова. Фото И. Шургина, 2009 г.

Ил. 246. План дома Вахрамеевых на уровне окон.
Из Научного архива Кенозерского национального парка

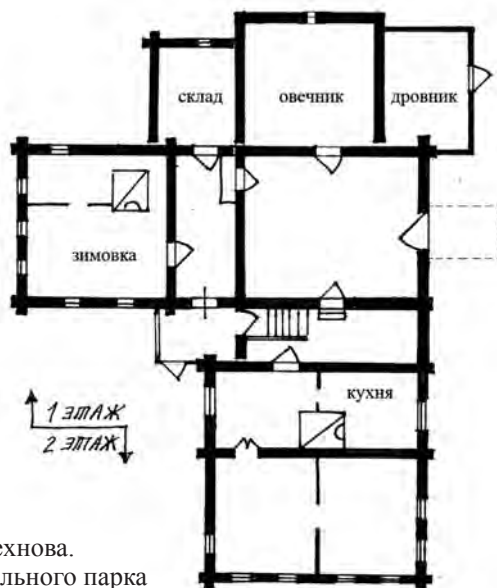
Ил. 25а. Передний фасад дома
А.В. Дмитриева
в д. Першлахте.
Фото М. Мильчика, 2003 г.
(Мильчик М.И., Шевелева Е.В.
Указ. соч.)

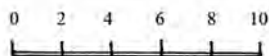
Ил. 25б. Планы первого
и второго этажей дома
А.В. Дмитриева.
Из Научного архива
Кенозерского национального
парка

Ил. 26а. Общий вид дома Болознева в д. Зехнова. Из Научного архива Кенозерского национального парка

Ил. 26б. План дома Болознева в д. Зехнова. Из Научного архива Кенозерского национального парка

Ил. 27. Передний фасад дома с параллельной связью жилой части в д. Нямяте (Гунн Г.П. Каргопольский озерный край. М., 1984. С. 108–109)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шатковская Е.Ф.</i> Кенозерский национальный парк: спасти, сохранить, показать, вовлечь, передать	3
<i>Сохранение традиционной архитектуры и исторической застройки: правовые аспекты и современные решения</i>	15
<i>Агафонова И.С.</i> Культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр и село Владимирское». Предмет охраны достопримечательного места и градостроительный регламент	16
<i>Гудима Т.М.</i> Деревянный дом как место жительства души	26
<i>Гудима Т.М.</i> Духовные основания жизни русской деревни	32
<i>Власова М.Н.</i> Деревянная архитектура Терского берега Белого моря в социально-бытовом и фольклорном контекстах	39
<i>Джулиано Р.</i> Амборнетти – проект автономной деревни в высокогорье Монвизо (Италия) с постройками из местной древесины	52
<i>Докучаева О.В.</i> Деревянные постройки пейзажного парка «Царицыно» и проблема их воссоздания	56
<i>Лаптева Г.Я.</i> Деревянное зодчество Русского Севера: из прошлого в будущее	63
<i>Севан О.Г.</i> Исследования сельских поселений с целью сохранения и развития (на примере Кенозерского национального парка).....	69
<i>Иняев А.А.</i> Культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр и село Владимирское». Сельское историческое поселение. Принципы градостроительного и архитектурного проектирования и опыт реализации	82
<i>Калитин В.А.</i> Нормальные и детальные чертежи проектов сельских церквей И.И. Свиязева и образцовые проекты иконостасов к ним А.И. Резанова, составленные в Министерстве государственных имуществ в 1857–1861 годах и использованные при проектировании Кенозерской Успенской церкви И.Ф. Яровицким в 1867 году	86
<i>Карпова В.П., Коромыслов Е.В.</i> Особенности формулирования «Правил землепользования и застройки сельских поселений», расположенных на территории национального парка «Угра»	124
<i>Актуальные вопросы управления объектами природного и культурного наследия: изучение, сохранение и презентация</i>	129
<i>Анциферова А.И.</i> Традиции бытовой росписи и резьбы (на материале музейных коллекций Кенозерского национального парка)	130
<i>Белова С.Ю.</i> «Территории вдохновения»: Новая концепция развития сельских территорий.....	139
<i>Веденин Ю.А., Ведерникова Н.М., Колбовский Е.Ю., Кулешова М.Е., Максаковский Н.В.</i> Методика составления номинационного досье культурного ландшафта на примере «Заповеданного Кенозерья», заявленного от России в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО	145

<i>Гроза А.Б.</i> Развитие музея-заповедника «Град Китеж» как социокультурного центра сельского поселения.....	156
<i>Дровнина С.И., Махнович Н.М.</i> Особенности популяций <i>Surgipedium calceolus</i> (Orchidaceae) в Кенозерском национальном парке	168
<i>Ежов О.Н.</i> Видовое разнообразие афиллофоровых грибов на территории Кенозерского национального парка	173
<i>Ермолин Б.В.</i> Изменения природы в районе Кенозерья за 13 тысяч лет.....	185
<i>Жданова Л.Л.</i> Опыт и перспективы развития национального парка «Угра» на примере проекта «Восстанавливаем леса – возвращаем зубров»	189
<i>Иванова А.А.</i> Сакральное место как исследовательская категория (по полевым материалам северно-русского и волго-вятского регионов)	192
<i>Илгунова Е.А.</i> Мир жителя Кенозерья (по материалам, записанным от сестер Трухиных, уроженок деревни Глазово Плесецкого района Архангельской области) ..	205
<i>Калуцков В.Н.</i> О природном и топонимическом наследии Кенозерья	210
<i>Куликова В.В., Куликов В.С.</i> Геологические достопримечательности и культурное наследие геологической Кенозерской кольцевой «космической» структуры	215
<i>Логинов К.К.</i> Звон в крестьянской народной культуре Русского Севера.....	225
<i>Мелютин М.Н.</i> Дом Л.И. Федотовой для «заветных» в монастырском ландшафте Лекшмозерья: история владения и архитектурная биография.....	233
<i>Михельсон А., Нордерхауг А., Сикель Х.</i> Присущи ли Кенозерскому национальному парку признаки «терруара»?.....	243
<i>Мосеев Д.С.</i> Характеристика водной флоры озера Почозеро в Кенозерском национальном парке.....	249
<i>Наумов Ю.М.</i> К вопросу о народном судостроении и судоходстве на территории Кенозерского национального парка	255
<i>Ненарокомова И.С.</i> Об истоках выбора профессии: К биографии фольклористов и этнографов Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых	269
<i>Пархуць Л.В., Котлярчук А.Б.</i> Опыт сохранения и использования культурного наследия Государственного историко-культурного заповедника «Густань».....	289
<i>Поташ А.</i> Роль национальных парков Словакии в охране культурного ландшафта	295
<i>Тош А.</i> Культурно-историческое наследие сельского ландшафта Словакии	298
<i>Третьяков С.В., Коптев С.В., Морозов В.В., Новикова Н.С.</i> Сохранение и устойчивое управление культурными ландшафтами Почезерского культурно-ландшафтного комплекса Плесецкого сектора Кенозерского национального парка	303
<i>Харитонова Я.Э.</i> Визуализация истории Почезерского погоста: фотоматериалы и документы	313
<i>Шургин И.Н.</i> Деревянная архитектура в культурном ландшафте Кенозерья.....	322
Сведения об авторах	344
Иллюстрации.....	347

Научное издание

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2016
**«Деревянная архитектура в культурном ландшафте:
вызовы современности»**

*Сборник материалов
VIII Международной научно-практической конференции*

Составитель **Мелютин** Марина Николаевна

Редактор *И.М. Кудрявина*
Верстка *О.Е. Болдыревой*
Дизайн обложки *А.В. Мартыновой*

Подписано в печать 01.12.2017. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 28,75. Тираж 300 экз. Заказ № 607.

Типография ООО «Партнер НП»
164500, г. Северодвинск, пр. Беломорский, 48
тел. (8184) 55-08-48